

Ермей Айпин

Собрание сочинений
в пяти томах

Еремей Айпин

Собрание сочинений
в пяти томах

Редакционная коллегия:

В. В. Огрызко – литературовед, критик,
О. П. Пламадилова – литературный редактор,
Е. В. Косинцева – доктор филологических наук,
В. Л. Сязи – кандидат филологических наук,
М. Е. Айпина – редактор,
О. Е. Салтанова – редактор.

Ханты-Мансийск
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «НОВОСТИ ЮГРЫ»
2020

Еремей Айпин

Собрание сочинений
в пяти томах

Том 3

**«ХАНТЫ, ИЛИ ЗВЕЗДА
УТРЕННЕЙ ЗАРИ»**

РОМАН

Ханты-Мансийск
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «НОВОСТИ ЮГРЫ»
2020

УДК 82-3
ББК 84 (2=665.1) 6
А 37

*Комментарий В. Огрызко
Художник Г. Райшев*

В третьем томе Собрания сочинений угорского писателя и общественного деятеля Еремея Айпина представлен роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари».

Эпопея в образе звезды, за концы которой еще цепляется надежда...

*Доминик Самсон Норман де Шамбур,
литературовед, Сорбонна, Институт восточных
языков и цивилизаций, Париж*

В таланте Еремея Айпина никто не усомнится, прочитав полные красоты, веры в человека и презрения к злодейству страницы этого замечательного произведения...

*Роберт Штильмарк,
писатель, автор романа «Наследник из Калькутты», Москва*

The third volume of the Collected Works of the Ugric writer and public figure Eremey Aipin presents the novel “Khanty, or the Star of the Morning Dawn”.

An epic in the form of a star, at the ends of which hope still clings...

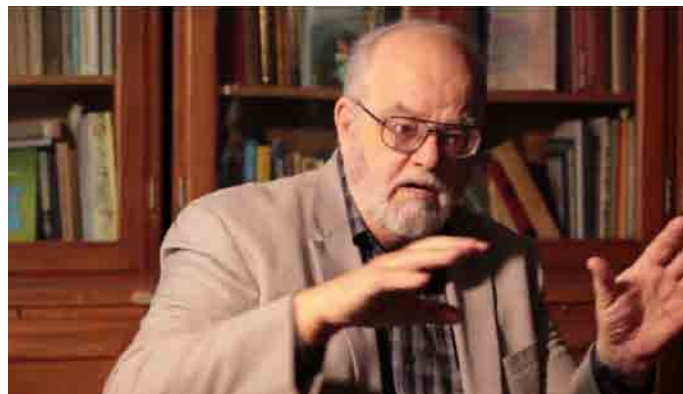
*Dominique S. N. de Chambour,
literary critic, Sorbonne,
Institute of Oriental Languages and Civilizations, Paris*

Nobody will doubt the talent of Eremey Aypin, having read the pages of this wonderful work full of beauty, faith in man, and contempt for villainy...

*Robert Shtilmark,
writer, author of the novel “The Heir from Calcutta”, Moscow*

© Айпин Е. Д, сост., 2020
© Райшев Г. С., иллюстрации, 2020
© Издательский дом «Новости Югры», оформление, 2020

ISBN (т. 3) 978-5-6045403-4-3
ISBN 978-5-6045403-1-2

One of the world's leading indigenous writers, Yereimei Aipin is an acknowledged master of many literary genres – the novel, the short story, the lyric poem, the personal essay. Hugely productive, he brings to everything he writes a sureness born from the fullness of personal experience, from a love of language and an eye for imagery, and from tremendous compassion for those of whom he writes. Never is this more true than when his writing touches his own Siberian tribe, the Khanty, and the rivers and forests of Yugra, the Siberian taiga that is their home and his. Aipin's writing gives voice not only to the Khanty but to all who struggle to carry forward into a grey and unknown future those traditional values on which they have staked their lives. In reading him, we taste their courage, even as they stumble. Stumbling with them, with them we also regain our footing. And in the end, we come away renewed.

Andrew Wiget

Один из ведущих коренных писателей мира Еремей Айпин является признанным мастером многих литературных жанров, таких как романы, новеллы, лирические стихотворения и эссе. Невероятно плодотворный, он вносит во все, что пишет, уверенность, порожденную полнотой своего личного опыта, любовью к языку и умением видеть образы, а также огромным состраданием к тем, о ком пишет. Нет ничего более правдивого, чем то, о чем он пишет: о своем сибирском роде, о хантах, о реках и лесах Югры, о сибирской тайге, которые являются родными как для него самого, так и для этого народа. Произведения Айпина наделяют голосом не только хантов, но и всех, кто сталкивается с препятствиями, продвигаясь в мрачное и неизведанное будущее, тех, кто рискует своей жизнью ради традиционных ценностей. Читая его произведения, мы ощущаем вкус мужества его героев, даже если они ошибались. Ошибаясь с ними, затем мы вновь приобретаем опору. И в конечном итоге мы уходим возрожденными.

*Эндрю Вигет,
профессор, доктор наук,
директор Центра наследия
Государственного университета Нью-Мексико,
Штат Нью-Мексико, США*

Еремей Айпин

ХАНТЫ, ИЛИ ЗВЕЗДА УТРЕННЕЙ ЗАРИ

Человек не для того создан, чтобы терпеть поражения.
Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

Эрнест Хемингуэй

Когда русские казаки впервые столкнулись с остяками, они имели национальную организацию, жили в острогах (укрепленных городах) и оказали упорное сопротивление завоевателям, уничтожившим, по словам летописи, до 40 остяцких городов. Теперь это явственно вымирающее племя, непредприимчивое, бедное, эксплуатируемое русскими и зырянами, захватывающими остяцкие земли, водворившими среди остяков сильное пьянство, сифилис и другие отрицательные продукты торговых отношений... Языком остяков, условиями их быта и антропологическим типом занимался целый ряд первоклассных ученых.

*«Большая Энциклопедия», т. 14
Санкт-Петербург, 1904, с. 541*

Ханты (устар. назв. — остяки), народ в Ханты-Мансийском (11,2 т. ч.) и Ямало-Ненецком (6,5 т. ч.) авт. окр., всего в СССР — 21 т. ч. (1979). Язык хантыйский относится к обско-угорской подгруппе финно-угорской группы языков. Письменность на основе русского алфавита.

*«Советский энциклопедический словарь»
Москва, 1982, с. 1436*

И настало утро отъезда Вверх.

Человек, медленно повернувшись по солнцу и окинув долгим взглядом землю, на которой он родился и жил до сего дня, тронул поводок. И вожак сделал первый шаг, и шаг этот был в небо, и караван, ведомый им, неспешно, по наклонной, словно в гору, стал подниматься Вверх. И лайка направила за хозяином стадо оленей, и оно тоже двинулось Вверх по невидимому в лучах утреннего солнца следу.

Человек поехал Вверх, поехал в небо. Поехал вместе с двумя сыновьями и женой.

И жители земли ровно семь дней наблюдали, как они ехали Вверх по небу. Как вечером распрягали оленей, ставили чум, и вскоре показывались струйки легкого дыма из макодана¹. Как утром путники выходили на улицу и оленегонная лайка кружила возле хозяина стадо, и тот накидывал аркан на рога вожака. Как они вновь пускались в путь и останавливались через долготу одного оленя на короткий привал. Как вечером снова устраивались на ночлег, а утром ехали

¹ Макодан — дымовое отверстие чума.

дальше, в неведомую небесную высь. Жители земли видели, как с каждым днем, удаляясь и уменьшаясь, люди поднимались все выше и выше. И на седьмой день наконец скрылись из виду. Быть может, они достигли тех мест, куда ехали. А вернее всего, они вышли из пределов досягаемости человеческого зрения.

Так состоялось Вознесение Человека.

А древние старцы рассказывают, что спустя несколько лет после Вознесения жители земли собрались на большой праздник на Священном Холме. И в самом начале праздника приехали повзрослевшие сыновья Вверх Ушедшего Человека. Они остановились над верхушками деревьев. И земляки позвали их:

«К нам на землю идите!»

«На землю нам нельзя спускаться, — ответили братья. — Если на землю мы спустимся, то больше не сможем Вверх подняться».

И пояснили, что на земле и у самой земли — ниже верхушек деревьев — слишком много нечистого. Оно очень хорошо видно, сверху лучше, чем снизу. Оболочка земли напоминает туманное или пыльное облако — земля окутана облаком нечистым, о котором живущие внизу не подозревают. И если человек, ушедший Вверх, хоть однажды окунется в это облако, то во второй раз ему уже не суждено подняться в небо.

Жители земли поняли это — видно, все-таки подозревали о нечистой оболочке земли, — не стали уговаривать двух небесных пришельцев. А братья охотно разговаривали с сородичами, рассказывали о житебытье Наверху и исполняли все обряды на Священном Холме: кланялись всем добрым богам и богиням Неба и Земли, приглашенным на большой праздник. Они сообщили, что отец и мать здоровы и всем жителям и родной земле послали слово «Здравствуй!», что

все хозяйство в исправности, что живут так, как и подобает жить человеку в Верхнем мире.

После праздника сыновья Вверх Ушедшего Человека попрощались с сородичами, сели на свои нарты и уплыли в заоблачный мир.

С тех пор от них вестей не было, и сами они не показывались. Но память осталась — заросшая травой-мхом лиственничная нарта Вверх Ушедшего Человека, которая в день отъезда до середины врезалась в мерзлую землю. Накануне он сказал жене, чтобы все, без чего можно обойтись, она раздала близким и дальним родственникам и людям, остающимся на земле. Чтобы она не брала с собой ничего лишнего и нечистого. Но женщина не послушалась. Ничего она людям не оставила, а сложила все те вещи, о которых говорил ей муж, на последнюю нарту каравана. Когда пришло время отъезда, она тронула своего жоака. И упряжка понесла ее Вверх по готовому следу мужа, незаметному постороннему глазу в морозном воздухе раннего утра. Олени подняли первую нарту ее аргиша, подняли вторую, подняли третью... Они свободно катились по прозрачной равнине неба, словно по легкой пороше. Но вдруг все нарты резко дернулись — женщина оглянулась. Последняя нарта, в которую были впряжены два крепких быка, не могла оторваться от земли. Рванулись быки. Натянулись их поводки от передней нарты — и теперь их подтягивал весь караван. Они еще раз рванулись изо всех сил — и наконец оторвали нарту от снега. Изогнув мощные спины, быки делали отчаянные прыжки. Медленно, тяжело, но они все же поднимали нарту в небо. Скачок. Еще один скачок — и лопнули постромки-ремни. И нарта с небесной высоты врезалась в мерзлую землю. Врезалась и до середины ушла в окаменевший песок бора.

Небо не могло принять нарту с лишними и нечистыми вещами.

И люди ушли в небо без последней в аргише нарты.

С того дня немало дождей-ветров прошло по земле, но до сего дня, сказывают люди, сохранился замшелый остов той нарты. Она была сделана из самого прочного и долговечного дерева таежной земли — лиственницы. Поэтому и время оказалось бессильным — не так-то просто превратить в труху, в древесную пыль лиственничную нарту, что осталась в назидание потомкам: чтобы не брали в дальний путь ничего лишнего и нечистого, чтобы все дела и помыслы в дороге, называемой жизнью, были бескорыстными и чистыми, чтобы следующим поколениям проложили ничем не запятанный след...

Разве не в этом смысл земной жизни? Разве не в этом истина истин земли и человеческого рода?.. И чтобы постичь эту истину, разве непременно нужно увидеть лиственничную нарту Вверх Ушедшего Человека на землях великой — Божьей Реки? Разве для этого обязательно надо ехать туда, за тридевять земель, в глазом не виданные, слухом не слыханные края?..

А Божья Река, как и многие столетия назад, все несет свои воды Северному Океану. Несет степенно, неторопливо, как и подобает Великой Реке, Главной Реке, Божьей Реке. Но жители тактично решили, что не следует так часто произносить священное имя Верховного бога — Нум Торыма, — поэтому Реку стали называть просто Большой Рекой. Только мудрые старцы, очевидно, постигшие Истину Истин, ведя речь об этих краях, иногда уверенно скажут: Божья Река.

Так и пошло — Большая Река. Но когда говорили «Большая Река», у каждого в глубине сознания возникал образ Божьей, Священной Реки — на то Река и по-

лучила свое высокое имя от самого Верховного Бога, чтобы люди помнили об этом.

С этой Реки и был родом Вверх Ушедший Человек.

* * *

С того времени, когда я впервые услышал от своих сородичей этот рассказ и отчетливо увидел отъезжающего Вверх Человека, у меня появилось неодолимое желание посмотреть ту лиственничную нарту. И я торопил время, чтобы побыстрее вырасти, чтобы съездить на Божью Реку и непременно разыскать то место, будь оно хоть на краю света. Правда, по словам отца, Река была совсем недалеко от наших мест. Но когда я повзрослел, какие-то неотложные житейские заботы заставляли откладывать на потом эту поездку. А после и старцы, точно знавшие место нахождения лиственничной нарты, оставили этот мир...

Прошли десятилетия.

Но до сего дня живо во мне желание детства — увидеть лиственничную нарту Вверх Ушедшего Человека. Ведь лиственница — это вечное дерево Севера — за такой срок не могла превратиться в труху.

Я уверен, если поблизости не заложили новый город, не поставили буровую, не построили железную дорогу или нефтепровод, эта лиственничная нарта, наполовину врезавшаяся в землю, с поднятыми в небо носами полозьев, до сего дня стоит где-то на берегах великой Божьей Реки как памятник о Вознесении Человека земли, как память о Вверх Ушедшем сородиче моем...

Автор

I

В самое последнее мгновение, когда все будет кончено и останется лишь единственный шаг в этой жизни, и житель Земли Нимьян из рода Медведя поймет, как непросто быть человеком и как непросто быть звездой, он вспомнит, как три дня назад, на рассвете, старый пес Харко тягучим воем разбудил его. Он встал, запахнул полы оленьей ягушки и, скрипнув промерзшей дверью, вышел из бревенчатого дома-зимовья.

Харко, черный соболятник с белым пятном на шее, сидел возле конуры и, задрвав к звездному небу седую от инея морду, снова взвыл.

— Эш-ш, кэча!¹ — приказал хозяин.

Харко завилял мохнатым хвостом, рванулся к хозяйину и взвизгнул, словно прощения просил. Но в его темных и умных глазах была прежняя тоска. И Нимьян, или на русский лад Демьян, помягче повторил «кэча», хотя пес уже не выл.

На востоке возшла Звезда Утренней Зари. Скоро светать начнет, отметил Демьян. И с недоумением по-

¹ Кэча — окрик собаке, означающий «молчать».

косился на Харко — понятно, когда собака воет вечером, но чтобы выла на утренней заре?! Что-то не помнится. Харко никогда зазря не воет. А беспричинный вой — плохая примета. Что он хочет сказать хозяйину?! Зачем поднял человека в такую рань?!

Демьян еще раз оглядел чистое звездное небо и вплотную подступивший к зимовью сумрачный бор, прислушался: что же встревожило Харко? На полуденной стороне, как и прежде, мечутся по небу отблески далекого огня и доносится едва слышный подземный гул. Там, по слухам, нашли горючий жир земли — нефть. Это ее огонь. Впрочем, шум настолько глухой и слабый, что слышен только в ночной тишине. Днем же, когда просыпается тайга, нельзя уловить шум огня и его отсвет. Что же беспокоит Харко?.. На нижнем севере — так ханты называют запад — пока тишина. И там есть люди, которые делают железную дорогу. Тихо и на востоке, где восходит Звезда Утренней Зари. Там живут люди, делающие черную трубу, по которой побежит горючий жир таежной земли — нефть.

Ничего такого не увидел и не услышал Демьян, что побеспокоило бы старого Харко. И он, еще раз прикрикнув «кэча», поспешно вернулся в дом. Не хотел, чтобы перед дальней дорогой его сердцем овладела тревога.

Он вошел в зимовье, тихонько растопил чувал и повесил чайник над огнем — жена Анисья и обе дочки еще спали. Не хотелось их будить. Но как только стали потрескивать сосновые поленья, Анисья тотчас же спросила чистым ясным голосом, будто и во все не спала:

— Поедешь?

— Поеду. Погода хорошая.

— Может, не надо сегодня, а?

— Поеду... Сколько откладывать? Вдруг снега пойдут, дороги занесет...

— Да, дороги занесет — оленям тяжело будет! — согласилась жена. — Что же, езжай.

— После холодов потеплеет — и бураны начнутся, — проговорил Демьян. — Их время подойдет, время буранов...

Жена встала и, умывшись ледяной водой, сама принялась готовить завтрак и собирать мужа в дорогу.

Демьян в последний раз начал перебирать свою добычу за первую половину зимы. Не спеша, любясь высоким чистым мехом, встряхивал песцовые шкурки. И невольно, перебирая пушнину, он вспоминал, какого зверя где и как взял. Первый песец попался в его капкан на Озере-в-Кедрах, в устье болотной речушки Кедровая Вода. Здесь древнее, еще далекими предками облюбованное место запора: в каждую осень, перед самым ледоставом, он перегораживал Кедровую Воду жильником и ставил морду на шук, что поднимались против течения в верховые озера. А возле запора он настораживал капкан в маленьком шалашике с приманкой — рыбой или мясом. В каждую зиму падалось не больше одного-двух песцов. Другие песцы, идущие с побережья Ледовитого океана, на этот шалашик уже почему-то не смотрели. Иногда они по свежему снегу ходили возле запора, но на приманку не шли. Не всем же в одну ловушку лезть, рассуждал Демьян, рассматривая следы. Но, однако, капкана до самого конца сезона не снимал. Когда приезжал проверять морду, он счищал от снега вход в шалашик, поправлял приманку и кольшки. Хотя знал, что добычи здесь больше не будет, все равно возился с капканом — ему приятно было, он постоянно должен был что-то делать.

Второго песца взял ружьем в середине Месяца Больших Жертвоприношений, когда ездил прокладывать дорогу в урман, за Главную Реку.

Расчесывая костяным гребнем светлую шубку красной лисы, которую охотники называют «светлым воротом», Демьян вспомнил, как целых три дня ходил за ней. Более осторожного и чуткого зверя, пожалуй, нет в тайге.

Сначала ладонью левой, затем ладонью правой руки медленно погладил он серебристо-гладкую шерсть выдры. На левом боку, возле передней лапки выдрана шерсть, но густое подпушье закрывает кожу. Как раз этим местом выдра вмерзла в лед на Малой Прорубной реке, где у выходной лунки был насторожен луксамострел. Как только выдра высунулась из отдушины, стрела сразила ее. И она скользнула под лед, натянув прочный шнур от наконечника стрелы до лука. Демьян приехал под вечер, в первых сумерках. Вот-вот ночь опустится на тайгу. И он поэтому спешил. Натянул шнур — выдра не поддавалась, вмерзла, видно, в лед. Тогда он намотал бечевку на руку и осторожно, пошевеливая хореом тушку зверя, начал натягивать ее — знал, что жало наконечника с крепкими открьлками не выпустит добычу. Так, изрядно повозившись, он наконец вытащил из-под льда выдру.

Сложив ее в мешок, он долго вглядывался в угольную темень собольего меха. Соболев водится в урмане, за Главной Рекой — на левом берегу. А на этой стороне редкость — не любит он сосновые боры и редкие кедрячи. И этот вроде бы случайно забрел сюда. Его след они взяли с малым тестем Антоном, братом Анисьи, на Старице возле Осеннего Селения. Был полдень. Гнали зверька по кедровым гривкам, по елово-березовым низинам, по мелким соснякам. Переходили с одного берега Старицы на другой. Лишь на закате,

когда солнце опускалось за тихий осинник, впереди, в кедровом урочище слышали лай. Пока добирались туда, уже начало смеркаться. А Харко, словно вдруг помолодел, — весело пританцовывал вокруг огромного кедра, макушка которого уже поседела от старости, и, поглядывая на хозяина, звонко лаял. Но, однако, Демьян с Антоном вытоптали весь снег вокруг кедра, скребли по стволу, стучали, запрокинув голову, смотрели на вершину дерева, а зверька не увидели.

«По-моему, он был на этом дереве, да ушел, — сказал Антон. — А Харко чует его запах — вот и лает».

Демьян знал, что иногда собаки ошибаются, лают на запах. И в нем на секунду появилось сомнение: может быть, и вправду Харко ошибся — лает на пустое дерево. И тогда Демьян сделал вид, что уходит домой, и позвал Харко: «Кац, кац, кац!» Но Харко даже не взглянул на хозяина: обнюхал кедр, встал на задние лапы, опершись передними о ствол, и снова залаял — уверенно так, заливисто.

Тогда, да и теперь еще не знал Демьян, что это лебединая песня Харко. Поэтому он так яростно рвался по следу зверька, которого хозяин не хотел преследовать. А не хотел потому, что соболь был голодный. Это видно было по его почерку на снегу: бежал легко, значит, долго не устанет. И времени для нагона оставалось совсем немного. Долог ли осенний день? Пока он размышлял, Харко уже взял след. Вот и пустились за ним. Один Харко, видно, знал что-то такое, что не могли предсказать люди. И древние говорили, что собака всегда предчувствует то, что недоступно человеку. Демьян же полагал, что Харко еще одну-две зимы прокормит себя. Да не только себя...

Даже беличьи шкурки охотник еще раз протер березовыми стружками и, пересчитав, сложил в мешок.

Все это он делал неторопливо, будто не спешил в дальний путь.

Между тем жена, приготовив мешочки, говорила, куда сложить мыло глазное и мыло черное, сахар и сушки, пачки чая, платки и материю на платье дочерям. Припасов должно хватить до конца сезона, до Месяца Правдивого Орла¹...

Она помолчала в раздумье, потом, усилив голос, сказала:

— Может, шкуры да лапы² будут — так проси, слышишь?!

— Слышу, — откликнулся муж, продолжая перебирать шкурки.

Откуда эти лапы да шкуры возьмутся, подумал он. Оленей в хозяйстве извели. Но даже, помнится, в лучшие оленные времена, при колхозе, когда на этих землях паслись большие стада, и то не хватало всем на одежду шкур и лап.

— Проси, — повторила жена. — Тебе уже новую малицу³ надо делать. И девочкам нашим надо саки⁴ хотя бы обновить. Растут, бегают на улицу — в доме не удержишь. И мне помогают — дрова колотые да снег для питьевой воды носят в дом...

Женщина помолчала, словно припоминала, что еще мужу заказать, какими словами убедить его, чтобы он там не смущался и просил нужные вещи. Она полагала: кто мало шумит — того всегда стороной обходят, тому ничего не достается. А ее муж как раз был из таких... Вздохнув, она взяла с полки куженьку — небольшую коробку из бересты — и начала собирать гостинцы сыновьям.

¹ Месяц Правдивого Орла в календаре ханты соответствует приблизительно марту.

² Лапы, или камус, — шкура с ног крупных диких и домашних животных.

³ Малица — глухая мужская одежда мехом внутрь.

⁴ Сак — женская меховая шуба мехом внутрь.

— Первым делом в школу-интернат зайди, — наказывала она. — Сыновей наших Юванко малого да Микуля старшенького поцелуй. Тут мяско черного глухаря да рыба жареная — им передай. Скажи, мать и сестры соскучились, привет послали. Харко-то, скажи, тоже соскучился по ним, часто смотрит в ту сторону, куда их повезли. Хоть и старый, а память хорошая. Помнит маленьких хозяев. А молодая собака Кутюви все такая же пустолайка, не набралась еще ума. Ты не забудь, все нашим мальчикам перескажи. Слышишь?

— Слышу, — кивнул Демьян.

— Передай, пусть все хорошо учат, — продолжала жена. — Пусть хоть они учатся, раз отец грамоте не выучился. Пусть не скучают. В марте, когда время охоты кончится, может быть, все в поселок съездим. Лишь бы олени живы-здоровы были...

Демьян молча слушал.

— А когда уезжать станешь, сыновей наших Юванко малого да Микуля старшенького не целуй, — настаивала жена. — На уме у них плохо станет, после плакать будут...

Демьян согласно кивнул.

Девочки-погодки Вера и Таисия еще не проснулись, поэтому Анисья накрыла к завтраку низенький столик на двоих. Муж пил крепкий чай и прислушивался к голосу жены. Хотя он знал, что должен делать в поселке, но всегда внимательно слушал мягкий грудной голос жены, словно она пела ему песню перед дальней дорогой.

Допив вторую кружку сладкого чая, он надел старенькие кисы¹ и малую малицу и вышел из дома. На востоке, над верхушками сосен, светилась Звезда Утренней Зари. Она медленно поднималась в сумрачное

¹ Кисы — меховая обувь до паха.

небо. Поднималась и тянула за собой грядущий день. Казалось, день упирался, не хотел идти на землю, но настойчивая Звезда и не думала оставлять его в покое где-то за темным горизонтом. И тому ничего не оставалось, как последовать за Звездой Утренней Зари.

А под Звездой — ломкая рябиново-красная полоска зари.

Тихий морозный день будет, отметил Демьян.

Его тут же обступили олени — тянули к нему головы, обнюхивали со всех сторон: не принес ли чего съедобного? А маленький Пев короткими рожками уперся в его спину — обиделся, что ничем не угостили.

— Эшш-э! — отмахнулся Демьян и добродушно проворчал: — Ужо избаловали. Ишь, сердится!

Тут из дома вышла жена с мешочком. Не успела она крикнуть свое «тааа-та-та-та!», как олени, вытянув шеи и широко раздувая ноздри, бросились к ней. Поджаренные чебаки и сухие рыбьи кости — это их первое лакомство. Хозяйка высыпала несколько горстей на снег, а своей любимице Пеструхе, ветвисторогой важенке с белыми пятнами по бокам, разрешила есть прямо из мешочка. Жевала Пеструха торопливо, с хрустом, благодарно кивая головой с крепкими рогами. Хозяйка смахнула куски лишайника с белой звездочки на лбу Пеструхи, медленно провела рукой по светлому загривку, погладила меж рогов. И тут на мгновение в доверчивом, широко распахнутом глазу мелькнул бледный лик с тоскливым взором — женщина невольно отпрянула. Придя в себя, она робко взглянула на мужа. Тот тихо ответил на ее молчаливый вопрос:

— Запрягу, — и, как бы оправдывая свое решение, пояснил: — Про муку говорили, сильный олень нужен.

Женщина ничего на это не сказала, молча наклонилась к оленихе.

Демьян расправил потяги — упряжные лямки и постромки, соскреб ножом наледь с полозьев нарты, соскоблил иней с хорея, в раздумье встал посреди коралля. Дорога дальняя, тяжелая, на трех придется ехать. Дома останутся олененок Пев и полуторагодовалый бычок Воки Хор¹, прозванный так за светло-рыжеватую окраску.

Он не стал вытаскивать аркан. Когда жена опустила пустой мешок, руками поймал подбиравшего остатки корма жоака — плотного низкорослого быка Вондыр, про каких обычно говорят «шерсть вперед, шерсть назад»². Рога у него без отростков, прямые, как у коровы. Таких невзрачных обычно запрягают средними, где они не очень заметны. Но Демьян делал по-своему. Вондыр хорошо ходил только ведущим, а так немного был ленив и плохо слушался хорея. Пеструха же одинаково добросовестно тянула лямки везде, куда ни запрягай. Сейчас она пойдет крайней справа. Средней будет молодая важенка Пирни — и упряжка готова в путь.

Харко сидел возле конуры на задних лапах, словно заиндевелый безмолвный пень, и молча наблюдал за дорожными сборами хозяина. Тот почувствовал внимательный взгляд соболятника и быстро отвернулся: не хотелось тревоги в предстоящей поездке. Он сложил вещи к задней стенке сиденья и, пропустив веревку за копылья, крепко притянул их к нарте. Еще раз окинув внимательным взглядом упряжку, он поспешил в дом. Пора уже выезжать.

Анисья давно приготовила ему второй предотъездный завтрак. Сначала она подала холодное — строганину из добела замороженной щуки, затем постави-

¹ Воки — лиса, Хор — самец оленя.

² Так обычно говорят с оттенком сочувствия о невзрачных домашних оленях.

ла на столик деревянную миску с дымящимся мясом. Потом налила кружку крепкого чая. Демьян молча ел. А Анисья, занимаясь домашними делами, все время следила, чтобы все у мужа было под рукой — и солонка, и ложка, и сахар, и березовая стружка для рук. Это чтобы он не задерживался перед дальней дорогой. Между тем она напоминала, кому в поселке передать слово «здравствуй», в дом каких родственников непременно надо зайти, что у них спросить.

Выпив чай, Демьян надел расшитые узорами выходные кисы и большую малицу. Подпоясался кожаным ремнем с ножнами на левом и меховым кистом-подсумком на правом боку. Взглянул на спящих дочерей и, постояв немного, медленно повернулся по солнцу и вышел на улицу.

Пес Харко вдруг вскочил, дернулся на цепи и жалобно заскулил, словно что-то хотел сказать хозяину, о чем-то предупредить. Но Демьян глухо сказал ему:

— Кэча!

И Харко замолк.

Но тут тревожно хоркнул олененок Пев и светлой мордочкой прижался к теплому боку матери Пеструхи. Демьян отогнал его.

Анисья проводила мужа до ворот коралля.

— Ну... до свидания! — сказал Демьян потупившись. — Ждите. Если ничего не случится, на третий день вернусь.

— Оянгиталанки!¹ — пожелала Анисья и закрыла ворота коралля, чтобы встревоженный олененок не убежал за матерью — Пеструха тоже оглядывается и хоркает. Наверное, что-то говорит сыну-олененку. Может быть, прощается тоже, «до свидания» свое оставляет дому.

¹ С удачей-здоровьем!

— Бежавший Озером был бы жив — так Пеструха бы дома оставалась, — проговорила Анисья, ни к кому не обращаясь.

Демьян сделал вид, что не расслышал ее слов.

— Я, йим улым! — повторил он и, взмахнув хорем, вскочил на нарту.

Упряжка тронулась.

Пеструха еще раз хоркнула и оглянулась — не идет ли Пев за ними. Когда ездили не очень далеко, обычно олененку разрешалось бегать за упряжкой. Но сейчас тот с хорканьем метался по коралю.

Избушка скрылась за поворотом дороги. И тут уши Демьяна резанул тоскливый вой Харко. Вслед хозяину воет, подумал он. Это плохо. Старый стал, слишком много понимает, слишком многое предчувствует. А это ни к чему собаке, ведь она не человек.

И он попытался избавиться побыстрее от неприятных мыслей о Харко.

2

Олени бежали ровно и неторопко. Полозья легкой нарты проворно съедали сажени пути, и Демьян не поднимал хорей, не погонял оленей — долго им бежать, пусть силы берегут.

Он покачивался в такт скользящей нарте и прислушивался к музыке полозьев по жесткому снегу, равному дыханию оленей, серебряному перезвону упряжных цепочек и колец. И под эти звуки в его душе постепенно зарождалась песня — радовался он дороге и движению, ибо в этом была вся жизнь охотничьего рода. Пришла песня такая же долгая, как эта зимняя дорога. И неожиданно пришедшая песня вытеснила постепенно его досаду на беспричинный вой старого

Харко. И он все покачивался в такт оленьему бегу, и на него наплывали заснеженные боры и чистые болота, продрогшие сосновые гривки и печальные озера.

Он почти не оглядывался, поскольку все знал по памяти...

Песня все ехала вместе с ним. Это была песня и снега, и деревьев, и неба, и земли. То она замедлялась, и он едва улавливал ее затихающую мелодию. То она набирала темп, набирала силу и звучала как бесконечная симфония Вселенной. И эта симфония пронизывала и связывала в одно целое все, что было на земле и за пределами земли. А он становился частью этой симфонии, неприметной скрипкой — наркасьюхом¹, что вела свою партию. Без него симфония может делать свое дело, но она что-то непременно потеряет...

Симфония не мешала его мыслям. Дорога долгая — и дума долгая. А в голове у него много дум. Может быть, столько же, сколько деревьев в этом бору, сколько рек и озер на этой земле, где испокон веков охотились и пасли оленей его предки, что давно перебрались в Нижний Мир и лежат на углу вот этого Малого Яра. Разные думы у Демьяна, приходят длинные и короткие, светлые и печальные. Теперь ему казалось, что было время, когда он ни о чем не думал, кроме охоты и рыбалки. И жили на земле и в душе мир и покой. Во всяком случае, так ему казалось, так думалось.

Уходило лето, приходила осень. Уходила зима, приходила весна. Все шло своим чередом — промышляй зверя и лови рыбу. Но вот появились на нижнем севере, на реке Ватъёган, новые люди, делающие железную дорогу, по которой станет бегать железная машина с вереницей железных нарт-домиков. Строители

¹ Наркасьюх (буквально: «поющее дерево») — смычковый музыкальный инструмент, род хантыйской скрипки.

переворачивают песчаные боры, засыпают болота, делают мосты на больших и малых реках. А на востоке — стороне дождей-ветров — тоже обосновались люди. На Долгом Бору, на угодьях рода Казамкиных зарывают в землю толстую черную трубу. По ней будет ходить горячий черный жир этой тайги. Сколько лет тут жил, жил и был уверен, что, кроме зверя и птицы, ничего нет на этой земле. А теперь, как сказывают знающие люди, большое и очень нужное богатство открыли — нефть и газ. И все это на его земле... И, что ни говори, приятно слышать такое о своей земле. Приятно, но одновременно и... Тревожно. Сейчас надо думать не только о зверях и птицах, о соснах и ягельниках, о реках и озерах, но и о железных нартах и черной трубе. Нужно все это осмыслить и понять. И, осмыслив и поняв, найти всему свое место в жизни охотничьего рода-сира, в жизни тайги, в жизни земли. Все новое всегда ищет свое место в жизни. И если ты не осмыслишь и не поймешь это новое, то какой же ты хозяин своей земли?!

И шли думы — и светлые, и тревожные, и печальные. И симфония, что ехала вместе с ним, — тоже менялась. То звучала широко и светло, то тревожно, то печально. И оборвалась она неожиданно. Оборвалась, когда выехал на Родниковое озеро.

«Хе, люди!» — удивился Демьян.

На середине этого небольшого озера стояли черные пузатые бочки. Возле них двое в черных одеждах грузили на тракторные сани какие-то ящики и мешки.

Свежая, еще не остывшая борозда стрелой уходила в сторону зимовья. След самолета, понял Демьян. Он невольно повернул голову — куда же воткнулось острие стрелы?! Но самолета не было — уже взмыл в хмурое зимнее небо.

Олени наострили уши и, пока хозяин рассматривал озеро и людей, перешли на шаг, а потом и вовсе остановились в нерешительности, затоптались на месте.

— Эс-сс!..¹ Людей, что ли, не видели? — бодрым голосом сказал Демьян, дернув поводок и взмахнув хореом. — Чего испугались? Никак, люди пришли. Гости пришли...

Вожак Вондыр недоверчиво косился на людей, что мельтешили впереди, на обочине нартовой дороги. Пеструха же оглянулась на хозяина, словно спрашивала, стоит ли ехать дальше. Но Демьян еще раз свистнул, и упряжка неохотно взяла бег.

Он остановил оленей недалеко от трактора, который простуженно чихал на все озеро.

Подшли те двое чернобородых, что занимались погрузкой ящиков и мешков.

— Пэча-пэча! — поздоровался Демьян.

Сначала он пожал теплую ладонь румяного от мороза бородача средних лет. Про него Анисья бы сказала, что «лицо круглое, как сковородка». Затем взял костлявую холодную руку кучерявого темноликого парня, взгляд которого пока не мог поймать. Тот смотрел куда-то в сторону — на оленей, что ли.

Не побоялись мороза, сняли рукавицы, отметил Демьян. И ему от этого как-то теплее стало в душе. Улыбнулся он гостям. И бородачи улыбнулись.

— Здорово, дед! Куда путь держишь?

Демьян откинул капюшон кумыша², чтобы лучше слышать.

— В поселок, в магазин, — ответил неторопливо. — Продукты надо. Муку, сахар... — Ответив,

¹ Эс-сс — междометие, которым погоняют оленей.

² Кумыш — глухая мужская одежда мехом наружу, с капюшоном, но без рукавиц. Надевается поверх малицы.

устремил вопросительный взгляд на старшего, с круглым лицом.

— А мы — вон туда! — и круглолицый махнул в сторону Демьянова зимовья. — Разведчики мы, сейсмики. Нефть и газ ищем!

— Искатели, значит, — кивнул Демьян. — Слышал, слышал.

— Искатели...

Бородачи-искатели с любопытством поглядывали на нарту и оленей охотника. А Демьян, всматриваясь в уменьшенные бородами светлые пятна лиц, подумал, что таких гостей на его земле еще не бывало. Но какие бы гости ни пришли, по древним обычаям народа, надо встречать их с добром и теплом, иначе все предки до десятого колена перевернутся в гробу и проклянут на веки вечные. Гостя-то лучше в доме встречать. Ну, да повременить можно, в зимовье все равно придут...

— Олень хорош? — спрашивали между тем искатели, посмеиваясь. — Быстро бегают?

— Хорошо бегают.

— Рога красивы, а?

— Смотреть можно...

— А рыба есть? Зверь есть?

— Ловим немного. Бьем немного.

Потом искатели поинтересовались семьей Демьяна, доволен ли он своим житьем-бытьем. Спрашивали, словно старого знакомого встретили. Демьяну это тоже понравилось, и он охотно отвечал. Затем в паузу, переведя взгляд с кучерявого на круглолицего бородача, он спросил:

— Родственники?

Искатели переглянулись меж собой. И старший неуверенно протянул:

— Не-е... Друзья, приятели мы...

— Друзья тоже хорошо, — сказал Демьян. — Тоже родственники.

На этот раз искатели согласно кивнули: пусть будет так, если это важно охотнику.

— Медвежьего рода кто есть? — поставил Демьян второй вопрос.

Искатели удивленно, почти в голос переспросили: — Какого рода?! Медвежьего?!

— А-а, медвежьего, — пояснил Демьян. — У каждого человека род есть. Мой род идет от медведя. Есть люди рода Бобра, рода Лося. Это на нашей реке...

— Может, начальник нашего отряда из твоего рода? — предположил кучерявый. — Фамилия у него подходящая — Медведев! Григорий Медведев.

— Во-во, он подходит! — подхватил и старший искатель. — Ведь подходит, а?! Как, батя, думаешь?!

И он подошел поближе к охотнику, тронул поводок жоака.

— Подходит, наверно, — согласился Демьян. — Раз Медведев — значит, его род от медведя идет.

— Эх, жаль! — воскликнул круглолицый искатель. — Не я из рода Медведя, жаль!

И охотнику показалось, что в его серых глазах промелькнуло искреннее огорчение.

— Чего жалеть, — сказал Демьян. — Все равно у вас какой-нибудь сир есть. Только найти его надо. Поискать нужно...

— Что за «сир»?

— Сир — это род так по-нашему называется, — пояснил охотник.

— Есть, должно быть, — согласился искатель. — Не безродный же я?..

Потом он, словно старательно укладывая в памяти новое слово, а возможно, и новое понятие, повторил:

— Сир — род! Сир — род!

Он обошел упряжку и, остановившись перед охотником, ткнул себя в грудь, сказал басом:

— Я — Семка, Семен... А его зовут Полей, — и он показал на кучерявого искателя, который топтался возле Пеструхи. — Имя полное ему — Аполлон!

— Нимьян, — ответил охотник на вопросительный взгляд Семки. — Русские Демьяном зовут. А отца моего Романом звали.

— Поедешь обратно — заезжай к нам, Нимьян-Демьян Романыч! — пригласил круглолицый Семка. — Погреешься, чайком попотчует!

— Заходи-заезжай, — поддакнул и кучерявый Поля, рассматривавший Пеструхины рога. — Сам с нашим Медведевым поговоришь. Вон наши балки. Два-три дня тут простоим, потопчемся...

— Не стесняйся, заходи запросто, — улыбнулся Семка.

Демьян осторожно почистил обросшие сосульками ноздри оленей, чтобы им легче дышалось. Потом поправил лямки и тяжести, надел капюшон кумыша, попрощался с бородачами-искателями и тронул упряжку.

Заскользила нарта. И Демьян подумал, прислушиваясь к тихой мелодии полозьев, что теперь, наверное, будет много забот и много шума. А места тут были тихие. Но это его не смутило: со всеми он умел поладить и жить в мире и понимании. Сколько тут охотников перебивало — и своих, и чужих, — и всегда они находили место на Демьяновых угодьях и в его душе. А угодьям его до прихода строителей трубы и железной дороги не было предела. В любую сторону направляй лыжи — хоть к Холодному Океану, хоть к Восходу солнца, хоть к Полуденному солнцу. А душа... Она ведь может вместить все, она может быть и вовсе бескрайней. И для искателей место найдется, ведь они тоже родственники Демьяну. А у Демьяна много родствен-

ников. Быть может, больше всех. Помимо кровной родни из своего рода, ему, как и всякому ханты, приходились родственниками, братьями и сестрами, дядьями и тетушками все люди рода Медведя, будь то ханты, манси, ненцы или русские. Веками почиталось это родство. Оно было законом жизни всех родов и племен, населявших эти земли. Ни жениться, ни выйти замуж не разрешалось за человека своего рода: это тебе братья и сестры — самая близкая родня. Нужна невеста — породнись с другим родом, ищи девушку в роду Бобра, или Лося, или еще в каком другом роду, на другой большой реке. Но, однако, нельзя было сватать невесту из того рода, куда ушла сестра или тетя — роды уже породнились между собой. Также двум братьям запрещалось брать невест из одного рода. Если же этот запрет нарушался, как показала многовековая практика, вскоре одна из невест умирала. Это было делом жизни и смерти не только для одного человека, но для многих людей. И поэтому никогда не забывали и всегда следили за родственными связями. Так было у всех ханты. А кроме этого, Демьян считал, что родня его родни и ему тоже приходится родней. У его многочисленной поселковой родни и в городе есть родственники. Значит, те, городские, Демьяну тоже родственниками приходятся. А у тех городских есть родня и, в других селах и в городах. Вот и получается, что Демьян связан родственными узами с людьми всех сел и родов, всех больших и малых стран, всей планеты. Ведь у людей всех народов были когда-то родоначальники — звери, птицы. Возможно, все пошло от одного человека, от одного зверя или одной птицы. Только многие позабыли об этом. Бывало, спросишь у приезжего, а он и слыхом не слыхивал про свой род. И про своих близких-то родственников ничего не может сказать. Может быть, он из рода Медведя — самый ближай-

ший родственник Демьяна, а об этом не знает. Как вот начальник искателей Медведев, к которому он заедет на обратном пути.

Теперь ехал Демьян и размышлял об искателях нефти и газа. Значит, нефти-то еще не хватает, коли на поиски новых нефтяных мест людей отправили. Когда он ехал по Родниковому озеру, видел их домики на берегу, в сосновом перелеске. А домики эти разные — одни деревянные, обшитые досками. Другие обшиты железом листовым. Под железом, наверное, тоже дерево. А железо сверху для прочности. Стоят домики на полозьях — на двух толстых бревнах, концы которых вместо загиба вверх просто затесаны полого снизу к верхней стороне. Все правильно сделано — это чтобы они в снег не зарывались. Несколько домиков на толстых железных трубах — тоже полозья, такие-то надежные, наверное, не поломаются на таежных колдобинах и кочкарниках. Над крышами торчат трубы — выются дымки.

Гудят тракторы. Стучит электростанция.

Взглянул Демьян на становье искателей, и все, что там было, четко отпечталось в его памяти. Это по давней охотничьей привычке все мгновенно схватывать и запоминать. В тайге у охотника ни карт, ни записных книжек. Все должно быть в голове. Может быть, пройдет немало времени, и, если в этом будет надобность, он восстановит в памяти все, что видел там-то столько-то зим назад. И вновь услышит те отзвучавшие звуки и почувствует улетучившиеся запахи. Все это дано охотнику тайги.

Покачивался Демьян в такт оленьему бегу, и мысль его шла к начальнику искателей Медведеву. Какой он есть, тот, кто командует целым отрядом искателей-молодцов с крылатыми и некрылатыми машинами?! кто же он такой?! О чем он думает?! Какой он увидел

эту землю? И какой она видится ему в будущем? Думает ли он о чем-нибудь другом, кроме нефти и газа? А главное — думающий ли он человек?! С сердцем он или, может быть, совсем без сердца?! Люди разные бывают, как и птицы и звери...

И как он выглядит? Молодой ли, старый? Не зная его дела, не поговорив с ним, нельзя понять его душу. Вернее, трудно понять. А вот внешность... Тут уж воображение Демьяна заработало само собой. Ну, борода, наверное, погуще, посolidнее, чем у Семки и Поли... Аполлона. И брови широкие, густистые, что еловые лапы. И голос, само собой, звучный, чистый, что бегущий между таежными сопками родник. А лицо... Лицо, конечно, приятное, благородное. Такие благородные лица обычно нравятся женщинам. У него, конечно, есть жена — добрая, работающая. И дети, наверное, есть. Не четверо, конечно, как у Демьяна. Но двое-то уж это наверняка. Как без детей — скучно же жить на свете... А глаза... и добрые. И строгие. И печальные. Ну, добро это понятно — как с людьми без доброты? Никак нельзя без доброты с людьми. И без строгости нельзя. Особенно начальнику. А вот печаль откуда взялась? по Демьяну выходило, что у главного искателя Медведева все хорошо: и на работе, и в семье, и связи родственные с людьми не порвал. Тогда отчего же эта печаль? Какое сомнение в душе главного искателя Медведева? Может быть, чего-то постиг, а чего-то не сумел постигнуть? А может быть, это не печаль, а грусть, которая приходит на смену и радости и горести. Может быть, это та грусть, что приходит к человеку с набегающими годами в пору зрелости? Возможно, это признак зрелости, признак мысли, признак сердца. Если так — значит, он человек мыслящий. Значит, он человек, думающий о будущем...

Слушал Демьян тихую песню полозьев и думал, что, может быть, суть многих вещей он постигнет через несколько дней на обратном пути, когда заедет к главному искателю и своему родственнику Григорию Медведеву.

3

Жил Демьян и не просто промышлял зверя и птицу, ловил рыбу, собирал ягоду и кедровый орех, а все это для родственников делал, которые в малых селениях, в поселке, в городе и в других добрых странах живут. Поэтому все, за что ни брался, он делал не спеша, основательно, с думой о будущем. Он чувствовал, что его жизнь очень нужна другим людям. Без него неполной будет жизнь всех людей, живущих на земле. Поэтому и жить надо по-родственному, понимать надо друг друга. И люди, которые бывали в его угожьях, никогда еще не отказывались от родства с ним, всегда понимали его и соглашались с его мыслями о единоначалии человеческого рода. Только жена Анисья не принимала всерьез его слова, все перечила ему.

«Ты от своих родственников что имеешь?» — спрашивала она.

«А что мне надо? Мне от них ничего, кроме понимания, не надо!» — отвечал Демьян.

«Не надо, потому что никто за так ничего не даст! Вот у нас оленей не хватает на жизнь. Олени нам нужны!»

«Оленя я сам не возьму. Оленей у всех не хватает. Сама знаешь, есть охотники, у которых оленей меньше, чем у нас... Что еще нужно?! Машина мне не нужна...»

«Вон что вспомнил! — смеялась Анисья. — Да машину никто и не даст. Дай тебе — так потом самолет или вертолет захочешь!»

И тут Демьяна вдруг озарило.

«А самолет есть! — улыбнулся он жене. — Город дал самолет! В поселок из города летает, людей возит! Есть самолет!»

«А самолет-то не за так, самолет у людей деньги берет!» — остановила его Анисья.

Вот женщина, подумал Демьян, кого угодно на словах победит.

«Только ты... за-ради родства все готов положить! — говорила Анисья. — А люди-то не такие... Мало таких! Мало!»

«Про самолет вот что скажу, — возразил он жене. — Ведь пушнину мою не за так берут, деньги мне дают. Вот когда б я пушнину за так сдавал, то и самолет бы меня без денег возил! Так?! И в магазине так же было бы!»

«Да ты уже до коммунизма дожил, без денег хочешь! — опять зацепила его Анисья. — Всех перегнал, один до коммунизма добрался!»

«А если этот коммунизм по жизни идет так, как я думаю?! Пусть идет, пусть! Разве я виноват в чем?!»

«Ох, одному-то, наверно, тяжело? — притворно вздыхала Анисья. — Без людей-то, а? Без родственников?!»

«Нет, это тебе тяжело, не хочешь понимать! — упирался в свое Демьян. — А люди понимают, родственниками надо жить».

Замолкала Анисья. Не помнит Демьян, чтобы до ссор они доходили, когда говорили об этом. Не сдавалась она — поэтому и замолкала. Он чувствовал ее упорство и несогласие и немного жалел ее. Не мог он уступить ей еще и потому, что война взяла его отца

и трех старших братьев. Он никак не мог допустить мысли, что, если рассуждать о выгоде-невыгоде, тогда получается, что они погибли только за двух кровных родственников — за него и за мать. Четыре жизни — за две жизни. Это и слишком много, и слишком мало. Так не должно быть, да так и не было. Он понимал нутром, что они полегли на поле войны и за него, и мать, за всех родственников сел и городов, за все человечество земли. И словно добрая память о них, остались люди, по-родственному близкие ему, за которых они отдали свои жизни. И теперь они покоятся в братских могилах на далеких, но родственных землях, а не на родовом кладбище на Малом Яру, куда ушли все предки чуть ли не до десятого колена. Их, братьев и отца-воина, в последний раз видел живыми вернувшийся с фронта председатель Совета. И Демьян такими глазами смотрел на председателя-ветерана, словно тот сохранил в себе частицу их дыхания, частицу их любви к жизни, к родным, к своей земле. И когда ветеран умер, он снова попал в пугающую пустоту — прервалась связь с миром, с человечеством, словно второй раз погибли и отец и братья. А сам он остался один в этой пустоте — беспомощный и никому не нужный. Мать умерла вскоре после войны. Такое ощущение пустоты он впервые испытал в детстве, когда война взяла отца и братьев. Ведь они связывали его с миром, с прошлым и будущим, и эту связь неожиданно оборубила война — это было первое потрясение в его жизни. И после смерти ветерана он мучительно искал выход из пустоты — надо было как-то жить, как-то наладить утраченную связь с миром и жизнью. И восстановить эту связь помогла ему Анистья, младшая дочь председателя-ветерана. Раньше он почти не видел ее: она училась, а потом куда-то надолго уезжала. Когда встретил ее, он смутно почувствовал, что должны

произойти большие перемены в его жизни. И хотя у нее были более удачливые и видные женихи, но она выбрала Демьяна, в ту пору нескладного и угрюмого. Почему именно его — этого он до сих пор не знает. Ведь тогда он метался словно слепой — безутешный и неприкаянный. И в нем еще не было того душевного равновесия, ощущения совершенства мира — единства мыслящего человека и живой природы, единства всего сущего, — что придет позднее. В то время он не смог бы определенно сказать, что именно испытывал к Анистье. Была только большая привязанность и уважение к ее отцу. Но когда узнал ее ближе, он порадовался тому, что ее выбор пал на него, а не на другого.

Потом появились дети, и у Демьяна прошло ощущение пустоты.

Так восстановилась утраченная было связь с прошлым и будущим, с Небом и Землей...

Спустя годы Анистья же своими словами, что в первую голову надо думать только о себе, натолкнула его на открытие — во всех селах и городах, на всей планете живут его родственники. Это была новая связь с человечеством и Вселенной. Пришла уверенность, что эта связь никогда уже не прервется, эту его вечную связь никто уже не сможет поколебать.

У человека много кровных родственников в прошлом и будущем, размышлял Демьян. У каждого живущего было или есть бабушек и дедушек — четыре человека. Прабабушек и прадедушек уже восемь. Прапрабабушек и прапрадедушек — шестнадцать. А если взять это «пра-пра» десять раз, то получится больше четырех тысяч родственников. Чем дальше в глубину времен — тем больше родственников. И конечно же, у каждого малочисленного народа — к примеру, насчитывающего всего несколько сотен человек — корни родства уходят в другие народы. Значит, все наро-

ды — родственники между собой! Разве это плохо? Никто не скажет, что это плохо.

И мысли о родстве всех людей земли Демьян внушал и своим детям по мере того, как они подрастали. И старший из сыновей, Микуль, сказал однажды:

«Да, я знаю, у ханты есть родственники в других странах и краях».

«Хм-м... Кто тебе сказал?»

«Учительница в школе о языках рассказывала».

«А что о наших родственниках говорила?»

«Говорила: у ханты два самых близких народа — это манси и венгры. Родственны по языку».

«Манси рядом живут, это я знаю, — сказал отец. — А венгры где-то далеко...»

«Да, на реке Дунай они живут. Далеко, — принялся рассказывать сын. — Когда-то мы вместе жили, одним народом были. Это в давние-давние времена, в глубокую старину. Как ханты говорят, „в задревнюю древность“. Потом была война. А может, и несколько войн было. С кем-то воевали. И народ раскололся на два куска: одни на Дунай ушли, а другие сюда пришли, на Север...»

Сын помолчал немного, потом продолжил:

«Ученые считают, я в книге про это читал, что мы когда-то на конях ездили, коров и овец пасли, в городах жили...»

«Это я знаю», — сказал отец.

«Откуда?! — изумился Микуль. — Откуда знаешь?!»

«Хм-мм... Да возьми наши большие сказки и большие песни, — проговорил отец. — В этих сказках и песнях люди в больших городах живут, на конях ездят, коров пасут, воюют. Есть богатыри, есть цари, есть уртэт¹. Почти в каждой сказке море есть, за которое ходят люди сказки...»

¹ Урт (уртэт), или орт (хант.) — глава войска в старину, военачальник.

«А ведь правда! — согласился сын. — Я как-то раньше не обращал на это внимание».

«До сих пор, по словам стариков, самой большой жертвой Богу считается лав¹, — припоминал отец ряды старины. — Потом мас². Среди домашних животных у них самая высокая честь. Лав и мас. А после уже идет олень. Все это, видно, издалека пришло. Из тех времен, когда у нас были города, кони и мы жили на других землях...»

«Нас в те времена уграми³ называли, — вставил сын. — И у нас с венграми был, наверное, один язык. Потому что до сих пор сохранилось много общих слов».

«Какие это слова?»

«Сэм, кеш, вер, хул...»

Демьян повторял за сыном: «Сэм» — глаз. «Кеш» — нож. «Вер» — кровь. «Хул» — рыба...»

«Есть слова, что очень похожи на наших языках. „Конь“ у нас „лав“, а у них „ло“. „Сухой“ у нас „сарм“, у них — „сараз“. „Журавль“ у нас „торх“, у них — „дару“. „Дом“ — „хот“, у них — „хаз“. „Рука“ — „кэт“, у них — „кез“...»

«Ты так говоришь, будто язык наших кровных родственников реки Дунай знаешь! — удивился Демьян. — Откуда все узнал? Из книг?»

«Слова узнал от одной ученой. Ева Шмидт ее имя. Аспирантка она. Из Будапешта. Приезжала к нам в поселок, в школе выступала. Про свою страну, Венгрию,

¹ Лав (хант.) — конь.

² Мас (хант.) — корова.

³ Хантыйский язык относится к угро-финским (финно-угорским) языкам, которые делятся на две основные подгруппы: угорскую — венгерский, хантыйский и мансийский языки, и финскую — финский, эстонский, карельский, саамский, мордовский, марийский, удмуртский, коми, ижорский, вепсский, водский языки. Первые известные письменные памятники XII–XIII веков — на основе латинского алфавита.

рассказывала. Про наше с ними, венграми, родство говорила...»

«Она говорила на нашем языке?»

«Да, она знает наш язык».

«Хе, где она выучила наш язык?» — удивился Демьян.

«Где выучила?.. Дома, конечно, выучила!..»

«Как?»

«По книгам, конечно. Она филолог».

«Фило-лог?» — повторил Демьян.

«Это человек, который изучает языки и литературу».

«„Еве“ — „Эве“, — проговорил Демьян. — А имя-то у этой ученой женщины очень похоже на хантыйское имя „Эви“ — „Девушка“. Что она еще спрашивала в школе? Чем интересовалась?»

«Сказки и песни еще спрашивала. На магнитофон все записывала. Легенды и предания — тоже. Все ее интересовало. Как мы живем, какие песни поем...»

«Сколько у человека родственников! — сказал Демьян. — Чудно!»

«И про других наших родственников рассказывала, — продолжал Микуль. — Про тех, которые в Прибалтике живут. На берегу моря. Это эстонцы, финны, саами, карелы, вепсы...»

«На берегу моря, говоришь? — переспросил Демьян. — Про них я слышал. Старики рассказывали, давным-давно, в задревнюю древность, во времена Воды Большого Бедствия, многих людей, которые спасались на плотах, разнесло по всему миру. Когда Вода ушла, люди остались на тех землях, куда их унесло. По словам стариков, это и есть Большой Водой унесенные люди. Такое я слышал про них. Когда-то мы вместе жили, рядом. Так предание говорит...»

Демьян помолчал, потом сказал сыну:

«Твои пути-тропы пойдут дальше, чем мои. Ты увидишь многих наших родственников...» — он сделал ударение на последнем слове.

«Будь достойным родственником», — понял сын. Он вспомнит слова отца много лет спустя, когда подружится с венгерским инженером Керести Ференцем. Ференц приедет на монтаж электронного оборудования для обработки полевых материалов сейсморазведки на нефть и газ. Он станет помогать «расколдовывать» землю ханты и манси, чтобы постичь ее многие тайны с помощью электроники. Его заинтересует и жизнь и духовный мир коренных жителей. После, вернувшись домой, он расскажет о своих впечатлениях своему народу. И Микуль получит из Будапешта журнал «Уй тукор» с заметками Ференца «Наши родственники, живущие в Сибири...».

Это будет потом. А пока Демьян размышлял о своей связи с человечеством. Эта связь ему нужна как жизнь. А может быть, и больше жизни. Ведь он погиб вместе с двумя братьями под Москвой в сорок втором году. Его вместе с младшим братом разорвал шальной снаряд на берегу озера Балатон в Венгрии в сорок пятом году. Пуля, что вошла в грудь отца в Берлине в апреле сорок пятого, прошла и по его сердцу. Он четырежды убит вместе с отцом и братьями и многожды — вместе с другими родственниками. Поэтому, чтобы жить и чтобы не канул в небытие еще один человеческий род, ему нужна надежная родственная связь с человечеством. Не будь этой связи, сейчас он не жил бы на земле.

Теперь, прислушиваясь к голосу полозьев, он почувствовал, что его родственной связи с миром что-то грозит. Пока еще не ясно, что именно — все размыто, как в тумане. Но тревога рождалась, и он ничего с ней не мог поделать. Не мог прикрикнуть на нее, как можно было, прикрикнув на Харко, оборвать его вой.

Многолетняя жизнь в тайге обострила все его чувства, и он всегда безошибочно воспринимал и предугадывал явления природы, а через них и жизненные явления. Чутье ни разу не подводило его. Вот и сейчас обрадовался бы ошибке, да знает, что не ошибается. Может быть, все-таки смутили родственники-искатели?! Нет, конечно, совсем правильных родственников. Люди все очень разные. И за искателями, слышал, кое-какие грехи водятся. Но кто совсем безгрешен?! Нет, наверное, таких. А коли есть, так немного их. Разве что боги небесные и земные? Так, судя по мифам, и они горазды на разные выдумки и проделки. Во всяком случае, иногда поступают как неразумные младенцы...

После болота он выехал на главную — испокон веков называемую Царской — дорогу, что по сосновым борам, вдоль Матери-Реки, тянулась с запада на восток и соединяла зимой два поселка — Нижний и Верхний. По ней ездили в Город на правом берегу Оби, вывозили пушнину и рыбу. От нее шли ветви-отростки к небольшим селениям охотников.

Вожак Вондыр сам повернул на восток, словно давно ему ведомо было, куда хозяин держит путь. А Демьян ехал, и мысль его быстрокрылой птицей то устремлялась вперед, то вновь возвращалась, то опускалась в глубь времен, то спешила обратно в сегодняшний день. А затем с мелодией полозьев, что показалась теперь скрипуче-жесткой, вернулась к Родниковому озеру. И где-то внутри сначала зашаял, а потом все сильнее и сильнее стал разгораться черный огонь, что шершавым языком лизнул сердце.

Он отчетливо увидел, что озеро перерезано темной бороздой, что острие этой борозды упирается в его недалекое зимовье — несколько малых болотных озер, сосновый бор — тут и дом, и пастбище. Он вспомнил

рассказы охотников Нижнего поселка, где уже появились такие гости. Вперед пускают рубщиков с топорами и пилами, рубят прямую и широкую просеку. За ними идут машины со стальными бурами, которыми в таежную землю вгрызаются. Есть у них, по словам знающих людей, и диковинные приборы, что улавливают дыхание Земли, помогают слушать глубины, неподвластные глазу и слуху охотника. Едут они по бумаге, где нарисован лик Священной Земли — озера и реки, леса и болота, боры и ручьи, таежные сопки и низины. Рисунок этот у них картой называется. И наверняка попали туда и зимний дом Демьяна с коралем и конусообразным сараем из жердей — «домом рыбы», где хранится не только рыба, но и мясо и охотничий инструмент. Отмечена на этой бумаге и родовая речка Древесная, или Юхан-Ягун, что впадает в продолговатый, далеко вдающийся в сушу урий-залив. На правом возвышенном берегу этого Юхан-Ягун Урия стоит Весеннее Селение рода. Избушки из тесаного бруса, крытые берестой. За ними выстроились лабазы на курьих ножках для зимней одежды и съестных припасов. Чуть впереди навесы и коптильни — тоже под берестой. Напротив дверей — глинобитные печи, в которых выпекают хлеб. На пристани перевернутые лодки и обласа, вешала для неводов и сетей.

Видно, карта не обошла стороной и Летнее Селение на Левобережье Реки, где на песчаной косе, у леса, примостились легкие дощатые домики, летние лабазы и печи, те же навесы и коптильни.

И Осеннее Селение рода не упустила бумага-карта на большой Протоке Болотной Стороны, в вековых соснах на крутом песчаном яру. Там тоже целое становье с добротными домами и всеми необходимыми постройками. Видел Демьян такие рисунки с ликом Матери-Земли — все там есть. Не ошибаются те, кто их

делает. Не раз в этом убеждался. И вот искатели, видно, тоже не ошиблись — прямо нацелились на Демьяна. Через неделю-другую выйдут к его зимовью — сосновый бор разрежут, кедровники разрежут, березовые рощицы возле Древесной разрежут, попадетса селение — разрежут. Сказывают охотники, не могут они свернуть ни на шаг, не положено. Где по бумаге-рисунку им указано, там они сверлят землю на полтора-два десятка метров и закладывают что-то порохоподобное, что бухает, стреляет в глубь Сидящей. Но это только начало. За ними приходят вторые. Те уже дырявят землю на километры в глубину, они намного сильнее первых. И если они находят горючий жир, нефть, появляются третьи — добытчики. От тех, третьих, добытчиков, сказывают, уже совсем жизни нет. В буквальном смысле переворачивают боры-беломошники, урманы черные, болота бескрайние. Сказывают, будто сами же искатели и добытчики нефти бахвалятся, что на десятки километров от своих путей-дорог ничего живого не оставляют. Никак не хотелось верить в это. Но если здраво рассудить, то у тех же искателей сколько разных машин! А ежели все это двинуть против тайги, против зверя и птицы — какая земля не застонет?! Какой земле под силу выстоять и победить?! К примеру, зимой, в глубокий снег, сохатого можно голыми руками брать. А с небесными и наземными машинами тут и делать нечего. Не на десятки, а на сотни километров все можно подчистить. Сказывают, такая участь уже давно постигла охотников низовья Реки. Но Демьян жил пока спокойно — угодя его в глуши, на отшибе. Правда, пойму Реки задела труба на востоке, нефть на юге, железная дорога на западе. Сжимается кольцо вокруг него, но самого пока не тревожили. Кольцо сжимается. Лишь на Севере, между трубой и новой дорогой, совсем тихо. Но там ненецкая тундра начинает-

ся, недалеко водораздел. Реки уже текут прямо на полночь и впадают в студеное море, дыхание которого он иногда чувствует осенью и весной.

Он ехал и все размышлял о прошлом и будущем. И огонь постепенно охватывал все нутро, и не могли его остудить ни холод, ни снега и льды этой земли, что взрастила и вскормила весь его род и его самого. И потомков должна вскормить и поставить на ноги. А щемящая боль внутри теперь ни на мгновение не отпускала его. Все другие заботы стали отходить в сторону, все оттеснило острое борозды, что упиралось в сердце. А забот житейских немало было в жизни его. Вот и олени сколько тягостных дней доставили ему. Еще года три назад хозяйство имело три стада. Как и все охотники, Демьян в каждую осень получал три-четыре упряжки — столько ему нужно было для охоты. Весной, после закрытия сезона, возвращал оленей в стадо. Потом их не стало. Часть забили на мясо, часть продали охотникам, а остальных перегнали в другое отделение коопзверохоза, на соседнюю реку, где им через год тоже пришел конец. Говорили злые языки, что директор на орден метит — решил завалить оленьим мясом все нефтяные города и поселки. Но, однако, прогадал — вскоре его сняли то ли за это, то ли за какие-то другие неблагоприятные дела. Снять-то сняли, а оленей не вернули. Тут разговоры пошли, что и нефтяные люди во многом виновны. Ведь они пути-дороги свои прокладывают по лучшим землям — бесценным борам-беломошникам и черным урманам. Ягельники где машинами перепахали, где огнем пожгли. Оленей же, растеряв остатки совести, где собаками травили, где из ружей били, где вертолетами загоняли-замучили. Но мысль Демьяна шла немного другими тропами: все-таки и свои виноваты — руководители хозяйства, оленеводы, охотники. У плохого хозяина всегда посто-

ронный виноват, размышлял он. Верно, все было: и машины, и собаки, и ружья, и вертолеты. Он не оправдывает нефтяных людей. Но ведь те, кто вертолетом управляет, кто собак натравливает, ружье поднимает — все это разумные люди, язык имеющие люди, разговаривающие люди, а не безмозглые машины. Все надо было решить с ними полюбовно, по-родственному. Разве бы не поняли они, что на Севере все держится на олене. Олень нужен земле, нужен охотнику, нужен рыбаку, нужен, наконец, и нефтяному человеку. Поняли бы нефтяные люди, поняли. Только хорошенько растолковать надо было всем, кто приезжает сюда. Растолковать их начальникам, их женам, их детям. Наконец, их собакам. Ведь их главная добыча, как понимает Демьян, не олени, не звери и птицы, а горючий жир земли, который оленю и вовсе ни к чему. Пусть копаются нефтяные люди, только бы не мешали. А земли вон сколько, если по-родственному, так на всех хватит. Найдется место и охотнику, и оленю, и нефтяному человеку. Издревле ханты считали, что земля священная и она принадлежит всем живущим сразу и никому в отдельности. И нет большего зла, ежели кто из-за нее ссору затеет. Не ссориться нужно, но поклоняться ей, Сидящей Матери. Она сама знает, сколько брать на себя людей, зверей-птиц и рыб, разных таракашек-букашек. Она знает, что ей под силу.

Да, Священной Земли на всех бы хватило!.. Да вот теперь дела-то пошли не по-родственному — и первым ни в чем не повинного оленя вытеснили. Если и дальше так пойдет — можно и зверей-птиц и рыб в водном царстве вытеснить. А там, глядишь, дойдет и черед до человека этой земли. Охотнику уже сейчас тяжело стало без оленя. А олень нынче дорого стоит. С этой осени, слышал Демьян, за важенку уже полто-

раста рублей просят. Новый снег — новые цены. Все выше, все дороже. У охотника зимний план в шесть сотен, это весь доход среднего промысловика. Купишь одну упряжку, а домашним на что жить?! Одежду-обувь где возьмешь?! Олень не только транспорт, но и пища и одежда. Не одно столетие он возил, кормил и одевал род Медведя, Бобра, Лося и многих других. И вот пришло время — хоть «кулаки свои заправляй». И было бы где взять оленя! Будет и на что купить, да не купишь — вот в чем все дело!

4

Мысль об искателях ворохнула огонь в груди, а огонь пробудил жажду. Захотелось воды, а вода напомнила о правом притоке главной Реки, через который ему предстоит сегодня проехать. На страже этого болотного притока стоят древние кедры-старички, что мощными кронами подпирают небо по обоим берегам. За их спинами кочкастые болота сменяются ровными сорами с редким сосняком.

Он хорошо знал этот приток и любил его за степенность, за покладистый характер. Не раз ездил по нему летом и зимой, когда в колхозные времена в верховье пас стада оленей. К тому же это родные места его матери... Но сейчас его мысль по знакомым излучинам и прямым убежала к устью, где много лет назад, после войны, в пору белых ночей, он вез доктора Мариону в Нижний поселок, и она, увидев справа приток, спросила:

— Как эта река называется?

Он взглянул на устье и коротко ответил:

— Ягурьях.

— А-а, — протянула девушка. — А кто там живет?

— Люди рода Лося, — сказал он медленно, в такт движению своего весла. — Сардаковых сир.

— Они далеко, в верховье реки? — спрашивала она.

— В роду Лося четыре ветви, — пояснил Демьян. — Люди двух ветвей в верховье на озерах рыбу ловят, оленей пасут. Болотными их называют. Две другие ветви на главной Реке живут. Скоро их селение будет. Еще до войны там приемный пункт рыбы поставили.

Девушка стала поправлять платок. Он увидел тонкие пальцы и прядь волос цвета коры осенней лиственницы. А лиственницы ему нравились, и сейчас, когда он глядел на волосы девушки, окончательно прошла утренняя досада, что попутчиком оказалась женщина. Ну и ладно, подумал он, хотя ехать с мужчиной намного проще — меньше хлопот.

По движению пряди волос он понял, что девушка оглядывает берега. Слева чистый сосновый бор с белым ягелем и зеленым брусничником. Справа устье Ягурьяха и песчаный мыс. У Демьяна сейчас возникло впечатление, что река приподнимается. А приподнимали ее белый ягель и ослепительно яркий песок на обоих берегах. Даже в самую хмурую погоду тут бывает светло. Сливались воедино воды, песчинки, человек, сосны и небеса... Видно, девушка тоже почувствовала подъем реки: оглянувшись, спросила тихо:

— Почему этот... Пункт приема рыбы здесь не построили, а?! Красиво-то как!

— Мелко, — ответил Демьян.

— Мел-ко?! — удивилась она.

— Катера с баржами к берегу не подойдут. За рыбой соленой они приходят.

— Мел-ко... — она будто взвесила это слово. — Ну и что!..

Демьян ничего не сказал. «Будто я обмелил тут реку», — подумал он. Впрочем, немного поразмыслив,

он понял, что она имела в виду не только мелкоту реки возле этого берега. И он снова вспомнил утро сегодняшнего дня: разве мужчина-попутчик стал бы переспрашивать про мелкоту. Да никогда не догадался бы лезть в глубину, ему было бы все равно, главное — плыть вперед, плыть к дому.

Девушка взяла весло и начала грести с левого борта.

Демьян все прикидывал: в селении приставать или нет. Пристанешь — расспросы начнутся, куда да кого везешь. Старики, как водится, найдут повод для шутки. Не пристать тоже нельзя: гость, проезжающий мимо дома, на хозяев зло держит на уме. Так принято считать. А у него ничего плохого не было в голове. Значит, мимо не проедешь.

Вот и селение — пять бревенчатых домиков, лабазы, навесы, амбары. И чуть в сторонке длинный кум¹ — помещение, где в чанах и бочках рыбу солили.

В доме деда Никиты за чаем спрашивали Демьяна: — Куда едешь-то — в Нижний Поселок?

— В Нижний. Почту везу, — отвечал Демьян.

— А Седой где?

— Отпросился.

— Случилось что?

— Да нет, ничего. Свататься, что ли, куда-то поехал. Так говорят.

— И то — дело нужное...

— Вот попросили меня один раз съездить. Чего ж, говорю, не съездить — коль человека нужно выручить.

— В молодости все легко дается, — сказал хозяин. — Мы тоже, помнится, в молодости по всей реке гоняли. Так, иногда без особой нужды, ради удовольствия дороги. А почта, конечно, дело серьезное...

¹ Кум — буквально: склад. В отличие от лабазы стоит не на курьих ножках, а на земле или на небольших чурках.

Потом в разговор вступила хозяйка, жена деда Никиты. Наливая гостям чай, она спрашивала:

— А что за девушку иль женщину везешь?

— Доктора-девушку, — сказал Демьян, поскольку все в поселке называли ее просто «доктор-девушка» или «лекарь-девушка».

— Куда едет?

— В город, на свою землю.

— А кто людям здоровье будет делать?

— Другая девушка приехала.

— Ну, так скажи...

— Насовсем уезжает? — спросил дед.

— Кажется, да... Насовсем...

Помолчали немного. Затем хозяйка, чуть усмехнувшись, сказала:

— Вот Седой неведомо куда умчался за невестой. А бывает так — далеко не надо ездить. И всю жизнь хорошо живут.

Демьян понял ее намек и, смутившись, уткнулся в чашку, ничего не ответил. Мол, семьей пора обзаводиться. А дед как ни в чем не бывало, посасывая трубку, поддакнул жене:

— Да, бывает такое. Главное — вовремя увидеть. Не упустить... — и он выразительно посмотрел на девушку, словно ждал ее поддержки.

Хотя говорили по-хантыйски, но она по смущению Демьяна и взгляду деда, видно, догадалась, о чем речь. Она отодвинула чашку, взглянула на хозяйку, потом улыбнулась своему попутчику — мол, не падай духом, и, повернувшись к деду, объявила весело:

— Он сам не возьмет меня!

— Это почему же?! — опешил дед.

— Да я даже весло держать не умею!

Все в доме засмеялись. Улыбнулся и Демьян.

— Научить этому можно, — уверенно сказал дед Никита.

— Можно... — уверила и хозяйка.

И хозяева смолкли, призадумались каждый о своем. Демьян воспользовался паузой, поднялся со словами:

— Нам пора ехать. Дорога дальняя...

— Да-да, дорога дальняя, — согласился дед и тоже поднялся.

Он проводил гостей до берега — и слова прощания были сказаны уже на ходу. А перед взором Демьяна долго еще стояла одинокая фигурка деда с печальными глазами. Печаль появлялась у воды. Вода всегда напоминала деду, как он провожал на фронт младшего сына по этой реке. И, глядя на молодых гостей, он снова осознавал, что ушедший сын не приведет ему в дом невесту, и несуществующая невестка не народит ему внуков.

Сын уплыл по реке вечности, не успев оставить никого...

Оттого дед долго и печально смотрел вслед уплывающим. Его сын и сейчас мог бы плавать по этим водам, если бы не война...

Демьян чувствовал на себе печаль дедовых глаз и молчал. Молчала и девушка. Так молча проплыли несколько песков и пряжиц. Потом девушка спросила — и Демьян рассказал все, что знал про деда и его семью. И они снова ехали молча. Затем девушка отсидела ногу, и они остановились на чистом длинном песке на короткий отдых. Пока он возился с костром и чаем, она искупалась и легла на горячий песок под солнцем. И он увидел, что линии ее тела стали линией берега, линией леса, линией горизонта. А линии Земли всегда так упоительны и прекрасны... И он ощутил всем существом своим, что мир... меняется. Он уловил мгновение изменения мира. Он уловил то мгновение, что неведомо человечеству. Это он понял позже. Теперь же он медленно отвел глаза и повернулся на спину. Высоко-высо-

ко в голубом мареве неслись белые облачка, и между ними парил орлан. Он ходил кругами — и круги каждый раз были новой формы: чуть вытянутые, правильные, но пересекались все в одной точке. Потом орлан исчез — в небе остались лишь белые точки облаков. Но появился он так же неожиданно, как и исчез. В когтях он держал большую рыбу. Она золотисто сверкала на солнце чешуей. Орлан сделал два-три круга — и выпустил рыбу. Она, сверкнув чешуей, полетела вниз.

Демьян вспомнил приметку: если орлан подарит человеку рыбу — тому будет удача. Но сейчас рыба не интересовала его. Он тихонько поднялся, прошел к обласу, постоял над водой. Потом вдруг — не раздеваясь, прямо в одежде — бухнулся в реку и поплыл против течения, наискосок, на другой берег. На стрежне вода яростно ударила его в грудь: она пыталась опрокинуть его, затянуть в водоворот и, оглушив, подтолкнуть к острому клыку донной коряги. Но он сопротивлялся, и под его бешеным напором река нехотя уступала — он двигался вперед. И это доставляло ему какое-то удовлетворение.

Вернувшись на свой берег, он увидел, что девушка, уже одетая, сидела у кострища.

— Жара какая — сгореть можно! — сказала она.

— Жара ничего, вот под дождь бы не попали, — проговорил он, оглядывая небо.

— Небо чистое, откуда дождь возьмется?

— Сегодня нет близко дождя, а вот завтра...

— Ну, до завтра еще дожить надо, — улыбнулась она.

— Доживем, — уверил он. — Куда ж денемся?!

Когда они, собрав вещи, подошли к обласу, чтобы отплыть, Демьян, немного поколебавшись, сказал:

— Марина, вам птица подарила рыбу.

— Какая птица? — удивилась она. — Какую рыбу?

И он сказал про орлана и приметку с удачей. Для убедительности хотел показать птицу на небе, но ее там уже не было — улетела, видно, домой.

— Почему именно мне? — спросила она.

— Он бросил рыбу на вашу сторону песка, а не на мою, — сказал он.

— Пойдемте поищем! — предложила она.

И они босиком, по горячему песку направились в нижний конец косы на поиски подарка птице. Лишь на втором круге нашли рыбу — серебристого язя со следами когтей возле спинного плавника.

— Что с ней делают? — спросила Марина.

— Сушат и вешают где-нибудь в доме.

— Как талисман, значит, — кивнула она. — Ладно, высушим. И поедет она в город...

Они вернулись к обласу. Демьян смыл с рыбы песок, распотрошил и спрятал на корме.

— А вам, Демьян Романович, птицы дарили когда-нибудь... удачу? — спросила девушка.

— Нет, — сказал он, оттолкнув облас. — Мне — нет. А вот отцу — да. Помню, в детстве он раза два или три привозил рыбу со следами когтей. От орлана, говорил он.

— И что с удачей?

— Вообще-то отец удачливый был. На охоте, на рыбалке...

— Старый, видно. На охоту уж не ходит?

— Погиб. На войне...

После долгой паузы девушка тихо сказала:

— Мой... Тоже. Там же.

И оба замолчали. И Демьяну показалось вдруг, что у них был один отец и осиротели одновременно — в апреле сорок пятого, за считанные дни до Победы. Он был мальчиком, мужчиной, охотником. А мужчина все же есть мужчина. Это ему внушали с люльки, чтобы он

рос мужественным. А каково же девочке без отца?! Девушке, женщине?! Он этого не мог себе представить, но знал, что это, должно быть, очень больно, и он почувствовал эту боль. И еще ему стало стыдно за свое утреннее сомнение. Когда начальник почты Хмелев спросил, возьмет ли он попутчика — очень уж просится человек, — Демьян согласно кивнул. Чего ж не взять человека, если нужно ехать: с попутчиком всегда веселее, да и грести будет сам. Возьму, сказал он Хмелеву, если, конечно, облас поднимет. Бывает, приходят очень солидные попутчики. Облас поднимет, уверил тот, не сомневайся. Но когда на пристань пришла доктор Марина, он понял, что попал впросак. Ехать с женщиной, которая не представляет себе таежных рек и дорог, — мало приятного. Можно было, конечно, отказаться наотрез, но он из деликатности не сделал этого: человек уже настроился на необычное путешествие по реке. Скрыв досаду, он промолчал. Он вспомнил, что еще зимой слышал разговоры о ее отъезде: собиралась в город к матери и жениху. Вот, значит, и собралась. Он мог бы приехать за ней, с неприязнью подумал Демьян о женихе. Поди, мужчина ведь!.. Он почти не знал ее: в больничке не бывал, ибо не жаловался на здоровье. Видел ее только по большим праздникам да на комсомольских собраниях. Однажды, кажется, даже рядом сидели. Но больших праздников в году — раз-два и обчелся. А на комсомольских собраниях он бывал нечасто: большую часть года жил в родном селении на среднем течении реки, на местах промысла рыбы и зверя.

Она назвала его Демьяном Романовичем, хотя они были почти ровесниками. Ему это показалось чудным сначала, поскольку раньше его никто по имени-отчеству не величал. Когда слышал имя отца, его мысль уносилась в прошлое, в те времена, когда были живы

родители. Он отчетливо видел их... В ее голосе он улавливал уважение к своему отцу, словно она ненавязчиво напоминала ему о том, что никак нельзя забывать потомкам ушедших и уходящих людей.

Он всем — старым и малым — говорил «ты», ибо так было принято в его роду: все говорили друг с другом на равных. Но было одно исключение. Люди, что породнились между собой и соблюдали обряд избегания, до скончания своих дней обращались друг к другу только на «вы»; при встрече и расставании целовали лишь руку; в их присутствии запрещалось употреблять плохие слова¹.

Все эти обычаи и обряды пронеслись в его голове в то мгновение, когда девушка назвала его Демьяном Романовичем и он должен был как-то ответить ей. И тут само собой выскочило это таинственное «вы». После он понял, что так и должно быть. Ведь девушка была такой же непостижимой и таинственной, как и древний обряд предков. К ее руке он, конечно, не приложился — постеснялся начальника почты Хмелева, который все топтался возле обласа, ждал отплытия.

Теперь он вспомнил утро отплытия, и ему захотелось хоть малость сгладить свою вину. Он смотрел на прядь ее волос цвета коры осенней лиственницы. Он смотрел так внимательно, что находил сотни оттенков от светлого до темно-коричневого. Лиственница молодая, лиственница средняя, лиственница пожилая, лиственница древняя. Лиственница в хвойном лесу, лиственница в лиственном лесу, лиственница в смешанном лесу. Лиственница в распадке, лиственница на взгорье. Лиственница урманной стороны,

¹ Устойчивое словосочетание «плохие слова» на ханты языке включает в себя выражения неблагозвучные, грубые, нецензурные, резкие и так далее.

лиственница болотной стороны. Лиственница утром, лиственница в полдень, лиственница вечером...

— Вечерняя лиственница...

Видно, он вслух подумал о вечерней лиственнице — девушка, полуобернувшись, спросила:

— О чем это вы, Демьян Романович?

— Я это... О людях, — быстро ответил он.

— О каких людях?

— Да... О разных.

Он взглянул на солнце. Оно уже пробиралось к тому месту, откуда уходило за горизонт. Как водится, приближение вечера первыми уловили комары, неведь откуда высыпавшие на реку. Они с настырным писком носились над обласом и людьми, садились на голову и плечи девушки. Демьяну захотелось разом прихлопнуть их, покончить с ними в одно мгновение, чтобы они не подлетали к носу его судна. Хотя обычно на комаров и мошкару не обращал ни малейшего внимания. Но они напоминали ему, что он едет не один. И он, наклонив голову, обратился к девушке впервые:

— Вы не устали, Марина?

— Да нет, — ответила она. — Я еще могу сидеть...

Но он-то знал, каково это, даже человеку бывалому, высидеть на обласе целый день. А путнику непривычному! Иной раз покажется, что легче пройти пешком, чем проплыть это же расстояние на вертком суденышке, где лишний раз не шелохнешься, ибо все время нужно сохранять равновесие, чтобы не зачерпнуть бортом воду. А тут совсем упустил из виду нового человека. И, сообразив это, в начале следующего песка он объявил ночлег. Хотя останавливаться — по всем таежным правилам — было еще рано. Но он махнул рукой — мол, сами себе хозяева, никто не гонит.

В то лето с девушкой-доктором Демьян ехал на запад, а сейчас направлялся на восток, в сторону верховья реки. И наплывали ему навстречу воспоминания о том чудном путешествии в пору белых ночей. Вот переправился через родовую реку Древесную, Юхан-Ягун. И вспомнилось, как в ту поездку они с Мариной проезжали устье реки и о чем она тогда говорила. С тех пор немало воды утекло, а он сохранил в памяти даже цвет ее голоса.

Остались позади Бор Выше реки, Малый Пев и Большой Пев¹, въехал в Домашний бор Седого. Все притоки несли свои воды Матери-Реке, а многие боры обрывались там белыми ярами правобережья. Поэтому дорога зимняя и «дорога» летняя — вода — шли рядом. И мысль Демьяна легко переходила со снега на воду, с воды на снег. С одного десятилетия на другое, с другого на третье. Недаром, когда Загадка спросила: «Что на этой земле всех быстрее?» — ханты ответили: «Мысль». Мысль человека не знает ни преград, ни границ. В мгновение ока может домчаться до Луны и Солнца и вернуться обратно...

С этими думами Демьян подъехал к развилке и остановил упряжку. Почистил оленям ноздри — чтобы легче было им дышать, затем поправил упряжные потяги и тяжи. Вожак Вондыр фыркнул и лиловым глазом покосился на хозяина, словно о чем-то спрашивал.

— Что ты хочешь? — переспросил Демьян. — Есть, может быть, хочешь?

¹ Пев — буквально: сосновая шишка. Здесь: название небольшой речки и ее притока, что текут с севера на юг и берут начало в приаганских болотах.

Вожак помотал головой.

— А-а, большую остановку ждешь! — догадался Демьян. — А не кормежку. В такой мороз дыхание плохое. Я на нарте сажу, и то мне тяжело дышать. А вам бежать и нарту тянуть надо. Понимаю, понимаю. Ну, я вам носы почистил — сейчас легче станет, воздуха больше будет. Как наши древние говорили, дыхание длиннее становится...

Затем, глянув на важенок в упряжке, заговорил с ними:

— А Пеструха и Пирни тоже большую остановку ждут?

И сам же ответил:

— Конечно, ждут. Потерпите немного. Еще один перегон проедем и большую остановку сделаем. Там ягель хороший. Тот бор никогда не горел... А я там чай попью. В такой мороз крепкий чай шибко помогает, шибко согревает.

С этими словами он достал трубку и кисет, сказал оленям:

— Сейчас вот трубку выкурю, и поедем. Еще подышите.

Раскурил он трубку, пыхнул дымом. И облако дыма долго висело в неподвижном морозном воздухе. Он вспомнил, что два дня тому назад ему приснился медведь. «Жди холода», — сказал он утром жене Анисье. Медведь во сне — верный признак похолодания в любое время года. Будь то лето или зима. И на этот раз все сбывается. Видно, охотник и всякий человек, много лет проживший в тайге, предчувствует малейшее колебание температуры, предчувствует приближение холодов...

Печальное зимнее солнце кое-как поднялось до верхушек сосен. В желто-золотистых ветвях и в светлой зелени игл бледными нитями запутались лучи-ру-

ки солнца. Вскоре они ослабнут, и небесное светило поспешно начнет свое движение вниз...

Демьян обошел нарту и, остановившись у правого полоза, взглянул на плохо утоптанную дорогу, что уходила в сторону полуденного солнца, к Реке. По ней выехала на Царскую одна упряжка. На левой колее след средний — значит, вожакom старая важенка, а не бык. А справа отпечатки маленькие — эту половину нарты олененок тянул. На развилке человек останавливался ненадолго, потоптался вот тут, главную дорогу осматривал. Потом тронул оленей — те с места рванулись рысью. Копыта раздвоенные — это при быстрой езде. Когда олень спокойно идет, то его копыта почти не расходятся.

Ошметья снега на колее пушисто закуржавели, себреются на солнце. За одну ночь мороз так бы не расстарался. Ясное дело, что след позавчерашний.

— Седой брат Ефим в поселок поехал, — не то подумал, не то вслух сказал Демьян. — Наверно, пушнину повез. Нарта его легкая.

Пеструха, шевельнув левым ухом, покосилась на хозяина. Словно подтверждала: да, поняла твои слова, говори дальше, слушаю.

Если свернуть по этой дороге, до зимнего дома Ефима Андреича, которого все зовут Седым, не будет и долготы одного оленя¹.

Демьян подошел к Пеструхе, еще раз потрогал, правляя, подгрудный ремешок ее лямки, передвинул чуть съехавший назад пояс, смахнул снежинки со спины.

— Ну, коль доберется до магазина — так не скоро обратную дорогу вспомнит, — сказал он Пестру-

¹ Долгота одного оленя — расстояние между двумя остановками. Причем эта долгота разная; у оленя утреннего — короткая, у дневного — средняя, у вечернего — более продолжительная. В среднем она равна от трех-четырёх до пяти-семи километров.

хе. — Такой он, мой Седой брат... Где-нибудь встретим его — одна Царская дороженька...

С этими словами он отвязал вожжу и тронул упряжку.

Теперь ехал он и, размышляя о житье-бытье Седого, который приходится ему близким родственником, братом по Медвежьему сиру, почувствовал тепло его дома, будто побывал там и хозяйка напоила крепким горячим чаем. Хорошо встречали людей в доме Седого. Встречали приветливо, искренне. И хотя частенько гостей потчевали только чаем и хлебом — значит, кроме этого, ничего в доме нет, — путники всегда с потеплевшими лицами прощались с хозяевами. Да разве дело в чае или хлебе?! Это есть в каждом доме, у каждого хозяина. А в зимовье Седого люди получали нечто такое, что нельзя сравнить ни с каким чаем: они, возможно, начинали чаще улыбаться друг другу и всему окружающему, будь то птицы, звери или деревья-травы. Может быть, после, отъехав от гостеприимного дома Седого, они задумывались об истинном назначении человека на земле, о далеком и недалеком прошлом, о дне сегодняшнем, о будущем. Без прошлого, пусть даже и печального и неприглядного, и без будущего, быть может, и туманного, но привлекательного, человек не может постичь себя, не может постичь свое время, свою эпоху.

Человек должен находить себя...

И Седой, быть может, отрезвлял людей, что оставались в его доме. Заставлял их задуматься о многом, с чем сталкивались в прошлом и столкнутся в будущем.

Седой.

На его голове курчавилась копна седых, совершенно белых волос, которую он не закрывал капюшоном

малицы ни в зимнюю стужу, ни в летний зной, ни от комаров, ни от мошкары.

Седой.

Голова снежной белизны...

6

А когда побелела его голова — никто не помнит. Может быть, она побелела в тот день... В тот черный день, когда умерла мать. Избушка вздрогнула от рева и слез. Пронзительно тонко выла побелевшая бабушка. Истошно громко ревела все понявшая старшая сестрица Карпьянэ. В люльке захлебывался слезами и криком братик-несмышлениш Колька... А по отцовскому лицу прошел огонь... И потекли слезы. Текли слезы медленно, скупно. Он всхлипнул и руками закрыл лицо. Это были первые и последние слезы отца. И мальчик испугался и, взревев, заметался по избежке — от бабушки к отцу, от отца к сестре, от сестры к безмолвной матери. Мать лежала в углу на своей постели. Мгновение назад, всхлипнув, отец закрыл ее лицо платком. И мальчик почувствовал — случилось что-то ужасное, а что именно — не мог понять. И он все метался по избежке, и никому до него не было дела. И никому он не нужен был.

Может быть, побелела его голова под тяжестью «военных бумаг», что пришлось ему возить в войну. В то время он был почтовым человеком и доставлял почту из Верхнего поселка до Нижнего, а из Нижнего до Верхнего, до своего поселка. Летом на обласе-долбленке, зимой — на оленях. Бывало, в Нижнем ему вручали почту и говорили, что там «срочные военные бумаги» из районного центра — через полтора-двое суток должны быть на месте. А еще лучше — через

сутки-полтора. Мало, конечно, времени вверх по реке, против течения. Мыслимо ли за такой срок?! Но... Война. И он брался за кремневое¹ весло, от которого горела кожа на ладонях. Когда рукам становилось совсем неважно, он срезал особенно большие повороты Реки по перетаскам-волокам — продевал весло в носовую петлю и, подняв на плечо, таким способом впрягался в свой облас. Тяжелы же «военные бумаги» — повестки в райвоенкомат, повестки на войну. И хотя Ефим знал, что не он начал эту войну, не его страна, но он все равно чувствовал себя виновным перед людьми. Будто не война, а он разлучал девушек с женихами и братьями, женщин — с мужьями и сыновьями, детей — с отцами-дедами и старшими братьями. Это он, почтовый человек, привозил в село слезы разлуки и тяжкую горечь расставания. Это он отрывал людей от родного дома, родной земли, близких родственников — кого на долгие военные годы, а кого и навсегда. И от этого так тяжела была почтовая поклажа на перетасках-волоках. А потом стало еще тяжелее — пошли похоронки. И он, гребя против течения и волоча облас по перетаскам, думал о фронте и о тех, кто уходил туда. Охотники, особенно молодые, все видели в романтической дымке и охотно ехали на фронт. Они говорили, что хорошо владеют оружием, быстро ходят на лыжах-подволоках, умеют предсказывать погоду и ориентироваться на местности. Словом, привычны к тяготам кочевой — походной — жизни. Раз белке попадаем в голову, наивно рассуждали они, так неужели в фашиста не попадем?! Ведь фашист-то намного больше белки!.. Такого же мнения был и Ефим. О себе не думали. Вернее, как все

¹ Кремневое весло — из твердой, «пропеченной солнцем» дровесины.

ханты, они свято верили в свою судьбу: чему быть, того не миновать. Кому суждено в огне сгореть — тот не утонет. Кому суждено утонуть — тот и в огне не сгорит. Так и на войне. Кому суждено жить — тот вернется с победой, того никакая пуля не возьмет. А если кого и возьмет пуля — так уж судьба, а против судьбы куда попрешь. Значит, кончились дни, что тебе отпущены на земле. А кончиться этим дням суждено там, на фронте — в первую ли атаку, в жестокую ли бомбежку, от шального ли снаряда. А пока жизнь хороша была тем, что никто не знал, что его ожидает впереди. И у Ефима было смутное представление о недалеком будущем. И с фронтом у него пока ничего не получалось. Пришла ему повестка в сорок первом. Но из Сургута его вернули домой: фронту нужны были не только хорошие стрелки, но и рыба, мясо и теплые меха. Сначала он рыбачил и охотился, как все сородичи. Но потом понадобился человек, легкий на подъем, скорый на руку, выносливый — и определили его «почтовым человеком». Второй раз призвали его летом сорок третьего года. Тогда семь охотников получили повестки. И отправились в Сургут на большом неводнике¹. Но пока они на гребях добирались до районного центра, пароход с мобилизованными уже отплыл в Омск. И он снова вернулся домой: возил почту, а в перерывах между поездками для фронта добывал рыбу и зверя.

В третий раз приехал в военкомат зимой сорок четвертого. Провожал его отец, который должен вернуться домой с упряжками оленей — другого транспорта в то время не было.

Пришло время расставания.

¹ Неводник — большая четырехвесельная лодка, с которой забрасывают невод, неводят.

Они долго и молча смотрели друг на друга. Смотрели друг на друга и молчали. Им тяжело было расставаться. Им хотелось быть вместе.

В глазах отца-старика горькое сожаление: «Если бы я был не настолько стар...» — которое он так и не высказал вслух.

«До свидания, — сказал наконец отец-старик и пожал руку сына. — С удачей-здоровьем!»

«До свидания, — сказал и сын. — И тебе — удачи и здоровья!»

«Свидимся ли?...»

«Свидимся... ли...»

Упряжка старика отца скрылась в переулке. И тут только сын сообразил, спохватился вдруг, как многое не успел он сказать отцу. Многое, очень нужное...

Наверное, и отец не все успел сказать. Не все... Разве успеешь все!..

До весны вместе с другими охотниками Ефим проходил военную подготовку. А затем, после открытия навигации на Оби, с первым же пароходом мобилизованные отбыли в Омск, а оттуда — на фронт.

А война медленно, но верно откатывалась на запад, в сторону захода солнца. И Ефим, тяжело ступая, шел на запад. Словно он только для того и пришел в этот мир, чтобы вот так, падая и вновь поднимаясь, идти на запад. Шаг за шагом на запад...

Может быть, побелела его голова в тот миг, когда чудовище-танк со свастикой встал перед ним на дыбы. А у него в руках ничего не оказалось: последнюю связку гранат бросил несколько мгновений назад. Но танк был еще живой — скрежетал и судорожно дергался, пытался оправиться от удара, чтобы снова жечь и пережевывать все, что попадется ему на пути. Танк навис над его сестрицей Карпьянэ, над братиком Колькой, над стариком отцом, над родовыми братьями

и сестрами. Танк навис над его родным селением, над жителями его Реки, над многими и многими людьми земли. И Ефим почувствовал всем нутром — сейчас танк упадет на землю и раздавит его. Он осатанел от ярости — сами собой сжались кулаки, отяжелели свинцово и ноги понесли его к танку.

И время остановилось.

Он шел на танк. И пространство все уменьшалось и уменьшалось, и наконец в мире остались только
черный танк
и
человек.

Он ничего не чувствовал. Не слышал даже грохота боя, словно и его самого не существовало — остались лишь глаза, видевшие танк, да кулаки, что наливались свинцовой тяжестью. Он шел чуть ссутулившись, прижав локти к рваной гимнастерке. Он уже выкинул вперед руки — и тут из брюха танка выскочил черный фашист. Ефим машинально обхватил его выше пояса и так сдавил, чтобы навсегда выдавить из его черного нутра дух. Фашист повалился в сторону. И когда Ефим поднимался, его вдруг подхватил вихрь, и последнее, что он увидел, — это падающее навзничь чудовище-танк. Мелькнула мысль: успел-таки свалить.

Он видел все окружающее в двух цветах. Затем началась борьба — и черный одержал верх и проглотил человека. Ушли все другие цвета и звуки...

Ушли.

Ушли, а возвращались медленно, как бы нехотя, с трудом. И после госпиталя в сорок пятом он вернулся домой. Война не оставила на нем ни одной царапины, а от тяжелой контузии со временем оправился. И его вновь определили «почтовым человеком». Теперь, когда ему вручали запечатанные сургучом мешки, не требовали той поспешности в доставке, что в военные

годы. Но все равно главным двигателем оставались мозолистые руки. И весло оставалось веслом. И перетаски — перетасками. И бечева — бечевой.

Если с ним отправляли людей командированных, пассажиров, то против течения применял бечевую тягу. Сначала учил попутчика или попутчицу, как нужно править кормовым веслом, а сам впрягался в ляжку бечева — дело привычное, пока руки отдыхают, пусть поработают ноги.

Ночевать приходилось там, где заставляла темнота, — либо на берегу у костра, либо в летних избушках рыбаков и охотников.

Возможно, побелела его голова не сразу, не в одно мгновение, а постепенно пробивалась седина. День за днем, год за годом, когда он терял близких. После смерти матери пришла новая беда. Настало время Кровавого Глаза.

Кровавый Глаз приехал рано утром, когда еще все спали. С ним переводчик и каюр. Он шумно ввалился в дом и поднял всех. И остановил свой ледяной взгляд на старике Петре. Все поняли — на этот раз «врагом народа» стал дед Петр. Но это был не простой «враг народа». Дело усугублялось тем, что в давние годы указом чуть ли не самого царя Петр-старик был назначен старшиной этой Реки и якобы притеснял народ.

Кровавый Глаз кивнул переводчику и начал допрос:

— Старшиной был?

— Был.

— Царю проклятому служил?

— Выходит, так: служил...

— Грамоты царя проклятого получал?

— Были какие-то бумаги.

— Где они?

— Так истлели давно.

— Народ притеснял?

— На-род... — медленно повторил старик, словно взвешивая это слово, и, помолчав, глухо сказал: — Это... у народа спросите.

— Сам знаю — у кого спрашивать! — рывкнул Кровавый Глаз.

Про старика говорили, что он был хороший старшина: сам жил и другим жить давал. Охотники уважали его за житейскую мудрость и справедливость. Иначе, не обладай он всем этим, его не назначили бы старшиной. Но грозный районный Начальник «С Маленьким Ружьем»¹ все повернул по-своему: а для кого он был хорошим?! Для старого режима?! Если так, значит, он совершенно не годится для нового. Нет ему места...

— Поедешь со мной! — выдал переводчик приговор.

— За что? — спокойно спросил старик.

— Служил старому режиму, а еще спрашивает — «За что?» — хихикнул Кровавоглазый. — Радуйся, что не было в роду шаманов и князей! Не то бы... — и он не договорил, только выразительно дернул острым подбородком.

— В старое время все царю служили. Весь народ, — сказал старик Петр. — Теперь всех надо убивать, да?! Весь народ?!

— А хотя бы и весь... — осклабился Кровавоглазый и, вытащив портсигар, закурил.

Выдохнув дым, он лениво добавил:

— Сам знаю, кого первым...

Избушка затаила дыхание. Даже собаки на улице притихли. Дед Петр молча начал натягивать старые

¹ «С Маленьким Ружьем» — с пистолетом.

кисы. Было слышно, как тяжело сопел безногий Галактион, который вез сейчас этого большого Начальника.

— Ну, ты... шевелись! — вдруг закричал Кровавоглазый.

Старик будто не слышал его — натянул кисы и неспешно стал подвязывать их. Выпрямившись, он тихо попросил сына Андрея:

— На пастбище сходи. Оленей домой пригони.

— Стой! — крикнул Кровавоглазый. — Стой!

Все головы повернулись к нему. А он смерил взглядом Андрея с ног до лица, помолчал, что-то прикидывая. Наконец кивнул на своего переводчика, обского ханты, четко, как приказ, отчеканил:

— Пойдешь с ним!

Переводчик тотчас же вскочил и направился к двери. За ним вышел сын старика Андрей. Безногий Галактион — правая нога не разгибалась в коленном суставе, — немного помедлив, тяжело поднялся и, громыхая набалдашником костыля, поспешил на улицу.

Один Кровавый Глаз продолжал сидеть неподвижно.

Курил.

Дед Петр очень медленно собирался в дорогу. Искал что-то на широких полках передней стены. Мимходом задвинул подальше в угол соскобленную для подволока лошадиную шкуру. Старые подволоки¹ изнашивались, мех на них обтерся — нужны новые. Не успел вот только доделать. Кожаный аркан сколько плел — тоже вот не успел. Сажени три-четыре осталось до конца. Это для сына Андрея. У него, у Андрея-то, грешным делом, арканы «слабые» получают. Не

¹ Подволоки — охотничьи лыжи, которые снизу подклеиваются, «подволакиваются» шкурой лошади, выдры или лосиным камусом.

арканы, а простые веревки. На оленя не идут. А этот аркан в меру упругий, в меру легкий, не путается зря. В любую погоду — в осеннюю ли слякоть, в зимний ли холод — одинаково хорошо идет на оленя. Дед Петр еще в молодости начал плести такие арканы, а вот сына не научил этому делу. Доплетет, конечно, аркан — нужда заставит. Но доплетет «веревкой»... А вот наконечник стрелы на выдру. Давно уж взялся вытачивать, да напильник старый, плохо берет металл. Это один из самых сложных наконечников стрел — с открылками и ушком для прочной веревочки. Неопытные охотники затачивают открылки с обратной стороны, что ни в коем случае нельзя делать. Зверь рванется — бечевка натянется, и стрела может выскочить. И ушко нужно оставлять примерно на расстоянии указательного пальца от острия. Больше оставишь — плохо. И меньше оставишь — тоже плохо. Об этом, кажется, говорил сыну Андрею. Доточить тут осталось самую малость. А на древко уж знает, как насадить. Ничего тут сложного нет. А насторожит лук-самострел на болотных верховьях Большого или Малого Пева. Места выдровые — сын знает их.

Старик Петр будто взвесил на ладони наконечник и положил на видное место на краю полки. Это не дерево, подумал он. Не сгниет. Сын поохотится, а после стрела перейдет внукам Ефиму да Кольке — будущие охотники подрастают. А потом, может быть, и их дети по охотничьей тропе своих предков пойдут.

Затем он поправил ружье, что лежало на перекладинах-шестах. Прикоснулся к потертому подсумку для патронов, тронул крышку корневатика¹, в котором хранились порох, дробь и мелкие инструменты охот-

¹ Корневатик — плетеная коробка из кедрового корня и лент молодой черемухи, цилиндрическая или продолговатая по форме.

ника. Открывать не стал — и так времени в обрез. Да разве успеешь в последний миг прикоснуться ко всему тому, что создано твоими руками за долгие годы жизни на этой земле?! Разве возможно объять необъятное?! Все эти черные урманы, сосновые боры, мшистые болота, перевитые твоими тропами-дорогами, на которых остались светлые и горькие дни и годы твоей жизни. Долгие и недолгие реки, большие и малые озера, таежные ручьи и родники, что поили тебя своими водами. Все это будет жить в памяти до последнего мгновения, до последнего вздоха. И, сидя в темной зловонной камере в ожидании своей участи, он будет вспоминать свою таежную землю, и это станет единственной его отрадой. Единственная отрада — человеческая память, уводящая пусть и в прошлое. Мысль его начнет свободно бродить по сердцу милым урманам, борам, болотам. По рекам и озерам, по ручьям и родникам. Мысль поведет его по пройденным когда-то по этой земле тропам и дорогам к началу жизни. И, пройдя через судьбы многих людей — родственников и знакомых, — он вдруг ужаснется. Ужаснется тому, как далеки и как близки они — начало жизни и конец жизни.

Будто жил и не жил на этой земле. Будто многое сделал, а будто бы ничего не успел сделать. Много, может быть, в жизни следовало повернуть не так, а по-иному. Но теперь уже сошлись вместе начало и конец, и ничего нельзя изменить. Да и нужно ли что-то менять? О чем-то сожалеть? Ведь главное в том, что он после себя не оставил людям и земле никакого зла. Зло рождает зло.

Но после него не родится зло.

Ничего плохого на земле он не посеял.

Это он знал твердо. В этом был уверен до конца. Но этого никак не объяснишь Кровавому Глазу с малень-

ким ружьем, ибо тот ничего не поймет, просто не захочет ничего понять. Если бы даже случилось чудо и что-то до него дошло бы вдруг, пусть не все, а частично, то он все равно остался бы прежним и продолжал бы делать свое дело не спеша и хладнокровно, упиваясь своей безграничной властью. Безграничной властью и своей непогрешимостью — в те годы, кроме него, редко кто заглядывал в эти отдаленные края. Настало время Кровавого Глаза — самеринское время. По всей округе трудно отыскать семью, которой не коснулось бы это время — бессмысленное и черное.

Он был многолик. Прозывали его по-разному: «Самерин», «Тот», «Нечистый Дух», «Йимпесиот»¹, ибо он вездесущ, мог в самом неожиданном облике всплыть и тут, и там. Мог нагрязнеть днем и ночью, поздно вечером и рано утром. Мог свалиться на голову и летом и зимой, и осенью и весной. Он мог все. Он незримо присутствовал всюду. Он все видел и слышал. Он знал, о чем думал каждый человек. Но этого мало. Он знал, о чем думает народ. Он никогда не ошибался, его не мучила совесть — вершил свое дело легко и бездумно. В каждый приезд он увозил с собой «врагов народа» — от трех-четырёх до десятка человек. Он говорил человеку: «Поедешь со мной». И человек садился в облас или нарту и ехал за Начальником, полагая, что в районе разберутся и отпустят домой. Поскольку никто и ни в чем не чувствовал за собой вины. Никто не думал и не пытался бежать или сопротивляться. В каждом жила надежда на спасение. Но из всех, кого он увез, вернулись только двое: Ефрем-старик с среднего течения реки и Александр-старик с Ягурья-

¹ Йимпесиот — приблизительно переводится так: «Чудовище, неподвластное богу и человеку, неподвластное никаким добрым силам Неба и Земли».

ха. Многие и многие сгинули бесследно. Не было даже обычных извещений о том, что умерли «от сердечной недостаточности», ибо «совершенно не переносят неволю» и мрут как мухи. Сгинули бесследно, словно и не жили никогда на этом свете...

Старый Петр-старик понимал умом, что главное не в Кровавом Глазе. Тот просто является слепым придатком времени. Все дело во времени. Кто-то упустил из рук время. И это время встряхнуло темные силы человеческих душ — и пошло! И поехало!.. Но время преходяще. На смену одному году приходит другой год. И на землю ступает новое поколение, которое всегда чуть-чуть человечнее, чем предыдущее, — и все начинает и продолжает по-своему. И может быть, все делает чуть-чуть лучше, разумнее, чем ушедшее поколение. И возможно, на этом и держится жизнь земли и жизнь Вселенной. Во всяком случае, как показалось старому охотнику, на этом держалась жизнь его рода и всех окружающих людей.

В сырой промозглой камере, размышляя о прошлом и преходящем времени, об улетающих надеждах на будущее и настоящее, он обнаружит: человека можно лишить всего, но нельзя отнять у него память. Человека можно унижить, уничтожить, превратить в ничто, но с его памятью ничего нельзя сделать. Память не заключишь в камеру, ничего ей не прикажешь и никуда ее не повернешь. Вот тут бесценен и Кровавый Глаз...

Между тем Кровавоглазый докурил папиросу, выплюнул окурок на пол и теперь сидел неподвижно, уставившись куда-то в пространство. То ли задумался о чем-то, если у него еще была способность мыслить, то ли разморило его в тепле после бессонной ночи.

Казалось, он ничего не видел. Но когда старик Петр подпоясался кожаным ремнем и по привычке поправил ножны на правом боку, Тот, не меняя позы, вяло сказал:

— Снять.

Старик молча отстегнул ремень и молча же отвязал ножны из светло-желтой кости. Подержал ножны на левой руке, затем переложил на правую. Притронулся к рукоятке ножа из темного березового капа и, помедлив, положил ножны возле внука Кольки. Теперь на ремне с левого бока остался лишь украшенный орнаментами меховой кисет-подсумок.

— Что там? — по-прежнему равнодушно спросил Тот.

И старик открыл подсумок и выложил на стол кремь и огниво, завернутые в кусок трута и перевязанные ниткой. Затем вынул костяную застежку для упряжных ремней, моточек прочной бечевки для насторожки лука-самострела, три небольших гвоздика, брусочек и пучок белой стружки — цихеп¹, куда обычно вкладывают затлевший трут и размахивают им до тех пор, пока не вспыхнет пламя. После вытащил кусок кожи с двумя иглами — одна для шитья меховой одежды, другая для ткани — и нитки из оленьих сухожилий.

Тот сделал едва заметный знак «убирай». И старик все сложил аккуратно в подсумок, все, кроме огнива и кремня. Долго смотрел на них, словно припоминал, сколько костров разжигали его предки этим серым камешком и куском стали, сколько они дали людям тепла и жизни. И вот настало время — и они переходят к другому поколению. И он молча положил кремь

¹ Цихеп — мягкие тонкие стружки-ленты, соскабливаемые острием ножа с мерзлого ствола березы или тала в морозный день.

и огниво возле внука Ефима. И все. И погас огонь его очага. Погас преждевременно. Погас неожиданно-негаданно. Погас в тот миг, когда он не ждал этого, он не был готов к такому концу. Убит огонь его древнего очага. Убит огонь. Убит очаг. И Кровавоглазый, словно уловив это неуловимое мгновение, вдруг встрепенулся, и голос его приобрел былую металлическую твердость — выстрелил словом:

— Прощайсь!

Старик уже выиграл нужное ему время и внешне спокойно принял слово-выстрел. Подпоясавшись, он расправил складки на малице, выпрямился и лишь после шагнул к старой сватье, бабушке Ефима, которая сидела на малых нарах.

— Я, йим улэм¹... — сказал старик глухо. — Хорошо живите...

Бабушка встала и протянула руку. Он не видел ее лица под платком и никогда уже теперь не увидит — они соблюдали обряд избегания². Взяв ее руку, он наклонился и поцеловал тыльную сторону кисти.

— Йим... улэм... — с трудом проговорила бабушка и поцеловала и его руку, которую надолго задержала в своей.

Теперь он подошел к внучке Карпьянэ. Она после смерти матери постоянно сидела в «нижнем» — ближнем к очагу — углу дома, где было место хозяйки. Дед осторожно взял ее обеими руками за голову и, чмокнув в правую щеку, тяжело выдохнул:

— Йим улэм, ицек мокилэм³...

¹ Я, йим улэм... — Ну, до свидания...

² Обряд избегания соблюдался между определенными родственниками, и мужчинами и женщинами: обращались друг к другу только на «вы», запрещалось употребление грубых и нецензурных слов, возбранялись ссоры. Вместо имен — термины родства и т. д.

³ Йим улэм, ицек мокилэм... — До свидания, дитенок мой...

Карпьянэ замерла, не дышала. Она ничего не могла сказать — глаза набухали не по-детски тяжелыми слезами. Слезы не скатывались по щекам, они стояли в глазах. И вместо глаз остались одни слезы — все увеличивающиеся мутные шары. Мутные, беззащитные, ничего в этом мире не понимающие... Дед поспешно отвернулся от нее, поспешил к внуку Ефиму, поцеловал его в щеку и медленно провел рукой по головке, сказал приглушенным, почти перешедшим на шепот голосом:

— Йим улэм... Йим улэм...

И заерзал Ефим, забеспокоился под тяжестью нависшей над домом беды. Он сидел босиком, а теперь нужно было обуться и непременно выйти вслед за дедом на улицу. Ему показалось, что если он успеет проводить деда на улицу и успеет сказать что-то значительное и важное этим пришлым людям, чего они не знали и не понимали раньше, до его слов, до его голоса, до его крика, и если он успеет, то все-все станет хорошо, он отведет беду. И люди, они же не звери, они же разумные существа, — поймут друг друга. Они должны понять друг друга, на то они и люди. И тогда эта напряженно-жуткая тишина, прерываемая скупо прощальными словами деда, треснет, и уйдет, и скроется за старыми мудрыми соснами, окружившими дом. Но кисов не было, запропастились неизвестно куда. А голыми пятками ни в коем случае нельзя оскорблять белый снег, говорила покойная мама. Может новое несчастье прийти в дом...

А дед уже держал в руках люльку, где, наклонив голышечку на правый бочок, спал внук Колька. Дед поцеловал его сначала в левую, потом в правую щеку. И мгновение молча держал его перед собой — замерев, смотрел на спящего малыша. И в последний раз прижался потрескавшимися губами к ребенку и выпустил люльку.

С малышом он прощался молча.
Малыш не просыпался и поэтому тоже молчал.
Лишь во сне тихонько посапывал носиком.
Дед медленно, охватывая все и в то же время ни на чем не останавливая взор, повернулся по солнцу и тихим ясным голосом оставил пожелание:
— Хорошо живите...
И, не оглядываясь, шагнул за порог.
И в последний миг, уже за порогом, его догнал крик проснувшегося малыша...
Вслед за ним вышел Кровавоглазый.
Упряжки уже были готовы в путь.
Старик поцеловал сына Андрея в щетинистую щеку и, глядя ему в глаза, нахмурившись, сказал:
— Не ждите, — и легонько оттолкнул сына. — Он не тронет вас после меня...
Он не договорил до конца.
— Как не ждите?! — обалдело перебил сын.
— Не ждите! — жестко повторил отец. — Стар я. Свое отжил.
— Как отжил?! — переспрашивал сын. — Как?!
— Вам нужно жить... — сказал отец и обвел взглядом подступившие к коралю сосны, рыбы сараи, собачьи конуры, оленей и дом. Оглядев все это, он выпустил руку сына и тронул упряжку.
Рванулись олени. Впереди ехал безногий Галактион со своим пассажиром С Маленьким Ружьем, за ними дед Петр, замыкающим был переводчик.
Сын застыл посреди корала.
Протяжно взвывла лайка старика. Ее вой тут же подхватили все собаки.
Из зимовья выскочил Ефим.
— Деда-а-а, ты ку-да-а-а?! — полетел вслед упряжкам его запоздалый крик. — Погоди-и-и!..
Упряжки мчались прочь. Спины седоков мелькали вдали за деревьями.

И вслед деду еще раз рванулось отчаянное:
— Погод-ди-и-и!..
Крик, путаясь в соснах, покатился по снегам на запад и, ударившись о черту заката, умер там. Умер, поскольку за этой чертой нет ни звуков, ни людей, ни жизни. И за эту черту заката солнца увезли деда. За этой чертой умирают звезды, умирает луна, умирает солнце. Все они бессильны против этой черной пустоты. Но, может быть, человек сильнее звезд, сильнее луны, сильнее солнца?.. Может быть, человек все-таки сумеет преодолеть когда-нибудь эту ужасную пустоту за чертой заката?.. Преодолел ли дед Петр эту черную пустоту?..

Об этом много размышлял Ефим, уже став Седым. Может быть, все же преодолел. Преодолел, умерев. Преодолел, обрубив все нити, ведущие в будущее. Преодолел, чтобы ни у кого и ни в какие времена не нашлось повода для разрыва родственных связей близких ему людей всей земли. Он умер не в камере. И умер не от «сердечной недостаточности», что было причиной ухода из жизни многих людей в те годы. Он умер на свободе. После многочисленных допросов с пристрастием, очных ставок и изнурительных ночей в глухой камере его отпустили. Возможно, против него нашлось мало улик. Возможно, всех поколебала его непреклонность: того, что было, не отрицал, а чего не было — не признавал, потому что не хотел уходить из жизни с тяжким коробом лжи, хотелось до самого последнего мгновения остаться человеком. А возможно... Те, кто решал его судьбу, просто увидели, что от старика будет мало проку, и поэтому открыли двери камеры на вечерней заре и сказали ему: «Иди». И он вышел и увидел небо. Увидел бледное вечернее небо своей земли в кровоподтеках зари и в синяках сгущающихся туч. Увидел рваное потрескавшееся небо. Но это было небо его земли. Это была свобода. Это бы-

ла правда. Восторжествовавшая правда. Это был последний шаг по жизни. И он медленно побрел под этим небом по грязным улочкам райцентра. Шел так медленно и долго, что успел заново прожить всю свою долгую жизнь с ее горестями и радостями, успел встретиться и проститься со всеми, кого когда-либо видел на своем пути, с кем был знаком и с кем не был знаком. Ведь все это были люди... Живые в его памяти люди, без которых немислима жизнь на земле. И он все шел, встречаясь и прощаясь с людьми. И шел до тех пор, пока не посыпались на него удары. Он закрыл лицо руками и, остановившись, выпрямился. Удары падали со всех сторон. Он принимал их молча. Не издал ни звука. Кровь перебитого пальца заливала правый глаз. А он все молчал. И стоял. И удары сверху давили его вниз. И он становился все ниже, словно его вколачивали заживо в землю, но он не падал. И удары от этого стали еще жесточеннее. Он все молчал. И даже когда померк белый свет и все кончилось, он еще несколько мгновений стоял, не хотел падать...

Жулье забило старика поленьями... Как «врага народа»...

На грязных кривых улочках райцентра.

На другое утро его опознали без труда: лицо он сохранил человеческим...

Об участии деда Петра узнали люди всей Реки, от устья до самого верховья.

Время...

Времена...

И эта весть медленно, ночуя у дымных костров, пробираясь по заросшим травой волокам-перетаскам, налегая на кремневое весло на яростном стрежне, по нескольку дней задерживаясь в селениях рыбаков

и охотников, поднималась вверх по Реке. И наконец добралась до тех, для кого главным образом предназначалась. И Ефим отчетливо увидел этот последний душераздирающий миг в жизни деда. Может быть, в это мгновение его волосы тронула седина.

Видно, перегоревший пепел седины оставила и сестричка Карпьянэ. Она, вырастив братьев, вышла замуж за охотника отдаленной Реки и уехала. И ушла...

Может быть, седина пришла к нему позже, в тот год, когда брат Николай, выехавший погостить к родственникам своей жены в соседнюю Реку, скоропостижно скончался там от какой-то неведомой болезни, осиротив девочку и мальчика.

Отец, не пережив смерти близких, перебрался на родовое кладбище.

Каждый уходивший родственник оставлял на голове Ефима горькую отметину. И эта отметина напоминала, что судьбой predeterminedена ему, быть может, самая тяжкая участь человека на земле — жить за всех, кто не дожил до положенного срока, кто оставил на этом свете много непржитых дней. И оттого, возможно, не сумела раздавить его черная гробовина танка на фронте в сорок четвертом году. Ему нужно было жить за всех преждевременно ушедших людей.

Уходили родственники, уходили люди...

Седела его голова, и стали звать его Седой...

Ни у кого по всей реке не было такой огромной белой головы...

«Одна голова Седого осталась, — говорили люди, подразумевая эту ветвь медвежьего рода. — Все ушли в потусторонний мир».

«Один череп моей головы остался», — соглашался Седой и вздыхал.

Дома бывал он редко, все почту возил — все время в пути. Легче было среди людей. И постоянное движение, словно порыв ветра в летний зной, приносило необъяснимое облегчение. Дорога всегда влекла куда-то вперед, в неведомое. Да и к чему дом, если там никого нет. Некому поддерживать огонь в очаге.

«Когда же ты жениться надумаешь? — спрашивали люди. — По всей реке столько невест! Сватов можно засылать, куда душа пожелает». «К чему жена, коль меня дома не бывает», — отшучивался Седой.

Но молва поведала, что он любит возить на своем обласке хорошеньких попутчиц-пассажинок. В таких поездках ночь застает их почему-то не возле рыбацких станований и селений, а далеко от них, утверждала молва.

По этой причине вроде бы и обзаводиться семьей не спешил.

«Седой знает дело!» — говорили злые языки, намекая на его попутчиц.

«А кто не любит их, хорошеньких попутчиц?! — оправдывали его другие. — Найдите таких!..»

Но таких, однако, не находилось.

Ходили слухи, что увезла его сердце в большой и дальний город какая-то отчаянная красавица, с которой он плыл на одном обласе с Верхнего до Нижнего села.

Не то учительница, не то метеоролог с метеостанции, не то ревизорша какая-то. Уехала она и увезла сердце своего попутчика. Ищи — не ищи, а где ее отыщешь. Много на земле городов и сел, до которых не доберешься на легком обласке с кремневым веслом. Может быть, все это и к лучшему. После этой красавицы, отметила молва, Седой, кажется, остепенился малость.

Но пришло время — и он женился. Правда, жену привез издалека, чуть ли не с самого районного цен-

тра, с реки с загадочным названием Мауг. Она родила ему трех дочерей и двух сыновей. Мал мала меньше.

Жил с женой дружно, душа в душу. «Между ними вода не пройдет, жир не просочится», — говорили люди.

К этому времени его заменил летом замасленный почтовый катерок, который ходил из районного центра на Оби до Верхнего села раз в неделю или в декаду. Теперь он возил почту только зимой на оленях, на пару с безногим Курпелак Галактионом. А вскоре, к концу шестидесятых годов, по почтовой линии Седой получил полную отставку — почту начали доставлять рейсовые самолеты и почтовые вертолеты. Седой вернулся на тропу охотника, на промысел зверя и рыбы. Но в колхозе как-то не прижился. Вначале все шло хорошо: добычи хватало и на прокорм семьи, и на план. Но потом все изменилось: на котел добывал, а на план уже ничего не оставалось. И на промысловую тропу стал выходить не так часто, как раньше. Теперь с каждым годом все реже и реже вставал по утрам до зари.

Война чем дальше уходила в глубь времени — тем ближе подбиралась к нему.

Если ему ночью снилась вздыбленная громадина фашистского танка, то утром он просыпался от нестерпимой головной боли. И весь день уже ничего не мог делать, все валилось из рук. Специальным широким шнуром он накрепко обвязывал голову — и боль немного притуплялась. И он просил у жены круто заваренный чай. А если это случалось в поселке, он отправлял своих домашних в магазин за напитком более крепким, нежели чай. Напившись, он забывал о боли — становилось немного лучше. Сидел, и пел песни или пускался в пляс, прихлопывая в ладоши. В зависимости от того, сколько он принимал. Никого не трогал, ни к кому не лез. Только пел и плясал.

Когда все старики перемерли, он остался единственным певцом народных песен. В свои лучшие годы, когда не досаждала головная боль, мог один «медведя плясать» — исполнить несколько сотен обрядовых песен в четыре или пять условных дней Медвежьего праздника¹. Сколько песен, сколько мелодий он знал — никто не считал. Сколько знал мифов, сказаний, легенд. Удивлялись люди, ибо талант всегда вызывает удивление.

Но в День Победы он пел только одну песню. К полудню, покачиваясь, Седой выходил на улицу. И, будто в нем был сверхчувствительный компас, становился лицом строго на запад. Сжатый кулак правой руки прикладывал к груди и, сжав несуществующий ремень боевой винтовки, с песней «По военной дороге...», которую пел на фронте, будучи ротным запева-лой, размахивая левой рукой и стараясь по-военному чеканить шаг, пускался в марш. Четко и правильно выводил слова и мелодию песни. Между куплетами подавал себе отрывистые, резкие команды. Кончалась песня — он начинал ее сначала.

Бесконечная песня, бесконечный марш.

В любую погоду — в дождь, в слякоть, в стужу. Маршировал строго на запад. Маршировал до тех пор, пока его не останавливали.

— Он того... шуруп какой-то потерял на войне, — посмеивались одни, покручивая пальцем у виска.

— Молиться надо на него, люди... — говорили другие, провожая его печальным взглядом.

Но невидя ни на что, он шел на запад и пел. Шел и пел. А на голове его возвышалась копна белых волос — Седой.

¹ Праздник в честь медведя с песнями, танцами, сценками из жизни ханты, играми и спортивными состязаниями.

На почтительном расстоянии его сопровождала жена с детьми. Она изредка подходила к нему и коротко говорила:

— Война давно кончилась. Домой возвращайся...

Он не видел и не слышал жену. Но чем дальше, тем настойчивее жена напоминала ему о конце войны. Наконец жена попадала в поле его зрения, а в сознание смутно пробивались ее слова.

— Разве? — бормотал он недоверчиво. — Разве война имеет конец?!

Седой...

Как вечный укор всем прошлым, настоящим и будущим войнам земли, как незаживающая, постоянно кровоточащая рана последней, Отечественной, пулей ввинчивалась в горизонт его песня...

И в глазах его стояли до сего дня невыплаканные слезы...

7

Демьян, хорошо знавший историю этой ветви Медвежьего сира, часто размышлял о Седом брате. Размышлял и всегда поражался силе человеческого духа, силе человеческой любви к жизни. Казалось, вот согнули человека в рог, вогнали поленьями в землю, сломали, — ан нет! Смотришь, выпрямился, разогнулся и снова живет, снова обрел способность мыслить, видеть людей и природу, вдыхать запахи родной земли. По-прежнему он остается бесшабашным большим ребенком. И вновь охватывает мир глазами седого младенца. И под этим взглядом люди либо светлеют лицом и улыбаются, либо отворачиваются и спешат прочь.

Живут на земле люди, непохожие друг на друга. Живут по-разному, мыслят по-разному. И на Седого брата смотрят тоже по-разному...

Демьяну показалось, что от его мыслей все тяжелеет нарта и олени уже тянут ее с трудом. Доехав до хорошего ягеля, распряг упряжку и на веревках пустил оленей на кормежку. Затем возле нарты разгреб снег до земли и развел костер, разрубив на дрова смолистую сосну-сухару¹. Березовой лопаточкой-выбивалкой набрал в закопченный котелок снега из нижнего слоя и повесил над огнем. Пока вскипала вода, кедровой лопатой разрыхлил и разбросал снег перед оленями, чтобы им легче было добраться до ягеля.

Во второй половине зимы, когда снег становился особенно глубоким, в дальний путь он всегда брал эту легкую лопату — помочь оленям и погреться самому. А лопата была, как выражались ханты, «с глазами-ушами». Так говорят о вещах, которые смастерил человек, ушедший из Среднего мира. Человека не стало, а все, что он оставил после себя, обретает «глаза и уши» — сохраняет для потомков «взор и голос» своего хозяина. Такие предметы и вещи берегли особо. И когда у Демьяна треснула лопата, он взял пур² и, просверлив дырочки вдоль трещины, старательно «зашил» ее кедровым корнем. Еще долго она будет служить роду охотника... Эту лопату выстрогал отец в год отъезда на фронт. И Демьян, притрагиваясь к лопате, чувствовал тепло отцовских ладоней, видел его глаза, слышал его голос...

Дневную кормежку и подкопку снега многие охотники не признавали. Но Демьян все делал по-своему — на то были две причины. Первая — в силу слишком развитой интуиции он болезненно воспринимал все боли и печали оленя и не мог поднять хорей на усталую и голодную упряжку. Не вправе был делать это. Вторая же причина в том, что в пору глубокого снега

¹ Сухара — высохшее на корню дерево.

² Пур — хантыйское сверло.

и сильных морозов олени быстро «теряют тело». А не кормленные — вдвое-втрое быстрее! Отощавший олень не то что нарту тянуть, свое тело не может поднять. Когда выбьется из сил, ложится прямо на дорогу и уже не встает. Про таких оленей скажут: «Костный мозг порвался». То есть вконец отошал, «лег». Поэтому, если не следишь за оленями, не покормишь их вовремя — так весной хоть сам в нарту впрягайся. Если оленей много, и забот нет — вернулся с дальней дороги, неделю-другую усталых оленей не трогаешь, отдых им даешь. А тут приедешь из поселка, на следующий день надо капканы или морду проверить, опять тех же оленей нужно запрягать. Раньше в зимние короткие дни никакие чаи не варили, охотник привык есть дважды в день — утром и вечером после охоты. Начнешь чай гонять, так и моргнуть не успеешь, как сумерки уже надвинулись, как след зверя упустил, как мушку на ружье потерял. А теперь все надо учитывать, ничего нельзя упускать. Верно говорит пословица: тише едешь — дальше будешь.

Пил чай неторопливо — пусть олени поедят как следует, теперь до позднего вечера, до самой ночевки не увидят ягель. После еды он завернул котелок в мешочек, почистил от наледи полозья, собрал и поставил под сосной дрова, чтобы не занесло снегом и не отсырели. Пригодится это кострище еще какому-нибудь замерзающему путнику. Потом присел на шкуру-подстилку сиденья и, пригнув черную кучерявую голову, раскурил трубку. Сквозь сизый трубочный дымок он видел призрачные силуэты оленей, словно они из дыма и вот-вот должны раствориться и улететь в низкое хмурое небо, куда ушел и самолет, что привез пузатые бочки на Родниковое озеро. Но мысль о бочках тронула внутренний огонь, огонь острия стрелы, направленной на его зимовье. Хотя за обедом

он выпил вдвое больше чая, чем обычно, но огонь все равно сушил своим пламенем нутро, и ему стало еще тоскливее и горше...

У него было такое ощущение, что он стоит под стрелой самострела: одно неверное движение — и он заденет нить-насторожку, и тугая тетива выпустит стрелу. Одно неверное движение. Хотелось избавиться от этого тягостно-мучительного ощущения, хотелось отвлечься от этих мыслей. И он заговорил с важенкой Пирни, что была в упряжке средней, между жожаком и пристяжной Пеструхой.

— Ты уже наелась? — удивился он. — Ты уже легла?.. Ты плохо кушаешь, Пирни. Поэтому и сила твоя совсем небольшая, поэтому и нарту плохо тянешь...

Недаром важенку назвали Пирни — это маленькая уточка Чирок. Какой навар с чирка? Никакого наvara. Но, однако же, это птица нужная Небу и Земле. Хоть и маленькая; но нужная. Без нее, значит, Земля не может обойтись. Вот и Пирни — важенка нужная. Какой ни есть, но олень. Олень с глазами, с ушами, с руками-ногами¹. Олень. Каждый олень, как и человек, очень похож на свое имя. Да, недаром она получила такое имя — Пирни...

— Ты посмотри на свою маму, на Пеструху, как она ест!

Но Пирни не поворачивала голову. Видно, не впервые слышит такие слова.

— Не смотришь, тебе стыдно. Пеструха вон как ест — поэтому она такая крепкая и сильная. По силе-то она жожаку Вондыру не уступит. Не смотри, что она важенка, а Вондыр есть бык...

— Чуть ли не вся Река от верховья до низовья слышала про нашу красавицу Пеструху, — внушал он не-

¹ У всех домашних и диких животных передние ноги (или лапы) ханты называют руками, а задние — ногами.

путевой Пирни. — Какие у нее рога — мало таких красавиц. Не у всякого хора есть такие рога. Считай, почти вся Река знает ее в лицо. Не потеряется Пеструха даже без метки. Знают ее охотники и оленеводы. Ну, рога-то ладно. Вот весной она олененка принесет. Такого же веселого и крепкого, как и сама. Вот и сынок ее Пев, который дома остался и очень с нами просился, такой же озорной и быстрый, как и мама. Все ее дети большие и здоровые. Только ты вот, Пирни, в кого такая уродилась? Не в мать, конечно. В отца, наверное, уродилась такая...

Он помолчал, подымял трубкой. Потом припомнил тот год, когда появилась Пирни на свет:

— Может, и время виновато, — в раздумье проговорил Демьян. — Ты в тяжелое время родилась. Ты в тяжелый год родилась. В тот год, когда твой старший брат, Бежавший Озером, погиб. Вот тоже олень был. Всем оленям олень!.. В тот год и Пеструха была особенно плоха. Я все думал, выживет или не выживет. Много думал. Жалко ее было. А брат твой, Бежавший Озером, погиб. Прежде времени погиб...

Теперь надолго замолчал Демьян. Видно, размышлял о судьбе Бежавшего Озером. В его памяти до мельчайших подробностей сохранилась жизнь всех оленей, всех охотничьих и оленегонных собак, с которыми немало троп и дорог проторил по тайге и тундре. Да разве забудешь их, если они были с тобой, помогали тебе в самые трудные, в самые тяжкие дни и ночи в твоём нелегком пути по земле?! И в отличие от людей они никогда не обманывали и не подводили человека, не оставляли в беде. И в войну, вместе с воинами-каюрами, олени сражались на фронте. У соседей, на ненецкой земле, формировались тогда олени аргиши и отправлялись на Карельский фронт. На Севере, где не могли проехать на машине и лошади, пускали оленью

упряжку. И там, рядом с солдатами в малицах, погибли и предки Бежавшего Озером...

И припомнилась Демьяну та весна, когда родился Бежавший Озером...

8

На южной окраине бора, на солнцепеке, где появились первые проталины, Демьян увидел махонького ушастого олененка. Прикрыв огромные лиловые глаза, подставив солнцу коротенькую мордочку, он покойно дремал. Благодатные лучи весеннего светила, согревая, укрепляли хилое тельце дитя оленихи Пеструхи. Она стояла возле своего сына и недоверчиво, высоко подняв голову, смотрела на хозяина. Демьян понял ее тревогу и, немного потоптавшись, еще раз глянув на олененка, отступил в кусты — нечего их беспокоить — и направился в сторону дома.

Он шел по весеннему гулкому утру, и на душе было радостно и светло. И свет, и радость сегодня ему доставляло все. И щедрое солнце, и то, что Пеструха рано отелилась: до тяжелого времени комаров и паутов ее сын окрепнет — и тогда ему легче выжить. И то, что Пеструха такая заботливая и чистоплотная мать — вон как старательно вылизала свое дитя, вон как тревожится за него. Ни на шаг не отходит. Да и нрава она хорошего. Доверяет человеку, доверяет своему хозяину, хотя и боязно ей, наверное, за малыша.

Сегодня оленей домой он не пригнал, чтобы не беспокоить отелившуюся важенку. Если захотят — сами придут.

В избушке он отряхнул снег с кисов, снял малую малицу. Жена Анисья поставила ему маленький столик с завтраком, налила чай. И только выпив первое блюдо, Демьян сообщил новость:

— Ну, жена, Пеструха положила.

— Да ну! — удивилась Анисья. — Так рано! Ведь только первые проталины появились!

— Сам не ожидал. Думал, в Весеннее Селение успеем перекаслать.

— Я тоже так думала.

— А теперь придется немного повременить. Пусть олененок малость окрепнет.

— Какого пола — мужского или женского?

— Близо не подходил. Пеструха сердилась. По-моему, все-таки мужского пола, — ответил Демьян. — По-моему, сын.

— Значит, у Пеструхи сын, — проговорила Анисья. — Ладно, сильный олень тоже нужен.

Оба понимали, что в малооленном хозяйстве больше нужны важенки. Они приплод дадут. Да что теперь поделаешь — рады любому прибавлению в стаде.

Тут, услышав разговор про Пеструху и олененка, проснулся малый Юван, Аيي. Накинув сак — меховую шубу, он выскочил к очагу и радостно закричал:

— У Пеструхи сын? Какое имя дали ему? Какое имя?!

— Имя?! — переспросил Демьян и, взглянув на сына и жену, предложил:

— Ну, так придумайте имя! Как без имени? Без имени нельзя...

— Хорошее имя ему нужно дать, — согласилась Анисья. — Чтобы хорошо ему жилось!

Сын Юван перебрал все оленьи имена. Но ни одно из них не подошло для олененка. Как тут подберешь, коль не знаешь характер и повадки того, для кого предназначалось имя. Так ничего и не придумали. Просто называли его Пеструхи сын или Олененочек.

К вечеру Демьян снова навестил Пеструху с олененком. Тот уже поднялся на ноги и, забавно задрвав коротенький хвостик, сосал молоко. Мать ласково

облизывала его, приглаживала шерстинку к шерстинке.

На третий или четвертый день Пеструха привела своего малыша к избушке. Малыш оказался очень любопытным: тыкался мордочкой в нарты, в бревенчатую стену сенок, в висевшие на корале мешки и ремennую упряжь, лез к добродушному псу Харко в деревянное корыто с остатками рыбьих костей и уши, молотил копытцем по металлическому тазику. Словом, знакомился с домом, с хозяйством, познавал мир. Юван, словно замороженный, следил за каждым шагом олененка и все бормотал:

— Во что делает!.. Во что делает!..

Его восхищению не было предела.

Вышла на улицу и Анисья. Олененок ей тоже понравился, и она сказала мужу:

— Слови! Что смотришь...

— Да, с ним поздороваться нужно... — согласился Демьян.

И он без аркана, подкравшись из-за Пеструхи, за ножку поймал олененка. Тот хоркнул, рванулся, но Демьян уже перехватил за шею и туловище. Первым подбежал Юван, поцеловал олененка в мордочку, потом погладил по короткой шерстке, прикоснулся к уху и шее, затем потрогал крохотное копытце. После подошла Анисья, улыбнулась, чмокнула его, провела рукой по теплomu боку, пожелала нараспев:

— Рас-ти боль-шой!..

Анисья выразительно посмотрела на мужа. И Демьян, немного потоптавшись, наклонился к мордочке олененка и исполнил обряд приветствия.

— Ну, здравствуй! — сказал он и тоже чмокнул олененка в нос. — Хорошо расти!

И он выпустил красношерстного малыша. Тот вскочил, отбежал к матери, отряхнулся. Видно, не

очень-то по нраву ему человеческие руки — шерстку помяли.

Вскоре Пеструха повела свое дитя на теплую окраину бора, на проталины, где ягель не нужно выкапывать из-под снега, где в воздухе смолисто-хвойный дух сосен, где на взгорке дремлет щедрое солнышко.

Хорошо на солнцепеке родного бора, куда первой приходит весна!

Проводив взглядом оленей, Анисья сказала:

— Вот Микуль-то обрадуется, когда из школы приедет!

— А скоро он приедет? — спросил Юван, скучавший по старшему брату.

— Скоро, скоро. Вот река откроется, переедем в Весеннее Селение, и папа поедет в поселок за Микулем, — говорила Анисья. — На летние каникулы его отпустят. Тебе веселее будет, Айти!

О Весеннем Селении и Демьян теперь часто задумывался.

На другой день, поутру, он внимательно поглядел на восходящее солнце, на чистое ясное небо, на неподвижные вершины боровых сосен и сказал:

— Каслать¹ надо! Лед на озере горит!..

— Давно пора! Пеструха теперь на ногах! — откликнулась Анисья. — Люди когда уже в Весеннее Селение перебрались!

Уложили на нарты вещи и необходимую домашнюю утварь и тронулись в путь. Пеструху тоже запрягли — оленей не хватило на все упряжки. Олененок, сын ее, хоркая, исправно бежал впереди матери. Видно, ему интересно было, куда все двинулись с насиженного места? Что там впереди, за этим поворотом? За той лощинкой?

¹ Каслать — переехать с одного селения или стоянки в другое со всеми домашними вещами.

На озере кое-где уже появились промоины, в промоинах зловеще синела вода. Но колея зимней дороги была еще крепкой, и опасный участок пути проехали без всяких происшествий.

За озером, на окраине бора, Демьян, жалеючи оленей, решил сделать привал с ночевкой. Пусть олени отдохнут, теперь спешить некуда — озеро позади.

Пужинали. А после Демьян на веревках развел оленей по проталинам. Ягель тут сочный, пусть пасутся. К утру, быть может, подморозит малость — легче ехать. Но, однако, ночью полил теплый дождик — и все развезло. Снега осели, а дорога скособочилась в сторону полдня. Демьян только головой качнул: с касланием припозднились. Да ладно, теперь по твердому бору как-нибудь доберемся, подумал он. Впереди озер нет, преград нет.

Он отвел оленей на свежий ягель, на новое место — пусть еще немного покормятся, а то за ночь вытоптали свои полянки.

Пеструхин сын с хорканьем носился по становью. Видно, от матери отстал. Разыщет, подумал Демьян. Тут она, недалеко. Но после завтрака он обнаружил, что олененок пропал куда-то. Нигде его не было.

Тревожно захоркала Пеструха — сына звала.

— Наверно, обратно убежал, — сказал маленький Юван. — Он все в сторону озера смотрел.

— Чего ж ты молчал? Чего ж не сказал?! — изумилась Анистья. — Поди, он там в полынью попал!

— Я откуда знал — он убежит! — оправдывался мальчик.

Демьян осмотрел дорогу на озере и обнаружил след олененка. Тот и вправду пустился к зимней избушке, на тот бор, где родился. В случае, если оленята теряют мать, они убегают к месту своего рождения. Особенно

когда маленькие, в пору красной шерсти, в первые месяцы жизни. «Вот глупый, — подумал Демьян. — Мать-то на этом бору пасется, чуть в сторонке от других оленей».

Он долгим взглядом окинул озеро. После ночного дождика ноздреватый лед вспучился и озеро сплошь покрылось синюшными пятнами. Не сегодня завтра ударит ветер, и лед мелким крошевом закачается на волнах. Теперь на оленях не проедешь. И Пеструху на поводке вести опасно...

Демьян молча разглядывал колею дороги.

— Может, не надо, а... — осторожно начала Анистья, глядя на посиневший лед озера.

— Не станем же тут сидеть, ждать его, — сказал Демьян. — Снег сойдет — не доберемся до Весеннего Селения.

— Может, сам вернется...

— А коли не вернется?

— Может, сам выживет...

— Малый совсем еще, сам не выживет...

Демьян молча взял аркан и длинный шест и, шагнув на коварно подтаявший лед озера, сказал будничным голосом:

— Я ушел.

— Ну, смотри!.. — только и вымолвила Анистья и быстро отвернулась, чтобы не сглазить удачу человека, который отправился в опасный путь.

Она и слово «осторожно» вслух не произнесла, чтобы не смутить мужа. Он и так должен понять состояние жены и подумать о выборе дороги по зыбкому льду озера.

Она позвала сына — и пошла к кострищу. Удел женщины — ждать...

И медленно-медленно потекло время. Лишь к полудню, когда солнце поднялось высоко над верхуш-

ками сосен, вернулся Демьян и принес на плечах связанного олененка.

— Я пришел, — сообщил он, подходя к кострищу. — Бежавшего озером принес.

— Ах, озорник, попался! — обрадовалась Ани-сья. — Думаешь, не догоним, коль бежал озером?!

— Бежавший Озером, Бежавший Озером! — завопил маленький Юван. — Поймали Бежавшего Озером! Поймали!

Олененку развязали ноги и отвели к матери, которая хоркала не переставая — звала свое дитя.

С этого дня Пеструхи сын получил имя Бежавший Озером.

Бежавший Озером...

Через три года он стал самым крупным быком в маленьком стаде Демьяна. По пастбищу он ступал важно, не спеша, медленно ворочая бронзово-крепкими рогами, придирчиво оглядывая свои владения. Не любил он всякую сумятицу и суету. И теперь только имя — Бежавший Озером — напоминало о том, как он в детстве выкинул неразумную выходку: вспучившимся озером бежал на солнечный пригорок соснового бора, к ягельно-светлому пятачку своего рождения...

9

Демьян, очнувшись от воспоминаний, подбросил в догорающий костер два полена — вдвоем с огнем всегда веселее. Затем подошел к малой важенке Пирни, как бы успокаивая ее, заговорил;

— Ладно, лежи, Пирни, если не хочешь есть... Все равно тебя уже не исправишь, коль такая уродилась. Обратно поедем — нарта тяжелая будет. Хозяйка сказа-

ла муки купить. Мука для человека — это как ягель для тебя, оленя. Без хлеба человек не может, как и олень без ягеля...

И припомнился ему миф о том, как Торым, Верховный бог ханты, для людей хлеб делал. Вернее, муку. В первый раз сделал муку из снега. Но недолго радовались люди хлебу: наступило лето — и растаяла снежная мука. Второй раз сделал муку — и опять ничего не получилось. А люди-то ждут, людям есть надо. Долго Тарым ломал голову. И только в третий раз с помощью листьев-трав сделал муку. С тех пор у людей появился хлеб...

Понимал Демьян: не простое это дело — вырастить хлеб, коли сам Верховный бог столько промучился. И поэтому к хлебу относился с большим уважением: резал каравай по-особенному, по-демьянски, на ладони, чтобы не потерять ни одной крошки.

А важенке Пирни он сказал:

— Муку-то летом надо было купить. По воде привезти. Про запас. Да промешкал вот: то путина — времени нет, то денег лишних не было. На обратном-то пути устанешь, пожалуй. Но не бойся, медленно поедем. Почаще буду делать остановки, почаще буду кормить. Будешь сыта — и силы будут. Это я знаю. По себе знаю...

Тут он замолк и вернулся на свое место. И сидел теперь неподвижно, нахмурив заиндедевские брови и прикрыв печальные глаза, будто задремал и напрочь позабыл об оленях и трубке. Но когда Вондыр и Пеструха наелись, он сразу поднялся и запряг упряжку.

Ехал, но и теперь чего-то не хватало. Потом понял, что нет песни. Нет той беззвучной тихой мелодии, что была спутницей долгих зимних дорог. Но песня не пошла, не зазвучала в нем эта давно знакомая мелодия пути.

Сейчас его мучила жажда.

Хотелось пить. Хотелось такой воды, которая при- тушила бы тоскливо-медленный огонь в груди. Но сколько он ни пил за обедом, вода оказалась бессиль- ной. Эту жажду не смогли бы утолить и все большие и малые болотные озера, по которым он ехал. Их сне- га и воды тоже бессильны против этого огня. И стало ему еще тоскливее, когда после долготы одного оленя, миновав болото с чахлым сосняком, он въехал в стар- ый горельник. И словно тот безумный огонь, что еще во времена его юности уничтожил этот сосновый бор, уходящий от Реки на север, на болотную сторону, тот безумный огонь вновь ожил и вновь забесновался в дьявольской круговерти: кровавым языком слизы- вает белоснежную кипень древнего ягеля, с хрустом глотает зелень не успевшего созреть брусничника, с треском пожирает молодой сосняк, с гулом обглады- вает возмужавшие сосны. Этот безумный огонь про- шел с Полуденной стороны на север и скошил все жи- вое и неживое. И бор помертвел. И хотя с тех пор ми- нуло немало лет и зим, но бор все еще не оправился от тяжелых увечий. И печально взирает на небеса, на бе- лые снега, на одинокого путника.

И путника буравили незрячие глаза бора.

Нагие сосны на корню догнивали на обочине до- роги. Из-под снега торчали скрюченные руки-ветви стариков с черными подпалинами-ожогами на узло- ватых суставах. Всюду серо-бледные тела мертвых со- сен. Они скончались в невыносимых муках. Как и лю- ди, умирая, они зывали к небу, зывали к тучам, зывали к дождю. Их тоже мучила жажда. Огонь без- жалостно выжимал последние капли смолы и влаги.

Тогда сосновый бор мог спасти только проливной дождь. Но дождь пришел позже, когда огонь уже сде- лал свое дело. И горельник слышал немало проклятий проезжих путников: в бураны здесь так заваливало до-

рогу сугробами, что с большим трудом можно было проехать шагом. На болоте этого никогда не случалось — там ветер сдувал снег с колеи. В живой лес бу- ран не пробивался и не мог заснежить путь — там все- гда тихо под разлапистыми кронами сосен и кедров. Один только горельник ни на что не пригоден. А разве бор виноват в том, что сгорел, размышлял Демьян. И огонь, все спаливший, в чем обвинишь? Куда его пу- стишь — туда и пойдет. И тут, как ни крути, а все упи- рается в человека. Где был тот человек, который не сумел или не захотел остановить безумный огонь?! За давностью лет никто толком и не помнит, как возник пожар. И где в то время был хозяин этого бора Нюр Ох — Лысая Голова? Хозяин хоть немного и безалабер- ный, но, однако, себе на уме. Теперь он поставил себе избушку на окраине горельника, на крохотном пятач- ке-сосняке посреди болота. Жил он там со старшим сыном Петром — дочери давно вышли замуж и разъ- ехались. Удивлялись люди: как они там живут? Вернее, их олени. Ну, осенью еще можно терпеть, когда снег неглубокий, а зимой? На бору ягель стелется сплош- ным ковром — олень где захочет поест, там и копы- тит снег. А на болоте ягель растет только между болот- ными кочками на торфяниках. И этих торфяников-то если наберется на болоте одна треть, так это еще хоро- шо. А в снежную зиму их так завалит, что не захочешь и копаться там. Потому-то и рубят зимние дома только на ягельном бору.

А где было ставить избушку бедному брату Нюр Оху, как не посередь болота, думал Демьян. Куда бы он подался с насиженных мест? Тут ведь все связано воедино: становья осенние и весенние, летние и зим- ние. Все эти избушки, лабазы, навесы связаны тропа- ми и дорогами, что много лет назад проложили пред- ки. Разве все это покинешь? Да и податься уж некуда.

Вверх по Реке, в сторону поселка начинаются угожья людей Лосинового рода — Сардаковых. Вниз по Реке — там свой род, люди многих ветвей Медвежьего рода. Конечно, мог бы он поставить избушку везде, где живут охотники, никто бы ничего против не сказал — в суровых таежных землях всегда рады человеку, рады лишнему теплomu очагу...

Демьян сейчас вспомнил, как удивился, когда впервые в детстве увидел этого брата Николая, которого все звали Нюр Ох, Лысая Голова. Наверное, голова у него совсем лысая, ни одной волосинки, думал мальчик про однородного брата. Но оказалось совсем наоборот: на его голове копна черных жестких волос, остриженных под «котелок». Поди разберись теперь, из каких соображений люди приложили к его имени это прозвище Нюр Ох. Отчего это прозвище не досталось живущему за этим болотом, ниже по течению Реки, его старшему брату Роману, у которого совершенно лысая голова?

Наконец Демьян проехал мертвый горельник и, вздохнув с облегчением, после неширокого болотца с шестью-семью малыми озерцами выбрался на живой сосновый бор. Светлая зелень хвои всегда успокаивала глаз и приносила утешение, внушала мысль о незыблемости и вечности мира и всего прекрасного в этом мире. Но сейчас даже эта зелень и живительный аромат сосен не могли приглушить мучительную жажду, которую обострил старый горелый лес. И когда, миновав бор, упряжка вывезла его на Ай Нерым — Малое Болото людей Лосинового рода, — он отвел влево хорей и натянул поводок. Олени остановились.

— Что, Вондыр-старик, на чай к Коске заедем? — обратился Демьян к жожаку. — Хоть и в стороне от Царской дороги, небольшой круг получается — да

вот пить хочется. Нутро совсем высохло. И людей рода Лося давно не видел.

Вожак деловито уткнулся носом в утоптанную колею дороги, счищал сосульки с заиндеветших ноздрей. Всем своим видом говорил: делай как знаешь — можно и заехать. Ты хозяин, тебе виднее — поводок в твоих руках.

10

Демьян покосился на колеи, что ответвлялись от большой дороги и уходили через болото к бору, где стояли зимовья одной из четырех ветвей Лосинового рода, братьев Коски Малого и Николая Малого. Колеи припорошены снегом — давно здесь никто не проезжал.

— Ладно, обновим дорогу, заедем, — сказал Демьян, направляя упряжку к зимовьям, и, как бы оправдывая свое решение, что свернули с укатанного зимника, напомнил оленям: — Дома-то на окраине бора стоят. Прорубь у них на этом болоте, отсюда питьевую воду берут, речушка маленькая есть. Тут езды-то — одно вот это болотце. Вы же в этом селении бывали, так помнить должны. Недалеко тут, полдолготы утреннего оленя даже не будет.

Колея местами была занесена сугробами, и олени шли то шагом, то рысью. Демьян пустил их свободно, не торопил.

Когда он въезжал в бор, услышал беззлобный лай — это собаки извещали хозяев о том, что едет гость. Через открытые ворота он направил упряжку прямо в кораль, в котором стояли две бревенчатые избушки с крытыми сенями из жердей. Из сеней первой избушки высунулся мальчик в короткой домашней малице и тотчас же

шмыгнул обратно. По древнему обычаю первыми гостя встречают дети. Из дальнего дома вышла девочка в ягушке и платке, внимательно посмотрела на Демьяна, на его упряжку. Ей надо узнать, кто приехал: с верховья или низовья Реки, знакомый или незнакомый, близкий родственник или не очень близкий. И, если узнает, то, войдя в дом, она скажет родителям, что подъехал отец такого-то — назовет старшего ребенка в семье, скажет «мой дядя» или «мой брат», «мой племянник» или еще кто-то другой по родственной линии отца, матери и дальней родни. Если же не узнает, то опишет одежду гостя, нарту, оленей и многое другое, что она успеет охватить взором в мгновение ока.

Демьян привязал поводок за первый копыл левого полоза и, отряхнув ошметья снега, снял кумыш.

Девочка неспешно повернулась и исчезла в проеме сеней.

Собаки перестали лаять — они уже сделали свое дело, известили хозяев.

Демьян окинул взглядом утоптаный снег в корале, но оленей не увидел. Они были на пастбище. По бокам избушек, «носами» в полдень, в сторону дверей, стояли только женские нарты. Мужчины из урмана еще не вернулись, отметил Демьян. Что-то задерживаются. Лишних нарт не было, значит, никого постороннего в домах нет. В сенях он нашел выбивалку, которой старательно выбил снег из меха кисов, чтобы они не отсырели в тепле. И вошел в дом старшего из братьев, Коски Малого.

— Ос пэча! — поздоровался Демьян и пожал всем руки, включая и детей; каждый раз он повторял «пэча! пэча!».

Дом ответил ему тем же: «Пэча! Пэча!»

Хозяйку Матрену, которую он звал сестрой, поцеловал в щеку. И она тоже поцеловала его в левую щеку.

— Правдивый гость всегда к столу подъезжает, — сказала хозяйка. — Верная примета древних: в самый раз к тебе подходит, брат!

И на стол, за которым она обедала с детьми, поставила кружку с блюдцем и налила чай.

— Садись ближе, брат! — сказала Матрена гостю. — Пей с нами чай! Холод-то вон какой!..

— Ну, холод... Это его время, — проговорил Демьян, садясь к столу. — В своем он времени. Свое дело делает...

— Ну, пей-пей чай, согревайся! — говорила Матрена. — Сейчас рыбу подам. Вчера вот с Ефремом ездила морду проверить, — она кивнула на старшего сына, мальчугана лет пяти-шести. — Окуней поймали. Вот сварили.

И она большой деревянной ложкой-поварешкой вытащила из котла и положила в продолговатое блюдо из березы несколько окуней величиной с ладонь. Они были горячие, над ними витал аппетитный пар, ударивший в нос.

— А Митрий все ревел, пока мы ездили, с нами просился. Не взяли его, — продолжала словоохотливая Матрена, покосившись на младшего сына. — А сестра Дуся успокаивала его. У снохи они оставались, в соседнем доме.

Дети, уткнувшись в свои тарелки, молча слушали. Они были удивительно похожи друг на друга — все черноголовые, кареглазые, круглолицые. Девочка скромно потупила взор. Мальчишки искоса с интересом поглядывали на гостя — похоже, большие озорники, когда нет посторонних.

— Поймали-то что? — спросил Демьян, придвигая к себе блюдо с окунями.

— Да всего котла два, — ответила хозяйка. — Котел себе, котел соседке. Кроме рыбы, ничего нет.

Ждем вот братьев из урмана, с какой удачей они вернутся...

— Как уехали осенью, так и не приезжали еще? — спросил Демьян.

— Нет, не показывались. Вот со дня на день ждем. Последний срок уже прошел. Ты-то в этом году не ездил в урман?

— Нет, дома охотился. До урмана так и не добрался. Всей семьей ехать — оленей не хватает. Один поедешь — так опять домашние пешие останутся. Дров подвезти, на запор съездить — как без оленей. И другая какая нужда придет — далеко ли пешком уйдешь...

— Ну да... — поддакнула хозяйка. — Да еще с детьми.

— Вот в этом все и дело...

— Как там люди в низовье поживают? — спрашивала хозяйка. — Удачливы-счастливы? Не болеют? Что слышно?

— Живут вроде бы. Плохих вестей не было. Все пока живы-здоровы.

— Это хорошо. Пусть живут. В верховье тоже вроде бы пока все живы-здоровы. Одна плохая весть на этом снегу была — отец Васи, с Ершовой реки, умер. Наверное, вы слышали?

— Эту весть мы слышали, — печально кивнул Демьян. — Жалко человека: ведь еще совсем нестарый был. Может, чуть старше меня по возрасту-то...

— Да, не скажешь — старик, — вздохнула и хозяйка. — Нам он родней приходился. И вам тоже?

— Да, и нам он был родственником, — подтвердил Демьян. — Хозяйка его очага из нашего рода.

— Что еще в верховье? — припоминала хозяйка Матрена. — Слышали эту новость: в дом Кузьмы Казамкина пришел новый человек. Мужчина. Какое же имя ему дали? Ох голова моя, сейчас вспомню, вспомню...

— Михаил, — тихо подсказала дочь Дуся.

— Вот-вот, верно — Михаил! — Матрена улыбнулась дочери, похвалила. — Хороший у тебя ум, быстрый ум!..

— Эту новость мы не слышали, — сказал Демьян, наливая чай в блюдце. — Что ж, приятная новость. Пришел человек будущего, человек завтрашнего дня...

— Как там мать Микуля живет? — спросила хозяйка про Анисью. — Как ваши дети? Большие уже, верно, стали? Девочки-то ваши. Когда это в последний раз-то виделись? В прошлом году? Ну да, больше года прошло...

— Живут пока... — односложно ответил Демьян.

Это означало, что никаких больших изменений в жизни домашних не произошло. Все по-старому идет, потихоньку, полегоньку. Слова эти он произнес спокойно, особо не выделил их. Если бы он выговорил их чуть помедлив, с оттяжкой, едва натянув неуловимую струну голоса, тогда бы Матрена догадалась, что у его домашних не все в порядке, есть и какие-то неприятности. Матрена, немало всего повидавшая на своем веку, в разговорах прислушивалась не столько к словам, сколько к тому, с какой интонацией они произносятся. И поэтому она всегда безошибочно улавливала те сотни оттенков, которые обычно сопровождают эти привычные, на первый взгляд ничего определенного не означающие слова «живут пока»...

— Сыновья-то на каникулы поедут? — спросила хозяйка.

— Куда там. В такую даль... Ну, даль-то еще ладно, так все дело опять же в оленях...

Хозяйка понимающе кивнула: что там говорить об оленях.

— Нам-то грех не ехать за Раей, — проговорила она. — Если хозяин из урмана не подъедет на днях, так

сама за ней съезжу через пару дней. Ты, брат, там будешь в школе, увидишь ее, скажи: мама придет скоро. Ждет она, соскучилась. Нам тут близко до поселка, грех не ехать. И соседка поедет за дочкой.

Мальчики все поглядывали на гостя, о чем-то шушукались между собой на нарах возле чувала, куда перебрались после еды. Затем старший, Ефим, подошел к матери и зашептал что-то ей на ухо.

— Ох уж, такие большие парни — и два дня не могут потерпеть! — притворно строго вздохнула мать и, повернувшись к Демьяну, поинтересовалась: — На обратном пути чай пить в дом не заедешь? В стороне все-таки наш дом...

— В стороне-то в стороне, — Демьян покосился на мальчиков, добродушно улыбнулся им. — Нужно что-нибудь из поселка?

— Да вот сахар у нас кончился, — сказала Матрена, убирая со стола посуду. — А эти сахарные души, — она выразительно кивнула на сыновей, — не могут потерпеть!.. Мы-то как терпели, когда малыми были. Тогда о сахаре и не вспоминали...

— Чего же, если нужно — так заеду! Надолго ли задержусь... — сказал Демьян. — Заеду на чай.

— Сейчас мешочек поищу. — И хозяйка направилась в «нижний», ближний к чувалу угол дома, где была сложена постель, а вдоль боковой стены стояли корневатики и коробки с шитьем и другой домашней утварью. Порывшись немного, она подала Демьяну небольшой мешочек, перевязанный тонким шнурком. Это и был «сахара хранитель», который давно уже сложил с себя свои полномочия.

— Вот сахара хранитель, — сказала она, подавая мешочек из белого ситца. — Там и рубли с копейками. Последние.

— На все? — спросил Демьян.

— На все.

Демьян выпил последний глоток чая и пустую кружку боком положил на блюдце. Это означало, что он поел и больше ему ничего не нужно. Если кружка не повернута, то хозяйка подливала чай не спрашивая.

— Мне уж ехать надо, — проговорил Демьян, раскуривая трубку. — Дорога дальняя. День проходит...

Он как бы извинялся за то, что так мало погостил, что сказал не обо всем, о чем должен был сказать, и расспросил хозяйку не обо всех делах, о которых должен был расспросить. Гость степенный, бывало, за разговором-размышлением выпивает два чая — «приездный» и «предотъездный». А он на сей раз не может позволить себе два чая.

— Да, твоя, брат, дальняя... — согласилась Матрена. — Дорога-то. Не то что у нас...

Так она выразила свое сожаление: жаль, что мало погостил, мы всегда рады гостю, но коль спешишь, то не смею задерживать.

— Еще в соседний дом надо зайти, — вспомнил Демьян. — Заодно поздороваться и попрощаться нужно. «Здравствуй» и «до свидания» сказать полагается, тоже ведь родственники...

— О-ос¹, — кивнула Матрена. — Зайди, зайди, кто гостю не рад! Хоть на минуту...

Но пока Демьян раскуривал трубку, пришла с детьми хозяйка соседнего дома, которую в разговоре называли «Зоина мама» — по имени старшей дочери. Она с Демьяном была в особых родственных отношениях по линии мужа — они оба соблюдали обычай избегания. Она закрывала платком лицо от Демьяна. И он никогда не видел ее лица, только слышал по рас-

¹ О-ос — здесь: да-а, конечно.

скажам, что была она красавица, особенно в молодости, когда выходила замуж за Николая Малого. Сейчас Демьян поднялся навстречу ей, негромко поздоровался:

— Здравствуйте! — И, наклонившись, взял и поцеловал ее протянутую руку.

— Здравствуйте, отец Микуля! — чистым грудным голосом сказала она и, чуть наклонив голову, тоже поцеловала тыльную часть его руки.

— Это вот Вера, — Зоина мама показала на старшенькую девочку. — Иди поздоровайся с отцом Микуля! Это наш родственник!

Затем она представила меньших дочерей, Любу и Лиду. Демьян, говоря, что помнит их имена, всем подавал руку и чмокал в щечки.

— А я только собирался в ваш дом, — улыбнулся он. — Да вот такой нерасторопный гость — вы опередили!..

— Мы ждали вас. А потом я подумала, может быть, вы спешите и вам некогда...

— Все помаленьку спешим, но людей без «здравствуй» и «до свидания» разве можно оставлять?!

— Так и есть. Вы правы, — ответила Зоина мама. — Как там люди в ваших краях — живы-здоровы? Какие новости?

— Люди пока живы-здоровы... А новости?... К нашему дому вышли невиданные гости... — и он коротко рассказал об искателях горячего жира земли, что идут, разрезая урманы и боры, с юга на север.

И хотя он говорил о них спокойно и никак не выразил к ним своего отношения, ни положительного, ни отрицательного, но Матрена сразу же уловила в его голосе затаенную тревогу. И после, когда вернется муж из урмана, она, пересказывая вести с верховья и низовья реки, особо выделит тревогу Демьяна. От себя

она добавит, что неспроста тот обеспокоен приходом таких гостей. Видно, намечаются в недалеком будущем какие-то значительные перемены, которые коснутся жизни всего таежного края. Женщины сейчас более определенно выразили свое отношение к этим гостям Демьяна.

— Теперь вам, отец Микуля, хлопот не миновать, — тихо сказала Зоина мама. — Шум-гам они с собой привезут. Что-то, а это они могут...

Матрена посмотрела на все это еще шире, она как бы обобщила все, уверенно предположила:

— Не только ему, теперь всем нам хлопот не миновать. Так я думаю.

— Да, скоро они будут и нашими гостями, — добавила Зоина мама.

Она была родом с низовья реки, куда искатели-гости пришли намного раньше. И о них она знала от своих родителей и других родственников, живущих в тех краях.

Демьян прекрасно понимал женщин. Хотя, может быть, ум у них и короче, чем у мужчин, но в утонченной интуиции им нельзя отказать. Пришлые издалека гости всегда приносили что-то новое. У них было свое отношение к деревьям-травам, рыбам-зверям, водам-землям. Они по-своему смотрели на уклад жизни таежных народов. Они не знали истории, культуры и обычаев этих народов. А подчас и не хотели знать. И часто взгляд хозяев и взгляд гостей на природу и жизнь тайги не совпадали. И каждый поступал сообразно со своими взглядами. И каждый по-своему вершил свои дела. Но земля требовала единства. И жизнь требовала единства. И ради постижения этой гармонии единства кто-то должен пойти на ломку чего-то в веками сложившейся материальной и духовной культуре. А ломка всегда вызывает боль. Даже разумная. Но дело в том

еще, что разумную, как правило, всегда сопровождает ломка и неразумная. В истории примеров тому немало. И раны эти порою кровоточат многие годы и непреходящим эхом отзываются в душах последующих поколений. Такова жизнь. Так складывались отношения между хозяевами и гостями на протяжении веков.

Затянувшуюся паузу прервала Матрена:

— И до нас доберутся твои гости, брат! Машины не олени — устали не знают.

— Есть-пить не просят, — добавила Зоина мама. — Все у них при себе.

— К тому времени они, искатели, привыкнут к оленям, узнают поближе охотников-рыбаков, — проговорил Демьян, выбивая пепел из трубки. — Под одним солнцем все живем — что искатели, что охотники...

Это значило: зря не беспокойтесь, искатели — тоже люди, найдем как-нибудь общий язык.

— Ведь они, говоришь, со стороны урмана пришли?! — быстро заговорила Матрена. — А в урмане...

— Да они с нашего урмана вышли, сестра, — впервые Демьян перебил женщину. — Это я понял по направлению их дороги.

— Под одним, конечно, солнцем живем, — согласилась Зоина мама. — Мы это знаем, а они...

— И они узнают... А может быть, уже знают... — в раздумье проговорил Демьян и, спрятав трубку, поднялся. — Ну, мне пора ехать.

Все вслед за гостем вышли из дома. Гостя обязательно нужно проводить в путь. Если не выйдешь проводить его, то, по старинной примете, он увезет удачу дома.

— Олени-то у тебя ничего, в теле, — заметила Матрена. — Бережно ты с ними обращаешься.

— Это мать Микуля балует их рыбой и костями-чешуей. А ездим мы много, без оленя куда?

Демьян надел кумыш и развернул упряжку: «домашняя» дорога — от дома до Царской — разветвлялась на болоте возле проруби. Левая называлась нижней, правая — верхней. По ней и направит упряжку едущий в поселок гость.

— Привет нашим школьницам передайте! — попросила Зоина мама. — Зое да Рае! Скажите, что отцы из урмана еще не вернулись. Как вернутся — поедем в поселок.

— Гостинцев им не приготовили, — вздохнула Матрена. — Да сами скоро приедем за ними. Я, йим улэм!

— Йим улэм, йим улэм! — попрощалась и Зоина мама.

— Я-я, ос йим улэм! — пожелал и Демьян, тронув упряжку. — С удачей-здоровьем до встречи!

Застоявшиеся на морозе олени, пустившись галопом, лишь на болоте перешли на привычную рысь. Видно, согрелись малость, подумал Демьян. А в его жилах все еще бродило тепло. Тепло горячего крепкого чая, тепло гостеприимного дома. Хорошо, что завернул в дом, повидался с родственниками, прихватил с собой на правах гостя немного тепла. И это тепло по-настоящему может оценить только тот, кто не однажды замерзал в снегах и льдах болот и урманов.

11

Демьян порадовался тому, что наконец и лицо сестры Матрены — смуглое, с плавными мягкими линиями, с целой россыпью веснушек — стало излучать тепло. Кажется, оживились, заблестели и ее темные большие глаза, и повеселели веснушки на щеках и на чуть привздернутом носу. Неподвижными остались

только веснушки на морщинистом лбу. Эти морщины прорезали ее лоб более десяти лет назад...

В тот год, заранее сговорившись, шесть или семь охотников с семьями поехали по урманной дороге¹ Демьяна в его дальние урманы, границ которых не всякий достигал и в одиночку мало кто пускался в такие дали. За водоразделом часть угодий выходила к реке Вах, к озеру Самогтор², часть — к Оби. Забрались в самую что ни на есть глушь. Жили в палатках и чумах, что возили с собой. Сезон начался удачно — били зверя и птицу, радовались каждой новой пороше. Но к середине зимы пришла беда. Пришла неожиданно. Заболела младшая дочь Матрены — пятилетняя Настя. Старшая, Рая, тогда уже пошла в школу и жила в интернате, в поселке. Настя играла на улице с детьми других охотников, а в полдень зашла в чум и пожаловалась матери на головную боль. Мать развернула постель и уложила ее спать, уверив, что после сна головка не будет болеть. Но к вечеру девочка заметалась в жару — бредила и никого не узнавала. К утру она затихла, лежала неподвижно. Слышалось в тишине лишь ее хрипкое прерывистое дыхание. Она сгорала на глазах. Но никто ничего не мог сделать. Ни связи. Ни дорог. Ни транспорта. О нартах и думать нечего было. И люди, как и тысячелетия назад, молча ждали: может быть, все-таки человек победит. Но человеку было всего пять лет. И чуда не случилось. И все молчали. И ее хрипкое дыхание иногда прерывал лишь шум вертолета или самолета со стороны Оби. Но глушь оставалась глушью. И девчухи пяти лет от роду не стало. Ее одели в меховую одежду и положили

¹ У каждого рода были свои урманные дороги — угожья.

² «Самогтор» произошло от «самот» — детыш морды, рыболовной снасти; и «лор» — озеро (*хант.*).

на нарту: последнее, что могли сделать взрослые, — это не оставить девочку здесь, за тридевять земель от жилья, а привезти на родовое кладбище, где погребены предки. Обычай запрещает ушедшего из жизни человека оставлять одного. Строго запрещает. Родственников, нарушивших этот древний запрет, ждет суровая кара. Человек не должен быть один ни на этом, ни на том свете. На то он и человек, чтобы быть всегда с людьми.

Ехали тогда днем и ночью, много дней и ночей подряд. И Матрена ни на минуту не оставляла свою дочь одну. На недолгих остановках она с мертвым, побелевшим как снег лицом, с мертвыми, тоже побелевшими глазами замирала возле нарты, на которой везли ее дочь. Ее неподвижный взор тяжело давил на людей, на снега и урманы. Но люди должны были молчать, и они молчали. Молчала и Матрена. Ей казалось, что дочь должна позвать ее на помощь, кого еще, кроме матери, она позовет. И мать слушала, когда она шелохнется в ворохе одежд и шкур, когда послышится ее хрипкое прерывистое дыхание, когда позовет маму слабым, едва слышным голосом. И женщина-мать до предела напрягала слух. И все слушала, слушала, слушала. Люди думали, что она не выдержит этот последний путь своей малышки. Но она выдержала и эту тяжесть и сделала все, что требовалось от матери и женщины. Но после... На протяжении десяти лет не могла никого родить. Десять лет ее омертвевшее сердце медленно оживало. И также медленно оживали глаза, веснушки, лицо и все тело. Жизнь есть жизнь. И десятилетие спустя она родила сначала дочь, затем двух сыновей. Вот почему такой большой разрыв в возрасте ее детей — старшая, Рая, уже заканчивала школу-восьмилетку, а младшие еще и в подготовительный класс не ходили. Отстали на десятилетие...

И хотя с той зимы прошло много лет, но Демьян отчетливо помнит те пронзительно-горькие дни. Все тогда безгранично верили судьбе и твердо знали: чему быть — того не миновать. У каждого своя судьба. И кому что уготовано в жизни, тот того не избежит. Все люди знали это. Но Демьяна все равно терзала смерть малышки. Терзала, может быть, не меньше, чем ее родителей. Он позвал их той зимой поехать в урман. Он задумал добраться до самых дальних угодий, в которых когда-то ежегодно охотились предки и до которых легче было доехать большому аргишу с настоящими, любящими трудные пути охотниками. А одному-двум человекам не так-то просто проложить дороги в глубоких снегах, особенно во второй половине зимы. И, наконец, это случилось в его, Демьяна, урмане. В его родовом урмане, а не в урмане Седого, и не в урмане братьев Коски и Николая, не в урмане какого-то другого охотника. Почти у каждой ветви рода свой урман, что тянется вдоль урманных рек, левых, южных притоков Реки. И каждый должен отвечать за все, что происходит на его землях, на его урманных дорогах. Недаром эти урманы всегда получали название по имени того, кто их наследовал, кто старше в роду — «урманная дорога Седого», «урманная дорога Коски», «урманная дорога Демьяна». Вот и выходит, вроде бы нет вины Демьяна, но в то же время есть и его вина. Вот и жил он и многие годы чувствовал ту же боль, что и сестра Матрена. И виноват, и не виноват. Виноват, потому что ничего в жизни случайного нет. Все предопределено судьбой. И раз это случилось в его урмане, значит, в жизни что-то он сделал не так, как подобает мыслящему человеку, как подобает истинному человеку земли. Где и когда?! Да разве упомнишь все! Вон сколько прожито — не один и не два дня. И дни, конечно же, не похожи один на другой.

Они все разные. Не все шло гладко и ровно, особенно в молодости. Были, конечно же, грехи прошлого. И в будущем, кто знает, как сложится жизнь. Зарекаться ни от чего не стоит. Никогда не зарекался. Но в одном твердо был убежден: человеку приходится отвечать за все свои поступки. И за хорошие, и за плохие. Если не перед людьми, так перед собой уж непременно. И чаще всего — перед собой. И если люди могут дать снисхождение, то ты этого уже никак не позволишь, от себя-то никуда не денешься. За все надо платить. И время это приходит на склоне лет, когда в прошлом — больше, в будущем — меньше, всего меньше. И дней, и сил, и возможностей. И время это наступает для всех. Ни один человек не может избежать этого времени. И если многие считают, что человек может избежать этой участи, то они крепко ошибаются. Человек может избежать суда людей, но он никак не избежит себя. Этот час непременно наступит для него...

Дитя ушло из жизни. Что может быть печальнее на земле... И теперь, по прошествии многих лет, Демьян почувствовал, как из глубины души поднимается боль, что прочно угнездилась там в тот пронзительно-горький день, когда в его урмане не стало пятилетней девчушки...

Боль не прошла. Стало быть, он заслужил эту боль.

Боль напомнила историю Айсидора, деда ушедшей малышки Настеньки...

12

Когда в этих краях появились красные, Айсидор, отец Коски и Николая Малых из Лосинового рода, был в расцвете лет. Очевидно, поэтому выбор пал на не-

го — отправили учиться в уезд на какие-то курсы. Вскоре он возвратился — с новыми, совершенно непонятными словами на языке. Соплеменникам он объяснил, что Белого царя, на которого «сидели много лет», скинули, и теперь страной и краем начал управлять Красный царь. Ну а этого Красного царя — каков он из себя — не видел, где-то далеко сидит, за пределами уезда. Но намерения у него самые лучшие — построить для всех охотников и рыбаков новую жизнь. Но сначала нужно выкорчевать и уничтожить все старое. Все старое, белоцарское — под корень!

И Айсидор рьяно взялся за это дело.

Строить?..

— Построим!

Корчевать?

— Выкорчем!

Уничтожать?..

— Уничтожим!

Трудно?.. Да, трудно. Потерпите немного, говорил он соплеменникам. Вот избавимся от прошлого, от старого, построим все новое — и заживем тогда! И наступит время всеобщего блага! Потерпите немного. Помогайте корчевать и уничтожать старое!

В верховье реки, на высоком белом яру началось строительство нового поселка. Поселок выросал на глазах.

Колхоз-хот — колхозный дом.

Пошта и радио-хот — почта и радиостанция.

Мыр-лавка — народный магазин.

Лекарь-хот — медпункт.

Невремэт-хот — школа-интернат.

Немного позже — детский сад и детские ясли, метеостанция, водомерный пост.

Бревенчатые домики.

Домики.

Домики.

Для охотников и рыбаков.

Организовали колхоз. Колхозу дали имя Сергея Мироновича Кирова — в те дни он погиб от руки врагов революции. И заметался беспощадный огонь отмщения в яростно сузившихся глазах первого председателя Айсидора. Побейте надо корчевать и уничтожать, говорил он всем своим обличком. Нечего там церемониться!

Поселок строился, рос.

Жизнь входила в новое русло.

Но чем дальше, тем суровее и сумрачнее становился председатель Айсидор. Ему казалось, что все можно сделать вдвое быстрее, втрое лучше.

Он торопил своих колхозников.

Он торопил время.

Детей нужно в школу-интернат сдавать, чтобы они грамоте учились. Как?! Оторвать ребенка от семьи?! Пошумели родители, но детей свезли в интернат. Потом вышел новый указ: люди со всей Реки должны съехаться и жить в поселке. А как рыбачить да охотиться? В каких местах? Чтобы добраться до своих угодий, нужен транспорт. А транспорта нет. И как вне угодий жить? Ведь все тесно связано — человек и земля. А земле таежной нужен хозяйский глаз, если хочешь от нее что-то получить. Осенью готовишься к зимнему сезону, весной — к летнему. А Красный царь чего-то чудит, удивлялись люди. Зачем ему все это надо?! Сколько лет жили по-своему, по своим обычаям и обрядам, а теперь все сразу нужно ломать. Охотника, предки которого всю жизнь ходили по звериному следу, стали учить, где и как выслеживать добычу. Рыбаку указывали, как он должен ловить рыбу.

Приходили бумаги со следами-строчками. Айсидор читал эти бумаги и переводил соплеменникам, как

они должны жить и что должны делать. Теперь, внушал он, при Красном царе жить необходимо только по бумагам, которые приходят сверху. И он показывал в ту сторону, где ему пришлось побывать. Ему пришлось, а остальным — нет. Не может же Красный царь всех сразу обучить грамоте.

Умные не спорили — по бумагам так по бумагам, а сами посмеивались в бороды и усы. Но вскоре пришлось упрятать усмешку — наступили времена Кровавого Глаза. Тут не до смеха...

И первым каюром этого Нечистого Духа стал Айсидор. Айсидор открыл ему Реку и жителей Реки — провез его от устья до самого верховья. Провез его через многие правые притоки, боры и болота, ручьи и родники. Провез его через многие сиры охотников и рыбаков. Ему срочно требовались «враги народа» — и их делали, искали и находили.

Тот косо поглядел на колхозные дела — к тому времени в верховье и низовье Реки было организовано два колхоза в новых поселках.

Тот не очень почтительно отозвался о новом времени.

Тот некстати помянул бога, а справлять религиозные обряды строго воспрещалось по грозным бумагам сверху.

Тот шаман — своим камланием накликает всяческие беды на Советскую власть. Шаман — это самый опасный враг. А там поди разберись, шаман или не шаман. Шибко-то никто не разбирался, главный факт налицо — враг. Ну и отвечай по всей строгости времени. И люди отвечали. Нечистый Дух увозил их. И они бесследно исчезали. Даже бумаги не приходили об их кончине, не говоря уже о здравии.

И Айсидор, пошли слухи, подписывал или писал для Нечистого Духа какие-то бумаги. Какие и о чем —

никто толком не знал. На то он и председатель, чтобы иметь дело с бумагами, говорили одни. Но другие опустили зор и молчали. Только изредка кто-нибудь заметит вскользь, что Айсидор тоже вроде бы шаман, но Нечистый Дух почему-то не трогает его. Но когда список «врагов» начал, видно, иссякать, настал черед и Айсидора. А незадолго до этого, сообщила молва, он пошаманил и вынес себе приговор:

— Это я Нечистому Духу открыл нашу Реку — и не будет мне пощады ни в Среднем, ни в Нижнем мире, куда я скоро уйду!..

Помолчал немного, а после паузы добавил:

— И все мужчины моей ветви нашего сира, до седьмого колена, поплатятся за это!..

Он снова помолчал, затем сказал:

— Женской половины это не касается — она уйдет в другие сиры...

Притихли все домашние, родные и близкие.

И эту зловещую тишину дома рванул крик жены, матери трех сыновей и одной дочери:

— Только зло!.. А добра нам не можешь пожелать?! Доб-ра!..

Он смиренно ответил:

— Добра не ви-жу... Откуда возьму добра, коль не вижу? Откуда?!

Откуда берется добро? Откуда его берут? Кто это знает? Особенно в те жестокие годы...

Что случилось с Айсидором в ту первую поездку, когда он привез Нечистого Духа? Если бы не он, так кто-то другой стал бы первым каюром этого Духа. Рано или поздно, но Тот все равно добрался бы до жителей Реки, ибо Время неумолимо... Быть может, он отдал свою душу Нечистому Духу? За несколько лишних дней?..

Но при чем здесь дети, размышляли пожилые люди Реки? В чем тут их вина?! Нет же их вины! Нет!

Младший сын Айсидора, Иван, от рождения стал горбатым. Этот карлик умными, печальными глазами смотрел на мир и словно у каждого просил ответа. За что мне такое наказание? Что я вам плохого сделал? Почему я такой несчастный... Один среди людей?! И люди поспешно отворачивались от его огромных глаз и молчали, словно и вправду в чем-то были виноваты перед ним. А отца он не мог прожечь черным огнем своих глаз, ибо того уже не было в живых.

Взяли Айсидора в Летнем Селении в первое военное лето, за несколько дней до начала войны. Кровавый Глаз молча кивнул охраннику. Охранник подскокил и, рванув за плечо, лягнул Айсидора сапожищем:

— Скар-рей давай!

Айсидор упал и раскровянил лоб о половицу.

Дочурка Тамара бросилась к нему, отчаянно вскрикнула:

— Папа!.. Папочка!..

Отец протянул к ней руки.

Она запуталась в ногах охранника.

Охранник грязно выругался, схватил ее за шкирку и отшвырнул в угол. Там она заревела вздохом, и слезы застлели белый свет — она никого не видела и не слышала. С того мгновения и до конца дней в ней поселилась неистребимая

ЖАЖДА СПРАВЕДЛИВОСТИ.

И эта жажда поведет ее по жизни. Только ради справедливости она после начальной школы в родном поселке поедет в неведомый и страшный — ведь туда увезли отца! — город, районный центр, чтобы поступить в семилетку, чтобы найти наконец справедливость и правду. Подспудно она чувствовала, что справедливость нужно искать где-то выше, где-то далеко,

а чтобы добраться туда, необходимы знания. Значит, необходимо учиться. После семилетки — фельдшерско-акушерская школа в окружном центре. Кроваво-чающая рана на отцовском лбу отпечаталась в сознании четырехлетней девочки. Кто, кроме доктора, излечит рану отца? Кто поможет ему?..

А жажда справедливости все не давала покоя. Перед государственной практикой, выкроив несколько дней, на собранные по копейкам рубли купила билет на пароход до Березова. Там, по слухам, обосновался Нечистый Дух, взявший отцову душу. Хотелось задать ему один-единственный вопрос, и посмотреть в его кровавые глаза, и выжечь их яростным огнем своей ненависти. А что будет дальше, она не знала. Но вышло все иначе. Начальница паспортного стола долго и подозрительно расспрашивала, зачем девушке понадобился адрес такого-то. На все вопросы она давала один ответ:

«Мне очень нужно увидеть его!»

Наконец начальница сказала:

«Такой-то здесь не проживает».

«Как не проживает? — воскликнула девушка. — Должен проживать!»

«Здесь не прописан!» — сухо отрезала начальница и, сведя ниточкой губы, отвернулась.

И девушка долго бродила по заросшим травой улицам Березова в надежде на встречу с Нечистым Духом, ради которого она пустилась в путь за тридевять земель.

Когда кончились деньги и дни поиска, она вынуждена была уехать. Спешила на государственную практику — нужны знания. Без них никуда.

Пароход медленно шлепал вверх по течению.

На душе было пусто.

Вдали долго еще виднелась лиственничная роща Березова, овеванная легендами о князе Меншикове.

Много лет спустя она расскажет о своей поездке племяннику Микулю. И Микуль с высоты другого времени посмотрит на поступок своей тетушки. Наивная девчонка! Как раз в те годы Тот был там начальником милиции. И конечно же, в паспортном столе она не могла получить никакую справку.

Но следы отца она все-таки разыщет. На пожелтевшем бланке прочтет об отце:

«УМЕР В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЛЕЧЕБНИЦЕ ГОРОДА МОЛОТОВА».

Число.

Месяц.

Год.

Закорючка.

И встанет главный вопрос:

«ЗА ЧТО?!»

На который никто не ответит.

Некому отвечать.

Так в иные времена кончается человеческая жизнь.

А люди Реки надеялись, что, может быть, Айсидорово пророчество не коснется его единственной дочери Тамары, младшей сестры Коски и Николая Малых. Жажда справедливости выучила ее, и она первой по всей Реке получила образование: другие не хотели отрываться от родных мест, поэтому не уезжали, а если ехали, то очень неохотно. После учебы Тамара несколько лет работала фельдшером в районном центре. Затем вышла замуж за бригадира рыбодобычи из такого же таежного поселка на соседней реке. Народила детей, лечила охотников и других жителей поселка и округи. По слухам, жизнь ее налаживалась. В родные края приезжала редко. Не потому, что душа не лежала к родственникам. Зимой нужно на оленях, а летом большую часть пути на гребях, на лодке. А расстояния-то вон какие! Разве за один-два дня одолеешь! Потом по-

явилась авиация, которая мало что изменила. Прямых рейсов между поселками нет, чтобы попасть из одного в другой, нужно лететь в город, доставать там билет и ждать, ибо за один день никто еще не умудрялся проделать такое путешествие. Рейсы не каждый день, непогода и куча всяческих причин у авиаторов, чтобы не подняться в небо. Пассажиры, бывало, проклиная все на свете, неделями ждут своего рейса. Тут легче на оленях доехать по старинке, да уж олени перевелись, понадеялись на технику-то, а она не спешит в отдаленные края, в таежную глухомань. Вот и годами не виделась Тамара с родственниками. А те поговаривали, что, может быть, это и к лучшему для нее. Пусть живет подальше от тех мест, где когда-то отец вынес приговор себе и своему роду. Авось пронесет, обойдет ее стороной злой рок. Тем более что это не должно касаться женской половины сира.

Но не тут-то было: и в ее дом пришло несчастье.

В год, когда нефтяной бум достиг своего апогея, рыбокомбинат в городе решил, или получил указание, резко увеличить количество добываемой рыбы. С этой целью спешно сколотили «дикую» бригаду из бичей, что прибыли сюда из разных уголков страны на освоение «нового нефтяного региона». Их давно уже отвергли более или менее солидные организации, а для рыбокомбината они вполне годились. На деле все вышло иначе: ничего с промыслом не получилось. Пытались бичей обучить рыбацкому искусству, для чего приставили к ним бригадира рыбодобычи местного рыбоучастка, мужа Тамары. Да где там! «Дикие», не знавшие и не желавшие понять многовековых традиций рыболовства на этой реке, и слышать ничего не хотели. А о завтрашнем дне и подавно не помышляли. Начались конфликты с бригадиром. С каждым днем все острее.

Накалялась атмосфера.

Тамара чувствовала — вот-вот грянет гром. Что она могла предпринять? Мужчина есть мужчина, своим делом заниматься не запретишь.

И он не вернулся с очередного объезда угодий. На другой день нашли его пустую шлюпку с мотором. Тамара вместе со всеми пустилась на поиски.

Отыскала мужа на четвертый день. В лесу, недалеко от брошенного стана «диких».

«Началось, — говорили люди Реки, — и Тамаре досталось». Могла же судьба пощадить единственную дочь? Сыновья ладно — все же мужики, покрепче они. Хотя иной раз женщина может такое пережить и вынести, что ни одному мужчине не под силу. У жизни много граней, всякой стороной она поворачивается к человеку. Никогда не знаешь, что ждет тебя за тем ближним деревом, за тем дальним поворотом. Идешь по тернистой стезе жизни, как и многие века назад, полной неожиданностей и головокружительных виражей. Идешь с великой надеждой, что кончится темная полоса — и впереди завиднеется светлое-светлое...

Без этой надежды, наверное, невысказана жизнь на земле.

Братья Коска и Николай, как и подобает мужчинам-охотникам, молча переживали несчастье сестры. Все должно перегореть в человеке без лишних слов. Мужчина не имеет права на жалобы и стоны, не имеет права на сострадание к себе. Так было испокон веков. Так должно быть и теперь.

Внешне братья не изменились, ничем не выдавали своего внутреннего состояния, хотя, конечно же, знали — коль злой рок коснулся сестры, так им и по-

давно не миновать его. Хотя до сей поры судьба была благосклонна к ним.

Старшего, Коску, ничем бог не обидел — ни пригожестью лица, ни умом и сметливостью, ни силой и отвагой, ни добротой и радушием. Словом, ничего в нем лишнего и ненужного нет. Из-за небольшого роста его называли Коской Малым. Кажется, и это соответствовало его образу жизни — легче по снегам и льдам, легче по рекам и болотам, легче по урманам и чащобам мчаться за птицей и зверем. Подпояшет легкую короткую малицу с белым верхом, встанет на ходкие подволоки, возьмет в руки ружье, сделает бесшумный шаг — истинный охотник и следопыт. Ни убавить ни прибавить.

И откуда эта точность движений, плавный шаг, необыкновенное проворство и чуткость. Все у него получалось намного лучше, чем у других охотников. И пули точнее ложились в цель, и дробовой заряд его ружья шел кучнее и дальше, и всякого зверя находил и настигал быстрее, и рыба попадалась в его ловушки и снасти больше и чаще; и колхозное стадо, когда он был бригадиром оленеводов несколько лет, лучше сохранялось — обходили его болезни и другие бедствия, олени по осени меньше разбегались по бескрайним пастбищам, не пропадали невесть куда. И важеньки и быки, которых он обучал нарте, становились хорошими ездовыми оленями: если не особо резвыми, то смелыми на снег — охотно шли по глубокой целине, прокладывая путь, или выносливыми в дальней дороге. Каким-то необъяснимым чутьем угадывал в олене все возможности и, объезжая, развивал их. Словом, считался он мастером на все руки. За что бы ни брался, все у него получалось хорошо: строил ли дом или лабаз, выковывал ли нож или наконечник стрелы, плел ли рыболовную морду или аркан для ловли оленей.

А особым изяществом и мастерством славились его нарты и обласки-долбленки из цельного дерева. И дело было тут не в отделке, а в пропорции, в соразмерности всех частей, в гармонии, которая вызывает желание смотреть на вещь. И, разглядывая эту вещь, вдруг почувствуешь ее характер, а через характер — совершенство мира и земли. И приходит мысль, что ты необходим земле и миру и земля и мир не могут жить без тебя. А раз не могут жить без тебя, значит, и ты должен сотворить что-то такое, что вызвало бы такие же мысли и чувства у людей земли. Значит, и ты должен создать что-то доброе и прекрасное. И ведь это доброе и прекрасное можно сделать не только руками, но и другими делами, всюю своею жизнью.

Может быть, благодаря этому люди всех родов, начиная с низовьев и кончая верховьями Реки, знали Коску Малого из Лосинога рода. Если кто и лично не знал его, так непременно слышал о нем. И даже районные руководители, давно забывшие родственные связи и ничего не ведающие о своих родах-племенах, заезжая изредка в поселок, справлялись о Коске Малом — ведь он был лучшим охотником Реки, и о нем знали в районе: не единожды отмечали его удачи различными наградами, не единожды вызывали его на всевозможные слеты и совещания, ибо равных ему трудно сыскать среди охотников зимой и среди рыбаков в летнюю путину. Ни в чем он, казалось, не нуждался. Более или менее обеспеченным считался тот, у кого имелись собственные олени. Война подорвала поголовье частных оленей. Да что там подорвала — извела на нет. Война тяжким бременем навалилась не только на людей, но и на животных, на реки и озера, на леса и поля. Словом, на все, что окружало человека. И если до войны почти у каждой семьи имелся десяток-другой оленей, то после вконец опустели родо-

вые пастбища. Правда, колхоз завел сначала одно, а чуть позже и второе стадо. Но и он при всем желании не мог всех обеспечить транспортом, одеть в меховые малицы, обусть в кисы и накормить. И Коска Малый первым среди охотников, не считая ненца Осю с верховьев реки Ампуты, завел оленей в помощь себе. А может быть, и в помощь колхозу. Хотя в те годы косились на всех, кто имел даже одного частного оленя. Пасти их не было возможности, поэтому весной Коска отпускал на волю, «на дикие земли» — то есть они свободно, без всякого надзора, бродили там, где им вздумается. Сколько голов осенью разыскал и поймал — тем и довольствуйся. И теперь, когда промыслово-охотничье хозяйство, потомок первого колхоза, избавилось от своих стад, у Коски осталось около двух десятков своих оленей. Это и транспорт, и одежда, и пища. Худо-бедно, а жить можно. У других, особенно не очень удачливых на рыбном и пушном промыслах, и того хуже. И шли люди к Коске, шли кто с чем. И редко в чем-либо он отказывал людям. И люди этого не забывали.

И жена, Матрена, была под стать ему: искусная рукодельница-мастерица, радушная хозяйка, далеко не последняя красавица своего рода. Ей словно самой судьбой предопределено занять место в доме удачливого охотника Реки. Славных детей народила она Коске: две дочери и два сына, что остались после ушедшей из жизни пятилетней Насти, росли здоровыми и жизнерадостными. Ничто их не беспокоило, ничто не омрачало их радости на земле. Матрена, возможно, никогда не говорила младшим о преждевременно погибшей малышке Насте, которая жила теперь в ее памяти и в памяти мужа. Отца, Коску Малого, дети обожали. Любил он шутки-прибаутки, во всем умел подмечать смешное, веселое. Это нравилось не только

детям, но и взрослым. И где бы он ни появлялся, всюду оказывался в кругу людей. Казалось, всего достиг человек, все у него есть. И материальное благополучие — олени, и удача на промысле. И верная хранильница очага — жена. И дети — продолжатели рода. И уважение жителей Реки — и старых, и малых. Людская ли радость, людское ли горе — все находило отклик в его душе. Быть может, поэтому он все чаще стал напоминать много лет назад Вверх Ушедшего Человека — соплеменники смотрели на него, а мысль уводила их в прошлое, в те времена, когда человек Божьей Реки, как об этом рассказывает быль, утром тронул упряжку и поехал Вверх, поехал в небо. Поехал вместе с женой, с детьми, со всем хозяйством. И люди земли ровно семь дней наблюдали, как они ехали Вверх по небу, как вечером распрягали оленей, ставили чум и вскоре показывались струйки легкого дыма из макодана...

Теперь Коска Малый стал напоминать всем когда-то Вверх Ушедшего Человека. Он жил только для людей. Он постиг Истину Жизни, Истину Земли. Он постиг самого себя. Он постиг людей. Он постиг природу. И может быть, поэтому ему суждено было вознестись в небо, суждено было постигать небесную, неведомую землянам жизнь. Иначе он не смог бы подняться в небо, не смог бы оторваться от земли.

А что же ждет впереди Коску Малого? Сумеет ли постичь все и подняться на высоту, как и давний предок, Вверх Ушедший Человек? Ведь человеку всегда необходима высота. Пусть небольшая, но высота. Достигнув одной высоты, он стремится к другой. Стремится, чтобы с той, новой высоты взглянуть однажды на все, что окружает человека и человеческий род. Разве может жить человек без высоты?!

Но восхождение Коски Малого замедлилось неожиданно для всех. И беда, как водится, пришла совершенно с неожиданной стороны. Во всяком случае, никто не мог предвидеть этого.

Весной, в пору половодья, завозили катерами все необходимое для рыбаков и охотников: порох и дробь, сети и невода, ружья и топоры, муку и ткани, другие товары. А вывозили рыбу, ягоды и грибы, орехи и прочие дары тайги. Пушнину же отвозили зимой на оленях. До открытия Реки меха никогда не задерживали.

Река делала свое дело: и кормила, и поила. А поила, конечно же, не только светлой водой. Спустя десятилетие после войны в поселок регулярно стали завозить ящики с бутылками хмельного. Что ни год — так ящиков на десяток-другой больше. А время-то не стоит на месте, а время-то идет. И теперь можно было прикладываться к некогда священнодействию напитку не только в Дни больших праздников, которых в году раз-два и обчелся, но и в будни. А тут наряду с водкой и спиртом начали привозить и вино — густое, кроваво-красное, со зловещим бурым осадком. Знающие люди говорили, что в городе такое вино не пользуется спросом. То — в городе, а в поселке, тем более в отдаленном, мол, сойдет. Выбора-то нет. И под осень работники торговли начинали невиданную рекламу и продажу красного вина, которое в народе получило много названий — «чернила», «бормотуха», «живодер», «кишкодер». Попробуй не реализуй до зимних холодов — мороз быстро расправится с ненавистным кишкодером. Вот и старались продавцы! Но все их усилия выглядят лишь жалкими потугами по сравнению с тем, что случилось попозже, когда искатели нефти на расстоянии долготы одного оленя основали свой поселок Нефтереченск, где магазины работали без перерыва и выходных. Это будет «золотой век» бу-

тылки, апогей ее бесславной славы, ее вторжения в жизнь охотников всех родов таежной реки. Это время придет позднее. Теперь же люди пользовались услугами райрыбкоопа.

Пили все. Много ли, мало ли, но пили. Кто пил с умом, кто пил без ума. Кто с деньгами, кто без денег. Пили по-разному, каждый на свой лад. И Коска Малый пил не больше других. А возможно, наоборот, пил меньше других. Все охотники, живущие в своих поселениях на отдаленных угодьях, редко ездят в поселок, особенно зимой, когда на месяцы отправляются в дальние урманы на промысел. Коль каждый день гонять в поселок, то когда же зверя выслеживать? Когда же тропы-дороги в тайге прокладывать? Когда же зверя, рыбу-птицу вылавливать?.. Наведывался Коска Малый в поселок сдавать пушнину, выпивал, вел долгие беседы с сородичами, с коими давно не виделся, пел песни. Мог и в пляс пуститься, если душа лежала к веселью. Исполнял все обряды, связанные с этой водичей, что считалась когда-то в давние времена святой. Ни с кем не ругался, ни с кем не скандалил. Так было несколько лет.

И вдруг словно нечистый дух Нижнего мира вселился в него.

Пил столько же, сколько и раньше. Но теперь, выпив водки или вина, он избивал каждого, кто первым подворачивался ему под руки. Никого не щадил — будь то самый близкий родственник, самый лучший друг или самый высокий начальник.

Нечистый дух Нижнего мира, называемый русскими сатаной, что вселялся в него, кричал в бешенстве: «Чем больше вижу крови, тем больше хочется ее!» При его ловкости и силе, удесятеренной нижним духом-сатаной, никто с ним не мог совладать. Многие пытались, но не одолели его. Наутро в нем ничего от

нечистого духа, или русского сатаны, не оставалось. Он смотрел на мир необъяснимо чистыми глазами только что родившегося младенца. И люди, и даже жертвы его буйства, увидев эти печально-кроткие глаза, пораженные, невольно опускали взор: пред ними младенец-ангел, человек-ангел, но не вчерашний сатана, жаждущий крови.

Отчего же в одном человеке уживаются и ангел, и сатана? Отчего же? Кто же знает это? Кто же?.. Неужели для того, чтобы разбудить или вселить в человека сатану, нужно везти сюда ящики с кроваво-черными бутылками? Разве о Коске Малом заботились, когда везли их? Жители Реки хорошо помнят тот год, когда пришло известие: за одну черно-серебристую лису, добытую Коской Малым, на ленинградском пушном аукционе такую цену дали, которая равняется стоимости автомашины «Волга». Хотя охотники и не видывали такой машины, но, однако, немало подивились событию: чернобурка наших лесов обскакала быстрой машине! Ай да лиса! И охотнику какая удача! В иные зимы, бывало, по всей Реке чернобурка ни одному промысловику не попадется на глаза... Порадовались люди, что земля набрала силу, избавилась от тяжких последствий войны. В те годы сколько всего брали — и зверя, и птицу, и рыбу. Все для фронта. Скудели реки-озера, скудели боры-урманы. Но выстояла земля, оправилась наконец-то от ударов войны. А вместе с ней выстояли и люди многих таежных сиров Реки.

И вот теперь с Коской Малым чем дальше, тем хуже. В год, когда Нефтереченск пустил корни на магилорском яру и денно и ночью ревел глоткой сотен машин, Коска, возвращаясь домой, завернул туда к приятелю, искателю нефти, и задержался там до полуночи. В ту ночь до своего зимовья он так и не добрался: на

переправе через Ягурьях нанес оленихе-вожаку десяток ножевых ран. И олениха изошла кровью.

Людей Реки поразила эта неслыханная жестокость — так еще никто и ни в какие времена не обходился с оленем, без которого немислима жизнь на Севере.

За что же Коске такое наказание? Кто ниспослал ему это безумство? От кого оно? От бога ли Верхнего мира, от человека ли Среднего мира, от нечистого ли духа Нижнего мира?..

Неужели сбывается пророчество его отца Айсидора? Но время то ушло, кануло в небытие. Стало быть, вместе с временем должно исчезнуть и однажды сотворенное зло. Но зло, однако, оказалось таким же живучим, как и добро. Все земное старается пустить корни в будущее.

Что-то остается и в прошлом, но живы отголоски...

А спустя годы Микуль, сын Демьяна, многое поймет, перелистав пожелтевшие бумаги. О времени безумства Коски Малого и многих своих соплеменников ему поведает документ под названием НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И НАРКОЛОГИЧЕСКОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ НАРОДА ХАНТЫ ПОЙМЫ РЕК ВАХ И АГАН, из которого он узнал, что в его родном районе на 1 января 1979 года проживало 1732 человека народа ханты (взрослых и детей). «Преимущественный образ жизни оседлый, — читал он. — Примерно 20 процентов взрослого населения живет в тайге в национальных передвижных жилищах (чумах). Занятие населения — работа в промыслово-охотничьих хозяйствах и участках рыболовецких хозяйств. Часть взрослого населения, проживающая в поселках, вообще нигде не работает и живет случайными заработками».

Да это он и сам знал.

Ниже приводились некоторые демографические характеристики народа (его народа!) за последние годы. Он узнал «о достоверном снижении численности народа ханты. Это снижение обусловлено падением рождаемости (с нулевым или отрицательным приростом), повышением уровня смертности взрослого и детского населения, миграционных процессов одностороннего порядка (уход от традиционных форм жизни и занятий)».

Результаты же выборочного и подворного обследования населения заставили его содрогнуться. «Практически все взрослое население (96 процентов), — читал он, — систематически употребляет алкогольные напитки. Пьянство имеет псевдозапойную форму (Господи! что это?!), длительность запоев 2–6 дней с интервалами до 3–5 недель и более. При заработке до 1000 рублей в год (50–90 руб. в месяц) на приобретение крепких алкогольных напитков расходуется 400–600 рублей...»

Далее он прочел социально-демографические данные о жителях соседнего поселка Сосновый. Многие, чьи истории были здесь поведаны, он знал.

«В Сосновом сейчас 18 взрослых мужчин и 12 женщин. Из них детородного возраста — 3. Две — пьют. Остается одна. Бесперспективно не женаты восемь человек — К-ны Егор, Иван, Владимир, Сергей, Геннадий, Борис, Лаврентий, Павел.

Жизнь ханты трудна не из-за климатических условий. Дело в том, что его нужды мало кого заботят, — и это один из самых серьезных психологических факторов, усиливающих чувство одиночества и ощущение утраты личностно-социальной перспективы. Вот несколько мнений на этот счет.

Станислав Я-в (русский, коренной житель, рыбакохотник, механик, 30 лет, двое детей, жена Надежда —

ханты, завпочтой, радистка — которая «детородна»): „Ханты, по-моему, утратили ощущение заботы о себе со стороны местных властей, лишились стимулов для активной жизни. В руководстве их социальной и хозяйственной жизнью участвуют случайные люди, игнорирующие или лишь формально защищающие их интересы. Еще несколько лет назад в поселке действовали электростанция, пилорама, пекарня, баня. Магазин располагал многими товарами, которых сейчас нет и в помине. Расплата со сдатчиками пушнины, рыбы, дикоросов была оперативной и выгодной. Предусматривались многие нужды с горючим, оружием, снастями, снаряжением. Потом сломалась и была растащена электростанция, увезен в Л-к двигатель с пилорамы, исчезли товары из магазина. Нет пекарни. Давно зарос травой аэродром... Нынешний управляющий отделением пьет, бездеятелен, высокомерен, груб. Обирает ханты, не дает квитанций о сдаче пушнины. Не обеспечивает оперативную сдачу рыбы, отказывает в приеме дикоросов. Хозяйство наше приходит в полный упадок“.

Евстафий К-н (ханты, рыбак-охотник, 28 лет, трое детей, средний ребенок с генетической патологией, жена страдает алкоголизмом): „Наш край по-хантыйски «сорненг мэх» — «золотая земля». Мы здесь родились и не хотим отсюда уходить. У нас нет оленей. Этим летом стадо оленей без присмотра ушло и до настоящего времени не найдено. Нет одежды, снастей. Мы все время в чем-то нуждаемся...“

Кузьма К-н (ханты, рыбак-охотник, 32 года, был женат, имел ребенка. Вернувшись из тайги, узнал от соседей, что жена ушла с рабочим нефтепромысла): „От поселка живу четыре часа лодкой. Туда и обратно поехал — бачка бензина нет. Где взять? Бочку бензина

в рыбхозе взял. Поехал едва-едва, перегруз. Опять о горючем думай... Лодок хороших нету. «Казанке» два человека нужны. Ружье новое не купишь. Много бумажек надо, справки разные для милиции, чтобы разрешение получить на ружье. Опять надо ехать в город, в Н-ск. Жить там негде. Самолеты плохо летают, добираться туда трудно... Рыбхозу все равно: рыбы в садках полно — не забирают. Рыба гибнет. Сам в Л-к не повезешь, плашкоут не приходит... Отпуск? Нигде еще не был... Костюм? Был, а потом кто-то пиджак попросил, потом брюки, не помню...“

Владимир Н-н (ханты, завклубом, выпускник Салехардского культпросветучилища): „Для девушек и женщин отсутствуют стимулы для жизни в тайге — нет возможности красиво одеваться, приобрести украшения, предметы быта. Они чувствуют себя ущемленными. Но скорее всего не из-за того, что живут в лесу — хотя и это со счетов не сбросишь, — а потому, что нет в их жизни признаков современности“.

Кирилл К-н (ханты, рыбак-охотник, 40 лет, член КПСС, имел четырех детей, которые: Лидия умерла в 14 лет от двустороннего воспаления легких; Федор утонул в 17 лет; Таисия умерла в 11 лет от двустороннего воспаления легких; Вячеслав умер в 10 лет от двустороннего воспаления легких): „Молодые ханты непредставительны, плохо одеты, не идут в сравнение с городскими или постоянно проживающими в поселках, работающими на нефтепромыслах, аэродромах, в сейсмопартиях, экспедициях геологов“.

В 1979–1980 годах в поселке С-вый Б-р в состоянии алкогольного опьянения замерзли супруги Камин Захар и Надежда, Камин Анатолий, Камин Максим, Камин Николай. Погиб от руки пьяного брата Камин Алексей. К этому поединку прибавьте еще

семнадцатилетнего Федю Камина: он и не пил совсем, но то ли с обласа неловко стрелял, то ли в стремнине где развернуло — утонул.

Такая же картина в К-ках, Л-ке, Ч-мее, А-не, П-ге, В-не и в других национальных поселках с приписанными в них ханты других фамилий. Статистика где лучше, а где и хуже.

Система существующего обучения совершенно не учитывает психологии, мышления, видения мира ребенка-ханты. Именно поэтому многие дети, отучась за годы учебы жить лесной жизнью, испытывают затруднения в последующей социальной адаптации. К чему это приводит?.. Добавить разве, что в поселке К-ки две девочки 1977 года рождения злоупотребляют алкоголем. 16-летний Сережа К-н «запивался» во время экзаменов, а 15-летнего Сережу К-ва срочно нужно лечить.

Психологическая ущербность, несостоятельность в профессиональных и бытовых навыках, необходимых для жизни в тайге, теснейшим образом связаны с недостатками школьного воспитания и обучения.

Вопрос смены — вопрос будущего любой организации. В этом смысле одной из самых серьезных проблем ханты, да и всех малочисленных народов Севера, является система просвещения и трудовой ориентации...

Условия жизни и быта ханты резко отличаются от привычных нам с первых дней рождения. Люди тайги, они прекрасно приспособлены к суровому климату, почти не знают закрытых помещений, без промаха стреляют на звук, знают все запахи леса, ощущают невидимые знаки и ветры. Им известны законы природной селекции и метеорологии, миграции зверей и рыб, периоды удач и невезений. Ханты немногословен и деликатен, никогда не подведет, не обманет, не

возьмет чужого. Он надежен и вынослив. И только перед алкоголем он слаб, просто беспомощен...

Продажу спиртного нужно запретить — это мнение всех, кто компетентен и заинтересован в судьбе национальности ханты. В одном из вариантов решений вопроса мы предлагали заменить продажу крепких алкогольных напитков на высококачественные сухие и полусухие грузинские, молдавские, крымские, армянские вина с малым содержанием спирта... В ту командировку мы летели из К-ков с переломанным и отекившим Егором Ивановичем К-ным: после ящика дешевого вина, привезенного в чум, сыну Науму «что-то не понравилось». В этот же день в Л-ке и К-ках жертвами алкогольного дурмана стали еще четыре человека. А за два «сухих» месяца ни одного несчастного случая, ни одного происшествия не было...

Западно-Сибирская низменность — это не только нефть, чья слава признана миром. Это белоснежные лебеди на таежных озерах, лесной зверь от белки до россомахи. В реках муксун, осетр, нельма, стерлядь и другие изысканнейшие яства в промышленных тонах. Звероводство, оленеводство, коневодство, скотоводство, овощеводство — все это реально было. Кое-где есть и сейчас, но чахнет, орошаемое «винкой». И это при таких условиях, которым позавидовала бы любая сельскохозяйственная держава!..

Число оперативных и долгосрочных проблем народа велико. Многие из них далеки от решения. Но сегодня ясно одно: в хантыйские поселки для решения социально-экономических задач должны прийти коммунисты — последователи и ученики тех «двадцатипятипятитысячников», которые поднимали колхозы страны в тридцатые годы.

Нужны хозяева. Нужны политработники. Нужны партийцы».

Николай Малый, средний сын Айсидора, ничем почти не отличался от старшего брата — такой же легкий, проворный, скорый на подъем — попевал повсюду. Но разница все же была — лицом он смуглее, темнее и черты чуть резче, чуть грубее, чем у брата, но при этом оставались приятными и правильными.

На промысле, как поговаривали сородичи, он «конца троп и путей брата не достигал», то есть был не настолько удачлив, как брат. Но, однако, несмотря на это, считался хорошим охотником и рыбаком Реки.

Хозяйственные постройки и дома, возведенные его руками, нарты, обласа¹ и другие поделки из дерева, кости и бересты тоже чуть грубее, нежели у брата Коски. Получались они добротные и крепкие, но не могли похвастаться особым изяществом. Он знал это и на брата никогда не обижался, ибо не может быть двух равных мастеров, как и двух совершенно одинаковых поделок. Тем более что старший брат Коска с того лета сорок первого, когда взяли отца, еще подростком занял его место и поставил на ноги всю семью. В том числе и его, Николая Малого. А годы-то какие были!..

Но главное различие между братьями было в характерах: если старший спокойный, уравновешенный, то младший был нрава крутого, необузданного. О его вспыльчивости и неукротимости знала вся Река. «Нутро у него очень короткое, — говорили люди о его характере, — ничего туда не вмещается, особенно «кривое» слово».

¹ Облас, обласок — лодка из цельного ствола осины или кедра. Сначала ствол выдалбливают теслом, затем строгают рубанком. После, подогревая на костре с внешней и внутренней стороны, постепенно распирают специальными распорками. Особого мастерства требует облас из кедрового ствола.

«Не человек, а порох, — добавляли другие, — самовоспламениться может». Но при этом он пользовался уважением сородичей, ибо он первым никого не трогал, понапрасну не задибался. Но если уж кто завел его, так добра не жди. Однако, как все несдержанные люди, он быстро отходил и зла в душе ни на кого не держал.

Позднее, когда появился Нефтереченск и тайга загудела под напором разнообразной техники, пошла молва, что по всей Реке искатели нефти побаиваются только одного человека — Николая Малого из Лосино-го рода. В этом была доля истины, ибо побаиваться надо не всем искателям, а лишь тем, кто любил втихомолку попакастить в селениях, в лесу, на реках и озерах. И когда жители накинулись на то, что здесь раньше вызывало только презрительную усмешку и что горожане давно используют, чтобы укрыться и отгородиться от себе подобных, — то есть замки, цепочки, хитроумные запоры и все тому прочее, то Николай Малый не спешил, почтения к этим железкам не проявлял.

«А ягельники на борах, черные урманы и озера, а реки и неводные урии¹ — все это разве на замок закроешь?!» — резонно заметил он.

Сородичи согласно кивали, но и возражали: большое не убережешь, так хоть малое надобно держать.

«А к чему малое? — спрашивал Николай. — Коль сохраним большое, так малое потом в любое время приложится».

«Так-то оно так, — соглашались сородичи, подразумевавшие под малым свое хозяйство и пожитки. —

¹ Урий, или курья — далеко вдающийся в сушу залив реки, в тихих заводях которого, очищенных от подводных коряг, ловят неводом рыбу летом и зимой.

Так-то оно так, да малое-то ведь кровное — значит, ближе, дороже каждому. А там что бог даст...»

Николай только рукой махал.

Его угодня вплотную подходили к Нефтереченску. Раздумывать было некогда, и он не утруждал себя в подборе выражений, по поводу всяких пакостей крыл всегда одними и теми же словами, что крепко запомнились нефтереченцам:

«Кто мне в руки попадет, сукины дьяволы...» — и так далее в таком же духе.

При этом его круглые смородиновые¹ глаза извергали живой огонь, а вороновые кудри вздрагивали в такт каждому слову и завивались еще круче.

Один таки «дьявол» попался. И все убедились, что у Николая Малого слово с делом не расходится. Больше не попадались. Видно, не рисковали.

Возможно, что его пастбища и угодня не меньше страдали от техники, чем у других. Но его промысловый инструмент, рыболовные снасти, дома, навесы, амбары — все это обходили стороной. Дошло до того, что однажды осенью, по первому снегу, обчистили лабаз Коски Малого с меховой одеждой. Рядом стоял лабаз Николая с такими же теплыми вещами. Но к нему даже не подходили — об этом сказали следы на снегу. Немало люди подивились такому обороту дела: знать, и вправду побаиваются многие Николая Малого, знать, слыхивали о нем. Да и как, поди, не услышишь, коль он никому спуска не дает — ни черту, ни человеку, ни «дьяволу» любого ранга.

Близкие родственники, предостерегая, со вздохом говорили ему:

¹ В этих краях знают только черную дикую смородину, которую охотно собирают жены охотников и рыбаков.

«Все жарче становится кругом... С таким-то нравом сгоришь ведь!..»

На что Николай Малый с самым серьезным видом, без улыбки, отвечал:

«Когда-нибудь, рано или поздно, ведь все сгорим... Все там будем...» — и кивал в сторону Нижнего мира, куда ушли предки.

И он, как и полагали люди, «сгорел». «Сгорел» без огня и дыма. «Сгорел» при загадочных, до сих пор не выясненных обстоятельствах.

Это будет впереди. Сейчас он спокойно промышляет зверя и птицу в черном урмане, не подозревая, что уготовлено ему судьбой. Быть может, одна из лучших сторон жизни в том, что человек не знает о дне и часе своей кончины. Но еще раньше его ушел из Среднего мира людей Коска Малый. Болезнь, рожденная кроваво-красным вином времени, разъедала, подспудно подтачивала, рассасывала его душу. Его высокую мятущуюся душу. Что это?

Болезнь души?..

Откуда?

От кроваво-красного вина времени?..

Кто знает. Он с собой унесет свою тайну. Унесет неведомо куда. То ли в Верхний мир, то ли в Нижний мир. В Среднем мире его не станет. Уйдет неведомо куда. Только на исходе лета между Нефтереченском и старым поселком найдут его пустую лодку. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. И наверное, не узнает.

Все это впереди, все это будет потом.

Теперь же Коска Малый ничем не напоминал Вверх Ушедшего Человека. Даже сама мысль, выскажи ее кто, жителям Реки показалась бы просто кощунственной. Разве может вознестись Вверх человек, который свой ум и слово, сердце и душу запялтал кроваво-крас-

ным вином времени, тем вином, которое никогда не подносили к устам боги и богини земли и неба?¹ Разве может вознестись человек, что оскорбил словом и действием своих соотечественников? Разве может вознестись человек в наше трудное время?! В наши дни?!

Кому это ведомо?..

Кому?!

И Демьяну это было неведомо, хотя он много размышлял о Вверх Ушедшем Человеке и о жизни Коски Малого и Николая Малого. Демьяна связывала с ними не только дружба, но и прямое родство: дядя Айсидор был родным братом его матери. И он чувствовал, как прошлое давит и на него, хотя понимал умом, что в этом его вины нет и никто и ни в чем не может упрекнуть его. Но если ему, человеку другого рода, тяжело, то каково же приходится людям этой ветви Лосинового сира?! Как прошлое сумело сделать Коску Малого несчастным, маленьким и ничтожным?! За что такое суровое наказание?! Неужели это отзвуки того, что в свое время наделал Айсидор?! Выходит, правы мудрые старцы Реки, что внушали людям: за всякое зло, оставленное на земле, нужно держать ответ. Хотя Айсидор, корчю подряд все старое, вначале был твердо уверен, что делает правильно — все за-ради добра, все за-ради светлого будущего. А вышло по-иному. Тогда многие не могли предвидеть такого оборота дел.

Конечно же, в то время были и такие, которым память начисто отшибло, которые жили только одним днем, не думали о завтрашнем — и этим лишили будущего многих людей земли. Все пошло, наверное, от

¹ В религиозных обрядах и празднествах на стол не ставили красное вино.

бездумности, предполагал Демьян. Бездумные они. А бездумному что скажешь — то и станет кричать, куда повернешь — туда и пойдет. Ему, бездумному, все равно, лишь бы на виду быть, лишь бы пыль вовремя в глаза пустить...

Эх, годы, годы!..

Другими были времена Вверх Ушедшего Человека, размышлял Демьян. Тогда люди знали свое место в мире деревьев и трав, в мире Солнца и Луны, в мире звезд и небес. Люди были мудрее и добрее, ибо у добра и зла было тогда по одному лику. Земля не знала тогда небесных и наземных машин, железных и каменных дорог, искателей нефти и газа... Но возврата не будет, обратно не попятиться, размышлял охотник. Только мысль можно вперед-назад посылать...

И мысль его вернулась к Марине, в те дни послевоенного лета, когда плыл с ней вниз по реке.

13

Когда проехали Три Реки, у «головы» правого песка Демьян развернул облас и причалил к берегу.

— Что тут, остановка? — спросила девушка.

— Да, ночевать будем. Место хорошее.

Он помог девушке сойти на берег.

— А чем хорошее место? — спросила она, оглядывая округу и разминая одеревеневшие ноги.

— Просторно тут, — пояснил он, — как море. Много воды, место открытое. Ветерок всех комаров сдует.

— А воды почему много здесь?

— Тут река на три рукава разбегается, — сказал он и показал рукой. — Вон правый рукав. Вернее, тут все рукава сходятся. Поэтому много воды.

— А мы по какому рукаву проехали-то?

— По среднему — по недавней прорве.

— Ах да, — догадалась девушка, вспомнив бурно kloкотовавшие водовороты, мимо которых пронеслись с бешеной скоростью. — Самый прямой рукав?

— Да, — коротко ответил Демьян.

Он быстро и незаметно обжил стоянку. Нарубил рогульки для таганка и колышки для пологов и навеса, развел костер, а чуть в сторонке — дымокур от комаров. Потом принес еловый лапник на подстилку и большой лист свежей бересты. Приволок колоду-плавник с загогулиной посередине. Загогулину выровнял топором — сразу стол и сиденье. Из обласа вытащил берестяной кузовок с посудой и провиантом, котелок и полог. И каждой вещи определил место на стоянке, чтобы все было под рукой.

— Ловко как-то у вас все получается, — сказала девушка.

— Так это... жизнь, — улыбнулся он. — Моя жизнь.

— А мне что делать? Все вы сами...

— Главное ваше дело — поддерживать огонь. Если огонь есть — что еще нужно?..

После чая он съездил «возить блесну». Плавал в тихой заводи недалеко от стоянки. Девушка видела, как расходились волны по реке. Блеснил он до тех пор, пока не попала щука. Из щуки он сделал подовушку — распластал, посолил и на колышках с двух сторон поджарил на слабом огне. Вечерний чай пили с подовушкой — сочной, горячей, с хрустящей корочкой и привкусом дыма лесного костра.

Солнце село.

После ужина молча посидели у костра — каждый думал о чем-то своем. Потом Демьян не спеша соорудил из лапника две лежанки, воткнул колышки у изголовья и ног и попросил у девушки полог.

— Нет у меня полога, — сказала она.

— Как это нет?! — опешил Демьян. — Дома-то, в поселке, как спали?! В чем спали?!

— Да оставила я полог. Галке оставила.

— Какой Галке? — не понял он.

— Да девушке, которая на мое место приехала.

— Как же теперь быть... — бормотал Демьян, сообщая, каким образом он дал такую большую промашку, что не спросил перед отъездом свою попутчицу о самых необходимых вещах; где теперь полог возьмешь, когда лишний лоскуток-то ткани по всей Реке не найдешь. Обнищал народ в войну. Обнищала страна, не до тряпок сейчас. У оленных людей легче меховой полог найти, нежели ситцевый. Вот так дело...

— А без полога... — заикнулась девушка.

— Ну-у... — усмехнулся Демьян. — Утром следа от человека не останется.

— Так у вас же полог, Демьян Романович? — она кивнула в сторону его лежанки.

— Есть.

— Двое влезут?

— Можно, конечно... — смущенно пробормотал он.

— Я не кусаюсь! — сказала она и засмеялась беззаботным смехом.

— Я тоже... — выдавил он.

— Тогда в чем же дело?! — она перестала смеяться. — Может, ваши обычаи... или законы не позволяют...

— Теперь комар — главный закон! — засмеялся и Демьян, поборов свое смущение. — Какие там обычаи...

С этими словами он начал укладывать лапник с одной лежанки на другую, пошутил:

— Теперь веток больше стало — мягче будет постель!..

— Не старики — бока не отлежим, — заметила она.

Зная повадки таежных комаров, Демьян старательно заправил края полога под постель. Затем приготовил дрова и растопку на утро и притушил костер.

Легли.

Демьян вплотную пододвинулся к боковой стенке полога, на свою сторону, и закрыл глаза. Он боялся, что не сможет уснуть, — сердце билось как-то по-особенному, шумно и тревожно, как преследуемый зверь, пытающийся обойти западню. Старики, коль узнают, что он спал в одном пологе с русской женщиной из города, посмеются, конечно, беззлобно: теперь, мол, тебе, Демьян, на охотничьей тропе удачи не видать. Ведь придумал же кто-то и когда-то такую глупость. Ну, с удачей-то мы еще посмотрим, это дело будущего, решил Демьян. А вот комарам-то — кому кому — удачи уж точно не будет сегодня! Пусть лезут через полог!.. Прислушался, но не уловил даже дыхания девушки, словно ее не было рядом. Спит, наверное, подумал он. И тут с плотно закрытыми глазами он увидел ее на песке после купания. Он увидел уходящие за горизонт удивительные линии ее тела. Он еще плотнее зажмурил глаза, но она все не исчезала. Не хотела уходить. И вдруг он понял, что теперь никто не помешает ему смотреть на нее. Он видит с закрытыми глазами. И нет его вины в том, что он видит с закрытыми глазами. Он обрадовался своему открытию и, возможно, засмеялся совсем по-детски. Но своего смеха, конечно же, не услышал. А линии между тем все расходились, становились продолжением песка, воды, леса, неба... Эти линии он видел в деревьях, в травах и листьях, в облаках. Он видел их везде, на что бы ни перевел взгляд. И, словно в волшебной сказке, она сама стала частью ярко-золотистого песка, частью леса, неба, солнца... И он, утомленный

целым днем езды, не заметил, как явь перешла в сон. В кругу удивительно прекрасных линий, между небом и землей, он уже витал во сне...

Утро было пасмурным.

И пришло оно очень быстро. Демьяну показалось, что он не успел закрыть глаза — и уже наступило утро, будто вовсе не было ночи, сна и головокружительных линий. Но голова слегка кружилась — значит, все это было наяву ли, во сне ли. И он насмешливо подумал о себе в третьем лице: «Еще ночь поспит — так совсем голову потеряет...» А без головы какой охотник?! Какой человек?! Эх, и сказать нечего...

Встала и девушка.

— Комары не беспокоили? — спросил Демьян. — Как спали?

— Ой, да великолепно! — улыбнулась она. — Какие там комары, когда спала как убитая...

— Первый день пути самый тяжелый, — говорил Демьян. — Это всегда так. Потом привыкаешь, легче становится.

— Да не пугает меня дорога! — воскликнула она. — Вот еще чего бояться!..

Он сначала развел костер и дымокур, повесил над огнем котелок и лишь после этого спустился к воде умыться. Потом он свернул вещи и сложил их в облас — оставил на стоянке только кузовок с провиантом. Пока он готовился к отплытию — вскипел чай, сели завтракать. И тут пошел дождь — вялый такой, неуверенный, то закапает, то опять перестанет.

— Вот ваш вчерашний дождь, Демьян Романович! — вспомнила девушка его вчерашнее опасение.

— Пришел-таки. Думал, может, стороной обойдет...

— Наверное, скоро перестанет, — предположила она.

— Нет, это долгий дождь, — говорил он, оглядывая небо. — Со всех сторон ровные облака, чистого неба не видно.

По всем приметам выходило, что дождь зарядил на долго. Быть может, на день. А возможно, и на два-три дня. Приятного маловато, соображал Демьян. В душе он всегда поругивал погоду, если она портилась не в положенное время. Ладно осенние дожди — это их время. Ладно февральские вьюги — это их месяц. А большие летние дожди к чему? Ни природе, ни человеку, ни зверю-рыбе. Из-за лишнего дождя может и ягода не уродиться, может травостой погибнуть. Да мало ли всяких неприятностей!

А перед отплытием Демьян и вовсе огорчился. Он увидел, как вздрогнули ресницы девушки, когда она потянулась к своему веслу, — будто ударили ее.

— Руки! — приказал он, шагнув к ней.

Она недоуменно пожала плечами.

— Руки! — повторил он.

Она протянула руки тыльной стороной вверх. Он немного наклонил голову, чтобы получше рассмотреть руки: узкие загорелые кисти, длинные, чуть согнутые в суставах пальцы, пахнущие каким-то лекарством.

Руки как руки. Лишь у запястья правой руки, словно островок, чернела родинка. Он задержал взгляд на родинке, будто припоминал, где мог видеть такой островок, потом взял ее руки и повернул их ладонями вверх — на ладонях и пальцах кровавые мозоли. Он завороченно смотрел на кровавые мозоли. Кровь темными сгустками запеклась под кожей. Он вспомнил, как у него впервые появились такие мозоли. Мать-покойница посадила его гребцом на корме, и они направились облавливать озеро в верховье реки Древесной. То было в начале июня тысяча девятьсот сорок второго года.

Сорок второй запомнился ему крепко.

Ему казалось, что в памяти он мог бы восстановить до самых мельчайших подробностей каждый день этого года. Этот год еще запомнился тем, что был долгим как вечность.

Сейчас он держал руки девушки, смотрел на ее кровавые мозоли. Мозоли расплывались. Перед его глазами промелькнули тысячи видений. Годы, дни, мгновения жизни...

Наконец он не то простонал, не то выдохнул хрипло: — Э-эхх!..

Она резко выдернула руки.

Он машинально спросил:

— Боль есть?

Она ответила резко:

— Нет!

Он вспомнил саднящую боль. Она появляется, когда мозоли начинают кровоточить. И эта боль особенно жгуче усиливается к ночи: остаются одни весельные мозоли. Лежишь, и кажется, что, кроме них, ничего на свете не существует. Это особые мозоли и ноют по-особому.

— Лекарство какое есть? — спросил Демьян.

— Какое там лекарство! — усмехнулась она. — Если медик — так с аптечкой, что ль, должен ездить!..

— Ладно, думать будем, — солидно проговорил он. — Может, что придумаем...

— Так заживут.

— Заживут, конечно, — согласился он. — Но зачем лишнюю боль делать?..

Он отнял у девушки весло и положил за спину, на корму.

— Пусть весло отдохнет, — пробормотал он себе под нос. — Вчера целый день гребло — устало, наверно.

Дождь все накрапывал. Дождь мелкий и нудный. А «дождевой одежды» никакой не было. Почту и другие вещи Демьян накрыл тиской — полосой из вываренных кусков бересты, сшитой руками покойной матушки. Девушке тоже выделил кусок бересты — все же какое-никакое укрытие от дождя можно соорудить. Сам же под берестой не спрячешься — грести плохо. И он надел свою малицу-шинель. А история малицы уходит опять же в войну. Возвращение каждого фронтовика было большим событием для всех жителей Реки. В конце сорок пятого вернулся и дядя Василь, двоюродный брат отца. Все, с чем он приехал, раздал родственникам. Кому достались сапоги, кому — шапка, кому — ремень. Демьяну он отдал шинель. «Много кое-чего она повидала, — сказал дядя. — Много мне помогала, пусть теперь послужит тебе». Мать долго рассматривала шинель. Не раз украдкой омывала слезой серое сукно войны. В конце концов она решилась: перешила шинель в малицу. При этом сумела выкроить какие-то лоскуты, из коих получился приличный капюшон. Заштопала дырочки то ли от пуль, то ли от осколков. Малица вышла что надо. Она обрела свое название, свое имя. Бывало, когда Демьян собирался в дорогу, мать напоминала, чтобы он не забыл «военную малицу». Она служила ему с ранней весны до поздней осени. В зависимости от погоды она была то подстилкой, то одеялом, то подушкой, когда ему приходилось ночевать в тайге. Если ожидалось похолодание, то он надевал малицу на ночь, а под голову клал пояс и подсумок с патронами.

Военная малица исправно служила ему.

Но и у нее были свои пределы. Он почувствовал, как малица стала промокать в плечах. Это в порядке вещей. Всякая одежда начинает пропускать воду сна-

чала в плечах. Военная малица продержалась под дождем столько времени, сколько нужно было. Теперь надо ей помочь — пришло время хозяина. Он должен выдержать растекающую по телу дождевую воду не меньше, чем военная малица. Дольше — можно, а меньше — нельзя. Такой у них был негласный уговор.

Впрочем, сейчас Демьян думал не о малице, а о руках девушки. Какую промашку дал, соображал он. Вторую. Большую. Как не заметил? Почему не почувствовал ее боль? Ведь живые руки. Руки девушки, которым предназначено вовсе не весло... Наверное, кожа моя слишком толстая стала, решил он и посмотрел на свои руки. Весло уже не чувствуют. А ладони его и вправду давно задубели от частого трения весла, никакие мозоли теперь не возьмут...

— Дайте мне весло, — попросила девушка. — Я тихонько буду грести.

— Ну-у!.. — только и выдохнул Демьян.

— Скучно сидеть без дела, лучше веслом...

— Ну... Скажите лучше: еще не промокли? — спросил он.

— Нет еще!..

— Ладно, хорошо... — пробормотал он, хотя знал, что никаким куском бересты нельзя полностью укрыться от дождя, особенно на маленьком обласке.

Поэтому он решил сделать привал. К этому времени и его плечи стало жечь от трения мокрой одеждой: дождь делал свое дело.

Остановились под разлапистыми кедрями, куда меньше проникал дождь. Первым делом Демьян развел жаркий костер, чтобы побыстрее обсушиться. Но сушить свою одежду не стал. Сказал девушке, что походит по лесу, поищет какое-нибудь лекарство, — и скрылся за деревьями. Девушка уже обсушила свою

одежду, когда он вернулся с желтоватой пахучей смолой на куске бересты.

— Что это? — спросила она.

— Живица пихты, — объяснил он. — Раны смазывают. Опухнет где — тоже смазывают. Говорят, помогает хорошо.

— Откуда вы знаете?

— Так старые люди говорят.

— А пахнет хорошо. Лесом пахнет.

— Да, лесом пахнет.

И он взял сначала одну ее руку, потом вторую и смазал мозоли живицей и перебинтовал.

— Все! — сказал и засмеялся он. — Вылечим руки!

— Конечно! — сказала она и поинтересовалась: — Как эту живицу достают?

— Очень просто, — ответил он. — На коре пихты появляются пупырышки такие, вздутые — в них живица. Надавишь — появится капля живицы.

— Мне бы посмотреть — это ж медицина...

— Да увидим еще...

Дождь все не переставал.

Демьян срубил четыре рогульки и жердинки — и они сделали навес. Верх накрыли тиской и кусками свежей бересты. Стоянка стала уютнее, будто появился дом. И полдневный чай пили под навесом. Теперь дождинки тщетно бились о бересту — крыша защищала от непогоды. Демьян только усмехнулся: пусть льет, коль Богу дождя нечего делать. Видно, заскучал от безделья, вот и открыл дождь не ко времени. Все у него в голове перепуталось...

— А как вы считаете, бог есть? — спросила девушка.

Демьян взгляделся в ее цвета весеннего болота глаза. Серьезные, ждущие ответа. И он, немного подумав, ответил тихо:

— Не скажу: есть бог. И не скажу: нет бога.

В ее золотисто-зеленых глазах появилось удивление:

— Как это понимать?!

Демьян опять помедлил, словно прикидывал, отвечать или нет. Но ее необыкновенные глаза заставили его заговорить.

— Я вот как это понимаю... — начал он. — С детства помню...

Вспомнил, как он открывал мир. Старики рода говорили, что все земное сотворено богом. Есть Нум Торым — Верховный бог. У него есть дети — дочери и сыновья. Тоже боги, ведают разными делами. Есть Богиня Земли. Богиня Солнца. Богиня Жизни. Есть Золотой Старик. Бог Удачи. Бог Грома. Кроме них, есть еще местные боги и богини. Это хозяева и хозяйки рек и озер, урманов и гор. У каждого бога своя история, своя легенда, своя жизнь. Каждый за что-то отвечает, что-то делает. Разве это плохо, если за жизнью одной Реки или одного урмана следят сразу два хозяина — бог и человек?! Порядка больше будет, только и всего. Боги занимаются божьими делами, люди — людскими. Не мешают никому, живут себе... Но вот началась война — самое тяжелое время для людей земли. Сколько безвинных людей погибло! Сколько умерло от горя и страдания! Сколько покалечилось на веки вечные! Сколько невзгод свалилось на народ!..

— Первое дело. Почему бог не пришел на помощь людям? — спросил Демьян. — В это время где он был?

— Значит, нет бога? — переспросила девушка.

— Выходит, так... — печально согласился Демьян. — Глядя на все это, на людей земли, сердце какого бога не вздрогнуло бы, не загорелось бы состраданием?!

Он помолчал немного, повертел в руках трубку, добавил:

— Есть и второе дело. Пусть он есть. Но если у него равнодушное сердце, то к чему людям земли такой бог?!

— Резонно, — заметила девушка. — Выходит, все против бога!

— Нет, не все, — не согласился Демьян. — Есть еще третье дело...

— Какое же?! — живо спросила девушка.

Подумав, он ответил:

— Человеку нужна крепкая вера.

— Ну, насчет веры можно поспорить, — сказала девушка. — Слов нет — вера нужна. Но при чем здесь бог?.. Можно верить в социализм, в коммунизм. Да мало ли прекрасных идей! Это тоже вера...

— Наверное, есть две веры. — Демьян начал размышлять вслух. — Ученая вера и простая вера. У вас, — он глянул в золотисто-зеленые глаза девушки, — ученая вера. Вы верите в учение, в книги, в коммунизм. Верите людям, которые написали эти книги, придумали эти слова и идеи. Это — ваши боги. Только вы их называете не богами, а как-нибудь по-другому. Дело не в этом. Главное — вы верите. С их помощью ищете Высшую Истину Жизни...

— Пусть будет так, — кивнула девушка. — А что такое простая вера?

— Это, наверное, вера тех, кто не сможет постичь учение, — размышлял Демьян. — Вот я, например. И многие другие люди нашей Реки...

По всей Реке, пожалуй, даже десятка человек не наберется, кто по-настоящему постиг ученую веру, искренно принял ее, говорил Демьян. Человека можно научить читать и писать, можно обучить его новому ремеслу, можно поселить его в городе вдали от приро-

ды, но нельзя его сразу поднять до высот ученой веры. Он сам должен медленно подниматься, постигая мудрость и непонимание книжных богов, примеривая все это на себя и на окружающую жизнь. Он должен подниматься мучительно медленно, дабы ничего в пути не растерять. Ведь всякая высота дается нелегко... Пока же большинство людей у подножия горы. Люди живут, делают свое дело, любят и страдают, рожают детей, воюют и умирают. Все они нуждаются в простой вере, которая объединяет их, которая зовет их к доброте и справедливости. Пусть символом этой веры будет бог. Может быть, его нет вовсе. Возможно, так дело и обстоит. Но что-то должно объединять людей, связывать их. Можно это объединяющее начало называть не богом, а каким-нибудь другим словом. Это все равно. Главное — чтобы в людях была простая вера во что-то или в кого-то. С помощью этой веры они ищут Высшую Истину Жизни...

— Человек не может жить без веры, — закончил Демьян.

— Хорошо, — согласилась девушка. — А что такое Высшая Истина Жизни? Как вы это понимаете?

— Как я понимаю это? — Он призадумался, помедлил с ответом, затем сказал неторопливо: — Как и для чего должен жить человек... В этом, я думаю, нужно искать Высшую Истину Жизни.

— Вы хотите сказать: смысл жизни человека?

— Да-да. Как нужно прожить свою жизнь? Для чего?

— Можно всю жизнь искать и не найти ответа на этот вопрос, — заметила девушка.

— Искание — это тоже смысл. Искание — это хорошо. Главное, это чтобы пустоты не было...

— А пустота, что это такое?

— Есть еще такое дело: пустота, — пояснил Демьян. — У человека отняли простую веру, бога отняли,

а взамен ничего не дали. Ему говорят про ученую веру, а он не может ее принять сердцем, не может подняться до ее высот. Вот тут получается самое страшное — пустота в душе человека...

— Это люди совсем пропащие, — размышлял Демьян вслух. — Их называют «назад живущими» или «обратно живущими», ибо они не думают о будущем, не думают о своем народе, не думают о других людях. Они бывают разные, эти обратно живущие. Одни начинают жить только для себя. Другие — немало их — начинают поклоняться одному богу — вину. Третьи вообще ничего не хотят делать или все делают через пень-колоду, кое-как, словно утрачивают вкус к жизни. Четвертые мечутся, бросаются от одной крайности к другой, вибрируют на острие, что разделяет жизнь от смерти; они очень остро чувствуют, что им чего-то не хватает, чего-то очень нужного, совершенно необходимого для жизни, ибо без этого «чего-то» жизнь становится бессмысленной. Они мечутся, ищут, но ищут, как правило, не там, где нужно. У них просто нет времени остановиться на мгновение, остановиться и призадуматься о прошлом и будущем и ощутить свое «я» в извечном движении дней, лет, веков. Но у них нет этого мгновения. Они все бегут и бегут — и преждевременно проваливаются за черную черту горизонта в потусторонний мир...

Это самые несчастные люди земли.

Люди без веры. Их можно направить и назад и вперед, и вкривь и вкось. Их руками можно грабить, сжигать селения-города и убивать людей. Люди без веры идут на все, ибо в их душах нет грани между добром и злом, все у них порушено безверием...

— Есть вот такая пустота в нашей жизни, — тихо закончил Демьян.

— Не ожидала от вас! — призналась девушка. — От бога пошли — в пустоту пришли. Впрочем, все логично... Откуда все это у вас, Демьян Романович?..

— Как откуда? — удивился он. — От жизни, от дорог, наверное.

— Но вы так еще молоды!..

— Верно, жил мало, а ездил много, — сказал он. — А когда едешь — много думаешь. Зимой на оленях едешь — дорога длинная. Мысль приходит: зачем я живу? Летом по реке плывешь, по воде. А вода и вовсе бесконечна. Разве с зимней дорогой сравнишь! Опять думаешь: как я живу? Правильно ли живу? Одна дума кончится, приходит другая. Начнешь обдумывать жизнь людей своего рода, потом жизнь людей Реки. Думы, как и дороги, бесконечны...

— А начало дум... Откуда идет? Кто научил, что ли, думать? — спрашивала девушка.

Демьян взглянул на небо. Дождь все моросил.

— Многих людей я слушал. Первый, конечно, отец был...

С людьми нужно хорошо жить, говорил ему отец. Для чего? Человек, прожив на земле отведенные ему дни, уйдет в потусторонний мир. И коль он оставит о себе добрую память, люди с благодарностью будут вспоминать его. А это приятно его потомкам — детям, внукам и другим родственникам и близким. Поэтому нужно думать, как ты прожить должен свою жизнь. Ведь после ничего уже исправить нельзя... После пришел крестный отец, старец Ефрем, объяснявший все явления природы и жизни. За свою долгую и трудную жизнь он многое постиг и обдумал. Он был думающим человеком. Быть может, поэтому Кровавый Глаз одним из первых отправил его туда, откуда никто не возвращался. Но прошли годы, и он оказал-

ся единственным на всю Реку, кто вернулся с мест, откуда не было возврата.

— Может быть, ему крепкая вера помогла, — проговорил Демьян. — Не ученая, конечно, а простая...

— Вот об ученой вере, — заговорила девушка. — Почему вы не доучились?

— Не знаю... — признался Демьян. — Как-то не до учебы было. В сорок втором мое учение кончилось.

Отец и братья ушли на фронт. Мать посадила его гребцом на нос лодки — ездила так на рыбалку. А зимой взяла его погонщиком оленей, когда стала водить аргиши с рыбой в районный центр. Все же помощник. Он мог бы, конечно, учиться — никто не принуждал работать. Но он видел, как тяжело матери без него. Только по прошествии лет он понял, что матери тяжело было, быть может, не столько физически, сколько от одиночества, от потери самых близких людей. И последний сын своим присутствием облегчал ее душевные и физические муки, помог выдержать тяжесть военных лет.

К концу войны он уже самостоятельно выезжал на рыбалку и охоту. Какая тут учеба, побыстрее бы до победы!

— Другие же учились? — спрашивала девушка.

— Кто учился, кто работал. По-разному все было...

Он призадумался, потом улыбнулся грустно, сказал:

— И грех смеяться, и смешно. В школе-то, в интернате одежда на нас просто горела. А материи-то, видно, не привозили — время военное. Так нам сшили штанишки из занавесок оконных. Белые занавески были, тоненькие такие. Ну, кто их пораньше получил, кто попозже. Кто как без штанов оставался — получал их. Вот первых белоштанников мы стали дразнить «белогвардейцами». И даже стали поколачивать их

как следует... А потом и я стал белоштанником, побывал в шкуре «белогвардейца»...

Он помолчал немного, потом взглянул на девушку и вспомнил начало разговора.

— Учение мимо меня прошло, — сказал он. — Если бы я постиг ученую веру, тогда бы, может быть, о боге сказал бы по-другому, по-ученому, что ли...

— Богу мы, конечно, дали большую поблажку, — сказала девушка. — Мы же комсомольцы...

— Не все комсомольцы ученые, — возразил Демьян. — Значит, неученым комсомольцам нужна простая вера.

— Если бы наши комсомольцы в поселке услышали сейчас наши разговоры о боге, крепко бы нам досталось вместе с богом! — засмеялась девушка. — Вздернули бы на одной веревке!..

— Так и вздернули бы?.. — пробормотал Демьян и, взглянув на смеющиеся золотисто-зеленые глаза девушки, сам засмеялся и сказал: — Наверное, приятно висеть на одной веревке... с такой девушкой!

— А как повисишь — так больше не захочешь! — сквозь смех ответила она.

— Ну, один раз в жизни все можно... — многозначительно сказал он.

— Так второго-то раза ведь не будет! — смеялась она. — Второй-то жизни!..

— Ну и что, — невозмутимо проговорил он. — Одной жизни должно хватить!.. К чему вторая-то?

День клонился к вечеру, хотя это было не так просто уловить — все небо затянуто облаками. Но Демьян знал, что перед закатом дождь прекратится ненадолго: можно съездить за карасями в глухое лесное озерко не-вдалеке от стоянки. Совсем без дела он не мог сидеть.

Когда дождь начал утихать, он взял топор и нарубил дров. В такую погоду всегда должен быть запас. Потом объяснил девушке, как нужно поддерживать огонь, и, сказав, что скоро вернется, поехал ловить карасей. Но караси попадались плохо — то ли из-за непогоды они «спали в иле», то ли кончалось время икромета и они не ходили, то ли сетешка его вконец обветшала.

Ему хотелось порадовать девушку крупными золотисто-оранжевыми карасями — одно загляденье! Поднимешь — словно солнце в руки взял! Так и горит, так и сверкает! Вот это царь-карась! Но такие не попадались. Поймал карасишек мелких и бледных. Вот и задержался допоздна. Все надеялся, что забредет в сеть чудо-карась.

К ночи еще плотнее сдвинулись тучи, и в лесу стало сумрачнее.

Подплывая к стану, Демьян в тусклом отсвете костра увидел встревоженную тень девушки. Она была явно чем-то обеспокоена. И когда он подошел к навету, она схватила его за руку и почти шепотом сказала:

— Дема, там кто-то ходит!

— Кто же там ходит? — громко спросил он.

— Не знаю, — полушепотом ответила она.

— Видела?

— Нет, только слышала! — Она показала в глубину леса. — Кто-то там деревья и ветви ломает!

— Да к костру не подойдет, — успокоил ее Демьян. — Зверь, наверное, какой-нибудь ходит.

— Какой зверь? — быстро спросила она.

— Кто знает: может, заяц. Может, лиса.

— Нет, большой зверь шумно ходит!

— Наверное, лось, — согласился Демьян. — Он тяжело ходит иной раз...

— А я так напугалась! — призналась девушка. — Подумала: а вдруг к костру подойдет! Что бы я стала делать?

Тут в чаще послышался неясный говор: будто два человека, невнятно бормоча, о чем-то спорили между собой. Бормотание прервалось так же неожиданно, как и возникло.

— Люди?! — прошептала девушка и шагнула к Демьяну. — Откуда они взялись?!

Голос ее дрогнул.

Демьян повернул лицо в сторону чащи. Тут слышалось тьяканье собаки, приглушенное расстоянием и низкими тучами.

— Понятно, кто к нам пожаловал, — проговорил Демьян, подкладывая дрова в огонь.

— Кто?!

— Старый пакостник филин...

— Филин?! — недоверчиво переспросила девушка.

— Да он иногда такое вытворяет — волосы дыбом встанут! — засмеялся Демьян. — Это он так развлекается, пугает людей. Особенно весной, когда настроение у него хорошее. Мастак он на всякие штуки...

— Уф-ф! — вздохнула и засмеялась девушка. — А ведь и вправду мурашки по коже бегут! И не подумаешь — филин!

Демьян повернулся в сторону филина и крикнул:

— Ты, старый разбойник! — и добавил еще несколько слов на родном языке.

— Что ты ему сказал? — спросила девушка.

— Что мы не боимся его и чтобы он шел по своим делам!

— И все?

— Еще сказал ему, если в покое нас не оставит, я возьму ружье и так напугаю его, что он дорогу домой не найдет...

— Ружья-то у нас нет! — улыбнулась девушка. — Чем его напугаешь!

— Я ему так уверенно сказал, что он поверил про ружье.

— Он понимает человеческий язык?

— Все лесные звери-птицы понимают человека. Ну, которые, может, не очень понимают, но все равно чувствуют по голосу, о чем их просит человек.

— А одному в тайге не страшно? Останавливаться, ночевать?..

— Тут главное — в сердце нельзя пускать страх, — отвечал Демьян. — Коль пустил в сердце страх — так и филин напугает, и сова прилетит — потешится, и заяц покажется медведем. Такое вот дело...

— Как удержат страх, если он живет в человеке?

— Нет, сердце человека чистое, — возразил Демьян. — Страх приходит со стороны. И все плохое приходит в сердце человека со стороны.

— Со стороны, значит? А человек — ангел? Так, что ли?

— Так, так, — кивнул он. — Ведь в сердце младенца нет страха и жестокости. Все приходит потом, от других людей, от плохой жизни...

— А с таежным страхом как быть?

— Тут все просто. Тут вот какое дело надо знать. В тайге все звери-птицы уважают человека, уступают ему дорогу. Стало быть, человеку совсем нечего бояться. Разве что по глупости пустил в сердце пустой страх...

— А медведь? По-моему, его все побаиваются.

— Да про него много говорят. А так зверь как зверь, со своими повадками.

— Пугают людей? Пустые страхи, считаешь?

— Можно так сказать... — в раздумье проговорил Демьян. — Вот в войну был один случай... А так наша

Река не помнит ни одного смертного греха за медведем. И старики не слышали от своих предков ничего подобного. Во всяком случае, за последние сто с лишним лет...

— Расскажи, интересно ведь, — попросила девушка.

— Потом как-нибудь, — уклонился он. — Дорога длинная, успею еще... А на сегодня филина достаточно, — усмехнулся он и, глянув в сторону чаши, добавил: — Видно, полетел по своим делам — не слышно теперь его.

— А ведь и вправду, будто послушался нас! — удивилась девушка.

— Он понял, что мы не боимся его. Не испугались. А коль пугать некого — так зачем зря шуметь. Разумная, однако, птица...

Оба замолчали. Демьян покуривал трубку. Девушка задумчиво смотрела на языки пламени.

Потом они сварили карасей и поужинали.

Шел дождь.

Глухо вздыхали кедры под порывами ветра.

Потрескивал костер.

Они сидели под навесом и молча слушали дождь. Дождинки звучно барабанили по бересте крыши.

Наконец девушка спросила:

— Что ты все молчишь, Дема?

— А о чем говорить? — осведомился он.

— Как о чем? — удивилась она и взглянула на него внимательными глазами. — О чем-нибудь. О чем-то ведь думаешь...

Он почувствовал, как тепло ее болотных глаз согрело его лицо и стало проникать в нутро.

Он молчал.

— О чем-то ведь думаешь, не правда ли? — спрашивала она.

После паузы он согласился:

— Думаю.

— О чем же?

Помедлив, он смущенно сказал:

— Я думаю о нас.

— О нас?! — Ее брови вздрогнули и, словно натягиваемый лук, изогнулись посередине.

— Может быть, о себе? — уточняла она.

— Нет, о нас, — упрямо повторил он.

— Что же о нас можно думать? — проговорила она.

— Разное.

— Любопытно... — только и сказала она.

А размышлял он о жизни, о превратностях судьбы. Вот пришли на землю два человека, примерно в одно и то же время. Жили на разных реках. Жили, ничего не подозревая о существовании другого. И вот однажды судьба свела их. И жизнь стала больше, мир — шире, небо — выше. Удивительно преобразилась земля — все удвоилось в жизни, все повернулось к человеку только светлой стороной. Но в то же время все вдруг объединилось, все вдруг соединилось воедино. И все стало на двоих. На двоих.

Одна тайга.

Одна вода.

Одна дорога.

Одно небо.

Одно солнце.

Но придет время — и нарушится это изумительное единство мира и жизни. Повернут в разные стороны и, быть может, никогда больше не увидят друг друга. И уйдет в небытие один житель земли. И жизнь станет меньше, и мир снова сузится, а небо — снизится. И каждый что-то теряет. Что-то очень нужное. Что-то очень необходимое.

А время неумолимо...

Время неподвластно...

Одни потери...

Такие мысли бродили в голове Демьяна. Словно разбредшееся стадо оленей, они, быть может, шли не в том направлении, в каком нужно было идти. Но он уже ничего не мог сделать.

Девушка долго молчала.

Было слышно, как звенела вода реки.

Шел дождь.

Наконец девушка подняла на него цвета весеннего болота глаза — в них была грусть. Она тихо сказала:

— Что-то ведь остается...

Он ответил не сразу, после небольшой паузы:

— Печаль потери остается...

— Значит, все бесследно не уходит. Значит, что-то все же остается.

Медленно, как бы взвешивая каждое слово, он сказал:

— Лучше бы ничего не оставалось...

— Нет-нет, — быстро и решительно перебила она. — Пусть хоть печаль остается! Разве это плохо?

— Пусть так, — согласился Демьян, чтобы не огорчать ее. — Пусть будет так.

Оба смолкли. Сгущались сумерки. Рвались искры огня в неведомую высь. Костер незаметно убаюкивал, но время сна еще не пришло. И девушка тихо заговорила. Демьян слушал ее мягкий певучий голос, похожий на мелодичный и чистый говор таежного родника. Такие родники встречались ему в урмане, на пологих склонах сопок, под сенью ельника и кедрача. Он останавливался и долго и ненасытно впитывал в себя говор родника, что завораживало его необыкновенной чистотой звуков и необъяснимыми переливами мелодии. После, спустя многие дни, он мог вспомнить весь напев и спеть его без слов: «Вов-во-во-во-во-вов...»

В нескольких звуках будет столько нюансов, что невозможно их передать ни словами, ни нотами... Его завожат мелодия, где нет ни одного лишнего и неверного звука. Что может быть искреннее и правдивее напева родника?! Что может быть искреннее и правдивее самой природы?! Но сейчас, забыв обо всем, он смотрел на огонь и слушал мелодию, что, подобно родниковому ручью, струилась только для него. Будто наяву, он увидел город на берегу большой сибирской реки. Пристань, пароходы, вокзал, люди города. Большие и малые дома людей города. А вот и самый лучший дом города — это ее дом. Потому что родной дом всегда кажется лучше и краше, чем другие дома. Увидел ее деда — сидит за столом, обложился книгами со всех сторон, молча читает. Ученый, по счетной части, понял Демьян. Бабушка. Она что-то говорит на непонятном наречии. Ах да, она учит внучку польскому языку. Ей очень хочется, чтобы еще одно поколение в Сибири сохранило ее родной язык. Вот вторая бабушка. А дед, другой, уже ушел из жизни. И отец ушел... Мать одна. Она в деда, тоже по ученой части... А чем в городе плохо? Да просто хотелось начинать самостоятельно все, своими силами, без опеки бабушек и дедушек. В детстве вообще мечтала стать парикмахером и поехать куда-нибудь далеко-далеко. Разве плохо ездить по миру и делать людям прически, чтобы они красивее стали? Возможно, в этом проявился тот беспокойный дух, что был присущ многим ее предкам. В ее родословной удивительным образом переплелись судьбы разных людей — и польских политссыльных, и украинских переселенцев прошлого века, и венгерских интернационалистов, и сибирских чалдонов. «Полный интернационал», — заметила девушка.

— Ну а по паспорту кто? — спросил Демьян.

— Русская.

— Как так?

— В России — мы все русские, — улыбнулась девушка. — Вернее: интернационалисты.

— Ин-тер-на-ци-о-на-лис-ты... — повторил Демьян, как бы взвешивая каждый слог, словно пробовал на прочность. — Крепкое слово...

В ушах Демьяна все еще стояли удивительно завораживающие звуки ее голоса, что навевали родниковую чистоту и свежесть его земли.

Они снова замолчали. Они молча смотрели на огонь, и языки пламени рвались в мокрое небо, и отблески носились по их задумчивым лицам. Дождь все моросил. И под шум дождя они приняли ночь...

14

Демьян встряхнулся от дум, огляделся — подъезжал к реке Ягурьях.

Увидев впереди крутой подъем, вожак Вондыр заторопился, и упряжка пустилась галопом и легко вылетела на левый берег. Тут Демьян отвел влево хорей и натянул поводок — олени остановились под старым кедром. Пора остановку делать, решил он. Пусть дух переведут.

Жажда все мучила его, и он повернулся к реке, что дремала под покровом снега и льда. Но рубить прорубь не стал — кто из-за глотка воды станет тревожить спящую реку или озеро. Не принято такое у путников. Это одно. Но было и второе обстоятельство... Он взглянул на ствол кедра со следами старых зарубок и ран, со спекшейся смолой, с обломанными нижними ветками. Смеркалось. И под огромной кроной древнего кедра стало еще сумрачнее. Но в большой холод в сумраке всегда теплее, нежели на свету. Быть

может, поэтому Демьян задержался у дерева, прикоснулся к замшелому стволу. Старый кедр на своем веку многое видел и многое помнит. Он видел, как у одноногого Курпелак Галактиона после войны, на этой переправе, на середине реки, замертво свалилась правая пристяжная важенка. По инерции вожак и средний протащили ее волоком десяток шагов. Курпелак Галактион остановил упряжку и, сунув под мышку самодельный деревянный костыль, проворно заковылял к важенке, приподнял ее голову и развязал недоуздок. Еще была надежда: она просто споткнулась, сейчас оклемается и встанет. Он стоял, низко нагнувшись над ней, и ждал. И, увидев мертвеющий глаз оленихи, понял: все кончено, никакой надежды. Он выпрямился и только теперь взглянул на Кровавоглазого. Тот, в тулупе, полуразвалившись, неподвижно сидел на нарте и, казалось, дремал. Сзади подъехал Коска Малый и, останавливая упряжку, крикнул Галактиону:

— Что с ней? — и устремил взор на олениху.

— Пала, — мрачно ответил Галактион.

— Выживет?

— Пала. Замертво пала, — глухо повторил каюр.

И тут Кровавый Глаз резко, взмахнув лапами черного тулупа, словно поднимающийся на задние лапы медведь, вскочил, — видно, не дремал все же. Вскочил и бросился к одноному каюру.

— Нароч-чна-а! — взвизгнул он. — Нароч-чна такого оленя запряг! Нароч-чна!..

Он подскочил к одноному Галактиону и ударом ноги выбил костыль — каюр свалился в снег. И Кровавый Глаз принялся неистово молотить его ногами.

— Нароч-на!.. — рычал Кровавый Глаз. — Нароч-на — сын паскуды! Мало вас били на Казыме в тридцать четвертом?! Мало!

Каждый удар сопровождал криком.

— Выродок шаманов — нароч-на!

— Подонок кулачки — нароч-на!

— Вражина народна — нароч-на!

Рев, ударяясь о берега, покатился по унылой пустыне реки, покатился вверх и вниз.

Курпелак Галактион, извиваясь под ударами, подтягивая негнущуюся в коленном суставе, торчащую крючком ногу, полз к своему костылю. Пытался ползти. Но сыпавшиеся со всех сторон удары почти не давали ему возможности сдвинуться с места. А перекачиваться с боку на бок не позволяла больная нога, которая при этом упиралась в снег. Приподымаясь между ударами, он падал в сторону костыля. Все ближе, ближе... Стиснув зубы, он молчал — не кричал, не извинялся за павшего оленя, не просил пощады. Он молчал. Молчал, инстинктивно прикрывая голову одной рукой, а второй подталкивал себя к костылю. Видно, его молчание еще больше разозлило Кровавоглазого: как он смеет молчать! Никто пред ним не молчит!.. И он еще ожесточеннее начал молотить одноногого каюра. Тот увидел краем глаза — костыль совсем рядом. Еще чуть-чуть — и можно дотянуться. Костыль самодельный, из крепкой смолистой сосны, с рукояткой на одном конце — ставится под мышку для упора — и с круглым тяжелым набалдашником на другом конце, чтобы в снег меньше проваливался. И наконец схватил костыль. И замер на мгновение — примеривался. Обледеневшим набалдашником — в лоб Кровавого Глаза. Березовый кап набалдашника должен снести нависшее над Рекой чудовище. Снести, раздавить, изничтожить. И он выжидал удобный момент, ибо хорошо осознал, что у калеки единственный удар. Всего один!

И удар должен быть сокрушающим. Иначе — конец.

И, вложив в набалдашник всю свою ярость и бес-
силые, размахнулся. Кровавый Глаз уклонился — ко-
стыль лег на его плечо и переломился пополам.

— Нарочч... — захлебнулся и остолбенел Крова-
вый Глаз.

Он застыл посреди реки с открытым ртом.

А одноногий Галактион сидел на снегу и тупо смот-
рел на обломок костыля, что двумя руками держал
перед собой. Сначала в его взоре появилось недоуме-
ние, потом — удивление, а удивление сменилось безу-
частием. Понял: единственный шанс упущен, сраже-
ние проиграно, конец.

Он сидел с обломком костыля, и по лицу его кати-
лись то ли капли подтаявших снежинок, то ли капли
пота.

Наконец Кровавоглазый пришел в себя, глухо рык-
нул. Удар отрезвил его, и он будто даже повеселел: те-
перь есть повод — при исполнении служебных обя-
занностей... И так далее, и тому подобное...

— Собаке собачья смерть! — четко, словно прочи-
тал приговор, отпечатал он — и рука его привычно
потянулась к правому боку. — Жаль — не прихлоп-
нул с отцом, кулацкое отродье!..

Все делал с замедленным удовольствием, не спеша,
с шуточками-прибауточками, сквозь зубы скаламбу-
рил о том, что на одного калеку меньше — так хлеба
побольше достанется другим, и забормотал что-то
о стране, о выгоде, о необходимости и бдительности...

Рука его привычно скользнула по боку и нашла
в одеждах кобуру.

Он вытащил пистолет.

И равнодушно-холодный металл мушки нашел Без-
ногого Галактиона.

— Ну, молись своему идолу! — милостиво разре-
шил он и с торжествующей ухмылочкой, почти весело

добавил: — Пусть тебе местечко там уготовят! — он
ткнул дулом пистолета вниз, под ноги. — Пусть разво-
рачивается! Срочно!

Мушка все стояла на одноногом каюре.

Кровавый Глаз не спешил. На его губах застыла ух-
мылочка торжества. Он растягивал удовольствие. Он
ждал, когда каюр, неловко подволакивая торчащую
крючком ногу, поползет к нему и начнет целовать его
пимы. Подползет — куда денется. Не такие еще под-
ползали. Не такие. Впрочем, всякие попадались. А та-
кого, с вывертом-ногой, еще не было. Должно, забав-
но он станет волочить свою ногу-корягу. Поэтому
Кровавый Глаз не спешил. Ждал. Ждал высшего мгно-
вения своего торжества. Человеческое унижение его
всегда возвышало в собственных глазах, утверждало
в своей непогрешимости и могуществе. И после это
долго тешило его самолюбие и согревало нутро. Со-
гревало стынущее нутро. Поэтому без всего этого уже
не мог существовать.

— Ну-ну, сволочь, шевелись! — почти ласково про-
мычал он. — Молись идолу своему — авось поможет!
Он выставил руку с пистолетом.

И мушка приподнялась.

Рука дернулась.

Грохнул выстрел.

Пистолет вылетел.

Пуля дзинькнула об лед.

Эхо выстрела, перекатываясь по снегам, носилось
по студеной реке.

Кровавый Глаз резко дернулся и... увидел черный
наконечник хорей. Понял: Коска Малый хореем вы-
бил из руки его пистолет.

— Брось! Брось хорей! — взвизгнул он, а рука ма-
шинально рванулась к поясу, но наткнулась на пу-
стую кобуру.

Коска Малый, выставив перед собой хорей с металлическим наконечником, как с копьем, застыл в трех-четыре саженях от Кровавоглазого. Настороженный, бледный, весь напряженный. Казалось, вот-вот сделает выпад и отскочит назад, как это принято у медвежатников, которые с копьем выходят на зверя. Видно, выбив пистолет, он так и поступил — отскочил на безопасное расстояние, чтобы нельзя было ухватить его хорей-копье.

— Брось! Брось! — еще раз взвизгнул Кровавый Глаз.

— Кто без хорей ездит? — удивился Коска. — Кто?

— Никто! — закричал Кровавый Глаз. — Брось! Сказано: брось!

И тут Коска Малый, словно готовясь к выпад, на полшага отступил, а наконечник чуть выдвинул вперед и тихо, почти шепотом, приказал:

— С-сядь!

Кровавоглазый завертел головой: слева — пустынный лес на берегу, справа — пустынный лес на берегу, сзади — безногий каюр с обломком костыля, спереди — хорей с наконечником. Вскинул голову к небу — и там пусто. И правая рука перестала шарить по боку и замертво повисла вдоль туловища. Всем телом он почувствовал металлический привкус кованого наконечника и миг ослабел, будто жилы порвались вдруг. Так ему сподручнее, подумал он о Коске, увидев его побелевшие пальцы, сжимавшие березовый хорей с наконечником на нижнем утолщенном конце. Впился глазами в наконечник. Наконечник, кованый, с локоть длиной, теперь смотрел прямо на него. Этим наконечником проверяют толщину льда на переправах, проламывают головы нападающим на стадо волкам, продалбливают лунки на обледеневшей

земле. С таким наконечником, как с копьем, можно на медведя выйти.

И ноги помимо его воли подкосились, и он тяжело плюхнулся на снег. Он хотел что-то сказать, но губы задрожали, потом их свело судорогой и он не смог выговорить слово.

— Туда! — Коска показал хореем на нарту.

Кровавый Глаз не понял или не сумел подняться на ноги. В ожидании кованого наконечника не отрываясь следил за хореем в руках охотника.

— На нарту! — повторил Коска, и на лице его появилась досада.

Кровавый Глаз скорее понял по движению магического наконечника, нежели услышал голос и осознал значение слова «нарта». Наконец тяжело поднялся и поплелся к нарте. Когда он, укутавшись в тулуп, повалился на свое место, Коска Малый переложил хорей на правую руку, ногами разгреб снег и разыскал пистолет. Стряхнув снег, он деловито осмотрел «маленькое ружье», повертел в руках, затем сунул в качинг — меховой подсумок для спичек, бруска, ниток, иголки и другой мелочи — на правом боку и завязал тесемки крышки.

Теперь край одного глаза он все время держал на пассажире в тулупе. Тот пока неподвижно сидел на нарте. И он подошел к Курпелак Галактиону. И каюр, увидев Коску Малого, вдруг всхлипнул и тихо протянул:

— Ма невремлам...¹

И по щекам ручьями побежали слезы.

Коска неловко потоптался возле него. Потом взял обломки костыля и направился к своей нарте. Вытащил из-под сиденья топорик, вытесал две речки

¹ Мои дети...

и, приложив их к излому костыля, крепко перемотал бечевкой. Затем вернулся к Галактиону, постоял немного молча, потом резко сказал:

— Мос!¹ — и хотел добавить, что у него тоже дети, но смолчал: у того одна нога, а у него — две. Вдвое больше.

И Галактион так же неожиданно перестал, как и начал. Он молча взял костыль. И Коска помог ему подняться, стряхнул снег с его малицы.

— Нунгнам курая неврэх? — спросил Коска. — Топ юх кура мурт?

— Неврэх, — усмехнулся Галактион. — Топ юх курам мурт...

— Юх курая варем. Пухел муцы пыкел, — улыбнулся и Коска.

— Нух туй — тулсахет морийэх. Алы ченья куты ил юх цоп...²

Кровавоглазый зашевелился на нарте, насторожился. Но люди, казалось, не обращали на него внимания, словно его вовсе не существовало.

Курпелак Галактион выпрямился, стряхнул снег с лямок павшей оленихи и взглянул на Коску Малого. Молча обменялись взглядами, и молча же Коска Малый распряг правого пристяжного бычка своей упряжки и подвел его к товарищу. Тот благодарно кивнул, надел на оленя недоуздок и лямки. И, развязав поводок, тронул вожака. Заскрипел снег под полозьями.

Кровавый Глаз неподвижно сидел на своем месте. Сзади впритык ехал на двух оленях Коска Малый.

¹ — Хватит!

² — Собственная-то нога цела? Только деревянную сломал? — Цела. Только деревянную сломал... — Деревянную-то я залечил. До поселка выдержит. — Сучок был — там поломалась. Так бы что ей, деревяшке...

«Есть повод, отцово золото «выжимать» начнет», — подумал Галактион о своем пассажире. Но ничего тот не выжал. В поселке пробыл недолго — сказался больным и уехал. Обратное вез его другой каюр. На сей раз, к удивлению жителей Реки, он никого не забрал с собой. Видно, и вправду какая-то хворь нашла на него.

Это был его последний приезд.

Уехал. А смутные слухи о перебитой ноге — деревянной — и кованом наконечнике остались — упорно кочевали из селения в селение. Река вздыхала. Река ждала. Река чувствовала, что гроза нависла над Курпелак Галактионом и Коской Малым из сира Лося. «Тот», Кровавый Глаз, шутить не любил. Поэтому многие жители не без основания полагали, что земные дни несчастных сочтены...

Но вскоре пришла неожиданная весть — он «исполняет служебные обязанности» теперь в другом районе, на северо-западе края, в стороне заката солнца. То ли перевели его, то ли сам попросился. Это было неведомо никому. Но все поняли другое: наконец двинулся в сторону заката, и заката ему никак не миновать...

Река облегченно вздохнула: гроза миновала, обошла стороной почтового человека Курпелак Галактиона и Коску Малого. Люди-то в то время считали, что беда миновала Коску Малого. «А миновала ли?» — размышлял Демьян. Тогда — да, а позже? Ведь именно у этой переправы много лет спустя рука Коски потянется к ножу, и олениха-вожак изойдет кровью. Именно у этой переправы через Ягурьях, а не где-то на другом месте старой Царской дороги. Может быть, до сих пор бродит здесь, возле переправы, призрак сгинувшего Кровавоглазого? Видит призрак один Коска Малый. Никто об этом, кроме него, не знает. И каждый раз, как и много лет назад, проезжая здесь, он

вступает в единоборство с призраком. Призрак, кривляясь и гримасничая, выглядывает из-за деревьев то справа, то слева, то впереди, то сзади. Призрак неуловим и мстителен, коварен и жесток. Его уже никак не достанешь кованым наконечником хорей, хотя и, дразня, вплотную подсакивает к нарте. По словам предков, призраки, как и все нечистые силы земли, очень живучи и боятся только «железа с острым краем» — ножа или топора. Если они пристают к человеку, то нужно пригрозить им ножом или топором. Коска, конечно, знал об этом. И когда, возвращаясь из Нефтереченска домой, призрак подскочил к олениховежаку, ударил его ножом. Ударил, и показалось, что зацепил-таки острием ненавистный призрак и начал неистово колоть его. В затуманенном водкой мозгу остался только призрак. И Коска решил во что бы то ни стало избавиться от него. Избавить переправу через Ягурьях, избавить людей Реки, избавить себя...

Он хотел сделать добро и думал, что одерживает верх, а вышло все наоборот — призрак просто издевался над ним.

Быть может, в облике тех, кого избивал в поселке в пьяном угаре, ему мерещились какие-то едва уловимые черты призрака переправы. Он безошибочно улавливал эти черты. Ведь если внимательно присмотреться, то видно, что в каждом человеке есть что-то от бога и есть что-то от сатаны. Добро и зло всегда рядом, добро и зло ходят в одной упряжке. Уловив сатанинское, Коска сам сатанел и набрасывался на человека. Но первоначальным побуждением, первым толчком было добро. Все начинал этого ради. Потом попадал в заколдованный круг — и добро непременно оборачивалось злом. Отчего так получалось?

Значит, что-то сдвинулось в нем.

Коль так, кто сдвинул?

Призрак переправы?

«Видно, призрак, иначе как объяснить его болезнь», — рассуждал Демьян, обдумывая жизнь своего родственника. Бродит где-то здесь, возле переправы, несчастный призрак. Может быть, ходит мимо старого кедра. Мимо кедра, который в тот далекий год пронзила яростная брань Кровавого Глаза, — и он стал хиреть с тех пор. На самой верхушке в год отмирало по две-три плодоносящих ветви. Но кедр еще крепко держался за жизнь, и в нем скверны не было, ибо брань пронзила его насквозь — слишком близко стоял — и ругательства впечатались в другие деревья в глубине леса и висели теперь на них. Демьян чувствовал это.

Этих умирающих и мертвых деревьев в приречном лесу десятки, а может быть, и сотни. Кто знает, сколько проклятий и всякой скверны услышал тогда лес на этой переправе. Как уверяли старики всех сиров, каждое живое дерево, когда в него попадает скверна, тотчас же начинает хиреть и вскоре умирает. Все живое более чувствительно и ранимо, нежели человек, говорили старики. Поэтому надобно быть милосердным...

Демьяну это было ведомо.

Сгущались сумерки.

Он взял хорей, развязал поводок — олени отдышались, пора ехать.

И упряжка тронулась на восток, в сторону восхода солнца.

После Ягурьяха Демьян проехал кочкастое приречное болотце с редким сосняком, миновал неширокий горелый бор, лежавший вдоль реки, и спустился к пес-

чаным озерам. Это были даже не озера, а приборовые озерки с белым песчаным дном — с одной стороны бор, с другой начиналось болото. Кое-где возле берегов торчали из-под снега стебельки пожелтевшего пырея. Демьян огляделся. Он любил с детства песчаные озерки. Они радовали глаз своей первозданной чистотой. Особенно хороши они летом. Вода в них до того светлая и чистая, что каждую песчинку видно на дне. Разве с мутной водой болотных озер и рек сравнить?! В детстве, бывало, через весь бор в жаркие дни ходили купаться на песчаные озерки. Те озерки на окраине домашнего бора назывались «Оленя Дома Песчаные Озера». Возле тех озер остались полуразрушенные строения, возведенные руками дедов и прадедов Демьяна. Зарастает деревьями-кустами старинное селение — пувыл¹ оленных предков. И осенью и весной уютны и тихи песчаные озерки. Возле них останавливаются путники на короткий привал, чтобы испить ароматной и сладкой водицы, вскипятить душистый крепкий чай. На таких стоянках Демьян всегда улавливал неразрывную связь с пространством — с уходящим за озеро лесом, с голубеющим в дымчатой дали небом, с солнцем, с луной, со звездами. И эта связь, и это пространство со всем, что в нем есть, словно родник, питало его чем-то живительным, и он становился большим и сильным. Он чувствовал себя частью этого беспредельного пространства. В такие мгновения ему казалось, что с его землей, с людьми этой земли ничего плохого не случится, что все невзгоды и беды пройдут стороной, развеются в этом удивительном пространстве или за его пределами, если они есть.

Если пространство беспредельно, значит, беспределен и человек, размышлял Демьян. То есть и он,

¹ Пувыл (пауль, пухол) — селение ханты и манси в тайге.

Демьян, выходит, беспределен. И, выходит, не очень хорошо знает себя. Во всяком случае, не сможет постичь себя до конца. Как-то странно получается. Коли себя не можешь постичь, так другой и вовсе непостижим?! Такой вывод напрашивается...

Мысли в сгущающихся сумерках стали особенно четкими, ибо все остальное — деревья, снега, небо и дорога — сливалось постепенно воедино, в одно таинственно-неясное и призрачное. Остались только мысли.

Задумавшись, Демьян не сразу заметил встречного путника. Упряжки сошлись на середине второго песчаного озера. По привычке вожак Демьяна повернул вправо и остановился в снегу по самое брюхо, а вожак встречного влево.

Нарты встали друг против друга.

Демьян увидел торчащую из-под капюшона малицы копну белых волос и узнал густой певучий голос Седого:

— А-а, еем-ики, пэча вола, пэча вола!¹

Ничего Демьян еще не успел ответить, как Седой соскочил с нарты, чмокнул его в обе щеки и со словами «пэча-пэча» тряс его руку.

— Пэча, пэча!² — отвечал Демьян, вдохнув невольно запах водки от Седого.

— Брат-старик! — кричал Седой. — Дорогой брат-старик! Я ведь выпил! Я ведь пьян!.. Твой бестолковый брат пьян! Твой плохой брат пьян! Ох, пьян и плох!..

— Бывает, — сказал Демьян. — Все пьяными бывают.

— Я к детям ездил. В интернат. У детей гостил! — громко говорил, почти кричал, Седой. — Разве сразу от них уедешь?! Разве уедешь, не погостив?!

¹ — А-а, брат-старик, здравствуй, здравствуй!

² — Здравствуй, здравствуй!

— Так, так, — кивал Демьян в знак согласия.

— Разве так просто уедешь, когда втроем, вцепившись в тебя, ходят за тобой?! Куда тут деваться?!

— Знаю, знаю. У меня у самого двое учатся.

— Так, брат-старик, так! — кричал Седой. — Ты сам знаешь. Что я болтаю? Ты все сам знаешь!.. Погоди, я сейчас...

С этими словами Седой наконец выпустил руку Демьяна и, замолкнув на миг, полез за пазуху. Оттуда он извлек бутылку и, вынув пробку, снова подступился к брату-старика.

— Брат-старик, я знаю, ты не жалуешь эту водицу. Но за-ради меня один глоток сделай! За-ради меня, за-ради мою жизнь! За-ради мою проклятую жизнь!..

Демьян молча взял протянутую бутылку. По тяжести он понял — бутылка почти полная. Как бы в нерешительности он подержал ее секунду-другую в правой руке. Седой, видно, уловив его колебание, крикнул:

— Пей. За-ради...

— Ладно-ладно, — остановил его Демьян. — Сейчас выпью. Погоди малость.

Он знал, что Седой так просто не отстанет. И, запрокинув голову, честно сделал один или два глотка. Можно было, конечно, зажать горлышко бутылки языком и ни капли не выпить: все равно в темноте ничего не видно. Но обмануть Седого... у кого повернется язык! Кого будет земля держать! Да лучше самому в преисподнюю!..

— С удачей-здоровьем! — сказал Демьян обычный хантыйский тост.

— Так-так: с удачей-здоровьем! — живо откликнулся Седой. — Милый Торым, удачу-здоровье нам сохрани! Так-так!

Он взял из рук Демьяна бутылку и, поворачиваясь по солнцу, чуть приседая и кланяясь, взмахивая в такт

движению левой рукой, высоко вскинув голову с кочкой белых волос, громко говоря-причитая, пустился в магический танец. Переступал ногами, страхнул снежинку, одернул малицу, сдвинул на правый бок деревянные ножны с ножом, качнулся влево, качнулся вправо — все это был танец, ибо не было ни одного лишнего движения, и, казалось, вместе с ним танцевали и хрусткие снега, и заиндевелившие деревья, и звездное небо, и песчаное озеро, и таинственно-черная ночь. Все вокруг него двигалось, хрустело, приплясывало. А он каждому богу ли, человеку ли, каждой стороне горизонта посылал свои слова-причитания, слова-молитвы.

На восток:

— Э-э-эй, милый Торым!

На юг:

— Эй, боги и богини!

На запад:

— Э-э-эй, люди Земли и Неба!

На север:

— Дайте жизнь! Ребятам-детям дайте удачливую здоровую жизнь!

Перевел дух, вскинув белую голову, крикнул:

— Эй, вы слышите меня?! Слышите меня?!

Потом он увидел Демьяна, словно только что вспомнил о нем, пробормотал:

— А, ты здесь! Счас и я выпью! Ну, с удачей-здоровьем!

— Удачи-здоровья! — пожелал Демьян.

Седой запрокинул голову. Стало слышно, как забулькало из бутылки.

Пока он пил, Демьян оглядел его упряжку. Вернее, это была даже не упряжка, а пол-упряжки: половину нарты тянул махонький олененок с одним крохотным рожком на голове. Как только нарта остановилась,

он, высунув язык, тяжело дыша, лег на снег. Кое-как, видно, дотянулся до остановки. «Бедняжечка, — пожалел его Демьян. — Крепко устал». И он поднял олененка, чтобы тот, разгоряченный, не простыл на холодном снегу. Тот встал на дрожащие ноги, потерся мордочкой о бок важеньки-вожака — очистил ноздри от сосуллек, — и когда Демьян отошел, снова лег. Чернобокая важенька-вожак лизнула его в макушку возле единственного рожка. Демьяну показалось, что она поцеловала олененка. «Видно, мать», — решил он. То же жалеет малого. Никак полнарты тянет, а в нарте, кроме хозяина-каюра, еще целый мешок муки белеет в темноте.

— Оленей моих смотришь? — спросил Седой, оторвавшись от бутылки.

— Бык твой где? — поинтересовался Демьян. — Чего ж ты малого оленя мучаешь?

— Бык мой сурал!¹ — как-то неестественно, через силу хохотнул Седой. — Все. Конец ему. Сурал.

— Не слышал эту весть, — смущенно пробормотал Демьян.

— Бык-то мой еще осенью захворал, — заговорил громко Седой. — Кое-как дотянул до льдов-снегов этой зимы. Сейчас я полупеший. Вот последнего олененка мучаю. Что делать?! Чувствую, однако: скоро останусь с собственными ногами, совсем пешим стану. Первым пешим человеком Реки стану. Как водится, почему-то я всегда первым оказываюсь. Всякое несчастье почему-то находит меня первым. Как-то вот разыскивает, как-то находит!..

Демьян, слушая собеседника, покосился на мешок с мукой, подумал: мог бы летом запастись. По воде, по

¹ Сурал — скончался. Так обычно говорят о людях, но не о животных.

течению без всяких хлопот привез бы. Но вслух ничего не сказал: у каждого хозяина свои соображения на сей счет. Может быть, летом у него не на что было купить муку. Вернее всего так дело и обстояло.

— Брат-старик Нимьян, ты человек понимающий, слушай мою жизнь! — покрикивал Седой. — Думаешь, мне не жалко малого оленя?! Сам бы впрягся в нарту!.. Да, считай, уже впрягся. На подъемах-то я помогаю им. Бегу рядом с полозом нарты. У меня ведь тоже сердце есть — как тут усидишь на нарте?!

— Важенька-то мать этого малого? — спросил Демьян, кивнув на олененка.

— Мать, мать, — сказал Седой. — Моя последняя важенька. А малый — это дочь ее, Черна Дева. Дети мои такое имя дали ей. Не гляди, что малый, а свою половину нарты тянет! Честно тянет!

Демьяну послышалось не «Черна Дева», а «Черно Диво». Странное имя, подумал он. Но переспрашивать не стал — Черно Диво так Черно Диво, тоже имя. Видно, маленький олененок чем-то удивил детей Седого. Вот и получил такое редкое оленьё имя — Черное Диво, соображал Демьян.

— Сам впрягусь в нарту, — бормотал Седой. — Скоро впрягусь, скоро...

Его слова сбудутся. Однажды на этой же дороге Демьянов Микуль встретит его, постаревшего и изможденного. Они втроем тянут небольшую нарточку с покупками — он, Седой, его жена и собака. А сзади плетется их сынишка Андрей в интернатских валенках, в шапчонке и пальтишке. Нарточка тяжело переваливается с сугроба на сугроб заметенной снегом колеи. Собака, сука с отвисшими сосками на голом животе, с облезлыми боками и выпирающими ребрами, яростно ощерится на Микуля. И у Микуля тоскливо сожмется все нутро. А хозяйева двух ближайших посел-

ков, нового — геологического и старого — охотопромыслового, только руками разведут: сам, мол, Седой виноват, все пропивает, все спускает до нитки, а в поселок перебираться не желает. «Формально они правы, наверное, — подумает Микуль. — А по-человечески...»

Теперь же Демьян, глянув на Черное Диво, сказал:

— Да, с оленями дело плохо...

— Это все война! — яростно топнул Седой. — Война! Будь она проклята!..

— И война, — согласился Демьян. — И война свое дело сделала.

Ты воевал, северный олень. Перевалив через Урал, ты шел на запад. И ты привык к свисту пуль, к вою снарядов, к разрыву бомб. Ты хорошо воевал, ибо тебе не нужна была тропа в Заполярье. Ты мог пройти повсюду. И за тобой не угнаться ни собаке, ни лошади, ни машине. Ты был в своей холодной белой стихии. И ты воевал и падал рядом с каюром-солдатом на окровавленный снег Карельского фронта, и в твоём сохнущем глазу метались кровавые сполохи и разгорающегося боя, и северного сияния.

Ты служил человеку. И служил до конца. На фронте и в тылу.

С тех лет опустели пастбища многих охотников Реки. Кончилась порода старинных оленей. Порода выносливая, надежная.

Демьян вспомнил приметку древних: если полностью исчезает одна старая порода, то новая на этом пастбище плохо приживается, неважно растёт. Болезни, мор, хищники. Да мало ли других врагов у оленя?! Вот и остались ни с чем многие семьи реки.

При колхозе была надежда только на колхозных оленей. Хоть они и менее выносливые, менее ухоженные и не блистали особенной статью, но все же это олени, тянули нарту, делали свое дело. Да много ли

возьмешь с такого оленя! Над ним сто хозяев — и все погоняют. Вроде бы и мой олень — и не мой. Отъездил зиму, а там хоть пропадай. И хозяин — и не хозяин. Что ни говори, человек больше печется о тех вещах, которые принадлежат ему. Так было испокон веков, и неизвестно, когда все станет по-другому и когда человек начнет больше заботиться о вещах общественных, нежели о собственных. На деле, конечно, а не на словах. На словах-то все правильно и разумно выходит, а толк-то какой?! Сами же себя и обводим вокруг пальца, и делаем вид, что не замечаем этого. Хороши, однако, хозяева! Дожили! Теперь нет вот ни частных оленей, ни общественных. Нет и снегоходов. На своих двух остались, как говорит Ефим Седой. И война, конечно, не вперед работала. Когда Седой уходил на фронт, у его старика отца было семнадцать оленей. А в день его возвращения домой отец на радостях привел к священному дереву в изголовье дома последнего бычка. Ефим, оглушенный и опустошенный войной, помнится, недоуменно спросил:

«Зачем все это, отец?»

«Что толку от одного бычка?!» — вопросом ответил отец.

«Все же живое существо...»

«Ты же знаешь: на пастбище одинокий олень не держится. К тому же бычок, коли бы важенка была...»

«Знаю. Но как-то нужно жить...»

«Война кончилась — теперя проживем! — бодро сказал отец Андрей-старик. — Колхоз опять же поможет. Ты знаешь, за эти годы люди дружнее, что ли, стали. Как-нибудь проживем, не пропадем!»

Тогда, глядя на коричневошерстного бычка у священного дерева, Ефим подумал: вот он, последний олень старинной породы. Что же впереди? Пустое пастбище. А пустота всегда наводит тоску. Наверное, об

этом размышляет и примолкший отец. Опустело пастбище. И только спустя более двух десятилетий снова завели своих оленей. Но они плохо прижились и вот пошли на убыль. «Отвернулась от нас оленья удача. Каким арканом ее, эту удачу, заарканить можно? — вопрошал Седой. — Кто знает?! Может, у кого есть такой аркан?!»

Размахивая руками, подергивая белой кочкой волос, не отрывая ноги от укатанной колеи дороги, покачиваясь, как бы пританцовывая на месте, Седой стоял перед Демьяном. Напоминал он подраненного орла перед взлетом: вот-вот взлетит, собрав остаток последних сил, взлетит, зная, что оттуда, из поднебесья, ему суждено замертво пасть на землю. Томительно острый и притягательный взлет.

Демьян, словно пытаясь удержать его на земле, предложил:

— Заночевал бы. Твой малый олень отдохнет. Куда в ночь-то скачешь?!

— Да они домой рвутся! — Седой кивнул в сторону своей полуупряжки. — Ум у нас у троих, оленей — человека, одной тропой идет. Чувствую, как они домой рвутся. Чем ближе к дому, тем быстрее бегут.

— Ягель родного пастбища вкуснее...

— Точно так, мой брат-старик!

— На переправе смотри осторожнее, брат! — предупредил Демьян. — Все же ночь...

— Разве мы с тобой не сыновья исхо¹, брат-старик! — воскликнул Ефим Седой. — Мы ль ночами не ездили?!

¹ Исхо — «ис» — старинный, древний, «хо» — человек. Устойчивое словосочетание «старинный человек» означает — человек бывалый, многоопытный, мудро проживший свою жизнь, до ухода в Нижний мир успевший передать свой жизненный опыт сыновьям.

— Исхо-то исхо, — согласился Демьян и, думая о своем, добавил про другое: — Но все же... Это Ягурьях. Вода малая была, берега высокие...

Седой понял его с полуслова.

— Не бойся за меня, брат-старик! — вскричал он беспшашно зазвеневшим голосом. — В моей душе столько дыр, столько дыр... Кажется мне — теперь сам Черный Старик¹ меня стороной обходит! Такое иногда на ум приходит...

— Ну, в ночь — за полночь не трогай его.

— Кто его, чудища, трогает. Это я к слову...

— Пусть он твои слова не слышит.

— Это его дело, — заносчиво сказал Седой. — Хочет слышит, хочет не слышит. Я сказал.

Демьян взглянул на оленей, что скрипели зубами и переступали с ноги на ногу, предложил Седому:

— Может, переночуешь вместе со мной возле Кава², на боровой гриве? — он кивнул на восток, за песчаные озерки. — Тут я заночую. Ягель хороший, снегу, должно быть, не очень много, не очень глубокий.

— Нет, я все-таки этой ночью до дома доберусь. Давно уехал, верно, мои домашние люди заждались.

— Ну, как знаешь, — сказал Демьян. — Тебе виднее. Человек лучше знает свою тропу.

Между тем Седой снова вытащил бутылку. «На прощание, такой мороз, — бормотал он. — Согреться нужно. Хоть ненадолго».

Пришло время разъезда.

Они уже развязали каждый свою вожжу-поводок, взяли хореи, поправили упряжные ремни, когда Ефим

¹ Черный Старик — Пыхты Ики. В хантыйской мифологии и религии: полудемон-полубог, властелин Нижнего мира, главный дух смерти и болезней. Имеет и другие подобные имена.

² Кав — камень. Здесь: геодезический репер со столбом возле дороги, где обычно останавливаются путники на кормежку оленей.

Седой, протянув руку на прощание, как бы вдруг отрезвев, сказал грустно:

— Я тут много болтал попусту. Но я знаю: на земле я не вечен, есть конец... — и, помолчав, попросил с тяжелым надрывом: — Брат-старик! Коль со мной что случится, ты, брат-старик, детей моих не забывай! Сделай такое, хорошо?.. Может, где одним глазом увидишь. Может, где у твоего порога встанут, сиротиночки мои... Брат-старик, им много не нужно: одно доброе слово. Одно слово добра!.. С голоду не помрут, сейчас время такое. Теперь слово добра дороже!.. Знаю, брат-старик, ты не пожалеешь такое слово для моих сирот!.. Знаю. Поэтому и прошу для моих...

Голос его странно зазвенел. Как в песне, он словно взял неожиданно высокую ноту — и вот-вот сорвется... Демьян крепко тряхнул его руку, быстро перебил, запротестовал:

— Что ты! Что ты!..

— Прошу для моих!.. — держался Седой на своей головокружительно высокой ноте.

— О жизни надо думать! — рассердился Демьян и повысил голос. — О житье-бытье! Вперед думать надо! Вперед, о будущем!..

— ...Детей, сирот... — продолжал Седой.

— Вперед!.. — зарычал вдруг Демьян. — А ты куд-да тянешь?! Вперр-ред, ссукин сын!..

— Я это так... На всякий случай. — Седой наконец сошел со своей ноты, уже спокойно добавил: — Мало ли что в этой жизни случается...

Помолчали. Олени топтались в ожидании отъезда, нетерпеливо натягивали поводки, оглядывались на хозяев.

Звезды молча перемигивались меж собой.

Снега чутко прислушивались кговору братьев-путников.

Ночь подступила со всех сторон.

Демьян оглядел темное звездное небо и, словно ему предстояло уйти не в землю, а в эту звездную высоту, тихо сказал:

— Может, брат, я раньше тебя уйду...

— А я тебя не пущу, брат-старик! — засмеялся Ефим Седой и крикнул бесшабашно весело: — Не позволю! Нет-нет! ты еще, брат-старик, людям земли нужен! Не позволю! Не пущу!

— Если бы это от нас, людей, зависело!..

— От нас тоже кое-что зависит! И немалое, брат-старик!

Демьян ничего не сказал.

— Я уже свое дело сделал, — говорил Седой. — Свое дело жизни, свое главное дело на земле. Я, считай, брат-старик, свое отжил. Как умел, хорошо ли, плохо ли, по тропе жизни прошел. Старался, конечно, получше пройти. На людей плохого в душе не держал. Нет. Мой ум чистый¹. Кто скажет: Седой для себя старался?! Кто скажет: Седой кому плохое сделал?! Скажи, брат-старик, так ли я говорю?

— Это так, — подтвердил Демьян.

И это была сущая правда. Об этом можно было не говорить: они все прекрасно знали и понимали. Но сейчас Седой прилично выпил, и ему хотелось многое услышать и уточнить заново. Тем более что брат-старик Демьян никогда не кривил душой в угоду кому бы то ни было.

Олени нетерпеливо дергали поводки, спешили на ночлег, на кормежку и отдых. И Демьян сказал:

— По-моему, пора ехать. Олени есть хотят.

— Коль пришла пора — поедем.

Снова подали друг другу руки.

¹ Ум — здесь: совесть.

— Йим улэм, брат-старик! — хрипло проговорил Седой. — Приятного сна!

— Йим улэм! — пожелал и Демьян. — Приятного сна, брат!

— Оянгки-талангки! — С удачей-здоровьем!

— Оянгки-талангки! — С удачей-здоровьем!

Это последние слова расставания.

Тронулись упряжки.

И тут, вскакивая на нарту, Седой крикнул:

— Брат-старик, ты все ж помни мои слова: мои дети-сироты... — на этом он поперхнулся холодным воздухом, запершило в горле, закашлялся, пропали слова...

Но темная ночь четко расчленила и повторила:

— Дее-тии... сии-роо-тыгы-ы-ы...

Важенка-вожак Седого рванулась, натянула недоуздок олененка малого и, круто изогнув шею, ибо хозяин сдерживал ее за поводок-вожжу, уверенно взяла дорогу. Она тянула нарту с мешком муки и человеком и олененка. Тот едва попевал за ней, перебирая короткими ножками.

Заскрипели полозья.

Вздроснула дорога.

Упряжка растворилась в ночи.

И тут Демьян услышал пронзительно щемящий голос Седого:

По военной дороге...

16

Песню подхватила ночь. Песня тысячеголосым эхом отозвалась в ночи. Вместе с Седым пели снега, пели деревья, пели звезды. И когда он въезжал в лес,

песня усиливалась, нарастала, набирала необыкновенную силу и мощь. И в этом торжественно-печальном хоре запевалой был Седой, а снега, деревья и звезды, как в солдатском строю, подпевали ему. И, должно быть, сейчас, в это мгновение, он был счастлив. Есть песня. Есть дорога. Есть движение на запад. Как и много лет назад, он молод. Он силен. Он крепок. Он здоров. И под его напором черная мразь откатывается на запад. Он вдавликает эту черноту в жесткую линию горизонта. Он чувствует, как за его спиной оживают и встают из пепла хоты-дома, паули-деревни, горты-города. Он ощущает всем своим существом, что нужен людям и земле. Прикрыл собою родственников, людей Реки, людей страны. Кто знает, скольких он прикрыл?! Полпланеты ли, всю ли планету, иль Вселенную всю?! Нет такой меры, которой можно измерить силу человеческой любви и человеческой ненависти!..

И подпевающие ему снега, деревья и звезды когда-то он прикрыл собою. И они помнят об этом. Это видно по тому, как они подхватили его песню, песню его молодости и силы. Песня отозвалась в каждой снежинке, в каждой хвоинке соснового бора, в лучистых глазах¹ каждой звезды.

А на переправе песня рванулась вверх и вниз по Ягурьяху, напугав до беспамьяства обитающий здесь черный дух давно сгинувшего Кровавого Глаза. Быть может, перекачываясь с берега на берег на крутых поворотах, песня умчалась вниз до самого устья и вверх до самого источника, загнав в неведомые дебри дух большого начальника, который никогда не нюхал военных дорог... Впрочем, этот дух вернется к Седому через несколько лет, в пору белых ночей, когда управ-

¹ Имея в виду звезды, ханты иногда говорят «хос самэт» — «звезд глаза»: на небе появились глаза звезд.

ляющий местного отделения промхотхозяйства привезет нефтяного начальника. «Они приехали на шлюпке, под вечер», — припомнит эту историю Семен Казамкин, родовой зять Седого.

«Большого начальника вот привез, — сказал управляющий. — На карасей надо съездить, Ефим Андреевич. Показать надо. Человек он новый, в наших краях недавно...»

И управляющий хитро так подмигнул: мол, ты уж постарайся — это нужный для нашего хиреющего хозяйства человек.

Седой молча оглядел вместительную шлюпку с ярко-красными бортами, сидевшего в ней пожилого моториста и вышедшего на берег гостя — важного, румяного, с железными глазами¹, золотисто блиставшими на солнце. Что ввысь, что вширь — полтора Седого. Всем начальникам начальник.

«Что большой — вижу, — сдержанно отозвался Седой. — А караси... Коли надо — покажем. Чего же с хорошим гостем не порыбачить? Вот с зятем моим, Семеном, мы и поедем. Есть озеро. Хорошее озеро. Давно никто туда не ездил».

Взяли на буксир один обласок и на шлюпке гостей пустились по Урманной реке. Седой сидел рядом с мотористом, показывал, по какой протоке проехать, куда сворачивать, где причаливать. Затем по давно не хоженному волоку пробирались к заповедному озеру в таежной глухомани. Впереди Седой с зятем Семеном волокли обласок, за ними управляющий с сетями и моторист с провиантом гостей, последним шел начальник — с двустволкой за плечом.

На озере Седой сам принялся ставить сети. Управляющий рубил тычки для сетей. Зять Семен с мотори-

¹ Здесь: железные глаза — очки.

стом обживали стоянку — собирали хворост, разводили костер, расчищали полянку от пней и кустов. Потом повесили над огнем чайник и котел. Какая рыбалка без ухи?

Начальник, посверкивая стеклами очков в лучах закатного солнца, стоял на берегу озера, наблюдал за рыбаком. Проехать он не мог — обласок не выдерживал его тяжести. Вскоре, отмахиваясь от комаров березовой веточкой, вернулся к костру, повесил ружье на сук дерева и устроился у огня на колодине для сидения. Было тихо. Лишь слышен плеск воды на озере да потрескивание горевшего сушняка.

На приозерной гриве свистнул рябчик. Большой гость вскочил с завидной прытью, не подобающей его тучному телу, сорвал с ветки ружье. Седой с озера видел, как он, прижав к груди двустволку, пригнувшись, вертя головою как филин, замирая при каждом шорохе, крался к рябчику. «Стал бы с таким-то ружьем за рябчиками ползать, — подумал Седой. — Лучше бы рыбалкой занялся — какая сейчас охота...»

Не успел он поставить вторую тычку, как на другом конце сети дернулся карась. Затем попался второй. Он молча распутал их и бросил в обласок. А когда вытащил из воды третьего, сам удивился:

«Ух, этот с лопату! Карасей царь!»

«Уха-то какая будет! Ух-ха!» — обрадовался управляющий, увидев карасей.

После, когда сварилась уха, полукругом сели у костра. Седой с зятем Семеном вытащили из берестяного кузовка свои ложки и кружки и краюху хлеба. На рыбалку, как водится, ничего лишнего не брали. Гости выложили свою снедь, выставили миски.

«Карася с лопату — гостю! — сказал Семен. — Не в каждом озере такие водятся».

Управляющий неспешно выудил откуда-то бутылку, переложил ее с ладони на ладонь, как бы взвешивая, затем скovyрнул пробку. И тут выяснилось, что у гостей есть все, кроме кружек. Нет кружек. Некуда наливать.

«Ну и ну...» — озадаченно пробормотал управляющий и, оглядев стол, встряхнул сумку, потом перевел взгляд на большого гостя.

Все проследили за взором управляющего и, увидев посмурневшее лицо гостя, смолкли. Седой с зятем Семеном потупились, опустили глаза, будто они во всем были виноваты. К трапезе не приступали — не принято раньше гостя притрагиваться к пище. А управляющий сидел с бутылкой в руке и невольно, не поворачивая головы, стрелял глазами: кружки рыбаков — большой начальник, от него — обратно. Но тот ничего не хотел видеть. Притянул сумку, сам порывлся в ней и, убедившись, что кружек нет, отложил ее в сторону, оглядел стол, покряхтел:

— М-да... — и промычал что-то неопределенное.

— Как же быть, Геннадий Николаевич? — услужливо спрашивал управляющий. — Надо же как попасть... На шлюпку, что ль, сбегать?.. Так опять же уха остынет... Не то!..

— Не то, — согласился начальник. — Остынет...

— На свежачка бы надо...

— М-да, свежачок не помешал бы...

Седой с зятем Семеном и пожилой моторист молча смотрели на них. Седой, чуть подавшись вперед, с детским любопытством ловил, казалось, каждое слово и движение, словно это было забавное кино с неизвестным концом. И он ждал, чем все кончится.

Между тем большой начальник медленно обвел стекляшками весь стан. Кусты, деревья, костер. Спо-

ткнулся его взгляд на двустволке за костром. Мгновение, как замороженный, молчал, потом посветлел лицом и низким утробным басом выдохнул:

— Придумал!

Проворно вскочил, выхватил патронташ, снял двустволку, переломил ее, заложил в верхний ствол папковый патрон двенадцатого калибра и, вскинув ружье, бухнул в небо.

Пушечным грохотом отозвался выстрел в тиши белой ночи. Испуганно пискнула птичка в кустах. В озере вздрогнула вода. Эхо, перекатываясь, понеслось по сонной тайге.

«Ну вот, порядок! — сказал большой начальник, вытащил гильзу и бросил управляющему. — Держи, Коля!»

Управляющий поймал гильзу, повертел ее в руках.

«Так, поди, мала будет...» — неуверенно вставил Семен.

«Ничего-о, в самый раз!» — усмехнулся большой начальник. — Чем не рюмка? Хотя и не хрустальная...»

«Мне-то что? Рюмка так рюмка... — пробормотал управляющий и, сполоснув гильзу двенадцатого калибра, налил в нее водки и подал большому начальнику со словами: — За карася, что ли, Геннадий Николаевич?!»

«Можно и за карася», — кивнул тот и поднес гильзу к губам.

А управляющий опять забегал глазами. Видно, соображал, в какую посудину себе налить. Между тем гость осушил свою гильзу, потом протянул ее управляющему:

«На, лей себе да пей!»

Управляющий взял гильзу, налил себе, потом плеснул в кружку Седому и его зятю Семену. Выпили. По-

сле управляющий вопросительно глянул на моториста. Тот с едва заметной усмешкой взял кружку Седого, протянул ее через стол, сказал глухо:

«Мне сюда».

Все молча принялись за еду. Потом в том же порядке — кто из гильзы, кто из кружки — повторили. Гости стали нахваливать уху, карасей, озеро, Седого, его зятя Семена, их земли и воды, а попутно поругивали комаров и мошкару.

Большой начальник сполз с колодины, привалился плечом к выпиравшему из земли корневищу кедра, сладко потянулся. Потом снял очки, прикрыл глаза, словно задремал. Но вдруг, ни к кому не обращаясь, заговорил ровным низким басом:

«Вот жили тут... Зверя ловили, карася ели. И ничего не надо было... А мы вот... — словно вспомнив о чем-то, он запнулся, помолчал дольше обычного. — Скоро и карася сведем...»

Возможно, ему припомнилась поездка со Слюньковым, всемогущим приятелем из города, который цинично заявлял: «Я не охотник, я — промысловик!» Как по графику, дважды в год, весной и осенью, иногда прихватив нужных людей из главка или из Москвы, тот со своей «охотсвитой» вылетал на промысел. На вертолете. На угодьях ждали специально оборудованные избушки или палатки. Затем мясом и дичью набивались холодильники ОРСа, что большею частью пустовали. «Продовольственную программу выполняем, — говорил Слюньков. — Государству помогаем!» Добычи с лихвой хватало до следующей вылазки на промысел. Но в тот раз произошел не совсем приятный инцидент. Напромышляли на славу. Как говорится, «под завязку». Но когда собрались домой и все разложили в ожидании своего борта, приземлился вертолет охотинспекции. Долговязый инспек-

тор с удлинненным сонным лицом порыскал наглым глазом по добыче и самодовольно усмехнулся: мол, попались! Потом, не глянув ни на кого, он снял с дерева ружье-автомат Слюнькова известной зарубежной фирмы и переломил стволы. Все притихли, но Слюньков даже глазом не моргнул, лишь с ласковой насмешкой сказал: «Ну-ну, погляди. Поди, в руках-то никогда не держал». Долговязый недавно выдвинулся по службе — вот и старался вовсю, нарушил негласное правило, существовавшее между двумя ведомствами. Все знали, что выслужился он рьяным ползанием по пойменным лугам возле города. Притаившись в кустах или в траве, он подолгу наблюдал из бинокля за стоянками охотников: кто какие пункты правил охоты и обращения с оружием нарушит. Затем на веслах, хоронясь за прибрежными кочками и кустами, подбирался поближе, дергал мотор и на полном ходу вылетал к стоянке, выскакивал на берег и первым делом хватал ружья, которые тут же совал в руки здоровенному помощнику, обычно общественному инспектору. Это был его коронный номер. И по всем показателям выходило, что он — самый добросовестный и непримиримый страж всего живого. Но при случае он не прочь был погреть руки на том, на страже чего стоял. Это тоже ведомо многим. И поэтому Слюньков с явной издевкой спросил: «Надоело ползать за мелкой дичью? На крупную потянуло?!» Узкое лицо долговязого вытянулось и стало еще длиннее. Он подобрал губы и бесстрастно объявил: «Вынужден составить протокол!» И вытащил бумагу и ручку. «Брось бумагу изводить! — засмеялся Слюньков. — Пустое делаешь!..» Заполнив протокол, долговязый собрал ружья и, поразмыслив, кивнул на добычу: «А это — вам!» Слюньков шутовски поклонился ему и смиренным голосом произнес: «Премного благода-

рен!» но когда долговязый закинул ремень его ружья за плечо, он выпрямился и властно приказал: «Как вернусь домой, все ружья мне доставишь. Самолично. Понял?!» Долговязый лишь ухмыльнулся и махнул своим: пошли. И когда он поднимался в вертолет, Слюньков крикнул вдогонку: «Как тебя там, Кисельный иль Кислый, протоколом-то, как пойдешь с..., не забудь обтереться! Все польза будет!» И громоподобно расхохотался. Потом потряс в воздухе плотно сжатым тяжелым кулаком — мол, все они у меня здесь, чуть что — все ко мне бегут. Только долговязый дурилом этого не понял. Слюньков опустил кулак, подмигнул своим, пошутил: лишний груз забрали — нам же легче. Поди, наш борт еще не потянул бы — вон как постарались, кивнул на добычу. Подошел к столу, улыбнулся: — Не унывай, ребята! Давай за удачу промысловика! — и залпом осушил стакан. Все он делал с размахом, основательно. Единственное, куда он не ездил, — это на зимний промысел, где стрелки цепочкой ложились на снег и вертолет гнал на них оленей, отбитых от стада. Слишком все просто и обыденно. А ружья и в самом деле вернули сразу же. Правда, привез их не инспектор, а зам по быту. Но главное — доставили в целостности и сохранности, без лишних хлопот. Слюньков тогда похлопал приятеля по плечу и, посерьезнев, сказал наставительно: «Гена, дружочек, не век нам в козырях ходить. Не забывай это». И тот сделал верный вывод: успевай, пройдет нефтяной бум, и что упустишь — не вернешь. Он внимательнее стал приглядываться к дочерку старших во всем, будь то производство, отдых, женщины, увлечения. Но при этом он почувствовал, что времена меняются не в пользу «промысловиков» и поэтому во все нужно вносить свои коррективы. И в промысловые вылазки — тоже...

И вот теперь он повторил:
— И карася сведем...
— Сведете-сведете! — бодро вставил захмелевший управляющий. — Вы все можете! Все сведете! Хе, караси там какие-то...
— Люди жили... — эхом, словно издалека, врезался голос Седого. — Народ жил...
Все смолкли. Минуту помолчали.
Наконец Семен, прислушиваясь к всплескам воды возле сетей, сказал:
— Сегодня карась хорошо ходит. Ваша удача, гости.
— Куда она денется-то, удача?! — усмехнулся Железный Глаз.
Говоря «сведем», он, возможно, имел в виду то, как сюда придут два ведомственных рыбака безо всякой «свиты», опустят в воду взрывчатку и рванут ее. Потом прилетит вертолет и, как с прилавка, загрузит рыбу, уже затаренную в мешки и коробки. Все произойдет тихо, быстро, незаметно. Даже Седой, хозяин этих мест, ничего не будет знать. Возможно, его озеро никто и не тронет. Мало ли других водоемов на этой бескрайней земле! Поди, на сотни лет хватит всем, не только одному Седому. Впрочем, что караси, когда рядом на Оби еще белая рыба не перевелась...

Между тем Седой выпутывал из сетей золотистых лопатообразных карасей. Его зять Семен собирал хворост для костра. Пожилой моторист с чайником в руке ушел за водой. Только управляющий и Железный Глаз дремали у огня. Разговор то угасал, то вновь возобновлялся. Когда Седой вернулся с озера, управляющий, стряхнув дрему, попросил:

— Расскажи-ка, Ефим Андреич, как ты на войну ходил. Вначале-то, верно, натерпелся страху...

— Страху? — помолчав, переспросил Седой. — Думаю, не за свою жизнь боялся. Знал: мое дыхание в руках моего Большого Отца-Торыма, — он кивнул на небо. — Страшись не страшись — как он решит, так тому и быть. Деваться дыры нету...

После паузы он сказал:

— Другого боялся: себе подобного порешить. То же ведь на двух ногах. Это у нас таким грехом считается, которому нет оправдания ни в Верхнем ни в Нижнем Царстве. Вот этого страшился. Особенно вначале...

Он замолк. Но управляющий стал настаивать на своем:

— Говорят, с тобой там много разных приключений было...

— Было... — согласился Седой. — Всяко было... И вперед ходили, и назад бегали. Всяко было...

Он обвел всех остро блеснувшим взором и, увидев на лицах ожидание, через левое плечо глянул за спину, в сумрачную темь леса, будто там было прошлое.

— Друг у меня есть, — начал он после паузы. — Вместе в сторону заката идем, вместе войну гоним, войну тесним. Он из города Омска. Прежде-то наши северные края к Омску-городу были приписаны. Ну и дивизии наши там формировались. Земляки, значит, сибиряки. До города на пароходе по Оби да Иртышу плыли. По-хантыйски это Ас да Лынгал. А отсюда уже на фронт по железной дороге. На войну он, мой Друг, ранее меня пришел. И, как жителю города, ему многое привычнее, что ли, нежели мне, человеку из малого селения. Все у него лучше получалось. Разве только по стрелковому делу мог с ним потягаться. Это и понятно: с ружьем я родился, на то и охотник. Так вот, идем, вместе огонь войны гасим. Бывало, разговоримся: как войну одолеем да домой поедем. Как

до его города железной дорогой доберемся, как в его доме чай попьем. Может, в ожидании парохода я у него погощу. А потом он на первый же пароход проводит меня, и я к себе домой поплыву. Такие вот думы-говоры приходили... У меня в ту пору своей семьи не было, а у него дома жена да дочка. Когда он на фронт уезжал, дочка совсем махонькая была — не помнит его. И я думал: если он погибнет, дочка так и не увидит, так и не вспомнит его. Ни голоса, ни смеха, ни слов, ни тепла отцовских рук. Ничего. А карточка — это не живой человек, нет. Жалко было ребенка. А он, словно угадав мои размышления, говорил: дочка моя в надежных руках, жена да бабушки-дедушки пропасть не дадут. Потом, глядя на меня, добавлял: у многих, мол, еще не было ни жизни, ни любви. Словом, ничего... Так вот, с такими думами-мыслями в сторону заката идем, войну за горизонт жмём. К этому времени я вроде бы уже в военное дело втянулся. В мой язык всякие крепкие солдатские словечки попали. При надобности такое мог выдать — добавив, конечно, свое, сибирское, — у бывалых солдат таких слов не находилось. Только рты открывали. Это тоже понятно: у меня-то два языка, значит, вдвое больше слов. И крепких — тоже. Словом, пообвык я. Человек ко всему приспосабливается, если нужно жить. Но одно меня пугало — рукопашка! Был во мне страх, был. Был страх перед себе подобным. Одно дело пуля — это на расстоянии. Совсем другое дело рукопашка — это рядом, вплотную. Видишь лицо, видишь глаза себе подобного. Это страшно. Это пугало. Такое вот дело... Ну, старшие, понятное дело, подбадривали: не бойсь, мол, в рукопашке совсем не страшно, если ты не один, а со всеми вместе. Вот если ты один — тогда дело твое плохо. Тогда, считай, пропал. Как было? Перед боем несколько человек договариваются вместе

идти. Группой, значит. Чтобы, когда нужно, подсобить друг другу, помочь. Вот тогда, уверяли меня, ничего не страшно. А один? Про одинокого и сказать нечего... Ну вот, настало время — и пошли мы. Слева, чуть впереди, Друг мой, из Омска-города. Справа другой солдат. Тоже наш, сибиряк. Не помню уж, как его деревня называлась. Чуть позади, в двух-трех шагах, новичок из недавнего пополнения. Вчетвером пошли. Это как в упряжке — все связаны друг с другом. Все смешается, все в единый гул сольется, земля переворачивается, небо теряется — но ты должен держать связь, должен видеть всех своих. Не дать разбить свою связку, свою упряжку. Тут словами трудно все сказать. И подумать не успеваешь. Все как-то само собой выходит: кому нужна твоя помощь, а кому — нет. Кому нужно подсобить, а кому — нет, сам управится. Кому дать передых, а кому — нет. Когда повернуть влево, а когда вправо. Где — быстрее, где — тише. Мы тогда вчетвером пошли. Жутко было подняться, оторваться от земли. Это вначале. А как поднялись — вроде ничего. Шибко пошли. Иду, легкий такой стал, будто это не я. Не знаю, сколько так шли. Может, много. Может, мало. И тут увидел среди чужаков «своего» — прямо на меня прет. Фигуру вижу, лицо вижу, глаза вижу. А на лице такое выражение — будто улыбается. Это, видно, и сбило меня с толку. Я вдруг свои руки-ноги потерял, одни мои глаза остались. А он все ближе и ближе. Вижу: верткий такой, проворный, быстрый. Жуть берет. Вот-вот сойдемся, а у меня ни рук, ни ног. Ничего у меня. Но тут слева, перед самым моим носом, Друг, омич, перехватил его. Взял на себя. Взял. Взял... И сам тоже... Пал... Ах-ты-беда, ах-ты-беда! Такое худое дело я сделал. Худое. Беда. Я ближе всех был. Я должен был подсобить. Вся надежда на меня была. Ах-беда!.. Огнем мое сердце вспыхнуло.

Взъярился. Осатанел. Взревел. Возможно, что-то непереводимое на хантыйско-русско-немецком. И попер. Горностаем закрутился-завертелся. Себя не чувствую. Попер. Одного хотел — свою голову положить. Мне не нужна была моя голова. Ну вот, когда надо — не получается так, как ты хочешь. При мне осталась моя голова... А Друг мой ушел. Ничего при нем не было. Ничего лишнего. Как пойдешь в атаку — все бросаешь, чтобы ничего не мешало. Такое мгновение наступает — ничего тебе не нужно. Совсем ничего. Нет над тобой никого и ничего. Помню, первым делом каску бросал. Шибко она мешала. Потом все остальное. Это только в кино видел, как солдаты с полной выкладкой бегут. А там... Все бросаешь. После опять начинаешь разными вещами обрастать, всем хозяйством. До следующей атаки. Друг мой ушел. Ничего при нем не было. И ничего ему теперь не нужно. Но мне хотелось сохранить какую-нибудь его вещь. И вот нашел ложку с буквами его имени: «Б. Н.» Такие вещи у нас цены не имеют. Вон зять мой, Семен, знает это. «С глазами-ушами вещи» — так их наш народ называет. Человек ушел из жизни, но на его вещах его взгляд, его слова, тепло его рук остались. Вещь все о человеке сохраняет, все о своем хозяине помнит. Такие вещи берегут и передают из поколения в поколение. Так память о человеке живет. Вот такая ложка мне досталась. Ничего дороже этого у меня не было...

Седой помолчал, потом тихо сказал:

— Там сразу видно человека: один вместо своей головы подставляет чужие, а другой наоборот — вместо чужих подставляет свою. Такие вот дела...

— Н-да, как везде... — вставил молчаливый моторист.

— Вот такой Друг у меня есть, — закончил Седой.

— Почему есть? Был, — уточнял Железный Глаз. — Коли его уже нет, значит, был.

— Есть, — упрямо повторил Седой и тяжелой мозолистой ладонью медленно провел по левой стороне груди, сверху вниз. — Вот когда я уйду, тогда, может, и он уйдет...

Теперь никто не стал ему возражать. Он задумался о чем-то своем и уже до самого утра не вымолвил ни слова.

Так пролетела короткая белая ночь.

Когда солнце поднялось высоко и караси перестали ходить, сняли сети и вернулись в селение. Седой вслед за зятем Семеном вышел на берег и, взяв свой пустой обласок за нос, вращая влево-вправо, как обычно делают рыбаки, долго полоскал его в воде. После этого вытащил его на песок, перевернул, а сверху, поперек, положил весло. Затем так же старательно, как и обласок, вымыл руки речной водой, подержал их перед собой и, осмотрев, встряхнул и опустил. Потом долгим взглядом обвел Реку — с низовья в сторону верховья, будто хотел убедиться, что в его отсутствие ничего не случилось с водами-землями. Наконец, решив поставить точку, остановил пронзительно-острые глаза на розовом лице Железного Начальника и с печальным состраданием отвесил слова:

— С тобой на войну-место... Не пойду...

Он с судорожным шумом вдохнул воздух и закончил:

— Ах-ты-беда, лучше одному... Эхх-аа...

Повернулся и, тряхнув седой головой, медленно, будто нес тяжелую ношу, стал подниматься на яр, где стоял его дом.

Так спустя годы Черный дух вернется к Седому в облике Железного Глаза, который тоже никогда не

нюхал военных дорог. И Река станет называть его «Тот, с которым Седой на войну не пойдет», «Тот, который из пустого патрона пил», «Тот, у кого железные глаза» или просто «Железный Глаз». Других имен у него не будет.

...Седой скрылся в ночи. А песня его, подхваченная заснеженным пространством, осталась. В многоголосом хоре голос Седого уже невозможно уловить — песня продолжала звучать без него, песня жила самостоятельно...

Переправа через Ягурьях еще не раз услышит его песню.

Особенно после того, как геологи на Большом Яру построят свой базовый поселок Нефтереченск и Седой зачастит туда летом и зимой. У него появится много приятелей среди геологов и строителей: приезжай хоть днем, хоть ночью. Привози что-нибудь — меха, рыбу, ягоды, орехи. А взамен можешь заказать то, что нельзя купить в магазине: мотор или бензопилу, запчасти или бензин. Геолог может все. Он всемогущ. Даже вертолет предоставит, если куда-то нужно слетать. У всех охотников Реки заведутся такие приятели, которые все могут достать. Правда, Седому ничего не надо. И в доме у него — это известно всему Нефтереченску — ничего не залеживается, особенно меха. Может быть, поэтому и Железный Глаз объезжает его дом. Но однажды летом к нему приедет геолог из Нефтереченска и, напоив его чаем, Седой спросит:

«Ты, наверно, не знаешь: мой дом многие объезжают?»

«Знаю», — ответит русский геолог.

«Ты, наверно, не знаешь: в моем доме не бывает дорогих мехов».

«Знаю».

«Ты, наверно, не знаешь: моя жена не шьет бурки¹, которые так нравятся вашим женам. У нас нет лап и шкур...»

«Знаю».

«Тогда ты наверняка не знаешь, что у нас нет ни одного оленя — наш дом бедный. Мы — пешие!..»

«Знаю».

Молчание.

Седой внимательно взглянет на гостя, затем повернется в угол, где сидят жена и дети, и растерянно произнесет:

«Смотрите, он все знает!..»

Потом он снова обернется к странному русскому, странному потому, что он не интересуется тем, за чем приезжают к охотникам все нефтереченцы, и скажет:

«Все знаешь, а приехал... К другим надо ездить».

«А мне ничего не надо», — улыбнется русский.

«Мне — тоже!» — скажет Седой.

И оба засмеются.

И русский после этого часто начнет заезжать к Седому — просто так, «чай попить», как говорят ханты. И в селении всегда будут рады ему. А однажды он приведет на буксире лодку со стационарным мотором в кормовой части и скажет Седому:

«Это — тебе».

«Ах ты беда! Ах ты беда! — заволнуется и начнет причитать Седой. — А я тебе что отрежу?! что отрежу?!»² — И он повернется и обведет взглядом свое становье.

¹ Бурки — меховые сапожки с орнаментами и другими украшениями из сукна и бисера.

² «Что-то отрезать» — устойчивое словосочетание у ханты, означающее «чем самым дорогим отблагодарить тебя».

«Я тебе друг?» — спросит русский.

«Друг!.. Лухс!..» — сразу на двух языках подтвердит Седой.

«А друг разве не должен помогать другу?! Разве за это ему обязательно что-то надо отрезать?!» — резонно заметит русский.

«Так... Верно... — смущенно тряхнет Седой своей белоснежной кочкой волос. — Но почему я? Почему именно мне?!»

«Ты посмотри: вся Река давно перешла на моторы, — скажет русский. — Ты только с веслом остался. На гребях едешь. Один — на всю Реку!»

«Так, так! Ах-ты-беда! Ах-ты-беда!..»

«А нужно, чтобы ты ездил на моторе, как все...»

«Ах-ты-беда!» — скороговоркой пробормочет Седой.

«Поэтому не упирайся, возьми лодку. Лодка как раз на твою семью...»

Седой долго будет молчать, сведет кустистые брови, задумается. Потом поднимет глаза на русского и тихо скажет:

«Ладно, ладно. Вот мое слово: спасибо, друг! Спасибо!»¹

А лодка хоть и деревянная, но добротная, крепкая. В нее вмещалась вся семья Седого с домашним скарбом и двумя собаками, с рыболовными и прочими инструментами. Плыла ли лодка на Большой Урий за брусничкой и черничкой, направлялась ли на Урманную речку за кедровой шишкой или морошкой, устремлялась ли в поселок за продуктами и разными напитками, посреди судна, у руля, в окружении детских голо-

¹ Ханты очень высоко ценили слово «спасибо». Если человеку дали кров, его накормили-напоили — он не должен говорить «спасибо», ибо это такая мелочь, которая не стоит благодарности. Это обязан сделать каждый хозяин, каждый человек земли.

вок, покачивалась белая кочка волос. Это Седой. Люди Реки безошибочно узнавали его издали, как только из-за поворота показывалась его лодка, что ползла медленно, не спеша. Но это нисколько не смущало Седого. «Конца путей и дорог впереди идущих все равно достигаю, — говорил он. — Куда мне спешить. Лодка тихоходная, но зато мотор сильный: на буксир цепляй сколько угодно неводников и обласов — все равно тянет. Надежный мотор, умный мотор». Внутренним чутьем, присущим всем охотникам, Седой на удивление быстро уловит принцип его работы и освоит, будто всю жизнь ездил на моторной лодке.

Лодка обретет свое имя «Лухс мойлэпси» — «Друга подарок». А русский тоже получит новое имя «Седого Друг». И весть о нем пройдет по всей Реке, и в селениях не спросят ни имени, ни отчества, ни фамилии. Седого Друг — все ясно, все понятно. Чаем напои, дай ему кров.

Русский Лухс будет приезжать в самые безвыходные моменты в жизни Седого и его семьи. Заболеют ли дети, кончится ли бензин, поломаются ли мотор, кончится ли последняя корка хлеба и дом перейдет на «белую воду»¹ и жидкую ушцу, смотришь, Лухс примчался. Считаю, не пропадешь — выручит обязательно.

«Ах ты беда, не шаман ли ты, а, Лухс?! — спросит однажды изумленный Седой. — Все знаешь. Знаешь, когда ты нужен нам!»

«Может, и шаман, — улыбнется русский. — Тебе виднее».

«Среди русских тоже есть шаманы, — серьезно скажет Седой. — И довольно сильные. Правда, их меньше, чем у хантов».

¹ «Белая вода» — кипяток без заварки.

И он припомнит случай, как померились шаманской силой русский лекарь из Сургута и Марк-старик Лисманов с низовья Реки, один из самых сильнейших шаманов начала века. Дело было возле устья Агана, в селении рода Лисмановых. Сговорились — начали. Марк-старик уходил вверх, все выше и выше. Русский лекарь все говорил: «Вижу, вижу, вижу...» А потом русский... раз — и вниз! Марк-старик тотчас терял его из виду. Так выяснили, что русский шаман сильнее. Но когда прощались, русский сказал: «Ох, Марк, ты что-то мне, однако, сделал...» И едва доехал до Сургута. Умер.

«В начале нашего века такое вот дело было, — добавит Седой. — Как хочешь думай...»

Помолчат. Потом Седой в раздумье скажет:

«В те времена у Лисмановых сильный род был. В одном только селении семь шаманов жили...»

«Я что-то не встречал такой фамилии. Где они теперь?» — спросит русский Друг.

«Кончился род, — вздохнет Седой. — Шестеро на войне погибли. Алексей, Петр, Егор, Прокопий — это четыре брата было, сыновья Василия. Да Денис — Григорья сын. Да Киприян — Дмитрия сын. Эти по-военному делу ушли... Последний из рода их, Ефремка, парень, недавно утонул. По пьяному делу. В Нижнем Поселке жил...»

«Как хочешь думай, — повторит Седой. — Ты все знаешь, ты все понимаешь, Друг... Думай...»

После, спустя годы, когда Микуль вернется домой, спросит у своей тетушки, жены Седого:

«Где ваш русский Друг? Я хочу увидеть его».

«Нету его. Наш Друг-геолог уехал куда-то».

«Как его имя? Фамилия?»

«Фамилья?... Так мы его звали просто Лухс, Друг. Зачем фамилья, когда он Лухс?!»

«Может, адрес оставил? Ну, бумагу какую-нибудь?»

«Да-да, бумага его была».

«Где она? Покажи».

«Ах, жизнь наша мокрая. Бумага пропала. Мы бумагу промочили. Бумага вся как есть пропала. Как прогнившая шкура — вся развалилась...»

Потом тетушка совсем по-седовски всплеснет руками и ахнет:

«Ах ты беда, какой человек был! Совсем как хант. Вся Река его знала. Ах ты беда, какой человек был!..»

И Микуль, сын Демьяна, горько пожалеет, что не увидел так чуткого к чужой боли и радости русского человека, русского геолога, каких немного не только среди хантов, но и среди русских. Каких вообще немного на земле...

...Демьян потоптался немного, прислушиваясь к песне Седого. Потом пробормотал:

— Ладно, ладно, брат... — и пустил упряжку на восток.

Чуть отъехав, он повернул голову, поглядел вслед Седому, в темноту, произнес в раздумье:

— Может, и не совсем ладно... Кто знает?!

17

Он ехал на восток, в сторону восхода солнца. Ехал и думал теперь о Седом брате и его полуупряжке. Думал об олененке Черное Диво. Выживет иль не выживет? Станет взрослым оленем иль не станет? Ему бы только до весны дотянуть! До теплых весенних проталин! Там он уж спасет свое дыхание. А за лето подрастет, окрепнет — второй снег ему легче пережить, легче бороться за свое дыхание. Половина нарты покажется не такой тяжелой, как в первую зиму.

А в первую зиму он должен только развлекать детей и радовать своим озорством глаза взрослых. В старые добрые времена оленят вообще не брали в дальнюю дорогу, не запрягали в груженные нарты. А чтобы дать олененку полнарты — это значит дойти до предела, до последней точки, до последней черты, за которой... Что есть за ней, за чертой?! Есть ли там что-нибудь?! Что?! Разве что собственные ноги? А по теперешним временам далеко ли уйдешь на собственных ногах? Надо к чему-то приспособливаться, как-то нужно жить.

Какую зимнюю машину, что ли, прибрать к рукам? Опять же какпустишь ее по заповедно-чистым борам и урманам? Это тебе не Черное Диво Ефима Седого!

Черное Диво... Доживешь ли до весны? Доживешь ли до своего второго снега? «Ты должен дожить», — подумал Демьян и не заметил, как свою мысль-пожелание повторил вслух:

— Ты должен до-жить...

Казалось, чуткая ночь отозвалась:

— До-жить...

Ты, Черное Диво, не оставишь своего хозяина, моего Седого брата его собственным ногам, не сделаешь его пешим человеком. Куда он без тебя? Куда он без оленя? Совсем, считай, пропадет. А пропадать ему еще рано. Ему еще пожить надобно, у него еще дети малые, не выросли еще, не поднимают свои желудки. У него еще много неотложных дел в жизни. Ты, Черное Диво, должен помочь ему, моему Седому брату. Так что потерпи как-нибудь до весны...

Тихо, почти шепотом разговаривал Демьян с Черным Дивом, успокаивал его, упрашивал. Но чем больше он говорил-думал, тем меньше верил своим словам-думам. Он слишком хорошо чувствовал пе-

чаль и тоску оленей по их глазам — выразительным и огромным. И сейчас это чутье беспокоило его: возможно, что дни Черного Дива сочтены. Лучше бы, конечно, ошибиться. Да где там!.. И зачем подходил и поднимал усталого олененка? Не подойди — ничего бы не знал...

Между тем он проехал третье песчаное озерко, затем четвертое и выехал на довольно широкую гриву, отделявшую озера от следующего болота. Кава борова́я грива. Слева и справа молодые стройные сосны — до середины черные, а выше, до верхушки, золотисто-желтые. Поблизости нет такой уютной гривы с ягелем; поэтому все путники кормили здесь оленей, а кто хотел — устраивал ночлег. Демьян решил заночевать возле Кава, столбик стоял недалеко от дороги. У него было подспудное уважение к этому знаку: Кава не просто сидит в земле, а работает, делает важное дело. Когда реперы устанавливали вдоль старой Царской дороги, Демьян, как и все охотники, живо заинтересовался у геодезистов: для чего? Ему объяснили, что эти Кавы, как он называет их, определяют, куда растёт земля — вверх или вниз. Тогда, помнится, Демьян поразился тому, что подтвердилась его мысль — земля живая! Он и раньше думал, что у земли, как и у человека, своя жизнь. Живая жизнь. Земля чувствует и боль, и радость, и горе, и любовь. Земля живая. И она ещё, оказывается, растёт. Выходит, она молодая, ещё в юном возрасте. Демьян, конечно, хотел бы, чтобы его земля росла вверх, в высоту, к звездам, а не вниз, в сторону Нижнего мира. Куда спешить, Нижний мир все равно никому не миновать. После геодезисты не попадались ему на глаза, и он так и не узнал, куда же растёт его земля — вверх или вниз. Впрочем, он без всяких там Кавов-реперов понимает, что Земля может расти только вверх, но никак не

вниз. Тем не менее сейчас он добродушно спросил, расчищая снег под костер:

— Что, Кав-старик, работаешь?.. Ну-ну, работай! У каждого должно быть какое-нибудь дело. Без дела какая жизнь?

Он вскипятил крепкий чай и медленно, смакуя каждый глоток небесной воды — из растопленного снега, —пил живительный напиток из дорожной кружки со щербинкой на крае, возле дужки. Удивительный все-таки напиток — чай! Вдохнул аромат, выпил несколько глотков — и рассеялся туман в голове, вроде бы ум прояснился. А туман от той водки, что навязал Седой брат. Выпивал Демьян редко — когда просили хорошие люди, которым невозможно отказать, или, наоборот, когда самому хотелось угостить друга или родственника, словом, человека стоящего, приятного. А душа не принимала водку и вино потому, что, выпив, у него затуманивалась голова, затуманивался разум — и обрывалась связь со всем, что его окружало. Обрывалась связь с людьми, с деревьями-травами, с реками-озерами, с птицами-зверьями. Словом, обрывалась связь с природой, с землей, с жизнью. После, отрезвев, когда рассеивался пьяный туман, он с пронзительно-острой болью в душе чувствовал, что ушли, канули в небытие, канули безвозвратно лучшие мгновения жизни. И нет и не будет им возврата никогда. Никогда! А жизнь в единстве с природой — с изумительно чистой природой — так прекрасна, что не хотелось терять ни мгновения! Ни одного мгновения! Благо, если бы жизнь была вечной! Но и тогда, пожалуй, Демьян пожалел бы эти неразумно убитые мгновения человеческой жизни... Сейчас он порадовался тому, что аромат чая уносит пары «дурной воды» — водки. Но по мере того, как улетучивались пары, усиливалась иссушающая боль в груди,

что родилась после встречи с искателями на Родниковом озере. Боль за родную землю, за родственников, за всех людей Реки и Земли, за их будущее. Ах-а, дурная вода притупляет боль, с удивлением отметил Демьян. Стало быть, если побольше выпить, то можно совсем заглушить душевную боль, можно позабыть о ней, на какое-то время. Не поэтому ли сородичи, живущие в низовье Реки, в последнее время особенно рьяно стали Прикладываться к дурной воде?! У них есть боль, их давно сдвинули с насиженных мест искатели нефти и газа, строители дорог и городов. Вот они и заливают старательно внутренний огонь души, не ведая, что она, дурная вода, намного опаснее огня...

И Демьян не ведал, что она опаснее огня. Не было времени, не успел еще все осмыслить, и понять, и сделать свой вывод.

Сидя у яркого костра, он выпил много чая, но, так и не притушив боль-огонь души, лег на хвойную заиндевевшую подстилку. Он лежал под седыми от холода таежными звездами, которые подмигивали и будто утешали его: терпи, охотник, привыкай, то ли еще бывает в земной жизни. И он соглашался: да, всякое бывает в земной жизни. Никогда точно не знаешь, что тебя ждет впереди — только появляется смутное предчувствие больших перемен...

Лежа на жесткой подстилке, он вспомнил утро этого умирающего дня, вспомнил, как жена провожала его в дорогу. Поразмыслив, он понял, что Харко высказал свои предчувствия, а жена Анисья затаила тревогу, чтобы не расстраивать мужа. Вот оно что, сообщал он, но Харко был не на машины искателей, вернее, не только на машины. Ведь и звезды намекают на что-то такое... А звезды с высоты лучше видят земную жизнь, нежели человек.

Он смотрел на звезды и размышлял. Звезды живут на небе, а приходит время, кончаются опущенные им дни и годы, они срываются с небосклона, загораются и с огненно-ярким хвостом падают в бездну. Так умирают звезды. Умирают звезды — и рождаются звезды. И небесная жизнь их никогда не кончается, они вечно будут жить на небе... И люди что звезды. Только живут на земле. Тоже умирают и рождаются. С той лишь разницей, что, умирая, все звезды оставляют след, а люди — не все: один оставит сколько сможет, а другой совсем ничего не оставит... Жизнь звездная и Жизнь земная, каким боком вы повернетесь к человеку завтра?! Вот сейчас, на пороге ночи и дня, взойдет Звезда Утренней Зари. Вечная Звезда неба и земли. Никто еще, кроме Курынг воиха¹, не знает о приближении утра, когда на востоке из-за горизонта поднимется Звезда Утренней Зари. Уже за ней немного погода покажется тоненькой ниточкой бледная полоска зари. Заря все будет расти, наливаясь медно-густым и чистым румянцем, и вскоре взорвется оранжево-золотистым ликом юного Солнца. Так приходит Солнце. Но это все после, а самой первой восходит Звезда Утренней Зари. С ее восходом кончается ночь и начинается день.

Надо уловить мгновение, когда замирает Вселенная и тихо всплывает из-за горизонта Звезда Утренней Зари. В одно и то же мгновение рождается день и умирает ночь. Уловив это волшебное мгновение, поймешь, что ты нужен Земле, Солнцу и Звездам так же, как они нужны тебе. Земля не может, чтобы не оставлял на ней свои следы-тропы человек. Солнце не может, чтобы его лучи не согревали человека.

¹ Курынг воих — «ногастый зверь», или лось. Хантыйское название Большой Медведицы.

Звезды не могут, чтобы по ним не находил свои пути-дороги человек...

Он лежал с открытыми глазами, в которых поблескивал далекий свет седых звезд. Уже погасла и растворилась ярко-красная вечерняя заря. Затем закатилась за горизонт Звезда Вечерней Зари и пришла ночь. А Демьян, томимый нутряной жаждой-болью, долго еще ворочался на жесткой постели и не скоро заснул. Во сне он снова куда-то ехал, встречался с Мариной, с искателями и родственниками, среди которых был и брат Седой с заиндевелой кочкой волос на бесшабашной голове.

Но жажда-боль не отпускала его и в сновидениях. И он просыпался и долго смотрел на яркую звезду над собой. Она напомнила ему другую звезду, там, на западе, что горела над Кремлем и освещала землю. Он стал думать о Москве. Москву видели его отец и братья, когда в составе сибирских дивизий шли на фронт, чтобы отстоять ее, столицу. Может быть, со временем, когда вырастут, побывают там и его сыновья и дочери. А ему вот не пришлось съездить туда. Но, несмотря на это, он хорошо знал Москву. Особенно центр, Кремль. Так ему, во всяком случае, казалось. Ведь в мыслях он не раз приходил сюда вслед за отцом и братьями. Приходил и исполнял древний обряд своего народа...

Дома, обычно по утрам, он внимательно прислушивался кговору приемника. Если голос Москвы уверенный и спокойный — значит, все в порядке. И ты делай свое дело, попусту не беспокойся...

Думы о Москве всегда отодвигали все суетное, наносное, мрачное. И сейчас эти думы оттеснили жажду-боль. И, прикрыв глаза, он ступил на священную землю Красной площади...

Проснулся Демьян поздно, после восхода Звезды Утренней Зари — такое с ним не случалось, когда

ночевал зимой под открытым небом. Под открытым небом он был ближе к звездам, к деревьям-травам, поэтому обычно лучше чувствовал их свет и тень.

Иссушающая боль в груди не прошла за ночь, не успокоилась. С этой болью он развел костер, вскипятил и попил чай, запряг оленей, пустился в путь в сторону восхода солнца. Не умерла она и в полдень, когда добрался до поселка. С этой болью он чмокнул в интернете сыновей — малого Юванко и старшенького Микуля, здоровался с родственниками, сдавал в конторе пушнину. И кассирша Лида, внимательно глянув на его обветренное лицо, спросила, хотя не переспрашивала об этом:

— Как всегда? Миру — тоже?

— Конечно, — медленно ответил Демьян и, немного помолчав, добавил: — Руки-ноги мои на месте — чего об этом спрашивать?

— Мне показалось... — сказала кассирша, пересчитывая деньги.

А что ей «показалось», она так и не объяснила. «Видно, во мне что-то сдвинулось с места, зашаталось, может, и треснуло, — подумал Демьян. — Они, женщины, это сразу учуют, чутье у них на это есть. А что треснуло? От боли, что ли, какая трещина?» Да не может того быть. Земная боль ему с детства знакома, она не одолеет его так скоро.

— Вот, Демьян Романыч, распишитесь. — Кассирша подвинула листки бумаги. — Это — вам. А это — Миру.

И Демьян поставил свою метку-тамгу, свою подпись. Мало ли что тебе покажется, мысленно возразил он кассирше. Видишь ли, ей показалось!.. Прежде чем пуститься по следу Мира, он много размышлял. Это как на охоте — сначала нужно все взвесить и обдумать со всех сторон. Найти ответы на все вопросы, связан-

ные с характером зверя, временем суток, временем года, с погодой, с рельефом местности, условиями сезона. Ответить надо быстро и безошибочно, без всяких схем, карт и приборов. Одна надежда — своя голова. Иногда ей помогает интуиция — подсказывает, куда повернуть.

А понятие «Мир» было для Демьяна почти всеобъемлющим. Мир — это и состояние без войны, и взаимопонимание между людьми, и помощь друг другу, и радость в доме, и хороший гость, и встреча с путником в пути. Мир — это и Земля, и Небо, и Звезды, и тихий костер в ночи. Мир — это и Солнце, и Луна, и другие большие и малые дела добрых людей, деревьев-трав, зверей-птиц. Но на первое место он всегда ставил отсутствие войны, ибо слишком дорого обошлась людскому роду последняя война, его сиру — в том числе.

После гибели отца и братьев на фронте он особенно часто задумывался о войне и Мире. Отчего это наступает миг, когда силы войны берут верх над силами Мира? Почему?! Ведь люди нормальные и разумные, а их большинство на земле — это Демьян чувствует всем своим существом, — на стороне Мира! Как же так получается, что меньшинство берет верх над большинством? Почему приходит война?.. Откуда приходит?.. Раз приходит на землю, значит, у нее есть корни. Значит, она пускает корни в людей, в землю, в деревья-травы. А нельзя ли корни войны ослабить, подточить?! Так подточить, так подрубить, чтобы она захирела на веки вечные, чтобы она испустила дух на все времена и люди бы вообще о ней позабыли! Так нельзя ли корни войны подточить?! И на это когда-то ответил человек с самыми мирными корнями, директор школы КОРНЕЕВ, добровольцем ушедший на фронт в семнадцать лет. Всепонимающими глазами он охватил Демьяна, словно им вместе предстояло

идти в атаку, по-хантыйски построив фразу, тихо, но твердо сказал:

— Корни войны подрубить можно.

Демьян облегченно вздохнул. Но тут же, молодой и нетерпеливый в те годы, заерзал на табурете, забеспокоился. Не заметил, как вылетел второй вопрос:

— Как?! Каким образом, Александр Анатольевич?!

И Корнеев медленно заговорил. Говорил он толково, просто, понятно, без всяких ученых выкрутасов. Демьян слушал, слушал и в соответствии с его словами построил свою лесенку: Мир держится на нашем Государстве, Государство — на людях многих национальностей и народов, а нации и народы — это ты, я, он, они. Это добрые дела твоей головы и твоих рук. И чем крепче Государство, тем прочнее Мир... Тем труднее силам войны одолеть силы Мира...

Когда замолк Корнеев, Демьян, выдержав нужную паузу, сказал:

— Это понятно...

Он поднял голову, через окно всмотрелся внимательно в полоску голубого неба над дальним лесом за околицей, недоверчиво спросил учителя:

— И это все?! Больше никак нельзя?! Подточить-то?..

Александр Анатольевич улыбнулся своей светлой улыбкой, развел руками: мол, этого разве тебе недостаточно? Потом, погасив улыбку, серьезно сказал:

— Есть еще Комитет защиты Мира.

— Коми-тет за-щиты Ми-раа!.. — медленно, словно пробуя каждое слово на вес и крепость, повторил Демьян.

Все три слова, будто богатыри, показались ему выносливыми, добротными, крепкими. А когда услышал, что Комитет возглавляет поющий, как и Седой, человек Николай Тихонов, улыбнулся. Он знал, что

сердце поющего человека намного чувствительнее к добру и злу, а ум ходит неизмеримо дальше, нежели у непоющих людей. Удивительно все-таки устроена жизнь: все одно к одному, добро тянется к добру, песня — к песне, человек — к человеку, размышлял Демьян. Вот взять Корнеева. На разных землях родились, на разных языках пролепетали свое первое слово, по-разному сложились судьбы. И вот — поди ж ты — встретились и поняли друг друга. И не просто поняли с помощью слова-языка, а нутром. Мыслями, сердцем. И теперь Демьян не представлял Мир без Корнеева. Корнеев так же нужен Миру, как и Солнце, Луна, Небо, Свет...

Корнеев начал рассказывать о зарождении Движения сторонников мира, о Первом Всемирном конгрессе в Париже и Праге в апреле сорок девятого.

Демьян не пропускал ни одного слова. Но, прикрыв глаза, он увидел не Париж и Прагу, а полюбившийся ему Комитет защиты Мира. Он увидел людей. Много людей. Они стояли плотно, плечом к плечу. Все внимательно следили, чтобы откуда-нибудь не выползли черные силы войны, чтобы эти силы не пустили корни в людские души, в деревья-травы, в землю, в звезды, в Солнце и Луну. Люди стояли кругом. А в центре круга, за спинами людей, высокая башня-дом. Это, наверное, Кремль, подумал Демьян. Символ Мира, символ Спокойствия и Жизни. Кремль он часто рассматривал на фотографиях и картинках в букваре детей, поэтому ошибиться не мог. Он сам, Демьян, тоже находился в кругу, может быть, даже в Кремле, высоко над землей, потому что видел далеко и видел почти все, что было вокруг. Рядом с собой он почувствовал всех родственников и людей своей Реки, саму Реку с ее многочисленными притоками, озерами, урманами левобережья и борами и болотами правобережья,

со старинными селениями и таежными избушками, с бесконечными дорогами и тропинками, с каждой хвоинкой и песчинкой... И запаха каждой хвоинки вдыхали и люди всех гор и равнин, всех морей и океанов, всех звезд и небес. Особенно те, кто любит и остро чувствует щемящую прелесть земной Жизни...

Умолк Корнеев.

Молчал и Демьян.

Тишина.

Демьян, наконец встряхнувший думы и видения, не то сказал, не то подумал: «По следу Мира пойти хочу...»

В те трудные послевоенные годы, когда жизнь только начала входить в свое русло, ему сподручнее было помогать Миру. Он остался один: кормить-поить, одевать-обувать некого. А зверя-рыбы добывал не меньше других охотников и рыбаков. Сейчас, правда, появилась семья. «Но живем не хуже и не лучше своих сородичей», — размышлял Демьян. Для дела жизни все самое необходимое есть. Не то, что после войны — жизнь намного полегчала. Только оленей не хватает. Так это беда всех людей Реки, беда машинного времени. А что дети? Старшие, считай, только три месяца в году дома бывают: как подросли — их в школу-интернат забрали, в поселке живут. Государство их грамоте учит, одевает-обувает, кормит-поит. Как бы Государство им теперь вместо отца-матери. Лучше бы, конечно, они находились под рукой, в семье росли — Демьяну это не в тягость, управился бы с обязанностями отца-родителя, научил бы их промысловому делу. И детям бы хорошо было. Но он не может жить в поселке, вдали от своих угодий. Не может, ибо каждый день он занят: отслеживает ли зверя, ловит ли рыбу, мастерит ли промысловый инструмент, пробирует ли новые тропы-дороги, обихаживает ли реки-

озера, боры-урманы, сора-болота. Всякой земле нужен пригляд, всякая земля нуждается в зорком глазе, в дружеской ласке, в понимании. Без всего этого захиреет земля, утратит свое дыхание, опустеет. Поэтому ни под каким предлогом не покинешь свои уголья, свою землю. И в поселке, коль перебраться туда, заниматься совершенно нечем: как закрыли лисоферму, так полсела слоняется без работы. Вот и приходится отдавать детей в школу-интернат. Иного выхода нет. Дети у Государства.

И, как водится, Демьян увидел свою цепочку, которая связывала его с Государством: Корнеев, Корнеевы, Россия, Государство. Корнеев являлся началом начал, фундаментом его, Демьянова, Государства. Вот он, можно к нему прикоснуться, можно поговорить с ним о чем угодно, не сводя глаз с его иконообразного красивого лица. Словом, весь он излучал красоту неприметную, неброскую, поэтому очень сильную. Каждый раз, встречаясь с ним, Демьян находил в нем что-то новое: то одно, то другое, то третье, словно он был многоликим, а душа вмещала весь мир. Когда думал о нем, Демьяна всегда поражало то, что, почти мальчишкой пройдя самое страшное и противоестественное — войну, он сохранил душу, не ожесточился, не очерствел, не запачкался черной грязью военных дорог. Не поразительно ли?! Наоборот, кажется, еще больше полюбил жизнь. Любил жизнь такой, какая она была: с радостями и печалью, с изменой и высокой любовью, с правдой и ложью, с великолепным началом и неизбежным концом. Ничто человеческое не пугало его, не страшило, не гнуло в дугу, ибо он был Человеком, а не святым. Он сражался, любил, ошибался, учил, падал, вновь поднимался. Поэтому Демьян особо и чтит его.

За Корнеевым шли другие Корнеевы, его родственники и сподвижники. Их груди разрывали прицельные пули, их заживо вмораживали в снега и льды, их топили в дымящихся прорубях и полыньях, их давили бревнами на баржах смерти, их в рогожных кулях заживо сбрасывали за борт, их бьющиеся сердца поднимали на острие хорей посреди холодных снегов, их костями усеяны берега Иртыша и Оби от Тобольска до Томска. И оттаивали снега, оттаивали льды, оттаивали людские сердца, и оттаивала земля, и оттаивал Север. Они принесли букварь, срубили школы и больницы, подняли Красные чумы, проложили новые дороги, построили города и поселки. Они живучи и непобедимы. У них много добрых корней, которые всегда находят благодатную почву, ибо добро так же вечно и непреходяще, как и жизнь. И Демьян чувствовал, что они всюду вокруг него, ибо на Корнеевых держится жизнь.

Они в прошлом и в будущем.

И люди в неоплатном долгу перед ними. И Демьян — в том же числе. Он осознавал и старался уменьшить свой долг, внести свою лепту, хотя для этого явно недостаточно одной жизни — слишком она коротка.

Таким ему виделось его Государство, на котором держался Мир.

Мир... И сейчас, когда кассирша Лида усомнилась в его приверженности к Миру, он вспомнил свой путь к Комитету защиты и старательно нарисовал на ведомости свою подпись: чтобы ничего такого той больше «не показалось». Когда это Демьян на полпути сворачивал в сторону?! Кто такое припомнит?! Коль выдержал военные годы, в малолетстве, когда, бывало, часто становилось совсем неумогу, то теперь, на склоне лет, должен устоять...

А какие испытания выпадут на долю его детей в будущем, он не ведал. Не ведал и того, что первым будет его младший сын Юванко, с детства своенравный, но с широко распахнутыми глазами внимавший каждому слову отца. И отец с любовью звал его Айи — Махонький.

Юван примет в себя заряд, нацеленный в отчий дом из дальней стороны. Удар приподнимет его — и он отчетливо увидит своих родных возле зимней избушки в сосновом бору. Впереди всех, посреди кораля, повернувшись к нему вполборота, чуть нагнув голову и словно согнувшись под тяжелой ношей, давившей на плечи, в одной рубашке, без малицы, весь напряженный, со скорбно-печальным лицом застыл отец. От него неведомо по какому миру пробивалось одно:

«Я жду тебя, сын...»

Это пробивалось, колебалось, исходило волнами...

Черная, с серебристой проседью, прядь на голове отца тянется со лба к затылку.

За его спиной, в шести-семи шагах, перед самым входом в бревенчатые сени дома, в светлом платке и в зимнем саке с синим матерчатым верхом, у пояса придерживая левую руку правой, стоит мать. Из-за ее спины выглядывают беззаботные сестры Вера и Таисия. За ними — лица скитавшегося где-то старшего брата Микуля, ушедших на запад дядей, захороненного в братской могиле в Берлине деда, поседевшей бабушки, удивительно волнующей одноклассницы Галинки Лейковой и лица многих других близких и дальних родственников и людей...

В корале утопанный белый снег детства и все четырнадцать сосен в защитного цвета, словно солдаты,

зелени. Слева от сеней нарты со сложенной упряжью, хореи и колодки для оленей. На верхушке шеста связка порыжевшей травы на стельки кисов. За коралем плотный строй боровых сосен.

Он не почувствует ни страха, ни боли, ни огорчения. Только остановится дыхание — и остановится Время. И остановится Жизнь. И отчий дом.

Отец.

Мать.

Сестры.

Родственники.

Люди.

Снег детства.

Сосны.

Небо.

Солнце.

Остановится и останется все это.

Навсегда.

На веки вечные.

18

Когда Демьян сдал пушнину и собрался уходить, его попросил зайти охотовед промехототделения Колодкин. Поговорив об «урожае» на зверя-птицу и условиях промысла, хозяин кабинета поинтересовался:

— Геофизики, говорят, к вам вышли, Демьян Романыч?

— Вышли, Виктор Иванович, — кивнул Демьян. — Вышли.

— Видели их?

— Видел.

— Угодия твои не зорят? Капканы там, ловушки?

— Так они только вышли. Пока ничего плохого о них сказать не могу, Виктор Иванович.

— Ну, в случае чего дай знать, — сказал Виктор Иванович.

— Думаю, мы с ними поладим, — улыбнулся Демьян. — Тоже ведь люди, такие же, как и мы.

— Н-да-а, — неопределенно протянул охотовед.

По его озабоченному лицу Демьян понял, что тот обеспокоен приходом неожиданных гостей — искателей нефти.

Попрощались, Демьян вышел из конторы. На поселок опускались серые сумерки. Застучал дизель на станции — в окнах домов вспыхнули лампочки.

Заканчивался второй день его пути.

Возле нарты топтались сыновья. Как он приехал, они по пятам ходили за ним. Ни на шаг не отставали. Пока отец сдавал пушнину, они бегали к упряжке — то туда, то сюда. Видно, им хотелось побыть и возле отца, и возле оленей. В конторе отцу не до них, занят, а вот с оленями можно поговорить обо всем.

Увидев отца, мальчики разом замолкли. Младший Юван — он унаследовал бабушкину породу — блеснул острым глазом, надвинув на черный чубик старую шапчонку, поскущел лицом. Как и у бабушки, все у него было близко: и смех, и слезы. А старшенький, Микуль, только чуть заметно сник — на лице же ничего не отразилось...

Младший пошвыркал носом, громко засопел и наконец решился, спросил охрипшим ломким голосом:

— Кунты мэнлэн?¹

Демьян посмотрел на сыновей, воробьями нахлившись у нарты, медленно переспросил:

— Ягунам?¹

— Ягунам... — почти в один голос выдохнули сыновья.

Демьян поправил шкуру-подстилку на сиденье, принялся подтягивать какой-то ремешок на поясе вожака. Он мешкал. Все дела вроде бы сделал, остались только Покупки разные. Магазин еще открыт — можно успеть, а потом попить чай и пуститься в обратный путь. Но сыновья почти полгода не видели родителей, не ездили на каникулы. Конечно же, соскучились. Как тут сразу уедешь?! Хотя и домой надо спешить — ждут там, и олени на пустом пастбище не находят себе места. И за землю тревожно — искатели идут. Зародившаяся на озере боль сушит грудь. Но Демьян пересилил себя и, взглянув на сыновей, улыбнулся, бодро сказал по-хантыйски:

— Здесь заночую. Завтра домой поеду.

Мальчики заметно повеселели, заулыбались. И тут же уселись на нарту, чтобы ехать с отцом на пастбище. Демьян покосился на их пальтишки и валенки, что явно не годились для езды на оленях, но ничего не сказал, лишь смущенно крякнул — все равно ведь не отстают — и молча тронул упряжку. Коль им станет холодно, то можно в кумыш завернуть, подумал он. Пастбище тут близко, а на обратном пути согреются пешком.

Он направил упряжку за болотную речушку Лархи, или Ершовую, которую русское население в поселке называло просто Еганишкой. Там было несколько ягельных островков-боров посреди болота. На одном из них Демьян высмотрел взгорок с редким сосняком, куда и свернул с дороги. Втроем быстро распрягли усталых оленей и на длинных веревках развели их по отдельно стоявшим соснам и пням.

¹ — Когда поедешь?

¹ — Домой?

Пеструха и вожак Вондыр сразу начали копытить снег — проголодались за день. А важенка Пирни капризно оглядывала бор, сунув нос в снег, приюхивалась к запахам ягеля незнакомой земли. Как водится, она не спешила откопать себе пищу. Заметив это, Микуль взял с нарты деревянную лопату отца и выкопал молодой оленихе кормежную яму до ягеля.

— Ешь-ешь. — Юванко подталкивал олениху к яме. — Ешь, Пирни, готовая тебе еда. Ешь.

— Да ладно, оставьте ее, — сказал Демьян, укладывая упряжные ремни на амдер. — Ночь длинная, успеет еще поесть.

— Она всегда такая? — спросил Микуль.

— Всегда неважно ест, — ответил отец. — И нарту неважно тянет. Всегда такая, с рождения.

— Она не исправится, лучше не станет?! — забеспокоился Юван.

Пирни считалась его оленем, растила оленят на его удачу.

— Куда там, — усмехнулся отец. — Ее дело теперь только о потомстве думать. Ничего от нее больше не надо...

Они вышли на дорогу и направились к поселку. Отец неспешно рассказывал о домашнем житье-бытье, о собаках и оленях, о земле. Отвечал на вопросы сыновей, расспрашивал их о жизни в поселке, об учебе в школе-интернате, об учителях, об охотниках, приезжающих с верховья реки. Много интересовало Демьяна, о многом ему хотелось узнать. Но еще больше ему нужно было сказать сыновьям. Свое слово сказать. Свои думы-мысли высказать. Он чувствовал, как сыновья все отдаляются от него, как ускользают от его дум-мыслей, как зыбкой становится с каждым годом их связь с домом, с отцовским промыслом, с родной землей. А без этой связи с родившей землей в большом

ли, в малом ли деле человеку не будет удачи. Это Демьян хорошо знает. Умирает душа человека. А умирает душа человека вместе с народными певцами, со сказителями, с древними «поющими древами» — музыкальными инструментами из кости, дерева, кожи, оленьих сухожилий и конского волоса¹. Что такое плоть человека без души? Это уже и не человек вовсе. Он не может воспарить в небо, не может уловить радость и боль другого человека, радость и боль родившей земли. И поэтому Демьян всячески стремился сохранить и укрепить связь сыновей с домом и землей. А как это сделать, если дома они бывают всего три месяца в году — в летние каникулы?! Вот родитель и крутись-вертись, соображай, как тут быть! Нужно понять и зверей-птиц, и ход рыбы в таежных реках, и движение небесных Лун, и надвигающееся ненастье. По едва заметным признакам надо определить урожай на ягоды-грибы, на пушного зверя, на крылатую птицу. При этом необходимо выстрогать весло и топорище, построить дом и лабазы-амбары на курьих ножках, смастерить облас и нарту и другой промысловый инструмент. Но это еще не все. Далеко не все. Главное же — должна звучать мудрая песня ли, сказка ли старого человека, чтобы навсегда впечатались в сердце и Светлой Воды Озеро в оранжево-золотистом мареве утра, и листопад на узкой протоке Древесного урия, и ослепительно-белый песок Сосновой Шишки косы, и печальный Кедр-старик на Домашнем острове, и высокий Яр Осеннего Селения в бордовом брусничнике и хвое...

Человек, связанный с родной землей, намного крепче, думал Демьян. Такого человека не так просто

¹ Струны смычковых и щипковых музыкальных инструментов плелись из волос конского хвоста и выделанных оленьих сухожилий.

сломать и покорежить, у него корень прочный, далеко в землю уходит, крепко в земле сидит. С человеком, у которого есть такие корни, ничего плохого не случится. Можно выучить его на геолога, на врача или инженера — везде он найдет правильную дорогу. И в смертельно опасную минуту, на грани двух миров, он прежде всего вспомнит о земле... Демьян не против учения, нет. Он против ослабления связи с родительским домом и родившей землей. Вот что беспокоит его с давних пор.

Земля не может жить без любящего человека. И быть может, сейчас она больше нуждается в думающем охотнике и рыбаке, нежели в геологе или инженере. У каждого народа есть исконные промыслы, от которых сразу трудно отказаться. Да и стоит ли отказываться?!

Шагая рядом с сыновьями, Демьян размышлял о земле и о подрастающем поколении всех сиров Реки. Что же ждет их в грядущем? Будут ли счастливы? Сохранят ли свою землю такой же чистой и прекрасной, какой она досталась нам от предков?..

Шел Демьян, присматривался к сыновьям, внимательно прислушивался к интонациям их голосов. Время от времени спрашивал, не холодно ли им, не мерзнут ли руки, не мерзнут ли ноги. Те отвечали отрицательно.

Возле отца мальчишкам было тепло.

Перед мостиком через речушку Лархи старший Микуть вдруг замедлил шаг. И, полуобернувшись, как и отец, сдержанный и рассудительный, он показал рукой на занесенный снегом бор-островок справа, спросил:

— Почему оленей тут не привязали? Ягель есть, и от поселка близко...

Демьян взглянул на него, на его выбившиеся из-под шапки буйные кудри. За эти кудри его еще с малолетства прозвали Волнистая Голова. Это второе имя старшего. Сейчас отец, как бы поправляя, прикоснулся к его шапке, смахнул снежинки с его плеча. Потом перевел взгляд на окутанный вечерними сумерками бор-островок, тихо ответил:

— Тут, конечно, можно было оленей привязать. Ничего в этом плохого нет. Но наши люди как-то не привыкли попусту беспокоить такие места...

— А что там случилось? — спросил младший Юванко, подступая к отцу. — Расскажи нам.

Впереди, за сосняком, замигали огни окраинных домиков селения. Послышался стук дизеля на электростанции и лай собак.

Демьян поправил капюшон малицы, смущенно кашлянул: размышлял, говорить или не говорить. Наконец решился, повернул голову в сторону бора-островка и, помедлив, сказал:

— Там... В самеринское время... Отец почтового человека, Безногого Галактиона, с жизнью расстался.

Замолк Демьян.

Молчали сыновья.

Молча сгущалась ночная тьма.

19

— Где твое золото?! — свистящим полушепотом просипел Кровавый Глаз. — Где золото?! Где деньги?! Отвечай!

Нерм-ики молчал третьи сутки. Склонив набок седую голову, прикрыв усталые глаза, он неподвижно стоял перед Кровавым Глазом, которого будто не

видел и не слышал. Он, отец почтового человека Курпелак Галактиона, не был ни шаманом, ни князем, ни старшиной, ни кулаком. Не воевал на стороне белых в гражданскую войну, не ходил у них проводником и не готовил для них олени упряжки, никогда не выступал против Советской власти ни словом, ни делом. Это всем известно доподлинно. И Кровавому Глазу — в том числе. Но в начале века его ветвь сира Сардаковых считалась самой богатой по всей Реке — в стаде в верховье Ягурьяха паслось более четырехсот оленей, выезжали торговать в обские города Сургут, Березов, Обдорск. И жену своему единственному сыну — статную грудастую молодайку — он сосватал у обских остяков. Так потом за невесткой и закрепилось имя Аснэ — «Оби Женщина». После гражданской войны стадо пошло на убыль — часть оленей погибли от болезней, часть передали колхозу. Последние же олени кончились в годы Отечественной войны — семья большая, ртов много — подрастали внуки, нуждались в помощи дочери. Выжить нужно. Выжили. Война недавно кончилась. Время строгое. В разгар сезона охотникам запрещалось выезжать со своих угодий, дабы не терять драгоценные промысловые дни. Нерм-ики, Степан-старик, по возрасту был в колхозе каором. Доставлял охотникам продукты, а вывозил добытую ими пушнину. Трое суток назад он приехал с верховья реки Ампуты, где на Межземельной гриве¹ охотились люди хантыйского сира Казамкиных и ненецких сиров Иуси и Айваседа. Это были самые дальние угодья колхоза — в нескольких днях езды от поселка. И охотники там остались без пищи, кончились припасы, а выехать нельзя — не поступила такая команда. Про-

¹ Богатые лесотундровые угодья на водоразделе между хантыйскими и ненецкими землями.

довольствие же должен доставить им каюр Нерм-ики. Зная об этом, он спешил в обратную дорогу. Очень спешил. Но в поселке его задержал Кровавый Глаз — и рухнули его надежды на скорое возвращение на Межземельную гриву. Кровавый Глаз требовал золота. Якобы его богатые предки накопили много золота, которое затем по наследству досталось ему. И он-де, Степан-старик Сардаков, запрятал это золото, чтобы оно не досталось Советской власти. В первый же день старик терпеливо попытался объяснить, что верно — некогда его сир был богатым, много оленей имели, в обские города ездили на ярмарки. Но единственное богатство — олени, которых теперь нет. А золота вообще не было. Не интересовались золотом. К чему оно в тайге? К какому месту его приложить?! А то, что без надобности, не держали. Никакого смысла держать ненужную вещь. Украшения? Может, у женщин и были какие-нибудь безделушки, но теперь ничего нет. Все, видно, уплыло в тяжкие годы жизни. Никак ведь три войны пережили. Дары богам? Так это у богов надо спрашивать. Человек за бога не ответчик...

Но тот твердил одно — золото! Ничего больше не хотел знать и слышать. И старик потемнел лицом и замолчал — оледенел вдруг. Он слишком хорошо знал хватку Кровавого Глаза. Хватка у того — мертвая. Недаром окрестили его и Нижним духом, Черной главой Подземного царства, потустороннего мира, куда уходит он людей, души которых достаются ему.

— Где золото?! — крикнул он снова, сверкнув кровавым глазом.

Словно оборотень, он был многоликим. То обращившись Нечистым духом и вкрадчивым голоском представлял сети, куда загонял свою жертву. То, превратившись в Кровавый Глаз, черными молниями прожигал все живое. То, осатанев, выхватывал маленькое

ружье — револьвер или пистолет. Рукояткой проламывал головы, простреливал потолки, простреливал ледяные окна избышек, простреливал груди. Все это он делал маленьким ружьем. И поэтому к его имени прибавилось устрашающее «С Маленьким Ружьем», ибо от маленького ружья деваться было некуда — все решалось в одно мгновение.

— Золото!!! — прорычал С Маленьким Ружьем и выложил на стол револьвер.

Нерм-ики равнодушно смотрел перед собой. Его обветренное лицо осталось неподвижным.

— Не отдашь — весь твой род изведу! — Стук рукояткой револьвера по столешнице. — С корнем вырву! Выр-рву!..

Старик молчал.

— У-у-у, идол остяцкий! — Дуло револьвера ткнулось в грудь старика. — Давай золото!.. Не то пристрелю, как собаку!

Старик даже не пошевелился. И тогда Кровавоглазый, обернувшись Нижним духом, почти шепотом прошипел:

— Начну с твоих дочерей...

Он ухмыльнулся, словно уже одержал верх, остановил кровавые глаза на неподвижном лице старика, до которого, видно, еще не дошел смысл его слов, весело добавил:

— С до-че-рей... Что тебе дороже — золото или дочери, а?! Начну ведь... Это, пожалуй, будет приятнее, чем с тобой, старый хрен, разговаривать и попусту время убивать! Ха-ха-ха! — деревянно хохотнул. — Пожалуй, с младшей начну. С красавицы Федоски...

Нерм-ики вздрогнул, приподнял голову. Мучительная тоска его глаз ударилась о стену. Впереди — стена. Слева — стена. Справа — стена. Сзади — окно. И он

почувствовал, как через это окно тяжелый квадрат черной ночи стал давить ему на затылок.

Его детей уже допрашивали. Что они могут сказать о золоте, о котором и слыхом не слыхали?!

— После и старшую придется — ху-ху-ху! — С Маленьким Ружьем, заложив руки за спину, самодовольно расхаживал вокруг старика. — Вон какая кобылка — лес можно возить! Ху-хух!.. Потом до твоего одноногого щенка доберусь. Быстро выправлю ему крючок — в пляс пустится. Весь остаток жизни благодарить станет, лучшего лекаря не найдет!..

Старик поймал кровавый глаз Нижнего духа и тяжело, взвешивая каждое слово, сказал:

— Они... Ничего... Не знают...

— Где зо-ло-то?! Зо-ло-то!

Старик медленно поднял правую руку, узловатыми пальцами прикоснулся к седой голове, выдохнул:

— Золото — вот...

— Отдай золото. Не то твое отродье возьму!

Старик тихо сказал:

— Мою голову возьми.

— Твою башку и так возьму! — хохотнул С Маленьким Ружьем. — Не спеши. Отдашь золото — отпущу на все стороны! И башка твоя при тебе останется.

Они в упор смотрели друг на друга. Молчали. Наконец С Маленьким Ружьем отвернулся к окну, устало махнул рукой, вяло пробормотал:

— Ладно, иди. Завтра продолжим.

Он уставился в черную пустоту ночи. Быть может, в этой пустоте он увидел полуголого седобородого попа. В девятнадцатом году на реке Конде он выколачивал золото из местного попа-бородача. Дело было по первому снегу. Батюшку обвязали веревками и окунали в обледеневший омут. Затем вытаскивали и спрашивали: «Где золото?» Батюшка, стуча зубами, взды-

мал к нему обезумевшие от ледяной воды очи и хрипел: «Видит бог — нет золота! Нет, нет!..» — «Ах, ты еще богом грозишь! — визгливо кричал главный золотовыколачиватель, тыча маузером в лицо попа. — Ну-ка, ребята, еще разик окунем!» И такие же юнцы, как и он сам, с гвалтом подхватывали батюшку и швыряли в омут. А тот, выныривая из воды, все хрипел: «Господи, спаси раба твоего грешного!..» А главный деревянно хохотал в бородатое лицо попа: «От дуrolом — чо захотел! Не у господа, а у меня спасенья проси, дуrolом! У ме-ня-я!..» Быть может, тогда он впервые ощутил сладостную силу неограниченной и бесконтрольной власти над людьми: хочу — казню, хочу — помилую. А могло ли быть золото у батюшки бедного сельского прихода?! Это его не интересовало: другие-то припрятывали, у других-то выколачивали кое-что. А коль один и пострадал по ошибке — так что теперь с того. Не может власть ломать шапку перед каждым. Ее, власть-то, все должны почитать. А самое верное почитание только через страх, только через боязнь. Поэтому и рвался на подавление Казымского восстания в 1934 году. Остяков в страхе нужно держать. Это самое верное средство. Не будет страха, так еще чего-нибудь захотят, еще чего-нибудь затребуют.

Между прочим, страх и для настырного русского мужика пользителен. На всех врагов он пользительно действует. Мало ли вокруг «врагов народа»? Нет, немало их. Правда, однажды в нем шевельнулось что-то похожее на сомнение. Это когда получил указание выдать три сотни. А сроки — довольно сжатые. Мелькнула невольная мысль: где их взять?! Три сотни!.. Это впервые, столько еще ни разу не требовали. Район по территории огромный, а по населению? Можно сотни верст проехать и не встретить жилья. Вот когда в нем

что-то вздрогнуло. Возможно, смутило даже не количество, а сроки. За неисполнение в сроки, это он хорошо усвоил, можешь самолично угодить в те же три сотни. Бывало и такое. Сосед с западного района, бедолага, то ли пожалел кого, то ли в сроки не уложился, то ли еще чего-то вовремя не сообразил, в общем, сам попал туда же, откуда нет возврата. Нет-нет, он не хотел участи соседа. Надо найти что-то свое. Кладовую, что ли, какую-то нужно сделать. И он крепко задумался. После долгих размышлений он взял листок и старательным почерком составил для себя следующий документ.

ВРАГИ НАРОДА (Русские)

I. Бывшие.	
1. Дворяне, их родственники	— учинить розыск!
2. Уездное начальство, их родственники	— имеются.
3. Церковники, их родственники	— имеются.
4. Купцы, богачи, их родственники	— имеются.
5. Кулаки, их родственники	— имеются.
6. Колчаковцы, их родственники	— част. имеются, но розыск учинить!
7. Участники мятежа (кулац. эсер.)	— част. имеются, но розыск необходим!
II. Вредители соцстроительства, их пособники, родственники	— будут.
III. Вредители, руг. Товарища... и Соввласть	— найдем, разыщем.
IV. Спецпереселенцы	— имеются, еще придут.
V. Протчие, с родственниками	— тоже будут.

ВРАГИ НАРОДА (Остяки)

- I. Бывшие
1. Князя (титулы от Катъки и протчих), их роды — имеются, но розыск учинить!
2. Князьки местные, их роды — имеются.
3. Богачи, купцы, их роды — имеются.
4. Старшины, старосты, их роды — имеются.
5. Участники Казымского восстания, их роды — имеются, но розыск усилить!
6. Пособники белогвардейцам, Колчаку, кулакам-мятежникам, их роды — должны быть, учинить розыск!
- II. Шаманы, идолопоклонники, их роды — имеются.
- III. Вредители соцстроительства, их роды — будут.
- IV. Вредители, руг. Товарища... и Соввласть, их роды — будут, найдем, ответят.
- V. Протчие враги, их роды — будут, ответят.

Он перечитал свои записи и остался доволен собой. Он рассчитал с учетом всех мелочей. Впрочем, в его работе, как он полагал, нет мелочей. Все значительно, все важно. Сколько и откуда брать. Сколько ему должен районный центр, каждое село, каждая Река, каждый род. Брать, учитывая время года. Откуда летом, откуда зимой, откуда весной или осенью. В зависимости от вида транспорта и отдаленности — олени или кони, лодка или катер. Кого брать первым, кого немного позже. Для этого он составил списки под номерами 1, 2, 3 и так далее. Отдельно для русских и остяков. В список остяков № 1 поставил шаманов — верная добыча, поди разберись, у кого есть это шаманство, а у кого нет.

Прикинул, учитывая естественный прирост вверенного ему народонаселения, три сотни, в общем-то, сущий пустяк. При таких темпах, проживи он хоть тысячу лет, ему обеспечен хлеб, обеспечена работа. Враги не переведутся. Хватит их на его век. Чем их больше — тем, искупая свою вину, большую пользу они принесут на соцстроительстве, тешил он себя мыслью. Он поставлял рабочие руки на лесозаготовки, рыбопромысел, строительство железной дороги по тундре и на другие объекты Крайнего Севера. Кто их готовит, кто все это делает для народного хозяйства? Он, один...

Отправив один список, нужно готовить другой. Управившись со вторым, необходимо браться за третий. Непростая эта работа, но нужная, размышлял он. Подспудно он чувствовал, что острая нужда в нем будет до тех пор, пока есть они, «враги народа», его подопечные. Значит, надо распоряжаться ими по-хозяйски, разумно, планомерно, чтобы не иссякал их поток, чтобы на все непредвиденные случаи они были под рукой. Он из них сделает такого «врага», какой требуется. Он знал, что верхи особо ценят эту его хватку... Тогда, после трехсот, перечитав записи, он вконец успокоился: будут «враги народа» — будет он.

Сейчас он оторвался от завораживающей черноты ночи, обернулся. Возле двери стоял Нерм-ики, Степан-старик.

— Чо ишшо? — резко бросил через плечо, отворачиваясь.

— На Межземельную гриву человека послать надо, — глухо сказал старик. — Там люди ждут, без еды остались.

Помолчав немного, он выдал главный довод в пользу, как ему казалось, охотников Межземельной гривы:

— Там на Государство промышляющие люди.
— Не подохнут, остяки живучи! — усмехнулся С Маленьким Ружьем. — Пока твое дело не закончим, никто туда не поедет. Понял?

Старик кивнул.

— Иди!

Старик неспешно повернулся и также неспешно вышел.

В крохотном закутке Колхозного дома его ждала семья. К еде он не прикоснулся, только выпил кружку чая. Все поняли, что дела семьи плохи. Перекинулись несколькими словами и снова замолчали.

Молчали в потемках.

— Я к нему пойду, — сказала младшая, Федосья.

— Нет! — твердо отрезал старик. — Тебе еще жить надо.

— Милый Торым, где ты есть! — простонала старшая, Аксинья. — Неужели наше горе не видишь?! Где ты есть?!

Безногий сын Галактион лишь вздыхал тяжело.

Детей Степана-старика вызвали в поселок по «делу отца». Они не могли выехать никуда без разрешения С Маленьким Ружьем, которого теперь в разговоре называли Он. Особенно женщины побаивались проиносить его имя вслух.

— Он сильнее Торыма, — сказал Галактион и повернулся к старшей сестре. — Перестань, Аксинья.

Аксинья через силу подавила тяжкий стон.

Ни нар, ни топчанов не было. Спать легли прямо на полу, подстелив всякое тряпье.

Степан-старик, оглядев, хорошо ли устроились дочери и сын, тихо проговорил:

— Его уму ненавистны древние корни нашего сира — хочет их вырвать. Вас он не тронет... Спите...

Сам он так и не лег. Прислушиваясь к неровному дыханию своих взрослых детей, осторожно поправляя их сползающие одежды, просидел он всю ночь напролет возле сына-калеки и младшей дочери Федосьи. Старшая недавно вышла замуж за хорошего парня из рода Казамкиных — жизнь ее налаживалась. Во всяком деле она сноровистая, проворная, да и характером крепкая. Сыну, как и всякому калеке, конечно, будет тяжелее. Да всю жизнь под крылышком отца не посидишь, самому надо свою тропу прокладывать. А какова же судьба младшей, Федосьи? Она одна еще не устроена в этой жизни... Эх, милый Торым, пошли ей достойного жениха, пошли ей достойного человека! Как и сестра, в девках она не засидится. Пошли ей прекрасного человека, добрый Торым!..

Пришел сумрачный рассвет. Засветили неяркую плошку. Ожил закуток для приезжих Колхозного дома.

— Пойду оленей смотреть, — сказал Степан-старик. — Вечером не сходили к ним.

Он обвел взглядом, стоя у порога, своих детей, кротко, как бы извиняясь, улыбнулся и бодрым голосом добавил:

— Скоро вернусь.

И вышел.

Его бодрость понравилась детям: вроде повеселел отец, авось пронесет.

Рассвело. Он все не возвращался. И первым забеспокоился С Маленьким Ружьем. Он отправил младшую, Федосью, узнать, почему отец задерживается на пастбище.

Федосья, охваченная недобрим предчувствием, почти бегом пустилась на знакомое пастбище. Только на подъеме к бору-островку замедлила шаг и, увидев нарту отца, остановилась. Возле нарты, завернувшись

в оленью шкуру, лежал отец. Из-под шкуры были видны лишь ноги. Уснул ли? Спит ли? И Федосья, не в силах сдвинуться с места, со слезами, почти шепотом стала звать отца:

— Ачи!.. Ачи!.. Ачи-эй!..

Отец не откликался.

Она сделала еще несколько шагов. И увидела торчавший из-под шкуры приклад ружья — и без чувств свалилась на землю. После она долго болела, но потом поправилась, возвратилась в мир жизни, вышла замуж за двоюродного брата Демьяна, за Малого Михаила. Хорошо зажила. Но, как и старшая сестра, до конца своих дней была лишена счастья материнства — не могла родить...

Кровавый Глаз только грохнул по столу: надул-таки старый остяк, что теперь с него возьмешь!

Так ушел из жизни отец Безногого Галактиона, древний корень сира Сардаковых...

В командировках Кровавый Глаз любил развлечения. Одна его «игра» называлась «Стрижка шамана», или «Тир». Когда он вез в райцентр старика Ефрема, родного брата отца Демьяна, на окраине домашнего бора, на Песчаном озере перед речушкой Нёх¹, приказал остановить упряжки. Он поставил старика Ефрема посреди озера, медленно вытащил пистолет, сдул налипшие на ствол шерстинки, деловито заглянул в дуло, молча отступил на несколько шагов, повернулся полубоком, как на дуэли, и не спеша начал поднимать свое оружие.

Стало тихо.

¹ Нёх — «родниковая вода», текущая по сосновым борам. Священная вода сира и всей Реки.

Казалось, и олени затаили дыхание.

Каюры замерли у своих нарт.

Грохнул выстрел.

Старик Ефрем стоял на своем месте. К его ногам замедленно оседали в морозном воздухе шерстинки с капюшона кумыша, срезанные пулей.

Эхо выстрела покатилося по снегам озера и затерялось бесследно в боровых соснах.

Пропало эхо — и снова тишина.

Грохнул второй выстрел.

С капюшона старика опять посыпались шерстинки.

Укатилось эхо вдаль.

Выстрел — пучок шерсти с капюшона.

Так он стриг капюшон старика Ефрема.

Одной обоймой он остриг капюшон со всех сторон, только шерсть летела.

Когда кончилась обойма, он вытащил пачку патронов и, заряжая пистолет, подошел к старику, самодовольно ухмыльнувшись, сказал:

— Ну, благодари мою руку и глаз!

Старик стоял неподвижно.

— Никак кондрашка тебя хватил! Дар речи потерял?!

Старик все молчал.

— Аль язык откусил? Не желаешь со мной поговорить? А?

Пауза.

— То-то!.. Это тебе не с богами шашни разводить! Понял теперь, у кого сила-то?!

Лицо старика было совершенно неподвижным.

— Почему не молишь пощады? Почему не кричишь? Не падаешь к ногам? Почему?! Неужели в тебе нет страха, а?!

— Твой ум дальше большого пальца твоей ноги не ходит, — тихо сказал старик Ефрем.

— Почему?! — встрепенулся Кровавый Глаз.

— Мое дыхание в руках Нум Торыма. — Старик чуть заметно кивнул на небо. — Мне шестой десяток. Я пожил. И если мне суждено умереть на этом месте от твоей руки, я не сделаю ни одного шага. Я умру тут. И никто и ничто мне не поможет. Никто не спасет. Даже ты... Но если у меня еще есть жизненные дни, ты не возьмешь мое дыхание. Ничего со мной не сделаешь, хочешь этого или не хочешь. Я буду жить.

— При чем тут мой ум?

— А ты этого не можешь понять... — сказал старик. Гробовое молчание.

Старик Ефрем тогда еще не знал, что через два года вернется домой, что станет старцем Реки и разделяет первую сотню, что он один из немногих, кому на много лет суждено пережить своего мучителя...

Вдруг Кровавый Глаз ухмыльнулся, ощерив желтые клыки, и, пряча пистолет в кобуру, с оттенком не то удивления, не то восхищения, сказал:

— Силен, черт!.. — и направился к нартам.

И непонятно было, к кому это относилось: то ли к Нум Торыму, то ли к человеку.

Эту историю рассказал Демьяну старый ненец Япта Вэлла.

В Колхозном доме Кровавый Глаз допрашивал Сэм-ики¹ из рода Лося. И вдруг он набросился на своего переводчика, обского остяка, избил его и выгнал вон с криком:

— Не то переводишь, сукин сын!

Вероятно, за много лет борьбы с шаманством он немного выучил язык и кое-что понимал.

¹ «Сэм» или «сам» — глаз. Сэм-ики — Глаз-старик. Жил в среднем течении Ягурьяха.

«Меня позвали переводчиком, — вспоминал Япта Вэлла. — Я хорошо знал язык ханты. В конторе нас трое: Кровавый Глаз, Сэм-ики и я. Больше никого.

Кровавый Глаз о чем-то спрашивал. Я переводил вопрос, а потом слова Сэм-ики. Так сколько-то времени прошло. А после Кровавый Глаз остановился напротив Сэм-ики и вот что сказал:

— Сколько шаманов я перевидел! Со всех рек! Со всеми дело имел. Но ни один из них не мог одолеть меня. Я сильнее всех!.. Говорят, ты самый большой шаман этой Реки. Если это так, покажи мне свою шаманскую силу. Покажи мне что-нибудь такое, чтобы я поверил в твою силу.

Я перевел эти слова.

Сэм-ики молчит.

— Я Кровавый Глаз, а ты просто Глаз, — сказал Тот. — Мы как бы родные с тобой. Так неужели я сильнее тебя? Не бойся, хуже не будет. Покажи что-нибудь силой шаманства. Разве ты ничего не можешь, а?

Сэм-ики все молчит.

— Не можешь, значит?.. Кишка тонка?! А жаль, жаль!.. — Я перевел и эти слова, а сам Нижний дух все ухмыляется.

Тут Сэм-ики молча приподнял руки на уровень груди, локти прижал к туловищу и начал перебирать ногами, начал пританцовывать на месте. И смотрим — из ножен на правом боку Сэм-ики вышел нож.

Сам собой.

И нож поплыл по воздуху острием вперед. Нож пошел к Кровавому Глазу. И лицо его стало белое, как береста. Потом лицо его стало белое, как снег. На лице не стало ни кровинки. Это я хорошо видел. Он стоял напротив меня.

Нож медленно шел вокруг него.

Я видел это собственными глазами. Вот этими глазами.

Нож обошел его и вернулся в ножны. Сам собой.

Нож вернулся к хозяину с другой стороны. Они остались в незримом кругу, который очертил нож. Оба застыли. Не шелохнутся.

Я во все глаза смотрел на рукоятку ножа и Сэм-ики. Руки у него вверху, как были, к ножу он не прикоснулся. Такое я впервые видел.

Кровавый Глаз стоял неподвижно и молчал. Долго молчал.

И Сэм-ики молчал.

И я молчал. Все вокруг молчало.

Потом Кровавый Глаз молча выскочил на улицу. Раздетый. В мороз. Когда он открыл дверь, ворвался белый дым холода.

Я не знал, что делать.

Однако вернулся он скоро. Принес бутылку водки и полхлеба. В магазин бегал, понял я. Магазин тут недалеко, напротив Колхозного дома, на теперешнем месте пекарни стоял тогда. Сначала налил Сэм-ики. И Сэм-ики выпил. Потом он налил себе и тоже выпил. Отломил кусок хлеба и протянул Сэм-ики. И Сэм-ики взял хлеб.

Я не знаю, что мне делать. Понял, что быть мне тут плохо. Но и без разрешения Того уйти тоже нельзя. Потому что никому не известно, какими тропами его ум ходит, куда повернет, что он выкинет в следующее мгновение.

Он позабыл обо мне.

Они оба позабыли обо мне.

Я был ни жив ни мертв.

Наверное, даже дыхание мое остановилось. Только глаза мои ходили туда-сюда, туда-сюда.

Наконец он увидел меня. Мне показалось, он удивился, не мог сразу сообразить, откуда я тут взялся? Потом, видно, вспомнил все. И на его лице я прочитал: «Пшел вон!» Не помню, сказал он это вслух или нет, но моя голова ушла в мое тело, и я очень осторожно открыл дверь и тихо-тихо вышел, как будто меня там и вовсе не было. Только на улице, когда холод ударил меня, я опомнился.

После этого меня переводчиком не брали. Я не знаю, что у них было там, в Колхозном доме.

Тот уехал.

Ровно через неделю после его отъезда Сэм-ики поехал в районный центр.

На оленях.

Один.

Без конвоя.

Такого еще не бывало. Говорили, что условились о встрече там, во владениях самого Нижнего духа.

Еще через неделю-другую Сэм-ики вернулся.

Ходили слухи, что Нижний дух зарекся его трогать и отпустил навсегда.

Так и вышло.

Сэм-ики до глубокой старости жил на своих угодьях на Ягурьяхе, и никто не тревожил его. Микулю, старшему сыну Демьяна, он крепко запомнился. В тот год, когда всех рыбаков отправили на промысел белой рыбы на Обь, они оказались на одной стоянке с семьей Сэм-ики. Старик очень сердился, если маленькие дети баловались с большой водой.

Но о чем он говорил с Кровавым Глазом наедине, не знали ни родные и близкие, ни жители Реки. Не знал никто. Это так и осталось тайной, покрытой мраком.

Он был заботливым отцом семейства.

В первую военную осень ближайшие к районному центру тромаганские ханты привели три отборных оленя. Их забили во внутреннем дворе рыбокомбината. И сразу из парного мяса вырабатывали консервы. Все знали — для Большого начальника, но вслух об этом не говорили. Война... Нужны продовольственные запасы. Мало ли что может случиться... А хантам было вменено в обязанность поставлять на консервы три хорошо упитанных оленя в каждую осень, по первому снегу.

Кроме этого, охотники поставляли ему песцовый и лисий мех на одеяла. Шкурки нашивались на атлас. Получались необыкновенно легкие и теплые одеяла. Царю такие не снились! Под ними тело прекрасно отдыхает после праведных трудов. И членам семьи — трем дочерям и сыну — тоже нужны такие одеяла. Зверей много, всем хватит. И охотников, остяков, хватает — вон как живучи, всех не переведешь...

И о жене позаботился, чтобы ни в чем нужды не знала: благородная у нее работа, она учительница. Она должна быть лучшей в районе. И поэтому, когда она давала открытые уроки, задолго до этого специальный домашний художник готовил ей наглядные материалы. Проведя урок, она школе преподносила в дар эти материалы. Жалко, что ли? Нет. Школа была очень довольна таким даром. Еще бы — ни один учитель не может похвастаться ничем подобным!

У него всё было лучше и больше, чем у других. У управляющего аптекой — одна домработница. У секретаря райкома — одна. У директора рыбокомбината — одна. А у него — две. Если сосед, управляющий аптекой, возьмет еще одну домработницу, то он пригласит третью. Впрочем, кому это взбрет в голову потягаться с ним? Разве что сумасшедшему?

Но таких в округе нет. Давно все признали его силу и власть.

А таким выездом, как у него, разве может кто похвалиться? Конечно нет. Конь со звездочкой на лбу и в белых чулках сначала во дворе делал стойку, затем вылетал за ворота. Коляска на рессорах мягко подкатывала к причалу на Черном Мысу. И жители райцентра, встречавшие первый пароход, расступались и низко кланялись ему и его семейству, восседавшим в коляске. Впрочем, особенным поклоном, предназначенным только ему, кланялись жители и во время праздничных демонстраций, когда он, стройный, подтянутый, в военной форме, щеголем прохаживался по трибуне. Разве такого, как он, найдешь в районе? Нет, конечно. И в соседних районах, пожалуй, не сыщешь такого красавца! Если у него была слабость, то лишь одна — форма. Форму он любил до самозабвения. Форму обожал. Без формы он не представлял свою жизнь. С формой никогда не расставался. Единственный, кто с ним не церемонился, — так это Мороз. В дальних командировках Мороз вынуждал его кутаться в меховые одежды. В кисах и кумыше он чувствовал себя беспомощным и неуклюжим. Поэтому как только добирался до места, тотчас все скидывал с себя, кроме формы.

Форма шла ему. Он знал это. А форму украшало оружие. И с оружием он тоже никогда не расставался. Руки постоянно поигрывали оружием во время допроса — перекидывал пистолет с ладони на ладонь, стучал рукояткой по столу, поглаживал, похлопывал.

Без формы и оружия он сам себе казался маленьким и ничтожным.

После, когда изобрел меховые одеяла из песка и лисы, к концу длительных командировок он начинал скучать по ним. Особенно если возникали непредвиденные задержки. Хотя не терял самообладания, но

становился раздражительным. По ночам грезилась тепло и уют «белоснежного песка». Так называл он свое любимое одеяло.

Маялся, маялся и наконец нашел выход — брал «песца» с собой. Благо одеяло легкое и всегда есть кому нести. Не надо ведь самому таскаться с вещами. Как это раньше не догадался!

А потом и в летние поездки стал возить с собой это одеяло, рядом с которым покойно вроде на душе. Ему казалось, что «белоснежный песец» согревал его стынувшее нутро. Ничто другое так не согревало его.

Песцы приходили со стороны тундры, с севера. Если на побережье Великого Океана наступал голод, снег покрывался толстой коркой льда, в поисках пищи они пускались на юг и добирались до самых черных урманов.

Бывало и такое, что песцы не показывались. В такие зимы им, видно, вольготно жилось на родине. Это его омрачало.

В песцовые же годы он довольно посмеивался.

Ведь каждый что-то ему должен.

Охотники — меха.

Оленеводы — оленей.

Рыбаки — белую обскую рыбу. Обожал строганину.

Шаманы — свои земные дни.

Все — должны ему.

Только он один никому и ничего не должен.

Нет, не должен.

Много лет спустя в городе, в районном центре, Микуль встретился с бывшим сослуживцем Большого начальника. Сослуживец, широкий в кости старик, когда услышит имя своего начальника, вздохнет и скажет:

— Ох, и попил он кровушки народной!..

Помолчит, по-стариковски кряхтя, закурит, оглядит Микуля с ног до головы, откашляется, потом заговорит:

— Почитай, двумя ногами в могиле стою. Так и быть, спрашивай... Скажу...

Немного помедлив, после паузы, Микуль спросит:

— Каким он был... на службе?

— На службе-то?.. Был очень выдержанный.

— Как это следует понимать?

Старик призадумается. Потом вскинет голову, его водянистые глаза странно заблестят. Пояснит:

— Помню вот, калмычку он допрашивал. В войну сюды калмыков сослали. Из ссыльных она. Молодая такая была. Он положил незаряженный пистолет на стол и начал допрос. Ходит по кабинету, сапогами скрипит. Допрос ведет. А калмычка в обморок падает. Беременная была. Ну, помощники водой обливают холодной, в чувство приводят. Он дальше допрашивает. Она опять в обморок. И так до утра. Всю ночь. Лицо его не дрогнуло ни разу. Будто из железа или стали. А утром он свеженький такой, будто не работал всю ночь. Крепкий он был, выдержанный.

— А пистолет почему незаряженный?

— Э-э, дело тут известное. Арестованный недалече от стола сидит или стоит. А он положит свое оружие на стол и ходит по кабинету или по камере, допрос ведет. Потом как будто забывает про оружие, отходит к окну или двери, спиной может повернуться. Коль арестованный шибко озлобленный, совсем к стенке приперли, хватить пистолет — и в него. Чак — осечка. Чак — осечка. Пистолет-то пустой. Конфуз вышел. А он хохочет. Любил пошутить... Опять же охранника проверяет, коль не услал и тот возле двери стоит. Особенно если это новенький. Предан ли? Надежен? Шу-

стрый охранник, бывало, успеваает уложить или поранить арестованного. А иной, коль начальник рядом, своей грудью прикрывал его. Это особо почиталось...

Микуль только головой покачает.

— Охранник не знал, пистолет заряженный или пустой. Бывало там один или два патрона. Для устрашения он выпустит пули в стену, в потолок или пол. Потом кладет на стол. Все видели, что пистолет заряженный — только что стрелял. Новички и попадались на этом.

— Какое у него образование было?

— Образование-то?.. Только церковноприходская школа, говорили. До революции еще учился, в каком-то уральском поселке или городке. Гордился, что сын рабочего, из пролетариев... Видно, так и было. Потому как на службу к себе шибко образованных не брал. По себе мерил, чтобы никого учнее его не было под рукой. Так-то вот.

— И с этой церковноприходской школой работал до конца?

Нет, он учился. К нему домой ходила учительница черномысовской школы. Учила его дома. Известная учительница. Только вот фамилию не припомню. Знал ведь...

И до какого уровня она довела его образование?

— Говорили, до уровня десятого класса. Он был очень старательным учеником. Если бы имел хорошее образование, он бы далеко пошел. Высоко бы взлетел.

— В деревнях он русских не трогал?

— И русским досталось. Но больше он шаманов брал.

— А ненцы?

— Ненцы-то?.. Ну, те быстро от своей веры отказались, перестали богу поклоняться, обряды разные перестали исполнять. На учебу, на всякие там курсы

охотно ехали. Не помню, не проходили у нас ненцы... А вот остяки — другое дело. Поди, по сей день сохранили священные места и шаманят? Помнят бога? Есть шаманы?

— Есть такое дело... — скажет Микуль.

— Видишь, верно чуял мой начальник — кого и где брать. Нюх у него был особый. Его не проведешь.

— В командировки по району один ездил? С переводчиком?

— Это когда как. Он разный был. Его трудно понять. То поедет и пустит впереди охранника и сзади охранника. Потребуется, чтобы и каюром непременно был партиец или комсомолец. И ночью чтобы охрана не смыкала глаз. И переводчик чтобы постоянно под рукой был... А то поедет и пять-шесть остяков привезет. Ну, которые шаманы. За раз. Один. Переводчика где-нибудь побьет и бросит. Вот такой он был... Нюх, я тебе скажу, у него звериный. И верхним чутьем тоже брал.

Микуль знал, что верхним чутьем обладают очень редкие собаки, которым на охоте нет цены. Поэтому он спросит:

— Что за верхнее чутье у него было?

— Это вот что такое. Там, вверху, в центре, разоблачили какой-нибудь блок, левый или правый. Или что-то еще тому подобное. Он тотчас же разыскивал нити заговора здесь, на месте, и разрывал их, обезвреживал.

— Какие нити? — удивится Микуль. — В такой-то глуши? При тех транспортных средствах и связи?!

— Он сам плел эти нити и сам же рубил их.

— Каким образом? Как?

— Как?.. Да способов много. Вот, к примеру, едет куда-то человек. Дают ему посылочку с просьбой, там-то передать тому-то. Ну, человек берет посылочку,

передает. А получатель сообразить ничего не успевает, как приходят за ним. Заводится дело под номером таким-то. В посылочке-то что? Литература разная, инструкции и другие антиправительственные и антипартийные бумаги. И оружие там может оказаться. Да все, что хочешь, о чем и вовсе не подумаешь...

— А если человек совсем непричастен?

— Хе-е, непричастен?.. Был непричастен — так будет причастен. Через два-три дня. А то и через несколько часов. Время-то суровое было. А человек он и есть человек, из мяса и костей. Поди, ведь не железный, не стальной. Признает все, что захочешь... По этой статье русские шли, помню...

Микуль вспомнит, что такую же историю рассказывал ему старейший учитель района Аркадий Степанович. Единственное, что спасло учителя, — это интуиция. Он почувствовал неладное и не взял посылку. Хотя потом и пришлось из-за этого держать ответ...

— На фронт он не просился?

— Кому умирать охота?! Поди, не дурак был. Хе-е, фронт?!

— Почему все-таки не попал на фронт?

— Почему?.. Трудно сказать... Во-первых, он службу держал безупречно. За-ради службы все готов был положить. Недаром от рядового оперуполномоченного до начальника дослужился. С церковноприходской школой. Учиться начал позже, когда уже начальником стал. Район давал фронту рыбу, мясо, пушнину, лес. Район крепко работал на фронт. А кто главный человек в районе? Он. Значит, он крепко работал на фронт. При нем в районе был полный порядок. Вышние начальники знали это. Пошлешь его на фронт, а вдруг в районе все разладится? Вдруг рыбы дадут меньше? Пушнины дадут меньше? Вдруг без него поднимут головы враги народа? Где найдешь более пре-

данного и надежного?! Стоит ли рисковать?.. Голова у него была, умен был. Все слышал, все знал. Всюду у него были глаза и уши. Превосходно знал жизнь района. Превосходно знал самые незначительные пружинки, двигавшие дела партийные, советские и хозяйственные. Ничего не скажешь, ценный человек для района, незаменимый. Как же его на фронт пошлешь?! Как же без него быть?! Как жить, наконец?! Опять же вышестоящее начальство свое умел хорошо встретить, а еще лучше — проводить. От этого, видно, тоже кое-что зависело. Умен был. Хитер был. Нюх тонкий был. Такого второго я в своей жизни не встречал. Видно, немало их в жизни. Немного их на нашей земле. Так, я полагаю. Верно ли я говорю?

— Наверное, немного их, — согласится Микуль.

— А на фронт-то?.. Кому умирать охота?! Поди, не дурак был!..

Действительно, кому охота умирать, если в тылу привольно жилось...

20

За вечер Демьян обошел многих родственников. Как он выражался, «чай пить заходил» — отдавал дань уважения Дому и его обитателям. Людей послушал, с друзьями потолковал, сам наговорился — об охоте, о своем житье-бытье рассказал. По древнему обычаю гостя без чая не отпускали. А пока чай пьешь — обо всем можно поговорить.

Ночевать же остановился в доме Курпелак Галактиона, в небольшой избушке на нижней окраине поселка. Вскоре после того, как почтовые дела перешли самолетам и вертолетам и Галактион остался без оленей, он перебрался в поселок. Еще совсем недавно, когда и у не-

го были олени, по первому снегу он ездил по борам и болотам — с собакой охотился на белок и глухарей. А зимой вместе с другими рыбаками ловил рыбу мордами и неводом: уперев конец костыля в пояс, он не хуже всякого орудовал пешней и саком¹. Теперь для охотхозяйства он колот и строгал жильник², плел морды, мастерил нарты и прочие деревянные поделки. Демьян чувствовал, как его душа, душа исконного охотника и рыбака, рвется в тайгу, рвется в светлое первозимье боров и болот, озер и протоков, в живописный Ягурьях, где он родился и где прожил большую часть своей жизни. Быть может, он, безоленный, и не выехал бы со своей реки и как-нибудь с помощью сородичей наладил бы там дела, если бы не дети. Их четверо. За ними нужен глаз, их нужно растить и воспитывать. Старшие сыновья, как и Демьяновы, учились в школе-интернате у Корнеева-старика, а младшие дочери дома сидели, цеплялись за мамин подол, поскольку мама всегда рядом, никуда не отлучается — в поселке нет работы для женщин, особенно для полуграмотных или совсем безграмотных жен охотников и рыбаков. Места уборщиц и посудомоек в школе и детском саду, в конторе промыслово-охотничьего хозяйства и в магазине, на почте и в медпункте давно заняты. После, когда закроют ферму серебристо-черных лисиц и голубых песцов, когда изведут небольшое стадо оставшихся от колхоза коров, женская половина поселка и вовсе останется ни с чем. Разве что по осени, в урожайные годы, станут спасать от вынужденного безделья кормилица-брусника и другие ягоды-грибы. Тогда и Аснэ, жена Курпелак Галактиона, отцепив дочерей от подола и препоручив их безноготому отцу,

¹ Сак — черпак из черемуховых прутьев для черпания льда.

² Жильник — сосновые планки, которые сплетаются для перепораживания реки.

с набирками-кузовками пустится по борам-болотам, чтобы в первую голову собрать ягоду на продажу, а после уже думать о припасах на долгую зиму...

Так и жил Курпелак Галактион со своей семьей в поселке, навсегда отлученный от родовых угодий в верховье Ягурьяха.

Демьян думал о нем с того мгновения, как возле бора-островка сыновья напомнили о преждевременном ушедшем человеке, об отце Курпелак Галактиона. И тонкая нить памяти потянулась с тех времен в сегодняшний день. И тогда же, быть может, подспудно, еще не осознавая, Демьян решил заночевать у Галактиона в доме, хотя в поселке жили и более близкие родственники. Но те обойдутся без него — на двух ногах стоят. А вот безногий Галактион, должно быть, рад каждому охотнику, который приезжает с лесных угодий и приносит с собой суровый дух таежных троп и урманов, суровый дух родной земли...

Демьян без стука открыл дверь — ведь по древнему обычаю предков гость не стучится в дверь: он всегда желанный человек в доме и его приход никогда не бывает некстати. Тем более что о появлении гостя предупреждает собака особым «гостевым голосом» — беззлобным лаем. Поэтому в хантыйские дома поселка Демьян не стучался, так входил. Русские дома — другое дело. На толстых дверных обивках он обычно с трудом отыскивал какую-нибудь дощечку и деликатно скребся — из уважения к обычаям другого народа. Коль у них так принято — чего же не постучаться, рука не отвалится. Теперь же он отворил дверь Галактионова дома и, чтобы впустить меньше холода, быстро юркнул вместе с сыновьями в освещенный электролампочкой проем. У порога он отряхнул снег с кисов, затем со всеми поздоровался за руку и лишь после этого опустился на край самодельных нар, где

лежала свернутая постель — старая оленья шкура, прикрытая саками и тряпьем.

Хозяин дома отложил аркан, за плетением которого его застали гости, кивнул хозяйке, мол, огонь надо оживить, люди с холода пришли. Но хозяйка Аснэ уже открыла дверцу железной печурки, ворохнула догравшие головешки и ало мерцавшие угли, подложила дрова. Затем она поставила на печурку медный чайник времен Белого царя.

— Ехлы?¹ — спросил Галактион, сочувственно глянув на съжившихся Микуля и Ювана.

— Иттыннамья ехлы нюл кыцанги их!² — ответил Демьян.

— Тэмия лув муртыл — тулэх яцыха и³, — как бы оправдывая морозы, сказал хозяин.

— Лувья лув муртыл⁴, — согласился Демьян.

Демьян взял аркан, что отложил хозяин, осмотрел, переложил с руки на руку, словно прикидывал, хорошо ли пойдет на оленя, спросил:

— Для кого плетешь?

— Да давно плести начал, для промхоза, — усмехнулся Галактион. — Теперь уж у промхоза оленей нет, некого ловить!..

— Ну, хорошая вещь хозяина найдет, — в раздумье проговорил Демьян. — У людей еще две-три головы остались, их чем-то ловить надо...

— Да, поди-ка, кто-нибудь возьмет, — сказал хозяин. — Враз все головы не кончатся...

Они перекинулись еще несколькими ничего не значащими словами, затем хозяин поднялся и, погромыхивая набалдашником костыля по гулким половицам,

¹ — Холодно?

² — К вечеру мороза клюв больше стал!

³ — Это-то его время — зиме середина пришла.

⁴ — Его-то его время.

вышел на улицу. Пока мужа не было, Аснэ, гремя посудой возле печурки, расспрашивала Демьяна об Ани-сье, о домашних детях, о других «женских» новостях.

Вскоре вернулся хозяин вместе с облаком морозного пара: с «деревянной ногой» не очень-то развернешься в дверях.

— Смотреть ходил, — сообщил он с улыбкой. — И вправду мороза клюв крепким стал!

— Мороз только тебя и не видел! — усмехнулась Аснэ, как следует прихлопнув дверь. — Вон сколько холода впустил!

— Я ему и показался, морозу-старикуну! — засмеялся муж.

Он остановился возле жены, у глухо гудевшей печурки, протянул к огню раскрытые ладони. Он был почти на полголовы выше жены и своей макушкой чуть не задевал матицу потолка. И сейчас, глядя на этих рослых, крепких людей — на Аснэ и Галактиона, — Демьян подумал, что вот жить бы им и радоваться жизни, растить детей. Так нет же, судьба распорядилась по-иному. Вначале-то все хорошо было. Рос Галактион здоровым и жизнерадостным мальчишкой, играл, носился со своими сверстниками, встал на свои две ноги. Оленей пас, на охоту начал ходить. И тут в семнадцать ли в восемнадцать лет свалила его неожиданно неведомая болезнь. Жестокая болезнь. Наступил день — и он потерял сознание, и омертвело тело. Как потом рассказывали, «заячьей шерстью его дыхание защищали» — ко рту подносили трепетно-невесомые шерстинки, по едва заметному колебанию которых узнавали, что «дыхание в нем еще есть», что он еще жив, хотя давно похолодели руки-ноги, похолодело все тело. Ждали неминуемого конца. Но он одолел болезнь и выжил. Вернулся с того света, из Нижнего мира. Только правую ногу свело в коленном

суставе, не разгибается и не сгибается, так и торчит омертвевшим сучком. С тех пор не выпускает из рук самодельный костыль...

Мудры старинные люди, размышлял Демьян о Степане-старике, отце Галактиона. В дальних землях, на самой Оби, среди многих девушек незнакомого сира он нашел и сосватал для сына именно такую, которая не побоялась народить детей безногому мужу и поддерживать огонь в его очаге. Должно быть, вдвоевтрое труднее участь хранительницы очага в доме, где хозяин на одной ноге...

Между тем Аснэ налила гостям чай и сказала нараспев:

— Чай пейте, гости!

Юван и Микуль нажимали на единственное кушанье — хлеб с сахаром. Посреди стола находилась тарелочка с сахаром-песком, куда «макали» кусок хлеба. Демьян же больше обрадовался чаю. Внутренняя жажда-боль все не проходила, и теперь он с надеждой на облегчение накинута на крепкий напиток охотничьего сира. Чай наливал в блюдце осторожно, не спеша, чтобы ни одна капля не упала на соскобленный до желтизны стол. И пил тоже медленно, степенно, подерживая неторопливый разговор с хозяевами Дома. Как он и полагал, хозяйина интересовала лесная жизнь, лесные новости. И он подробно рассказывал, где какого зверя добыл, где напал на его след, сколько дней гонялся за ним, где нагонял его и где упустил. Какая при этом была погода, с какой стороны дул ветер, с какой силой дул и когда перестал. Если преследуешь чуткую лису, то ветер играет большую роль. Особенно «шум треснувшей ветки, приглушающий ветерок». Без такого ветерка, считай, удачи не видать.

Демьян называл поименно реки и речушки, боры и болота, озера и урманы, поскольку хозяин, будучи

почтовым человеком, хорошо изучил многие земли-воды по главной Реке. Если он что-то не знал в глубине урманов и болот и переспрашивал, то Демьян объяснял, на каком притоке той или иной реки, возле какого озера или болота.

После гостей хозяева попили вечерний чай. Затем Аснэ убрала посуду и уложила спать дочерей Нину и Аринэ, а сама взялась за шитье. Шила кому-то малицу.

— Ну, у нас по лесной жизни только сердце ноет, — сказала она, низко наклонившись над шитьем. — Все там под рукой — черемуха-брусника, вода-дрова, рыба-зверь...

Муж Галактион толк в ступке «поджаренную» махорку вперемешку с пеплом трутовика, готовил себе табак. Он оторвал глаза от ступки и, взглянув на жену, сухо прервал ее:

— А, напрасно!.. Нечего об этом!..

Жена будто не слышала его, продолжала грустно:

— В первые годы, как в поселок переехали, так хоть на охоту ездил. Осенью на белок, весной на уток. А теперь совсем перестал. Оленей нету — так куда без оленей?!

— Тут хоть сыны по хозяйству помогают, — вставил слово муж. — После уроков прибегают.

— Верно, хоть дети под рукой, — согласилась жена. — Старший-то, Иван-то, поди, не доучится в школе. Тяжело без него в доме-то. И отец наш теперь без оленей при одной своей ноге остался...

— Ладно, хватит, — махнул рукой Галактион и перевел разговор на другое — гостей надо послушать.

И снова ожила неторопливая беседа о лесной жизни. Но Демьян не забывал при этом и о поселковой жизни: к месту вставлял вопросы, о людях расспрашивал. Ведь он поедет домой, и все встречные

будут у него справляться: «Как там в поселке народ поживает? Кто родился, кто помер? Нет ли тяжело-болеющих?»

Между тем время пролетело незаметно. Трижды мигнула лампочка под потолком. Это сигнал солидно именуемой «станции»: скоро одиннадцать — и дизель заглохнет до утра. Ночью поселок в полной темноте дремлет.

— А-а, вечер далеко ушел, — сказал Галактион, глянув на лампочку. — Станция спать хочет. Лампу можно разыскать... Где-то у нас керосиновая лампа была.

— Лампа-то есть, только керосина нет. На улице надо искать, — подала голос Аснэ.

— Да нам тоже пора спать, — сказал Демьян. — Завтра много дел. Домой надо спешить. Меня там гости ждут — искатели горячей воды...

— От таких гостей надо подальше держаться, — заметил Галактион. — Слышал я о них кое-что. Подальше надо.

— Деваться-то некуда, — усмехнулся Демьян. — На одной земле живем.

— На одной... — согласился Галактион. — Это верно.

— Как-нибудь поладим. Ведь люди они, человеки...

— Н-да, человеки-то человеки... — неопределенно протянул Курпелак Галактион, проведя ладонью по гладкой рукоятке костыля. — Н-да, все вроде бы правильно...

На этом разговор приостановился. Хозяева принялись сооружать постель для гостей, Демьян помогал им. Постелили на полу шкуру и старые телогрейки, вместо подушек какие-то мешочки с рукодельем и тряпьем. Лежанка получилась вполне приличная, решил Демьян. В доме, не под небом.

Он уложил сыновей — старшего с краю, младшего в серединку, чтобы не замерз, — накрыл их пальтишками, а сверху малицей. По словам хозяев, ночью, когда печурка прогорает, в избушке бывает довольно холодно. В интернате, конечно, теплее. Там в каждой комнате большая печь из красного кирпича. Да разве согреешь детей только печным теплом?! Еще засветло сбегали в интернат, отпросились на ночевку к отцу. Соскучились. И отец тоже соскучился. Что там скрывать.

Погасла лампочка под низким потолком. Но темнота не мешала разговору, что вели между собой гость и хозяин. Просто голоса стали тише, чтобы не мешать спавшим.

После, когда нить разговора ослабла и Демьян почувствовал возвращающуюся к нему утреннюю жажду-боль, которая притуплялась и утихала во время беседы с людьми, он попросил хозяина:

— Может, какую сказку найдешь? Зимняя ночь длинная...

— Сказку? — тотчас же откликнулся Курпелак Галактион. — Это можно. Коль они есть — не жалко, цены на нее нет...

Как всякий хороший сказочник, у которого немалый запас в голове, он немного помолчал: перебирал в памяти сказки — какую рассказать. И, выбрав сказку, по обыкновению спросил, слышал ли кто эту сказку. Получив отрицательный ответ, он опять помолчал в раздумье, затем, прочищая горло, кашлянул раза два-три и особенным «сказочным голосом» — мягким и певучим — взял первое слово сказки.

Дом затих.

Дом слушал сказку.

За стенами потрескивал мороз. На дальних дворах изредка взлаивали собаки. Да вскрикивали, разрывая

темноту ночи, черно-бурые лисы на верхней окраине села. Затем снова все замирало и погружалось во тьму.

Селение слушало сказку.

И Микуль с Юваном слушали сказку. Но они не дослушали до конца. На середине сказки их одолел сон. И после, два десятилетия спустя, когда Микуль придет в поселок, он вспомнит про сказочника селения Курпелак Галактиона и, прихватив магнитофон, отправится на его поиски. Шагая по поселку, он пожалует, что раньше не разыскал старика. Все некогда было. Поездки в эти места всегда привязывались к Нефтереченску, что в двенадцати километрах отсюда. Всех интересовали только «первопроходцы», «первооткрыватели», «первостроители», неисчислимы богатства недр земли. Предпочтение отдавалось лишь работам с привкусом нефти и газа.

В верхнем конце селения Микуль увидит в темноте большой барак, отыщет нужную дверь, постучится. Ему откроют — и в уши ударит стон половиц. Он войдет, поздоровается. Помолчит, потом поговорит о том о сем. И наконец, спросит хозяина:

«Помнится, старый человек, у тебя много сказок было...»

«Какие там сказки... — вздохнет Курпелак Галактион, заерзав на краешке железной койки, придвинет к себе деревянный костыль, сведет на рукоятке побелевшие пальцы, глухо пояснит: — Ум мой опустошился, слова мои кончились. Какие там сказки... В этот страданий век...»

Одноногий хозяин снова тяжело вздохнет:

«Люди мои кончились — совсем разума лишился. Какие там сказки...»

«Как кончились?!» — невольно вырвется у Микуля.

А люди его уходили один за другим. И начали уходить в первые же дни Безумного Времени — Времени Нефти, Времени Газа, Времени дурной воды — водки.

Первым ушел старший сын Иван. Школу не закончил — работать начал в ПОХе. В середине лета утонул. На моторе ехал. Дурная вода взяла — водка. Милый Торым, хоть сирот не оставил, только вдову. Старший он и есть старший — кормильцем был, надеждой был. Его силой жили. Не стало кормильца, не стало надежды. Ничего не стало.

И Микуль вспомнит, как в школе малыши льнули к нему, к Ивану. Он охотно играл с ними в «Пастухов и оленей», в «Охотников», в «Зимнюю почту». И Микуля, когда его привезли в интернат, взял он под свою опеку. И тот вместе с другими мальчишками бегал за неистощимым на всякие выдумки и забавы кумиром, на добродушно-озорном лице которого всегда светились веселые веснушки — словно кто-то щедрой горстью осыпал его. И эту горсть веснушек преждевременно взяла дурная вода...

Жена Аснэ ушла в середине зимы. На улице свалилась. Только утром хватились — все в доме были без ума. От дурной воды. Хранительница очага ушла. Мать детей ушла.

Так в доме огонь очага погас.

Помнится, когда после занятий Микуль с ее сыновьями приходил к ним, она обычно подтрунивала над мальчиком. Мол, возьми меня в свахи: самую умную и работающую невесту тебе сосватаю — бабушку Анну.

Вон какая проворная да быстрая, в поселке, мол, нет лучше невесты!.. Ух, а этой невесте-то, наверное, все сто лет! Самая древняя бабушка поселка. Голова белая, как первый снег. А лицо с множеством линий и складок напоминает «портрет Земли» на школьной карте. Такая вот невеста!.. Микуль краснел, бледнел, но молчал. Позже он узнал, что всем малым детям выбирают таких «невест» и «женихов» с белыми головами и посохами, чтобы они прожили такую же долгую жизнь, как и эти бабушки-невесты и дедушки-женихи.

«В те годы еще помнили об обычаях и приметах своего народа», — подумает Микуль.

После Аснэ ушла невестка, жена младшего сына Енко. Ее тоже взяла дурная вода на реке. Мальчонку сиротой оставила.

Енко привез ее с соседней Реки. И Микуль ни разу не видел ее. Как-то, будучи здесь проездом, слышал, что она собирает экспонаты прикладного искусства ханты на ВДНХ, к какому-то юбилею или празднику. Того была новость для жителей Реки! Оказывается, орнаменты, одежда из меха и ровдуги¹, кузовки из бересты и корня, резьба по дереву и кости представляют интерес для самой Москвы!.. Она заведовала клубом. И сама, возможно, была искусной рукодельницей и мастерицей.

Через год-другой и мальчонки-внука не стало. Его убила машина на дороге между Нефтереченском и поселком. Из школы на выходные ехал. В поселке-то школы до сих пор нет.

¹ Ровдуга — замша из оленьей или лосиной шкуры.

Автобус свалился в кювет, на бок. В нем остался лишь мальчонка, внук Курпелак Галактиона. Его правую руку прищемило бортом, и он, насмерть перепуганный, тихо постанывал. «Сейчас вытащим, — сказали ему хозяева, ехавшие навеселе милиционеры и водитель, — потерпи немного». Тросом зацепили автобус — встречная машина приподняла его. Но тут конец троса сорвался — мальчонка вывалился в окно и попал под автобус. После отец Енко потребовал расследования дела. Его гоняли из одной инстанции в другую, из другой — в третью. Так прошли месяцы, годы. Так он и не нашел концов. Никто не заинтересовался, что же произошло на машинной дороге и кто за это должен держать ответ.

И Енко запил. Крепко запил. И управляющий отделением госпромхоза выгнал его с работы.

К этому времени старшая из дочерей, Нина, закончила школу, но работу в поселке не нашла. Уехала, а потом в дом отца вернулась с дочкой-малюткой. Тогда матери-одиночке выхлопотали место сторожихи на электростанции. А через год прямо в поселке, недалеко от дома, на нее наехал развеселый водитель грузовика из Нефтереченска, и увезли ее в город. После пришла бумага: старшая не может ходить — неизлечимо поврежден позвоночник. Из больницы отвезли ее в дом инвалидов. «Человека нет», — поняли люди. Многие посочувствовали горю Безногого Галактиона, а вскоре позабыли о нем, ибо каждую семью зацепило что-то подобное. А своя боль оттесняет чужую.

Средняя Аринэ нянчила дочку покалеченной сестры. И остались они втроем в старом бараке. Хозяин начал считать дни до своей двадцатишестирублевой, как он называет, «пенсии за ногу». Точнее — пособия. На пенсию же не оформляют — не хватает стажа

работы, объясняют ему. Правда, добрые люди, хорошо знающие русский язык и грамоту, обещают хлопотать для внучки на жизнь какие-то деньги. Но там требуется много всяких бумаг-справок, а «машина, делающая эти бумаги», медленно разворачивается. Чего уж там — за тяжкую жизнь его приучили ждать... Он заставлял себя жить ожиданием, но веры не было. Ни во что. Ни в кого. И в эти дни безверия постучится к нему Микуль и спросит о сказке. И он ответит:

«Голова моя кончилась... Люди мои кончились...»

И, быть может, пожалеет, что много лет назад Коска Малый не дал Кровавому Глазу пристрелить его, Галакатиона, на ягурьяхском льду. Тогда бы он ничего не знал о своих близких — кто утонул, кто замерз, кто машиной раздавлен...

Микуль, обводя взглядом жильё старика, вспомнит разговор с водителем вахтовки, на которой из нефтереченского аэропорта добирался до родной деревушки.

«Давно на Севере?» — поинтересовался Микуль.

«Три года», — ответил водитель.

«Нравится?»

«Ничего, жить можно...»

«Не собираетесь уезжать?»

«Не знаю... Может, уеду. В январе срок договора истекает...»

«Что так быстро?»

«Там, — водитель кивнул в сторону запада. — Там я уже дом построил. Дом, машина...»

«Сколько выходит в месяц?»

«Шестьсот пятьдесят — семьсот».

«Мало? Много?»

Водитель хмыкнул, с удивлением взглянул на пассажира, пояснил:

«Раньше, когда приехал, зарабатывал до тысячи двухсот рублей в месяц»¹.

Помолчал немного, потом добавил:

«Теперь не то...»

«Не то!..» — согласился Микуль и замолк.

Он знал, что коренному жителю без специальности, чтобы заработать эту тысячу, понадобится год или два. А некоторым и того больше. Под напором геологов и нефтяников поселок постепенно придет в упадок. Сначала хозяйство лишится трех оленьих стад, затем коров и лошадей. Без удобрений зачахнет овощеводство. По причине загрязнения рек-озер и неразумной вырубке лесов пойдут на убыль зверь и рыба. Это вынудит закрыть ферму черно-бурых лисиц и голубых песцов.

И все женщины поселка останутся без работы².

Закроется аэроплощадка для самолетов, а пассажирские суда начнут ездить только до Нефтереченска.

Геологи переведут к себе школу-интернат. И поселок охотников-рыбаков с приписанным населением в 481 человек — 317 хантов, 129 ненцев, школьников — 131, дошкольников — 60 — останется без школы-интерната³. Жители начнут стучаться во многие инстанции, но — все тщетно.

Тут все взаимосвязано. Одна потеря вызовет другую, другая — третью, третья — четвертую... И так пойдет по цепочке. Живи как хочешь...

Все это припомнится Микулью в старом бараке, когда услышит стон половиц под костьюем бывшего

¹ Разговор состоялся 17 августа 1984 года в Нижневартовском районе.

² На 1 июня 1983 года по Н-скому району на каждого трудоспособного коренного жителя приходилось в среднем по 26 рублей в месяц.

³ По данным на 1 января 1983 года.

сказочника и бывшего почтового человека Сардакова Галактиона.

Все это будет позже, спустя двадцать лет, когда по соседству, в двенадцати километрах вниз по реке, вырастет Нефтереченск и геологи и нефтяники широким фронтом пойдут на Север, по несколько раз прошупывая каждую пядь таежной земли...

...Сейчас же Курпелак Галактион вел сказку. Вел не спеша, со знанием своего дела. С паузами, с остановками. С обращением к слушателям. Демьян, как и полагается, вставлял слова «так-так», «вот-вот», «так говори», «ух, ты!». Переспрашивал, уточнял детали. А Микуль заснул с мучительным желанием дослушать сказку и записать ее, чтобы и другие могли войти в удивительный мир сказочника Галактиона.

Хозяин неторопливо вел сказку. А сказка вела за собой людей. И казалось, двигалась избушка, за ней — все селение, а за селением — вся Река. А в голове этого аргиша — сказочник, Степана-старика безногий сын Галактион.

За стенами все сильнее потрескивал мороз.

А сказка согревала. Сказка была о трудной любви со счастливым концом. И под впечатлением сказки у Демьяна живо всплыло воспоминание, ощутил то состояние счастья, которое испытал в те мгновения, когда был рядом с изумительно волнующей девушкой Мариной...

21

Шел дождь. И так же ровно и неспешно, как и мелко сеющий дождь, струился их говор.

— В лесу-то, наверное, скучно? — спросила девушка.

— Жизнь-то? — уточнил Демьян.

— И жизнь, и вообще...

— Не-ет, в поселке скучнее, в поселке хуже. Все так считают, кто на угодиях в своих селениях живет.

— Отчего так?..

— Там некогда скучать. Там все время что-то надо делать для жизни. А если не станешь делать, так в лесу никак не проживешь.

— Так много работы?

— Может, не работы, а дел. Много дел.

— Какие же это дела?

— А все разные дела. Весенние, например. Потом — летние. Осенние. Зимние. У каждого времени года свои дела...

Ну, охота-рыбалка и выпас оленей — это само собой, — сказал Демьян после паузы. — Это почти круглый год. Что еще?.. Весной обласа и лодки делают. Для лета. В это же время охота на гусей и уток. Летом рыбалка. Глину для чувалов и печей запасают. Бересту и корень кедра заготавливают. Берестой крыши кроют, а корень — для плетения. На разные инструменты делают заготовки из кедра, сосны, елки, березы, черемухи. Почти все породы деревьев нужны. Под осень люди за нарты принимаются, морды и жильники плетут. Места для зимних запоров на речушках от коряг и водорослей очищают. После, когда комар пойдет на убыль, новые дома и амбары начинают строить или старые подновляют. А зима наступит — там и вовсе некогда вздохнуть. Дни короткие — самое время охоты. Затемно выходишь из дома, а обратно поворачиваешь, когда мушку ружья «теряешь». Уже в темноте домой идешь... Это дела мужские. Но у женщины не меньше дел, чем у мужчины. Может быть, и больше. На ней весь дом, вся одежда и обувь, да еще дети. Про дом, где не стало женщины-хозяйки, скажут: «Очага

огонь погас». Недаром, видно, так говорят. Все в доме на женщине держится. Много дел у людей, живущих в своих лесных селениях. Есть еще дела утренние, дневные, вечерние, — закончил Демьян свой рассказ. — Нет времени на скуку.

— А в поселке чем хуже? Ведь жизнь легче, меньше забот...

— Нет, в больших поселках и городах наш народ еще не научился жить.

— Не научился жить?! Разве умение нужно?..

— Конечно. В лесу, в своем селении человек каждый день что-то делает. У него дело есть. А в поселке этого дела не будет. Отработает на работе, придет домой, а делать нечего.

— Вот и хорошо: свободного времени больше, для отдыха.

— Э-э, нельзя ему в поселке свободное время давать, — уверенно сказал Демьян, прислушиваясь к шуму дождя. — Не привык наш народ ничего не делать...

— Почему же нельзя?

— Если ему нечего делать — он вино и водку пить начинает. Магазин рядом — всегда есть водка и вино. Начинает пить, а потом совсем пропадает... Если ему не на что купить, так он идет в дом, где пьют, — к соседу, к родственнику, к кому угодно. Всегда нальют — так принято.

— Откуда это знаешь?

— Вижу. Поселок-то небольшой — мы все друг друга хорошо видим. Всем известно, кто как живет.

— Но ведь они и в поселке могут что-то делать? В свободное время...

— А что делать? Нарты и обласа там не нужны. Морды и другие снасти — тоже не надобны.

— На рыбалку и охоту могут ходить?

— А куда? Угодий-то рядом нет. Если после работы — так близко все должно быть... И потом — те, кто долго в поселке живет, охотничьи навыки и сноровку утрачивают. Интерес к лесу и к лесным промыслам у них пропадает...

— Да... — задумчиво протянула девушка.

А дождь все накрапывал. И они помолчали, в раздумье прислушиваясь к тихому говору неба.

— А праздники какие отмечают? — спросила девушка. — Скажем, вот Новый год...

— Новый год в лесу не празднуют, — сказал Демьян. — По-моему, неправильным праздником считается.

— Почему неправильный? — удивилась девушка.

— Вот сказать: в поселке во всех домах в праздник елки стоят?

— Наверное. Почти во всех.

— И в городе — тоже?

— И в городах.

— И везде — елки Нового года?

— Елки...

— А теперь подумать: по всей земле надо ли ради одного дня столько живых деревьев убивать, а?! Надо ли?!

— Да... — неопределенно протянула девушка. — Подумать нужно...

— Люди считают: не надо! — сказал Демьян. — Думаю, они правы. Как-то после новогоднего праздника в поселок приехал. Почти возле каждого дома елки валяются. Обломанные, с осыпавшейся хвоей, как скелеты. Мертвые... Тогда и подумал: может, ни к чему столько деревьев губить ради одного-то дня?!

— Но ведь праздник надо как-то украсить?

— Надо, конечно. Но разумно нужно делать. Вот у нас у каждого рода имеются в лесу Священные Деревья. Это на Священных Борах, на Священных Хол-

мах. Люди приходят туда, разными тканями и шкурами зверей украшают их. Дерево не погибает, Дерево много-много лет живет.

— Но это же религиозный праздник, поклонение богу!

— Поклонение? Это как посмотреть, каким словом все называть... — проговорил Демьян. — Обряды-то одинаковые. Старики наши как рассуждают: у вас — елка, у нас — Священное Дерево. Вы — наряжаете, мы — тоже. Вы желаете счастья, здоровья, веселья, мы тоже просим здоровья и удачи. Одинаково все получается, лишь разными словами праздник называем. Если бог есть, то он и вашу елку, и наше Священное Дерево видит. А если нет его, то он ни то ни другое не может видеть. Так? Одна только разница есть: вы поклоняетесь мертвой, срубленной елке, а мы — живому дереву. Живому человеку все-таки ближе живое дерево, нежели мертвое. Вот старики и говорят: после вашего поклонения дерево погибает бессмысленно, а после нашего поклонения продолжает жить. Жизнь в нем живет. Разумно? Правы они?

— Много еще неразумного в нашей жизни, — сказала девушка. — И каждый, наверное, по-своему прав.

Костер прогорел. Демьян встал, подбросил дрова. Мокрые ветви зашипели на углях и густо задымили. Комарам не по нутру, подумал он. Хороший дым.

— А день рождения отмечают? — спросила девушка.

— Только детям. До трех-четырёх лет. Кто до пяти-шести.

— А потом?

— Потом напрочь забывают про день рождения.

— А возраст как узнавали?

— Есть несколько способов. Например, считали, сколько лет прошло с того или иного события. Много

таких событий происходило, которые вся Река помнит. Скажем, Год Большой Воды, Год Появления Красных, Год Лесных Пожаров и так далее. Выясняли, в какой Год человек родился. Другой способ — это сравнение. На сколько лет один моложе или старше другого. Вот так и узнавали возраст человека.

— А взрослым почему же не отмечали?

— Наверное, не деликатно каждый год напоминать человеку, что он все ближе к старости, ближе к концу жизни. Какой же это праздник? Особенно для пожилых.

— В этом есть резон, — улыбнулась девушка. — Остановиться на восемнадцати-двадцати, а дальше — вечная молодость!.. Не надо ничего считать.

— Так, — кивнул Демьян. — Зачем считать?

— Получается, что праздников совсем немного было?

— Нет-нет. В старину, рассказывают, много было. Сейчас с каждым годом все меньше и меньше.

— Какие еще праздники были у твоего народа?

— Самый большой и веселый — это Пляска Медведя. В нашем селении часто Медведя плясали, Медведь у нас частым гостем был. Мой отец низводил. Потом дядя Василь, мой крестный Ефрем-старец и многие мои родные и родовые братья...

— А кто главный на празднике — шаман, наверное?!

— Шаман — придумают тоже! — фыркнул Демьян. — У шамана совсем другие дела. Если он не знает песни-мифы, здесь ему делать нечего. Может, конечно, быть тут как все, как гость.

— Кто же главный?

— Главный человек Пляски Медведя — это певец.

— А много их, певцов-то?

— Петь-то все поют, да не всякая песня годится для Пляски Медведя. Тут нужны специальные мифы.

Каждый со своим мотивом-напевом. Особым мифическим голосом поются. Есть и певцы такие. Большие певцы... И в нашем роду есть певцы. Это Ефим Андреевич, мой родовой брат. Все его Седым кличут. Певец. И отец его, Андрей-старик, тоже певец. Я видел их на празднике, в детстве еще. Два-три дня могут подряд петь — и все не кончаются у них мифы. Мы уже проехали их селение. Ниже от них по течению Иван Петрович живет. Гордая Трубка — так его вся Река зовет. Вечно с трубкой — что бы ни делал. Мой родовой дядя. Тоже большой певец. И вовсе они не шаманы. Это я точно знаю. А в нашем селении мой крестный Ефрем-старец поет. Тоже все мифы Медвежьего праздника знает. В следующем селении Лейков Иосиф живет — тоже из нашего рода, хотя фамилии у нас разные. На правом берегу будет длинный песчаный яр, на яру том ягель да сосны. Хороший такой бор. Там у них Весенне-Осеннее Селение и оленник. А напротив, через реку, широкий и белый-белый песок — на нем их Летнее Селение. Просторный деревянный дом с тесовой кровлей смотрит на реку. Никак мимо не проедешь — там, наверное, чай попьем, все увидим. Так вот Лейков Иосиф тоже певец. Как у нас говорят, «горло у него очень хорошее». Запоет — уснуть можно. Другого певца с таким голосом ни разу не видел. Выходит, он — один на всю Реку. Дальше, чуть ниже устья Вать-Егана, правого притока Реки, селение братьев Епи да Кочп-ики. Также певцы и мои сородичи.

— Выходит, что всю Реку занимает ваш род? Что-то много сородичей! — удивилась девушка. — Всю реку захватили...

— Мы не захватывали, а жили тут, — сказал Демьян. — И не на всей Реке, а только на Среднем течении.

Он помолчал немного, а потом согласился, что его род и вправду, пожалуй, самый многочисленный на Реке. Делится на две большие ветви — это «болотные люди» и «речные люди». Его селение относится к болотной ветви, а остальные — к речной. Это все те, кто в старину жил на устье Вать-Егана. Их тут и зовут — «Усть-Вать-Еганские люди». Они больше занимались рыбной ловлей, а болотные — оленями.

— А певцы у каждого рода есть, — размышлял Демьян. — Дальше вниз по реке селение Мохтик-Еганских людей. Сир Лося. Живет там большой певец Покачев Григорий-старик. Один Медведя может плясать — столько мифов в его голове... А о многих знаменитых певцах только память осталась. По словам людей, одним из таких чудных певцов был Нёрм-ики, отец почтового человека Галактиона. Его русское имя было Степан-старик. Немногие из молодых слышали его песни — он преждевременно землю оставил...

После Демьян вспомнил про сруб, куда собирают все медвежьи кости. Все до единой. Сруб сооружают из бревнышек чуть выше человеческого роста от земли, чтобы не добрались хвостатые и другие звери. Верх закрывают накатом из бревнышек. На них после праздника укладывают «вещи Медведя» — куженьки, речки «Его дома», маски, посошки и так далее. Стоит сруб на одной или двух ножках. Обычно для этого выбирают крепкое дерево и ствол спиливают на нужной высоте. Ладно все делают.

— Я много слышала про праздник Медведя, — сказала девушка. — Но ни разу не видела. Как все проходит?

— Э-э, да словами невозможно сказать, — проговорил Демьян. — Это самому надо увидеть и услышать. Хоть раз в жизни. А словами все можно испортить, не так сказать.

— А все же?.. — настаивала девушка. — Интересно ведь!..

Демьян поправил костер, потом, выпрямившись, оглядел низкое хмурое небо и, словно убедившись, что дождь кончится не скоро и спешить некуда, начал рассказ о Пляске Медведя. Обряд начинается с того мгновения, как только зверя низвели. С того, как ему «расстегивают» пуговицы на шубе, как «снимают» шубу. Потом его везут в селение. Подъезжая к домам, останавливаются и делают пять выстрелов. Если это Она — четыре выстрела. Это предупреждают жителей, чтобы они подготовились к встрече Чернолицего Гостя, чтобы быстро обувались. Ни в коем случае нельзя показывать ему голые ноги. Привезли. Встречать на пристань выходит все селение. Здравуются с ним, целуют его в нос. Потом кого-нибудь могут обрызгать или облить водой. Кто-то с кем-то поборется, силой померяется. Это чтобы повеселить Его, поразвлечь. Потом, когда охотники отдохнут и приготовят берестяные маски, посошки, зарубочный прямоугольный брусок из кедра, реечки для медвежьего «дома», Его вводят в дом хозяина-охотника. Не через дверь, а через потолочное отверстие. Это считается самым чистым входом. Все должно быть очень чисто. Его приветствуют троекратным криком: «Човьё-човьё!» Что это означает? Нет перевода. Наверное, какое-то древнее заклинание. Установили Его. Что именно? Голова, передние лапы, а позади в куженьке, прикрытой шкурой и одеждами, сердце, позвоночник и другие основные части. Все это называется иносказательно, другими словами. Если не знаешь этого языка, ничего не поймешь. Скажем, рядом с Его именем нельзя ставить слово «собака», чтобы не унижить Его достоинство, поэтому о ней скажут «хвостатая». Потом Ему дом делают. Вдоль левого и правого бока втыкают в нары по

пять реечек, в них горизонтально вплетают еще по пять реечек. Получаются стенки с крупными ячейками. Дом готов. Если Она — тогда берется по четыре реечки на каждую сторону. Возле правой лапы ореховое дерево ставится — небольшой кедрик высотой до пояса взрослого человека, чуть выше стенок Его дома. На ствол кедрика привязывают один конец тесьмы, на которой колокольчик для сопровождения песен. Спереди, вплотную к кончику носа, острием вверх втыкается палочка, напоминающая наконечник стрелы. Справа «печь» и «кочерга» — из дерева. Тут же огниво и кремь. Это уже настоящие. «Расческа» деревянная. На «звезды», или глаза, накладывают две большие пуговицы из серебристого металла. Они светятся — будто он смотрит и все видит. Их тут же накрывают кепкой. Если Она — краем платка, а лапы украшают кольцами, бусами и цепочками. Говорят, Она любит красивые наряды. Перед Ним столик ставят. На столике кружка с чаем и три небольшие куженьки с едой. У куженок все четыре угла согнуты и пришиты в одну сторону, вправо, «по солнцу».

Его ввели в дом. Установили. И тут начинается главная часть праздника. Лучший певец, обычно старец, человек уважаемый, Медведя будит — подыгрывая себе колокольчиком, исполняет миф «Кьингем-Еингем». На голову надевает берестяную маску, на колени кладет посошок. Миф длинный — поется минут сорок. К концу, когда певец дойдет до слов «левую звезду открой, правую звезду открой», кепка отодвигается — он проснулся. Хозяин-охотник огнивом и кремнем стучит — огонь в печи разводит, кочергой поправляет угли. Все это будто он сам делает, то есть Медведь. Потом хозяин-охотник Его деревянной расческой причесывает Ему голову и лапы, прихорашивает Его. После этого все здороваются с Ним — целуют Его в нос или в лапы.

Маленьких детей подносят на руках. Теперь хозяин берет чашку с водой и по солнцу делает три круга по дому, со словами «човьё-човьё» брызгает воду на стены и людей. Остаток воды он выливает на какого-нибудь молодого охотника. И они тут же начинают бороться. Если хозяин победит, его тотчас же должен схватить другой соперник. Коли этот не справится, в борьбу вступает третий. Считается, что хозяина обязательно нужно одолеть. Старики обычно говорят, ободряя борцов: «Хозяина рядом с его Медведем положите!» В конце концов без передышки хозяин устает, и кто-нибудь кладет его на лопатки. Тут начинаются разные игры и шутки. Могут неожиданно облить или обрызгать водой. При этом нельзя обижаться или ругаться. Такие неожиданности допускаются между теми, у кого «шутливые», что ли, отношения: между свояками и свояченицами, между снохами и деверьями, младшими братьями мужа. А между теми, кто соблюдает обряд избегания, шутки недопустимы даже на Пляске Медведя. Кто именно? Это между свекром и невестками, между тещей и зятьями, между снохами и старшими братьями мужа, между тестем и зятьями. Тут все должно быть в рамках приличия. Поиграли, пошутили, повеселили Медведя. В дом входит певец в берестяной маске, в рукавицах, с посошком в руках. Здравоватся: «Пэча-пэча!» Потом спрашивает:

«Что за дом? Куда вы собрались, люди?»

Ему отвечают:

«Это Медведя дом. Мы сюда съехались-собрались».

«А-а, Медведя дом, так скажите. В такой, оказывается, дом я пришел».

«Может быть, у тебя есть мифы-песни?» — спрашивают его.

«А-а, немного у меня есть, — отвечает он. — Что, они вам нужны?»

«Да-да, — говорят ему. — Может быть, какой миф вспомнишь?»

«Что же, если нужны мифы-песни, вспомнил тут один, начну».

И он становится или садится перед Медведем, еще раз здоровается «пэча-пэча» и начинает петь. При этом водит головой в маске влево и вправо, словно неспешно оглядывая дом, посылает песню в разные стороны, в дальние дали, каждому человеку. Все сидят, внимательно слушают. Когда песня кончается, певец говорит: «Шен тоты нгенты». Что означают эти слова?.. Нет перевода. Видно, тоже очень древние слова. Наверное, о том, что песня закончена, песня исполнена. Каждый миф начинается словами «пэча-пэча» и завершается «шен тоты нгенты». После этого исполняются еще два обязательных мифа, а потом пойдут разные коротенькие мифы-песни, танцы и сценки. Кто во что горазд. Могут и дети спеть, станцевать, разыграть сценку. Тут и борьба, и игры, и шутки. Обычно высмеивают жадность, лень, трусость и другие пороки людей. Иногда присутствующих задевают. Сердиться нельзя — все это как бы от имени Медведя делается. Не станешь же обиду на Медведя держать?..

Все это продолжается до тех пор, пока не устанут певцы. Теперь нужен перерыв. Один из певцов усыпляет Медведя — с колокольчиком исполняет «Кьингем-Еингем». На словах «левую звезду закрой, правую звезду закрой», ему на глаза надвигается кепка — он уснул. Закончился первый условный день Пляски Медведя. Певцы отдыхают — чай пьют, трубки раскуривают, своими мелкими делами занимаются.

На первых двух вертикальных речках Его дома откальвается кусок между двумя зарубками сверху. Так «снимают» прошедший день. Справа от Него обычно лежит «зарубочный брусок». На четырех ребрах брус-

ка зарубками отмечается каждый номер празднества, а на четырех гранях вырезаются разные интересные предметы — луки, стрелы, орнаменты, наконечники стрел, а также непонятные и таинственные линии и знаки. Каждые четыре десятка отделяются от следующих нарезками по плоскостям бруска. Для того, наверное, чтобы удобнее было считать мифы-песни.

Еду, что была у Медведя, убирают и съедают. Обычно дети любят пищу с Медвежьего стола. Удачу, что ли, приносит. На второй день ставят свежий чай и другую еду.

Когда все отдохнут, певец с колокольчиком будит Медведя. Начинается второй день Его празднества. Идут в основном такие же короткие мифы-песни, сценки, игра на музыкальных инструментах, танцы и борьба, что и в первый день. Потом приходит третий условный день. Чем дальше — тем мифы сложнее, что ли. Может быть, серьезнее. Сначала певцы переходят на мифы Урманых Богов. Это местные Боги. На каждой реке, на землях каждого рода остались места, где когда-то жили Урманые Боги. Потом певцы исполняют мифы Региональных и Верховных Богов. Это главные мифы. Это священные мифы. Это обязательные мифы. Если нет певца, который знает их от начала до конца, Пляска Медведя не устраивается. Они исполняются в определенной последовательности — вплоть до пятого дня празднества. О чем они?.. О жизни. В них история людей Земли, вся жизнь народа ханты. Откуда и как появилась Земля и люди на ней, Солнце и Луна, Звезды и Млечный Путь, звери и птицы, воды и леса, Верхний и Нижний миры. Как Медведь пришел на Землю, что происходило в Нижнем Мире. Как жизнь текла в Верхнем и Среднем Мирах — в любви и ненависти, в войнах и мирах, в победах и поражениях. Как народ стоял на грани вымирания в пору всемирного

бедствия — в пору Большой Воды. Обо всем этом и многом другом поется-рассказывается в священных мифах Медвежьего празднества, поется-рассказывается священному Медведю-гостю.

К концу Пляски играют и большие сценки. Например, появление Филина. Тут и стрельба из лука, и борьба. Всегда интересно проходит. Потом стрельба из лука по шестиному лосю. Тоже все с удовольствием смотрят. Затем танец тетеревов, дойка коров — тут много людей участвуют, могут все желающие играть и танцевать.

Наступает пятый условный день. Последний. На столике только котелок с кашей. В него бросают кольцо. Потом, после праздника, когда все будут есть эту кашу, кольцо попадет самому удачливому. Обычно принято, чтобы счастливцев не признавался в этом никому из присутствующих.

Празднество продолжается. Приходит черед мифа «Торх» — «Журавль». Один певец исполняет его с колокольчиком, а другой, накрывшись большим платком, играет Журавля. Весна наступила. Журавль с юга прилетел. Вернее — Журавлиха. На родное болото села, клюкве прошлогодней обрадовалась, ягодой полакомилась. Потом свила себе гнездо и три яичка снесла. Поет, радуется, танцует. Тут появляется Лисовин¹. И когда Журавлиха улетела покормиться, Лисовин выкрал из гнезда ее одно яичко. Вернулась Журавлиха, видит — нет одного яичка, нет одного ребенка ее. Обезумела от горя, разгневалась. Через правое крыло бросила одно яичко Небесному Отцу — Верховному Богу Торыму, другое яичко, топнув, вдавила в землю — для Матери-Земли, взмахнула крыльями и полетела куда глаза глядят. Летела-летела и увидела дом,

¹ Лиса мужского рода.

где Медведя пляшут, где Медведь сидит. И тут обезумевшая от горя Журавлиха на Дом Медведя налетела, речки-жердинки растоптала-разрушила, посошки и маски разломала-разорвала, берестяную посуду Медведя острым клювом проткнула-продырявила и улетела с криком «кур-р-рив-рив» куда глаза глядят. Что поделаешь с разгневанной и обезумевшей от горя Журавлихой?!

«Шен тоты нгенты», — говорит певец, и замолкает колокольчик.

Тихо и печально в доме после такого разгрома.

С одной стороны дома, от головы Медведя до дверей, взявшись за мизинцы, выстраиваются все мужчины, с другой стороны, тоже взявшись за мизинцы друг друга, становятся женщины. Между ними узкий проход до приоткрытых дверей. Крайние мужчина и женщина берут за «мизинцы» Медведя — сухожилия, прикрепленные к его дому слева и справа. И певец с колокольчиком начинает последний миф «Проводы Души Медведя», «Проводы Медведя в тайгу» — печально звучит древний прощальный напев. Все слушают молча. О чем говорит миф? О том, что разгневанная Журавлиха разрушила Его дом, поломала Его вещи, он остался без дома и Ему теперь нужно возвращаться обратно в тайгу, в свои леса и урманы. И Душа Его по узкому проходу между женщинами и мужчинами уходит в тайгу. И там со временем оборачивается вновь Медведем.

В этом весь смысл праздника: вернуть Медведя обратно в природу. Его низвели, но потом с помощью обряда возвратили в урман, в Его стихию. Он не исчезает бесследно... Он вечно живет на Земле, пока есть певцы, помнящие Его священные мифы...

«Так заканчивается Пляска Медведя», — сказал Демьян и вздохнул. Девушка молчала. Задумчиво наклонив голову, она пристально смотрела на огонь.

Шел дождь. Казалось, было слышно, как дождевики струились по деревьям и уходили в таежную землю. Небесной воде не видно ни конца ни края.

Демьян поправил костер. Девушка, очнувшись от своих дум, взглянула на него и, едва заметно улыбнувшись одними весенне-болотными глазами, тихо проговорила:

— Кто бы мою душу природе вернул... — И она подняла руки, обхватила ими голову и медленно, подрагивающими тонкими пальцами и раскрытыми ладонями провела сверху вниз по волосам осенней лиственницы.

И он, замороженный весенним светом ее глаз, вдруг понял, что она и так вся в природе, вся — на его Земле. А свою Землю он знал и любил той суровой и молчаливой любовью, о которой никому и никогда не говорят вслух. И от этого она стала еще ближе, роднее и понятнее, что ли. Он еще не знал, что после начнет изводить его память каждым весенним болотом, каждой осенней лиственницей, каждым изгибом реки и озерного берега. Многие дни, долгие годы. Она будет всюду вокруг него — в цветах, в звуках, в линиях его тайги, его Земли...

22

Демьян прикоснулся к изумительной линии ее бытия и замер в ожидании чего-то неведомого. Девушка вздрогнула, но не отвела его руку. Он лежал неподвижно, и ему хотелось запомнить и сохранить в памяти до конца своих дней каждую линию, каждую черточку и каждое прикосновение. Рука его медленно двинулась сначала вверх, затем вниз. Потом присоединилась и вторая рука — и, крепко зажмурившись, слов-

но слепой, стал видеть руками. Он убедится, что руки могут видеть лучше, чем глаза: в нем останутся все ее линии во всей первозданной чистоте и неповторимости, во всем совершенстве. Он сам поразится памяти сердца и памяти рук. И эти линии останутся в нем до самого последнего мгновения его жизни на земле. Он будет сравнивать, вернее, вспоминать эти линии при виде многих других линий: линии горизонта, линии Утренней Зари, линии гребеночки леса за большим озером, золотистого следа падающей звезды, куржистого следа вылетевшего из-под снега глухаря, изгиба печального месяца на ущербе, извива Агана-реки возле Летнего Селения. Прекрасны линии природы в своей законченности, ничего не скажешь. Но разве их сравнишь с этими линиями!..

Линии природы хороши и, быть может, даже совершенны в чем-то, но они без человека холодны. В них нет легкого, едва уловимого дыхания и обжигающего трепета. В них нет безумия и огня. В них нет пронизывающего тепла и неземной таинственности. В них нет того, что есть в этих линиях. Возможно, поэтому, по прошествии лет, за что бы он ни взялся, везде останутся следы, напоминающие эти линии. Смастерит ли обласок-долбленку, сладит ли нарту, изготовит ли промысловый инструмент и домашнюю утварь. Охотники с удивлением станут рассматривать его луки-самострелы на выдру и лисицу. Упруги, хороши, скажут охотники, да формы и линии какие-то... Не такие. Наши предки не делали такие луки-самострелы. Демьян ничего не скажет, только усмехнется чуть заметно. Однако многим эти «формы и линии» приглянутся, и вскоре Демьян заметит то у одного, то у другого охотника точно такие луки. Значит, они приносят людям удачу.

А позже, когда по реке начнут ездить разные экспедиции по сбору песен, сказок, расшитой орнаментами одежды и обуви, старинной всякой всячины, к Демьяну придет плотный лысеющий мужчина, отрекомендуется художником Михайлой Ефимычем и начнет внимательно рассматривать предметы, сделанные руками хозяина дома. Тут и деревянная ступка с пестиком, и большая чаша из весенней березы, и корневатик — плетенная из кедрового корня и сарги шкатулка для хранения боеприпасов, и котловая ложка... Михайло Ефимыч почешет за ухом, с расстановкой скажет:

— Э-э-э... Такие вещи нам нужны!

Демьян удивится и попытается объяснить художнику:

— Это вещи не старинные. Сам делал. После войны. Художник тоже обоснует свой интерес.

— Ну-у-у!.. — выразительно протянет он. — Я занимаюсь народным творчеством...

— Тут и украшений никаких нет, — скажет Демьян. — Ни тамги, ни орнаментов...

— Э-э-э... — энергично махнет рукой Михайло Ефимыч. — Мы, люди искусства...

И он с жаром начнет говорить об искусстве, о народном творчестве и многом другом, связанном с этими вопросами. Демьян, конечно, не все поймет в длинном монологе художника, но главное ухватит — гостя интересуется все, что создано не умом и руками, а сердцем. И Демьян, коль нужны такие вещи, без лишних слов отдаст их экспедиции из города. В музее или где в другом месте будут — пусть люди посмотрят, если это им нравится. Тем более что теперь всякую домашнюю утварь можно свободно купить. Правда, жена Анисья — на то она и женщина — все же поворчала для порядка.

Это произойдет после Дня Безумия. А День Безумия подступал постепенно. Всем существом чувствовал, как он приближался. И боялся этого дня, и знал, что никуда не денешься. И вот...

Пришло это время — не стало жизни.

Не стало жизни. Быть может, жизнь остановилась. Быть может, жизнь кончилась. Четко запомнит только линии, что сведут его с ума. Сначала сознание заскользит по линиям, потом понесется с умопомрачительной быстротой. И он потеряет сознание, лишится рассудка. И тогда руки возьмутся за дело — сотворят первую линию. Быть может, самую главную. Сначала вверх, потом — вниз. Сотворят линию, в которой будет все. И пойдут руки творить то, что им прикажет сердце. А сердцу захочется свершить чудо — ведь оно помнит каждую линию, каждый изгиб, каждый поворот, каждое закругление, каждую выемку, наконец...

Будет восход, будет утро, будет полдень...

Сердце все творит без устали...

Пройдет бессонная ночь.

После бессонной ночи снова придет утро, и вслед за утром придет дядя Василь...

Он мудрым взглядом окинет Демьяна, скажет обычные слова и потом, как бы между прочим, деликатно произнесет:

— Что сотворили твои руки... — Хотя это творение он ни разу не видел и не увидит никогда.

И тут Демьян очнется и медленно начнет приходить в себя. Что сотворили руки? Кого сотворили? Откуда дядя Василь знает?! Почему сказал про руки, а не про сердце? Ведь творит-то сердце! Это дядя Василь должен знать. Так кого же сотворило сердце? Кого сотворили руки? Кого?!.

Дядя Василь что-то сказал про день. Кажется, спросил: «Что делаешь сегодня?..»

«А-а, да, день. Это пришел День Безумия. И, быть может, дядя Василь также предчувствовал его приход, как и я. Иначе откуда бы он узнал про творение сердца и рук... Возможно ли такое творение?.. Ни один в миру еще не сотворил живого человека. Образ живого человека. Ни один. Ни разу. Ни в какие века. Творили только богинь и богов. Разве Она богиня? Богиня? Моя богиня?! И я сотворил Ее образ. Взятся за творение Ее земного образа. Сердце начало творить... А что делать с этим образом? Она человек, а не богиня. Она земная, живет не в небесах. Но все же... Может быть, Она выше богини? Она сильнее богини? Неужели Она сильнее и выше?! Может быть, все может быть... Что делать с образом? Что делать с незаконченным творением рук и сердца своего? Не молиться же на него. Если не молиться, не преклоняться — тогда зачем он? Ведь не станет он живее и теплее земного человека. Не станет лучше и прекраснее живого человека, своего земного двойника!.. Ох, жаль!.. Но это так... Лучше не сотворишь... Не вдохнешь человеческого дыхания...

Это так...

И тут уже ничего не поделаешь.

Ничего...»

Дядя Василь ушел. Видно, он и не ждал ответа на свои слова.

Демьян, окончательно очнувшись от сомнамбулического состояния, долго сидел в раздумье: как быть? Делать что с творением сердца своего? Как жить дальше? Как и для чего? Какой смысл в возвращении в жизнь? Может быть, вообще нет никакого смысла? Смысла-то нет. Нет смысла. Может быть, это и хорошо — нет смысла. В отсутствии смысла есть что-то притягательное, есть другой смысл. А, пусть будет так. Пусть... А творение? С творением что будет? Почти нет творения, есть только одна линия. Ах, да — линия! Ес-

ли принять «отсутствие смысла» — что тогда будет с линиями? Значит, линии исчезнут, уйдут в небытие. Уйдут — будто и не было никогда. Но ведь они были. Они есть. Они должны остаться. Они должны жить... Вот где истинный смысл жизни. На сегодня, на завтра, на послезавтра...

Утро. Полдень. Вечер. Ночь...

Утро...

Утром он осторожно взял свое незаконченное творение и положил в дальний угол лабаза, подальше от посторонних глаз.

Прошли дни.

Снова зашел дядя Василь. Теперь он напоминал свата. Впрочем, он и вправду считался лучшим сватом среднего течения Реки: умел разговаривать с людьми, умел уладить любое щепетильное дело. Главное же было в том, что все те, кого он соединял, потом жили душа в душу. Он приходил, говорил о том о сем и между тем намекал на свои услуги. Когда Демьян понял, куда клонит дядя Василь, он резко сказал:

— Нет!

В ту пору он и слышать об этом не хотел.

Дядя Василь оставил его в покое.

Творение же много лет пролежало в укромном углу лабаза. И однажды, уже будучи учеником старших классов школы, его увидит Микуль, старший сын Демьяна. Он долго будет смотреть на таинственную линию. После спросит отца:

— Что это?..

— Эт-то... Эт-то...

Отец вдруг начнет заикаться. Но потом все же скажет после недолгого молчания:

— Эт-то... Прошрое...

И сын снова замрет над линией, над этим творением, что так и осталось незаконченным. А линия полна

будоражащей экспрессии: от нее трудно оторваться. Когда отводил глаза, тотчас появлялось ощущение потери, неприкаянности, пустоты. В ней была необъяснимой мощи завораживающая сила. И может быть, к лучшему то, что Демьян не довел до конца, не завершил линию своего творения. Стоит ли будоражить людей?..

На лице сына он прочтет немой вопрос: «А каким было это прошлое?»

Демьян вдруг весь посветлеет: голова приподнимется, морщинки на обветренном лице разгладятся, заблестят глаза. И он выпрямится, словно помолодев на два-три десятка лет.

«Это... Было прекрасным...»

Сын никогда больше не будет спрашивать об этом. Он чуть заметно, тепло так, улыбнется каким-то своим мыслям. И Демьян поймет: сын что-то уловил или, вернее, как и дядя Василь много лет назад, почувствовал. Почувствовал что-то такое, о чем в словах не говорят. Просто невозможно выразить словом. Невозможно, и в этом нет, наверное, надобности. Хорошо, когда можно обойтись без слов...

Сын, верно, крепко запомнил живую линию творения своего отца. В следующий приезд домой на каникулы он привез книжку в желтой твердой обложке и пояснил, что там — рисунки. А сотворил их сородич по имени Геннадий Райшев. Это первый и пока единственный художник нашего народа, добавил сын. Профессиональный.

— Ну-ну, посмотрим, — усмехнулся Демьян. — Посмотрим, как пишущую палочку ханты держат.

Тогда он еще сомневался, что ханты могут так же хорошо владеть карандашом и ручкой, всякой техникой и другими мудренными приборами, как и ружьем и веслом, топором и ножом. Больно уж все далеко друг от друга...

Не спеша, основательно осмотрел книгу со всех сторон и лишь после этого раскрыл ее и замолк. Молча, словно скрадывал очень пугливого и осторожного зверя, шел по следу книги, по следу ее знаков — перелистывал страницы. Иногда, видно, забывшись, вздыхал удивленно:

— ...— во вздохе можно было уловить только невнятные «х» и «м».

И шел дальше по следу. Шел молча. Временами, словно запутавшись и потеряв след, возвращался назад на несколько страниц и, распутав хитросплетения точек, штрихов и линий, снова пускался по следу. Наконец остановился надолго, изумленно вздохнул.

— Ту-лых!.. — взвешивая каждый слог, произнес он. — Зи-ма!

Это была поразительная зима.

Белое пространство.

Бегущая лиса.

Лукообразно изогнутая строчка следа.

Солнце...

И — все. Больше — ничего. Одно белое пространство.

Но пространство удивительное. Пространство — живое. Хотя человек только трижды прикоснулся к белому пространству — лиса, ее след, солнце.

Казалось, все просто.

Но Демьян смотрел на пространство, и оно менялось на его глазах: пространство все увеличивалось и углублялось. И в глубине его, приглядевшись, он обнаружил след еще одной лисы. Она шла с юга на север, потом повернула на восток. Ее не видно, она уже далеко в пространстве. Остался только след. Вторая же пришла с севера и тоже повернула на восток — и теперь идет по следу первой лисы. Охотник сразу определил, что это не «она», а «он» — лисовин. Видно, нра-

ва он спокойного, рассудительного. Хоть и хочется ему, наверно, во весь дух мчаться за подругой, но останавливается и осматривается — все ли на месте в этом мире, не нарушил ли кто покой этой земли. Как истинный хозяин белого пространства, он улавливает запахи всех ветров и снегов, все шорохи и звуки. Он улавливает многое из того, что недоступно человеку. Быть может, поэтому он в чем-то мудрее земных людей...

Демьяну показалось, что он видел этого лисовина. Ему знакомы эта мягкая поступь, эти чутко торчащие ушки, эта чуть опущенная — чтобы лучше чувствовать дух земли и снега — узкая мордочка с насмешливой улыбкой. И хвост — необыкновенно пушистый и длинный, — словно второе туловище без ног, ни больше и ни меньше, так и плывет за ним по белому пространству.

Хвост, хвост... Пушистый и длинный...

Точно такой хвост был у той лисы, которую впервые повстречал Демьян много лет назад, в далеком детстве. Помнится, дом стоял на крутояре, под соснами, над широким урием. Урий давно застыл, и на льду лежал ровный чистый снег со следами полозьев отцовской нарты. Отец уехал проверить настроенные луки и капканы, и Демьян бегал на яр поглядеть, не едет ли отец. Но отец задерживался, и он подолгу стоял под соснами и вглядывался в ослепительно белую даль, где обрывался след нарты. И вот со стороны верховья урия показался зверь с огромным длинным хвостом. Зверь шел мягко, плавно, словно парил над заснеженной равниной. Демьян наконец опомнился и помчался к матери.

«Я, кух лых чи юв!»¹ — таинственным шепотом выпалил он.

¹ «Ух, длинный хвост идет!»

Мать, конечно, ничего не могла понять.
«Мувсыр кух лых»?¹ — переспросила она.
«Я, кух лых чи юв!» — повторил Демьян.
Тут сын потянул ее на улицу, и мать выбежала на яр и воскликнула:

«Чит — воки!»²

А лиса, серебристо-седая, будто чуть прихваченная невесомым инеем, спокойно шла в сторону дома.

Мать кинулась к дому, Демьян — за ней. Их неожиданно охватил охотничий азарт.

«Ружье! Скорей!..» — бормотала мать.

«Ружо! Ружо!..» — вторил ей Демьян, хотя еще не мог поднять ружья.

Разыскали старинное, так называемое в здешних местах «замковое ружье», выбежали на яр.

Лиса, казалось, ничего не подозревала. Изящно и легко плыла со своим хвостом навстречу погибели — «замковому ружью». Но ружье не сработало — нет патронов, охотники впопыхах забыли о них. Бросились к дому, затем — в амбар, после — в лабаз. И снова — дом, амбар, навес... Пока они носились в поисках патронов, собаки, завидев ружье, как водится, заволновались, загавкали. Когда же охотники в полной экипировке выбежали на крутояр, лисы, Длинного Хвоста, и след простыл.

Вскоре вернулся отец, поинтересовался:

«Зачем это ружье времен Белого царя вытащили?»

Мать все рассказала.

А отец, Роман Иваныч, любивший пошутить, весело посмеялся над незадачливыми охотниками:

«Такая гостя к вам пожаловала!.. А вы, значит, решили встретить ее с ружьем времен Белого царя!

¹ «Что за длинный хвост?»

² «Это — лиса!»

Ай да хозяйева!.. Верно, она уж в гости больше не придет!»

Повертел в руках ружье времен Белого царя, заметил:

«Да оно, поди, и голос не подаст. Не помню, когда и отправил его на покой».

«Кто об этом знал — подаст голос или нет?! — сказала мать и поддела отца: — А тебе сегодня дома следовало сидеть. Что твоя поездка?! Мы хоть на живого зверя посмотрели!..»

Мать тоже не любила лазить в карман за словом.

Отец только усмехнулся, потом ответил матери:

«Чего ж ты мне утром не сказала! С удовольствием дома посидел бы!..»

«Посидел бы! — откликнулась мать. — Зна-ю!..»

Отец отложил в сторону ружье, взглянув на сына, сказал:

«С этим ружьем Светлому Вороту все равно бы никаких неприятностей не причинили».

«Это был Светлый Ворот?! — удивился Демьян. — А не Длинный Хвост?»

«Светлый Ворот приходил к вам в гости».

«Как ты узнал?»

«Я видел след. Светлый Ворот крупнее Креста Метки. По следу легко узнать, какая лиса прошла».

Так Демьян узнал, что в этих местах нет лис с названием «Длинный Хвост». А есть серебристо-седой Светлый Ворот, или сиводушка, и красная Креста Метка, или крестовка. И очень редко попадает охотнику Черная Лиса — чернобурка. Пока же Демьян «познакомился» только с лисой Нэви Рок — Светлый Ворот. Но воображение уже рисовало и тех таежных красавиц, которых он еще не встречал...

Демьян все вглядывался в белое пространство. На одном уровне с хвостом лисовина скупое зимнее солнце на западе. Оно лежало на снегу там, где небо сходилось с землей. Впрочем, границу эту невозможно определить, невозможно отыскать, ибо пространство было сразу и землей и небом. Одновременно и то и другое. Значит, граница есть. Граница подразумевалась. Но она где-то там, вдали, ее просто не видно.

В пространстве было все. Север — юг, запад — восток. С севера пришел лисовин, с юга — лиса. На восток — идут. На запад — солнце уходит. Всюду — жизнь...

Жизнь на севере — лисовин. Жизнь на юге — лиса. Жизнь на востоке — лисы. Жизнь на западе — солнце. Жизнь в небе — след вспорхнувшей из-под снега куropатки. Она улетела, она летит где-то в пространстве. Она уже далеко, ее не видно, но она есть. Жизнь на земле — человек, люди, человечество. Жизнь на земле — дом Демьяна, родная река, родина, страна, страны...

Белое пространство беспредельно, как и жизнь на земле...

«Зима перевалила за вторую половину, дело идет к весне», — подумал Демьян. Это подсказали ему лисы. Таинственная и все сокрушающая сила вырвала их с разных точек земли — его, быть может, с самого побережья Ледовитого океана, а ее из уютных таежных лесов — и привела на этот пятачок белого пространства. Такова сила любви, размышлял он, провозжая взглядом уходящее на запад вечернее солнце. Быть может, эта сила все двигает в белом пространстве? Двигает само пространство? Ведь здесь все в движении: солнце, лиса и лисовин, снега, небо и земля. И лисы совсем не случайно идут в сторону восхода солнца, в сторону Звезды Утренней Зари...

Белое пространство...

Казалось, все — просто.

Оказалось же — все не просто. Все — сложно. В пространстве ничего нет — и в то же время есть все. Одновременно и просто и сложно. Сложная простота. «У сотворившего это белое пространство много мыслей, — думал охотник. — Наверное, я не смогу добраться до конца троп многих его мыслей. Если, конечно, у этих троп есть конец, есть предел. Возможно, что предела вообще нет, ибо мысль, имеющая предел, не может волновать человека, не может затронуть его душу». Это Демьян знал наверно.

Белое пространство, обладающее волшебной силой...

Белое пространство...

Демьян закрыл книгу и, погрузившись в раздумья, долго молчал. Потом, как бы вдруг очнувшись от сна, сказал тихо:

— Мас-тер!..

Опять помолчал, затем взглянул на сына, спросил:

— Ты видел его?

— Да, — ответил сын. — В поселок приезжал. В школу к нам приходил. Рисовал.

— Он... Не охотник? Зверья-рыбу не добывал? — заинтересовался отец.

— Он сын охотника.

— Вот-вот — сразу видно! — обрадовался Демьян. — Жизнь наших урманов-болот знает. Не будь он сыном охотника, разве сумел бы такое сотворить?!

Микуль согласно кивнул.

— На какой земле он родился? — спросил отец.

— В селении Сивохребт, на реке Салым. Это левый приток Оби.

— Сивохребт, Салым... — повторил отец. — Знаю, слышал про эту реку. Салым по-нашему «Солхэм» — «сотворенная, созданная» река.

— Сотворенная?!

— Да. Мифы рассказывают, что в верховье Солхэ-ма когда-то в незапамятные времена Царь и отец всех Громов жил. Так наши старики говорили.

— Ну, тогда сам бог велел ему творить, коль на такой реке родился, — пошутил Микуль, кивнув на книгу.

— Выходит, так: от бога, — согласился отец. — Хотя творит-то человек...

Немного помолчали, потом Демьян спросил:

— Его отец все на Солхэме живет?

— Нет.

— За зверем-птицей уже не ходит, значит.

— Нет... Его в тридцать седьмом увезли.

— Кровавый Глаз?

— Да.

— Вестей не было, значит...

— Нет. Сгинул бесследно.

— Бесследно... — повторил отец и замолк.

Быть может, он вспомнил тех, кто вот так же бесследно исчез в те годы на его Реке. Есть что вспомнить, есть кого вспомнить.

Молчал и сын.

Он почувствовал, что это «бесследно» имеет свои корни, и отец задумался об этих корнях, задумался о судьбе еще одного своего родственника.

Только впоследствии, спустя годы, Микуль узнает, что отец художника, Степан Миронович, был по натуре правдоискателем и беспокойным поэтом. Это и погубило его в сорок три года от роду.

А правдоискателем Степан Миронович был сильным, ибо знал грамоту и многое постиг своим умом. Еще до революции ему удалось окончить церковнопри-

ходскую школу. По тем временам это считалось солидным образованием для инородца, рядового охотника и рыбака. А стихи и колюче-озорные частушки, что он слагал, охотно распевала вся деревня. Его слово, точно пуля, всегда поражало цель. И шли к нему люди в радости и в горести.

Чем дальше — тем больше.

Больше — горести и печали.

К этому времени он стал заготовителем пушнины. Принимал меха, слушал людей, советовал, писал, когда просили. И вдруг приехали за ним. И — бесследно... И только спустя много лет, когда о прошлом можно стало говорить вслух, художнику коротко ответили: «Реабилитирован».

Но художник не уходил. И голос бесстрастно повторил: «Реабилитирован. Чего же еще хотите?» Чего я хочу?! Художник в упор смотрел на него — на круглолицего, с румянцем на обе щеки. Чего я хочу?! Да разве поймет этот румянолиций?! Да разве объяснишь словами, каково это быть сыном «врага народа»?! Каково быть женой «врага народа»?! Каково быть матерью пятерых детей «врага народа»?! Да разве найдутся такие слова? Да разве есть такие слова на человеческом наречии?.. Это надо испытать на своей шкуре. На шкуре сына «врага», в которого каждый может бросить камень, бросить палку, бросить ком грязи. Бросить безнаказанно. Еще больнее каждый может уколоть черным словом. Безнаказанно. Каждый может плюнуть в душу. Безнаказанно. Ибо ты сын «врага народа» и ты не имеешь права говорить, выступать, возмущаться. Ты вообще ничего не имеешь. Ты вроде бы уже и не человек. А теперь, оказывается, отец-то не был «врагом народа»! Ошибка вышла. Реабилитирован!

И взревела душа беззвучно:

«Реа... Билитирован?! А человека-то нет!..»

Отца-то нет. Он не был «врагом народа». Но тогда кто же был настоящим врагом народа?! Кто?! Где тот, кто говорит одно, а делает совсем другое?! Где тот, кто делает только на словах?! Делает только слова! Прикрывается словами! Где тот?! Его почему-то никто не ищет...

Видно, чтобы чем-то заполнить затянувшуюся паузу, румянолицый заговорил опять.

«Реабилитирован, — сухо сказал он. — За недостаточностью улики. Чего еще хотите?»

Чего мы хотим? Чего хочет моя мать? Чего хочет жена «врага народа» — бывшего — и мать пятерых детей?! Об этом никто ее не спрашивал, когда ее дети пухли от голода и холода и она не могла найти работу — самую грязную и тяжелую. Работа была, но не для жены «врага». Ибо все оправдано одним — «на одного выродка меньше»...

И простонала душа беззвучно:

«Реа... билитирован?! Да у самого последнего преступника есть могила! Есть след! Есть земля!»

Розовощекий забеспокоился. Быть может, он почувствовал эту боль души, этот беззвучный крик, этот немой вопрос. Он не очень уверенно пробормотал, как бы извиняясь за кого-то:

«Допустим, я не обязан отвечать за всех. Допустим, не положе...»

Художник снял очки, откинул голову назад и, чуть сощурившись, словно собирался писать портрет и хотел ухватить сущность натуры, поймал ускользающие глаза собеседника. Мгновение смотрели друг на друга не мигая. Потом коренастая фигура круглолицего заметно вжалась в кресло, и глаза его забегали влево-вправо, вправо-влево. Видно, молодой еще, малоопытный, не научился еще сухо и бесстрастно, со спаси-

тельным для себя чувством превосходства и всезнания смотреть на всякого посетителя. Тут художник молча поднялся и неспешно вышел из кабинета. Никак не мог избавиться от мысли, что родитель этого румянощекоего, возможно, в тридцать седьмом году увез отца, Степана Мироновича. Мужа и отца пятерых детей. Нет отца, пропал бесследно. И нужно было выжить. И после четырех классов, следующей осенью, он сел не за парту, а взял ружье и пошел на охоту. И первая белка. Первой белке дробинка попала в голову. Она свалилась на снег, обхватила головку скрюченными лапками и с тоскливо-жалобным криком, дергая задними лапками, закружилась против солнца. Она долго не хотела умирать. В воздухе висел ее предсмертный резкий крик. Передние лапки со скрюченными коготками судорожно хватали обе щеки, искали дробинку, застрявшую в плоти и причинявшую невыносимую боль. Она не могла поднять головку. Голова лежала на месте. Но туловище и задние лапки еще были живы, и они кружили-кружили против солнца, двигая беспомощную голову. А снег вокруг таял под бордовыми каплями крови. Белка все кричала, стонала, плакала по-человечески. И он стоял над ней и тоже плакал. Плакал беззвучно. А ночью приснилась умирающая белка. Вернее, белка, которая не хотела умирать. Сначала была белка, потом она стала вдруг отцом. Отец лежал на земле, обхватив голову руками, и что-то кричал. Быть может, стонал и о чем-то просил. Сквозь его пальцы сочилась кровь, и тело его судорожно дергалось. Он тоже не хотел умирать. Быть может, он звал на помощь. Но сыну что-то мешало, мучительно пытался сделать шаг и поднять отца — не смог. И закричал, заметался в постели. Испуганная мать ощупывала его голову: не заболел ли кормилец? Кто ж теперь на охоту пойдет? Но еще три долгих года, падая от усталости, волоча

опостылевшее ружье, предстояло бродить по борам и урманам. И долго, быть может, до скончания его дней, станет приходить к нему первая белка ночью ли во сне, днем ли наяву. Будет он слышать ее крик, ее плач, ее стон. После, спустя годы, когда он возьмется за кисть, попытается оживить, вдохнуть жизнь тем зверям и птицам, которых в горькие и суровые годы детства и отрочества настигла его пуля. Утешение небольшое, но, возможно, кто-то, взяв ружье, остановится на мгновение и задумается. Задумается о себе и об окружающем его пространстве, задумается о прошлом и будущем...

Демьян шероховатой ладонью провел по обложке книги.

— Скажи, — обратился он к сыну, — какой он... Из себя?

— Какой?.. — задумался Микуль. — Да как все люди. Голова почти высохла — седая. Борода — тоже. Лицо тонкое такое. Руки... Такие быстрые и легкие.

— А глаза?

— Глаза... светлые. Может быть, серые. Может, болотные. Хорошо не помню.

— Так-так. Все?

— Нет. Светлые и... Печальные какие-то.

— Ладно, — пробормотал Демьян неопределенно. — Ладно.

Он снова раскрыл книгу.

Белое пространство.

Бегущая лиса.

Лукообразно изогнутая строчка следа.

Солнце...

Мастер, конечно, крепкий, соображал Демьян. Крепкий, ничего не скажешь. Но вот если бы однажды увидел ту безумную линию любви и жизни, что бы он тогда сотворил! Если бы, конечно, не лишился рассудка, не сошел с ума!.. Он бы сумел сотворить, достиг бы, наверное, того совершенства. Той высоты совершенства. А он, Демьян, обошел творца: ему досталось то, что, быть может, предназначалось другому. И его грубая рука не смогла воссоздать полностью, довести до конца ту линию, тот образ. Он оказался бессильным...

Его рука лежала на изумительно прекрасной линии в ожидании чего-то неведомого и таинственного. И линия медленно входила в него и оставалась в нем: в руке, в памяти, в сердце. Для других она так и осталась недоступной, недостижимой, непознанной. Возможно, так и должно быть — что предназначено одному, то недоступно всем другим, ибо не каждому суждено постигнуть таинственную сущность прекрасного. Его рука лежала на этой линии в ожидании неведомого и таинственного. Рука лежала в ожидании на безумной линии, и он сам вскоре обезумел и потерял ощущение времени и пространства, и, конечно же, в эту секунду он не мог знать, что много лет спустя его сына тоже изумит линия, но линия уже другая, ибо у каждого времени свои линии, и живут они сообразно требованиям и причудам своего времени...

Вскоре пришла весть: бог покарал-таки Кровавого Глаза. Его испепелил праведный огонь.

Весть прошла по всей Реке от устья до самого верховья. Молва гласила, что люди северо-западного края, березовских земель, не выдержали его непогрешимости и могущества и поэтому приговорили огню.

А немного позже появилась другая версия. Будто за многочисленные черные дела он попал в те места, откуда нет возврата и куда сам в недалеком прошлом отправил немало безвинных людей. Когда попал туда, его тотчас узнали и предали огню.

Одно несомненно: и в том и в другом случае главным судьей оставался огонь. Таким и должен быть его конец, решили старые жители Реки.

Справедливость восторжествовала. Хотя и поздно, и ценою немалых потерь. Но восторжествовала!..

Теперь он ушел навсегда, облегченно говорили люди Реки. И нет ему возврата ни в кои веки!

Но старец Ефрем сказал:

«Он и его время смогут вернуться лишь тогда, когда мы позабудем о его черных делах. Мы ничего не должны забывать».

И наверное, поэтому он со вздохом вспоминал те времена. После, когда старец ушел, Демьян иногда рассказывал о тех ушедших днях своим сыновьям и сородичам.

Так, переходя от поколения к поколению, жила память о том тяжком времени. Жила, чтобы не было возврата к тому времени.

А много лет спустя Микуль, старший сын Демьяна, в большом уральском городе в разговоре упомянет это имя. И хозяин дома, старый молдаванин Ларион Чебанаш, много лет проживший на Севере, внимательно взглянет на Микуля и, тяжело вздохнув, скажет:

— Я довольно хорошо знал его...

— Где вы его видели? Откуда знаете?!

— Я на Сосьве жил, а он в Березове работал.

Старик помолчит, потом тихо скажет:

— А конец его был другим...

— Каким же был конец? — спросит удивленный Микуль.

— Он кончил сторожем пороховушки.

— Пороховушки?.. Взорвался... Взорвали?..

— Нет.

— Что же случилось?

— Украл, — вздохнет старик.

— Что украл?

— Украл плоты для нового детского сада. Пригнали их, на причале, когда под гору идешь, — с правой руки их укрепили. Там в половодье-то вода вплотную к городу подходит. Сколько-то времени плоты стояли, а потом пропали. Ну, тут выяснилось — он себе большой дом построил из этого леса.

— А потом?

— Тут настали другие времена. Люди в первый раз заговорили о всех безобразиях. Был он начальником милиции — сняли его с работы. И он стал сторожем пороховушки. Это за городом-поселком, на коренном берегу, в сторону Сосьвы. Бывал там? Поди, видел?

— А дальше что было?

— Жена его какая-то известная работница была. Кажись, в школе работала. Когда она на пенсию вышла, дали ей квартиру в областном центре. И они уехали.

— Он еще жив?

— Не знаю.

— Ничего о нем больше не слыхали?

— Нет. Не знаю ничего. Может, жив. А может, помер. Кто знает? Годков-то немало прошло с той поры, как мы с Северу уехали.

Старик снова помолчит, после посоветует:

— Будешь в Березове — поспрашивай старых людей. Его многие знали. Его крепко должны помнить.

И старик, опустив седую голову, замолчит и надолго задумается о чем-то своем.

Микуль взглянет на него и убедится: старый молдаванин сказал все, что знал. Чистую правду сказал. Но в мыслях никак не укладываются в один ряд милиция, детский сад, пороховушка, школа, областной центр. Но в конце концов он начнет внушать себе, что все это было возможно только в прошлом. Все это — тени прошлого...

Приехав на родную Реку и встретив близких и дальних родственников, он почувствует: нельзя людям говорить правду. И он ни разу не обмолвится о том, что узнает о последних днях того, чьим именем даже детей не решались пугать, чье имя возбранялось упоминать с наступлением первых сумерек, ибо за ним поднимались незримые тени преждевременно ушедших в Нижний мир, которых особенно вечером не принято беспокоить.

Микуль ничего не скажет жителям Реки.

Пусть хоть в памяти народной торжествует справедливость.

23

Наутро Демьян первым делом сходил к оленям. За ночь они перекопали и вытоптали снег вокруг привязи, и чтобы они еще поели и согрелись в рыхлых сугробах, перевел их на новое место. После завтрака вместе с сыновьями отправился в школу. По дороге он сказал сыновьям, пусть они спокойно занимаются, он подождет их, поедет, когда кончатся уроки в школе. Его время не пропадет даром — сделает свои последние дела в поселке.

В школу он всегда входил с большим волнением, несмело, как бы опасаясь какого-то подвоха, что ли. Стесняясь чего-то. Впрочем, его стеснение можно, наверное, объяснить словами Седого брата, который од-

нажды воскликнул: «Ах ты беда! Мимо нас и школа прошла! Мы и школу упустили, брат!..» И теперь Демьян потоптался на крыльце, старательно выбил снег с кисов, прислонил веник к стене, оглянулся вправо-влево и лишь после этого переступил порог. Перед всеми учителями и взрослыми, независимо от того, он знал их в лицо или нет, останавливался и говорил по-русски: «Здравствуйте!» С детьми же, которых знал в лицо, здоровался за руку и разговаривал по-хантыйски. Расспрашивал о жите-бытье родителей, давно ли они приезжали в поселок, как рыбу-зверя в этом году добывают. Ребятам же в свою очередь рассказывал, чьих родных недавно видел, как они живут-поживают, какого зверя-птицу промышляют. Его окружили плотным кольцом, и он слышал, как не очень смелым, особенно малышам-первогодкам, шептали за спиной: «Спроси про своих! Спроси про своих!.. Это Ювана отец, он знает твоих родных...» Демьян оборачивался и, если не узнавал, то интересовался: «Чей это ребенок?» Ему почти хором отвечали — называли отца или мать и селение. Он тотчас же припоминал и сообщал, когда и где встречался в последний раз с отцом или матерью маленького школьника, о чем шел разговор, собираются ли вскорости в поселок. В конце он обычно добавлял, что все родственники живы-здоровы.

А Рае и Зое, дочерям братьев Коски Малого и Николая Малого, почти слово в слово пересказал то, что просили передать их матери, когда он заезжал к ним в селение на чай.

Прозвенел звонок — и дети разбежались по классам.

Последним нехотя, показывая всем своим видом, что урок его не интересует, поплелся Юванко. Он сдвинул брови, и лицо его приняло выражение несправедливо обиженного ребенка. И Демьян еще раз напомнил ему вслед:

— Ма нынат лахеллэм... Мэна...¹

После этого он разыскал директора школы Корнеева. Сказав обычные слова приветствия, поговорив о том и сем, Демьян, наконец, почувствовал, что исчезло его смущение перед школой. Впрочем, рядом с Корнеевым ему всегда было хорошо. Тот излучал какую-то неведомую жизненную энергию и оптимизм. Вот люди и тянулись к нему.

— Как мои сыны? — спросил Демьян. — Как учатся? Как живут?

— Старший-то вон... — кивнул Корнеев. — На Доске почета его портрет висит. А про младшего что сказать?..

— Скажи как есть, — попросил Демьян.

— Парень он способный, но не очень старается в учебе, — сказал Корнеев. — Захочет — урок прогуляет ни с того ни с сего. Захочет — учителю нагрубит, ничего не выучит. Трудно с ним учителям...

Помолчав немного, Демьян промолвил в раздумье:

— Это он, Юванко, по дому скучает. Он совсем еще махонький...

— Да мы все понимаем, Демьян Романыч. Понимаем, как трудно оторвать ребенка от семьи. Как трудно привыкать ему к школе, к новой обстановке. Да что поделаешь — приходится!

— Да, да, помню. С Микулем так же было. Вначале очень скучал по дому, — вставил Демьян свое слово. — И мы, дома, скучали по нему. Они чувствуют это. Сердцем чувствуют, когда особенно маленькие.

— Мы все понимаем, — сказал Корнеев. — И стараемся сделать все, чтобы детям в школе-интернате было хорошо. Чтобы им лучше жилось, чтобы чувствовали себя как бы дома. Я знаю, что дома все рав-

¹ — Я вас подожду... Иди...

но лучше, чем здесь. Но тем не менее... Вот с этого учебного года всем ребятам начали отмечать дни рождения. За месяц соберем всех именинников, поздравляем, вручаем подарки, а потом торжественный ужин в их честь в интернатской столовой. В конце следующего месяца — другие именинники. Маленький, но для детей праздник...

— Это хорошо, — произнес Демьян. — А ханты только детям до пяти-шести лет день рождения отмечают. А потом совсем про день рождения забывают.

— Может быть, очень мудро делали твои предки, что взрослым не отмечали день рождения, — улыбнулся Корнеев. — Ведь пожилому человеку этот день каждый раз напоминает печальную истину, что ему все меньше и меньше дней остается на земле.

— Может, и так, — согласился Демьян.

После паузы он сообщил свою новость:

— Ко мне, Александр Анатольевич, искатели пришли...

И коротко рассказал о них. Но без того оптимизма, с которым говорил об этом вчера охотоведу в конторе.

— Да-а, искатели волнуют нас, русских, не меньше, чем коренных жителей, — после некоторого раздумья проговорил Корнеев. — Всех беспокоит судьба нашей земли. Что будет? Что с ней станется?! Впрочем, конечно же, судьба земли больше волнует тебя, Демьян Романыч. Ведь это твоя земля. Ты здесь родился, вырос. На этой земле покоятся твои предки... Но и русским и всем другим народам безразлично будущее края...

После небольшой паузы Демьян спросил:

— Может, на охоту ко мне съездишь? Так, ненадолго.

По осеням или веснам Корнеев охотно заезжал к Демьяну и бродил с ружьем по тайге.

— Нет, сейчас не получится, — сказал Корнеев. — Зима, дел полно всяких. Сам видишь...

— Да-да, вижу...

Они отлично поняли друг друга. Это значило: «Ты бы с моими искателями лучше сладил, нежели я. Заехал бы». Корнеев: «За всеми искателями мне одному не угнаться, свое дело тоже надо делать. Так что не обижайся, сам все понимаешь...»

— А как наш Мир себя чувствует? — спросил Демьян.

— В мире сложно... Но наш Мир чувствует себя, по-моему, неплохо, — улыбнулся Корнеев. — Пока ты, Демьян Романыч, ходишь по земле, Миру, по-моему, ничего не грозит.

— Э-э, я совсем маленький человек, — протестуяще махнул рукой Демьян. — Это мне такой ум пришел: пока ты живешь — людям будет хорошо. Давно такой ум пришел, Александр Анатольевич. Давно. Поэтому со мной не спорь...

И пошла у них речь о делах Мира и делах Земли. Говорил в основном, как уж издавно повелось, Корнеев. Демьян только слушал. Слушал как сказку: тоже вставлял вопросы, уточнял детали, переспрашивал, поддакивал или возражал. (В хантыйских сказках, правда, сказителю не возражают.) Корнеев связывал его не только с Миром, Россией, Государством, но и с Партией. Корнеев был еще и партийным секретарем, Главой Больших Красных Людей — коммунистов. Их в поселке немного, всего около десяти человек. Но они дружны. И уже немало лет подряд выбирают своим вожаком Корнеева. Видно, он надежный, хорошо знающий дорогу вожак, размышлял Демьян. Он понимал Партию по-своему. В его представлении это лучшие люди Земли, как бы в одной упряжи прокладывающие путь для человечества в неведомое, но

прекрасное будущее. Это самые-самые лучшие люди. И ханты. И манси. И русские. И ненцы. Словом, представители всех народов планеты. А все, что связывало и объединяло людей, делало их ближе, Демьян принимал всем сердцем, принимал беззаветно.

Корнеев связывал его с Партией, Партию — с Лениным, а Ленина он хорошо знал.

«Когда-то в давние времена Ленин побывал среди нашего народа, — рассказывали ханты. — Побывал в наших краях. Проехал по этим землям, останавливался в каждом селении, разговаривал с людьми: с охотниками и рыбаками, с их женами и детьми, с древними стариками. Смотрел, как они живут, расспрашивал, в чем нуждаются, о чем думают, о чем мечтают, каким представляют свое будущее. Так он объехал всю Югру, землю остяков и вогулов — от Уральских гор до Енисея, от Тобольска до побережья Ледовитого океана. Летом на лодке, а зимой на оленях. А в верховья глухих речек и в глубину урманов, где жили одна или две семьи, он, как говорили старики, «просто глаз посылал»¹ — и сразу вникал во все, все охватывал... Затем ступил на земли других народов Севера. Исходив всю планету и познакомившись со всеми народами, он вернулся в главный русский город и взялся творить Партию. Сотворив Партию, он сотворил Революцию. Сотворив Революцию, он сотворил Советскую власть. И сказал: люди Земли, стройте свое будущее. Будущее должно быть счастливым...

Демьян зимними вечерами передавал это своим детям и сородичам. Рассказывая, он каждый раз добавлял новые подробности и детали. Однажды он заметил это и смутился: что же я придумываю... Разве можно

¹ «Алы сам катэх» — и в прямом, и в переносном смысле — «зрение внутреннее».

такое?.. Но потом понял, что он ничего не придумывал. Просто он очень хорошо все видел и слышал и, пересказывая, мог задержать внимание на чем-то одном. Как, скажем, Гость пил чай, оглядывал селение, о чем говорил с хозяевами, как отозвался о морозе или комарах, как садился на нарту или облас, как улыбался или хмурился, какие слова оставил на прощание... Демьян все видел и слышал. Видел, когда в клубе, в Праздник Охотников, прикрыв глаза, слушал песню о Ленине, что исполняли девушки на удивительно тепло звучащем родном языке. Видел, когда в дальней дороге неназойливые ветры навевали мелодии тайги. Видел, когда в весеннюю пору, в межсезонье, тихим вечером погружался в легкий сон. Главное — видел. А как и при каких обстоятельствах — это уже дело другое, дело десятое.

Но в своем видении Демьян был не один. Нет, далеко не один. В эти же годы родственник и современник Демьяна, охотник и рыбак манси Петр Шешкин¹ в глухой деревушке на реке Сосьве простым охотничьим ножом вырезал из дерева скульптуру и показал изумленным сородичам:

«Ленин на Севере».

И люди приняли — все верно, все правильно, так и должно быть. Ленин в малице. Это чтобы ему теплее было на Севере.

...Демьян все слушал Корнеева. Но пришло время — и он с сожалением попрощался с другом и вышел на улицу. Постояв немного на крыльце, чтобы остыл мех кисов и к ним не налип снег, он направился на пастбище.

¹ Шешкин Петр Ефимович (1930–1981) — первый мансийский скульптор.

Время шло к полудню.

К магазину, где уже стояло несколько упряжек, он подъехал на оленях. Завязав поводок, он выпрямился и возле соседней нарты увидел приземистого, но быстро в движениях Спиридона Казамкина с верховья Реки. Тот тоже глянул на него. И они одновременно пошли друг другу навстречу и поздоровались. Демьян на правах старшего поцеловал его в щеку. По обычаю при встрече, если родственники близкие, целует старший, а младшему этого делать не положено — «нельзя старшего ласкать». И хотя родственник дальний и можно было обойтись только рукопожатием, но Демьян без всяких колебаний чмокнул Спиридона в заросшую щеку. Он напомнил своего отца, который в годы войны, на охоте, в жестокий мороз провалился в полынью и обморозил обе ноги. И вся Река решила, что его земные дни сочтены, — так тяжело ему стало. Но иначе думал он сам, Федор Васильевич Казамкин, или, как попросту звали его охотники, Федор-старик — «Возле Сора старик»...

24

Ему хотелось жить.

Ему очень хотелось жить.

А ноги все ныли. И боль с каждым днем становилась все невыносимее. Боль поднималась снизу вверх. Медленно, но неуловимо боль ползла вверх. И он понял, что если не остановит ее, то она, добравшись до его головы, отнимет его разум — и он умрет. Самое страшное в том, что сначала умрет разум, а потом — тело. И, потеряв разум, он долго будет метаться в безумстве на беду своим родным и близким.

Нет-нет, этого совсем не нужно.

Дом либо молчал, либо говорил шепотом, словно был тут покойник. Это при живом-то человеке?! Почему все решили, что шум и говор беспокоят его? А ведь шум и говор — это жизнь. Это жизнь, ускользающая от него жизнь. Сначала уходят шум и говор, потом — жизнь.

Нет-нет, не дать жизни ускользнуть.

Тишина. Жуткая тишина. И в этой тишине обостренным слухом охотника он улавливал далекую канонаду на западе. Это война. Воображение рисовало картины войны, и он все видел наяву. Видел, как Земля вставала на дыбы, опрокидывалась навзничь и вновь поднималась. А в ушах стоял грохот войны. Потом всплывало костляво-жесткое лицо председателя Коски Большого и его голос. «Ты, Федор-старик, тоже солдат, — говорил он, — ты тоже на войне, ты тоже воюешь с фашистом. Твоя пушнина — это танки, это самолеты, это пушки, это корабли. Это — винтовки, патроны, гранаты. Это — Победа!..»

Он и сам понимал: его Победа — это спасенная Земля. Это — спасенные жизни. Ведь там его старший сын и зять и многие воины-солдаты Реки, воины-солдаты родной земли. Поэтому от зари до полночи он пропадал в тайге на промысле. Он спешил, очень спешил. Нужно было сделать как можно больше. Поэтому, возвращаясь на стан за полночь, не заметил заснеженную поляню и угодил в нее. Ему нужна Победа. Это десятки, сотни, тысячи спасенных жизней. И все это может, оказывается, сделать один человек!

Один!..

И теперь он лежит в своей теплой берлоге и слушает только вопль умирающих ног. А фашист неумолимо ползет сюда, ползет на восток, к его дому, к его рекам и озерам, к его борам и урманам, к его родным

и близким, к его очагу, чтобы все это сжечь, растоптать, осквернить!

Нет! Нет! Этому не быть!!!

И в глазах его вспыхивал бешеный огонь.

И теперь сознание, что ничем не сможет помочь Земле и людям Земли, родило огонь бессилия. А после, все усиливаясь, этот огонь охватил все тело, пронзил сердце и душу. И эти два огня, в теле и в сознании, медленно двинулись друг другу навстречу, чтобы испепелить его, человека. Но он не хотел сдаваться. Искал выход. Знал, что у человека не бывает безвыходного положения. Тем он и отличается от зверя и птицы. Что делать? Как быть?..

Нужно ли такое бытие ему самому и его дому?! Может быть, дотянуться до ружья и в последний раз зарядить его? Или, еще проще, как это делали сильные шаманы в старину, когда истекало время земной жизни, после полуночи, но до восхода Звезды утренней зари, остановить дыхание и остановить сердце. Безболезненно уснуть и не проснуться. И люди скажут, что он во сне ушел в Нижний мир. Уйти вот так, побежденным идущей по земле войной, опустошенным огнем и болью?!

Нет и нет! Ни за что!

Проклятая боль! Проклятые ноги! Избавиться бы от них! Выкинуть вместе с болью! Выкинуть? Избавиться? Постой, постой. Выкинуть? Избавиться? В этом что-то есть. Может быть, в этом спасение. Ведь зверь, попавший в капкан, отгрызает лапу и уходит. Если, конечно, он сильный духом. А потом залечивает рану и живет сколько положено. Ему, охотнику, не раз попадались такие звери без одной лапы. Живут же! Неужели зверь сильнее человека?!

Да нет же, нет! Человек сильнее. Только, может быть, не всякий об этом подозревает. У человека разум.

У человека душа. У человека сердце. Человек знает, в отличие от зверя, что он хочет и ради чего принимает земные муки, и не спешит в Нижний мир. У человека дом. У человека очаг. У человека, наконец, заостренное железо и огонь...

Да поможет железо и огонь...

Избавиться от боли и выжить можно единственным способом. Есть выход. Единственный. На то ты и человек, чтобы искать и находить. Находить и одерживать победу.

У тебя есть железо и огонь...

Он не хотел умирать.

И поэтому он ушел от людей. И вдали от селения, в одиночестве, ампутировал себе сначала правую ногу, потом левую...

После, когда раны зажили, он вернулся к людям. И показал жене, какие теперь нужны ему кисы для охоты. И она сшила ему кисы-протезы. И он снова вышел на охотничью тропу.

Шла война.

И, быть может, он чувствовал, что без него войну не одолеть...

— Я ездила к нему, — сказала Марина. — Я видела его...

Она немного помолчала, словно припоминала свою поездку.

Демьян не торопил ее. Он понял, что ей все хотелось увидеть своими глазами. Она же медик, а тут такое дело... Наверное, многое ей хотелось сделать. Не только увидеть, но и помочь, как-то облегчить участь человека. А может быть, просто сказать ему какие-то слова.

И вот нашла каюра. Поехала. Долго ехали. Наконец приехали.

Кораль. Заснеженная избушка. Промерзшая дверь.

Он пронзил девушку острым светом своих глаз. Помедлив, сказал глухо:

— Здравствуйте!

Наверное, он мгновение смотрел на нее. Но это мгновение ей показалось вечностью. Шевельнув кустистыми бровями, он уже отвел свои глаза, а она еще долго чувствовала на себе его взгляд. На себе ли, в себя ли. После, много времени спустя, не пройдет это ощущение, что он смотрит на нее.

Между тем он занялся своей трубкой — медленно и как-то особенно осторожно набил ее табаком, затем долго, в задумчивости, держал ее во рту. Потом узловатые пальцы зашевелились — нашли спички.

Вспыхнуло пламя.

Запахло крепким табаком.

Он сидел неподвижно и курил.

Отблески медно-красного пламени чувала освещали его жесткое лицо. Пламя делало морщины особенно резкими и глубокими, и он, казалось, был выточен из красного камня древности и был таким же древним и вечным, как сама Земля, как звезды, как Солнце и Луна. А может быть, древнее самой Земли, звезд, Солнца и Луны.

Он и огонь. Они смотрели друг на друга, словно в доме они были только вдвоем. Кисти рук тяжело покоились на коленях. Вернее, там, где должны быть колени. Правая рука медленно поднималась и легким прикосновением поправляла трубку, затем возвращалась и поправляла сак, которым было укрыто то, что осталось от ног. Сак подвернут по краям, на всю длину. И, казалось, под ним упрятаны ноги охотника.

Он смотрел на огонь. А огонь клочкотал в чувале шумно и басовито, и дом был наполнен говором огня.

И он был в огне.
Огненно-красная седина.
Огненно-красные борозды на высоком лбу.
Огненно-красные впадины щек.
Огненно-сведенные скулы.
Огненно-заостренный подбородок...
Он молча смотрел на огонь. А огонь смотрел на него. Все молчали. Молчала и девушка. Она поняла, что он постиг что-то такое, что недоступно ей. Что-то такое... Таинственное, высокое. Быть может, высший смысл жизни. И она вдруг почувствовала себя беспомощным и неразумным дитем...
И тогда она сказала каюру: пора ехать.
Она встала, попрощалась с хозяевами.
Он сказал ей:
— Здравс-твуй-те, девушка!
Он не сказал: прощайте. И, наверное, он был прав. Девушка должна уверовать в то, что будет здравствовать много лет и зим...

Приехав домой на каникулы, сыновья привезли книжку в крепкой коричневой одежке.
— Тут про человека нашей Реки написано, — сказал Микуль Волнистая Голова. — Про Федора-старика из рода Казамкиных.
Дело было вечером, после ужина. И отец, мастеровивший топорище, сказал:
— Раз написано — читай, послушаем, — и взялся за нож, поскольку руки не должны быть без дела.
И старший начал читать. В книге был описан один эпизод из жизни старика. Тот, военный, который Демьян хорошо знал. Сначала он слушал и строгал. Потом его руки замедлили движение, и он отложил в сторону нож и топорище. И теперь только слушал. И руки его со следами многочисленных порезов и сса-

дин, казалось, тоже прислушивались к странно звевшему голосу сына.

В памяти невольно всплывали картины жизни военных лет и зим...

Смолк сын. Книга все свои слова о старике сказала, понял Демьян.

Дом долго молчал.

Наконец Микуль, встряхнув светлые кудри, тихо спросил отца:

— Возможно ли такое?..

Отец, по обыкновению, помедлил, потом, взвешивая каждое слово, проговорил:

— Было такое дело... Было.

— А больница?! — встрепенулся младший, Юванко. — Там бы все ему сделали. Может, вылечили бы!..

— Хе, в больницу? — удивился Демьян. — Так это дело-то в какие времена было?! В войну еще... Это сейчас, случись что, — вертолеты, самолеты и всякие другие машины тебе! А тогда, кроме оленьей упряжки, мы ничего не знали. Все на оленях.

— На оленях могли его в район отвезти? — спросил Микуль.

— Так дело к весне было. Когда ему стало хуже, распутица началась. А до района-то вон сколько дней надо ехать! Расстояние-то по тем временам не шуточное!

Помолчал Демьян, потом припомнил:

— Председателем колхоза тогда Коска Большой был. Рисковый человек. Большой человек. Тоже из рода Казамкиных. Так вот он, несмотря на распутицу, предлагал на оленях до района. Но Федор-старик наотрез отказался.

— Почему отказался?

— Наверное, о земле думал. Человек чем старше, тем крепче привязывается к тому месту, где родился и вырос. А ведь он мог уехать и не вернуться...

— А почему от людей ушел?

— Может быть, он не хотел сострадания. И не хотел причинить боль своим близким. Иногда в одиночестве легче...

— Это... мог сделать кто-то другой? Не сам, ведь другому сделать... Проще, что ли...

— А у кого было такое право?! Кроме доктора, конечно. А доктора не было. Да и то не всякий, наверное, согласился бы в этакой-то глуши.

— Чем-то лечился? Что-то у него было?

— Конечно. Разные травы, смолы, отвары грибов. Медвежье горькое, медвежье режущее, медвежья вода¹. Да мало ли других целебных вещей в наших урманах и борах? Все это помогало ему выжить.

— А как он охотился после?

— Как? Как все охотники. Осенью, по малому снегу, на оленьей упряжке охотился на белок и глухарей. Зимой, по глубокому снегу, конечно, лишь настораживал и проверял потом капканы и ловушки...

— Тут написано: наградили его медалью...

— Это уже по окончании войны. Оказалось, что он очень помог фронту, — сдал много пушнины в военные годы.

— После войны он долго охотился?

— По-моему, не очень долго. Может, год-два. Может, больше. Как только кончилась война, здоровье его пошло на убыль, труднее ему стало. Главное, он выиграл войну. Тут и старшие сыновья его второго дома², Спиридон и Сидор, стали подрастать, на охоту стали ходить.

— В книге еще Сухинин есть...

— А-а, это из района, Сухинин. В войну он главным по пушнине был. Все хорошо помнят его. Тогда он среди охотников дневал и ночевал. Помнят до сих пор...

¹ На языке табу: «горькое» — желчь, «режущее» — зуб, клык, «вода» — жир. С клыка скоблили порошок для присыпки раны.

² Второй дом — второй брак после смерти первой жены.

Микуль, задумчиво глядя на книгу, сказал:

— Помню, когда я был еще совсем маленьким, старшая тетушка, Федосья, шила странные кисы — без носка, подошва круглая такая. Я не мог понять, для чего такие кисы. Меня брало любопытство, и я приставал к ней с расспросами. Она говорила: «Для папы шью». А взрослые шикали на меня, чтобы я не приставал к тете с глупыми вопросами. А я ничего не мог понять. Выходит, она шила для него?..

— Да. Она старшая дочь от его первого дома. Была замужем за моим старшим братом, которого звали Никитой. С войны он не вернулся...

— Значит, мы родственниками были...

— Да, родственники.

Помолчали. Потом Микуль проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Как он все-таки решился? Это, должно быть, так... — и он не договорил.

— В нем была необыкновенной силы жажда жизни. Эта жажда жизни, думаю, помогла ему, — тихо сказал Демьян. — И опять же война... Войну надо было одолеть...

— Я бы, наверное, не смог... — признался Юван. — Духу бы не хватило...

— Все это... Человек обретает с годами, — сказал Демьян.

— Откуда ты так хорошо знаешь его жизнь?

— Откуда?.. Я думал о нем... — сказал Демьян. — Впрочем, это знают все люди моего поколения. Ведь на одной Реке живем, одной жизнью живем...

Замолкли сыновья.

И Демьян осторожно, словно переполненный сосуд, взял заскорюзлыми пальцами книгу, поведавшую о судьбе его родственника и земляка другим поколениям.

Ампутированные конечности сохранялись в кожаном мешке в укромном углу лабаза. И когда он ушел из жизни, по его завещанию, он взял их с собой.

По поверью ханты, без какой-либо части твоего тела тебя не примут в Нижнем мире до тех пор, пока не разыщешь потерянное.

Как и при жизни на земле, в Нижний мир человек должен являться без всяких потерь, сохранив человеческий облик.

25

Демьян, поговорив со Спиридоном о житье-бытье людей верховья Реки, об урожае на зверя-рыбу, попрощался и проводил его в дорогу. Затем вытащил из-под сиденья мешок и проворно, чтобы впустить меньше холода, открыл дверь и перешагнул порог магазина. И неторопливо, припоминая все заказы жены, покупал необходимые товары. А на остаточные деньги с болью, ворохнувшей грудь, попросил водки.

— Демьян Романыч! — удивилась продавщица. — Что с вами?!

— Так у меня гости приехали, искатели, — пробормотал Демьян. — По-русским обычаям встречать их надобно. Гости все же...

— Да они сами кого угодно упоят. Упоят да еще и оберут, — загремела продавщица. — Всякие там среди них, знаю...

— Не-е, эти не такие, по-моему... — вставил Демьян.

— Ну, сам гляди!.. — сказала она и выставила на прилавок бутылки.

Было ей чему удивляться. В отличие от своих сородичей, Демьян не проявлял интереса к дурной воде, почти не покупал ее. Правда, иногда, очень редко, вы-

пивал. Выпивать выпивал, но потом несколько дней ходил сам не свой, с дурной головой. В такие дни он не чувствовал себя человеком. И зверем себя не чувствовал, ибо звери не пьют. А так, превращался в ничто, в пустоту. А земные дни — они так хороши! — не хотелось попусту убивать дурной водой — водкой. Ведь они не вечны! У них есть предел. Тем более, что у него всегда находились дела поважнее, чем вино.

Но теперь, увидев в магазине бутылку, он подумал, что, быть может, это есть та вода, что способна утолить его жажду-боль в груди. А жажда-боль все не проходила, все мучила его. С этой жаждой-болью он поехал в школу-интернат проститься с сыновьями. И сыновья, как это принято у всех интернатских детей, навязались проводить отца. Встали на правый полоз нарты — на сиденье были сложены покупки — и проехали до скотного двора возле речушки Лархи, за окраину села. Там Демьян попрощался с ними, сказав, что после охоты, коли будут живы-здоровы олени и сами, съездят сюда всей семьей. И мать, и сестры приедут. Раньше этого срока пусть не ждут. А коль кто из них, сыновей, заболит вдруг или что другое случится, пусть об этом через путников слово-весть родителям пошлют. Тогда он приедет до срока.

Он видел лишь глаза сыновей, полные отчаянной тоски, будто навсегда прощаются с отцом. Они глазами вцепились в отца. Старший, Микуль Волнистая Голова, еще крепился. А младшенький, Юванко Айти, не выдержал. Когда отец тронул упряжку, он беззвучно заплакал. Перед мысленным взором Демьяна долго еще стояли тоскливые глаза сыновей. И он решил, что дома, когда станет рассказывать о поездке, не стоит говорить о слезах младшего сына. Горечь разлуки жжет и отцовскую душу, а материнской каково?!

Олени резво бежали в сторону дома.

И теперь, простившись с сыновьями, Демьян опять остался один на один со своими думами, со своей черной жаждой-болью. «Побыстрее бы к искателям, что ли, — думал он. — Может, дурная водица уймёт боль и жажду. Для гостей ведь купил».

Он сидел ссутулившись, жвавшись в нарту, и глухо, застуженным голосом затянул наконец унылую песню. Но песня не пошла. Она вызывала жалость к себе, оленям, таежной земле и звездам. И от жажды-боли, от мыслей об искателях и дурной воде будто он сам постепенно опьянел. Ехал он в сером тумане. И туман был то теплым, то холодным и колючим. Полоса колючего тумана больше всего ударяла в голову. Но оленей не забывал. Останавливал их на кормежку, направлял лямки, чтобы удобнее было тянуть тяжелую нарту. Костер не разводил — есть не хотелось.

Ненадолго заехал к сестре Матрене, передал мешочек с сахаром. Сказал, что дети их селения живы-здоровы — родителей ждут. Выпил чаю и простился с домом. Поудобнее пристроил хорей на левой руке, пустил оленей по дороге и задремал. И привиделся ему Седой брат, который два дня назад проехал по этому зимнику. Как он добрался до своего зимовья? Не слег ли олененок Черное Диво? Вот если бы ехали вместе, несмотря на груженую нарту, Демьян помог бы довести часть его вещей. Хотя бы до развилки. А может, и завернул бы к нему — давненько там не бывал.

И пошли думы о Седом, припомнились многие его чудачества. Впрочем, по всей Реке ходили о нем разные легенды. Так и сяк судили-рядили о нем. А позже, когда геологи поставили свой Нефтереченск, Седой зачастил туда. «Там чуть ли не каждый первый его приятель», — скажет Река. Но его неприкайную душу поняла лучше других одна молодая геологиня. В ее кухне, в углу, за столом, у него было как бы свое персональное место. И они, усевшись друг против друга, на-

чинали разговор. И однажды, когда Седой пропустил две или три стопки и внимательно взгляделся в собеседницу, увидел, что она как две капли воды похожа на Яну, полячку, которую он встретил в польском местечке, отбитом у немцев в сорок четвертом году. Так же вот сидели за столом тогда, там. И Яна что-то щебетала, порхала, куда-то вылетала и снова возвращалась. Он, уловив одно знакомое слово, пробормотал:

«Пан так пан!»¹

Голова шла кругом не от трофейной водки, которой, прежде чем заправить фляжку, изрядно успел хлебнуть, а от близости Яны, блеска ее глаз, ее щебета. Он все больше пьянел, глядя на нее. И вспыхнула в нем жажда любви и жизни. А времени в обрез, надо спешить. Он не знал, когда снимут батальон и когда, если этому суждено быть, его убьют. И то и другое могло произойти в любое мгновение. Времени в обрез. Поэтому медлить нельзя. Пронеслись сумбурные мысли, что любовь — это жизнь, а жизнь — это любовь. Любви и жизни. Медлить нельзя. Но ему не хотелось, как это делала рота при взятии селений и городов, брать ее молча, без лишних слов. Хотя насмотрелся всякого, и ко многому пора привыкнуть, но душа протестовала. Разве можно прикоснуться к дочке лесной богини? Без ее ведома!.. Он назвал ее дочкой лесной богини², как только столкнулся с ней. Не в силах вымолвить слова, он долго молчал. Потом, не отводя взгляда от чарующего бледно-неземного лица ее, он сказал ласково:

— Женщина место да-ай!..

И теперь, вспомнив лицо Яны, он вернулся в сорок четвертый год, в польское местечко, отбитое у нем-

¹ «Пан» по-хантыйски «клюква».

² В хантыйской мифологии это местные боги черных урманов. Богини отличались особой красотой и статью и нередко очаровывали и уводили к себе молодых охотников.

цев. Ему двадцатый год, он молод и силен. В нем горит огонь любви и жизни. А Яна так близка, так мило улыбается. Он чувствует ее тепло. Он чувствует ее дыхание. Ах, Яна, Яна! Любовь — это жизнь, а жизнь — это любовь. Ты знаешь это, Яна? Ты помнишь это, Яна?.. Любви и жизни. Может, завтра нас не будет. Но сегодня мы еще живы, живы!..

И он сказал ласково:

— Женщина место да-ай!..

Яна-геологиня не поняла или сделала вид, что не поняла. И тогда он повторил. Но повторил не словом, а жестом. Да, теперь поняла. Яна молчит. Что-то долго молчит. Где же ее рука?.. Лицо Яны порозовело, и вдруг она закричала:

— Володя, ты знаешь, что он просит?!

Они же вдвоем — он и она, Яна. Откуда взялся Володя? Какой еще Володя? Командир взвода? Ткаченко Володя?.. Но его же убило. Убило утром, когда штурмовали это самое местечко. Он бежал впереди Ефима. И Ефим видел, как он упал. Подбежав, убедился, что командир в помощи не нуждается, — полголовы снесло разрывной пулей. Так погиб Ткаченко Володя. Хороший был парень. Кубанский казак...

Но реальный Володя зашуршал в комнате газетой, лениво отмахнулся:

— Так дай, что там просит. Жалко, что ли.

— Жалко?! — взвилась геологиня-жена. — Что ты там мелешь! Иди хоть сюда!

— Без меня, что ль, не можете, — проворчал Володя. — Поди-ка не хватает у мужика на бутылку...

— Кабы на бутылку просил... Жену из-под носа уведут — не заметишь!

Наконец явился-таки Володя и, уяснив, в чем дело, якобы взашей вытолкнул незадачливого кавалера. По другой версии, муж геологини, человек с чувством юмора, все обернул в шутку. Посмеиваясь, похлопал

Седого по плечу — ай да старина! О ревности нечего было вспоминать, ибо Седой с белой лохматой шевелюрой выглядел глубоким старцем. Только глаза, мгновение назад видевшие военную подругу сорок четвертого года, молодо искрились...

В думах о брате Седом, между сном и явью, проехал Демьян Малое Болото и сосновый бор людей рода Лося. Затем начался горельник Лысой Головы. Дальше, в сторону низовья, пошли земли разных ветвей Медвежьего сира. Его сира, ягельники его оленей.

Вожак Вондыр спешил домой — там ждали усталую упряжку отдых и сытная пища. Ягель родного бора вкуснее, чем ягель чужих боров и болот.

Торопилась Пеструха — скучает по ней сын, резвый олененок Пев. С нетерпением ждет и хозяйка. Она уже приготовила для своей любимицы лакомство — поджаренную на открытом огне хрустящую рыбу.

Важенка Пирни тоже старалась не отставать от вожака Вондыра и Пеструхи. Дом для нее — конец нелегкого пути, покой и отдых на несколько дней.

Торопясь к дому, упряжка дружно тянула нарту.

Демьян просыпался, разлеплял отяжелевшие веки, оглядывал местность — далеко ли отъехал, скоро ли будет дом. Мысль о доме приводила к думам о новых соседях, искателях горючего жира земли. Думы будили жажду-боль в груди. И теперь искатели и жажда-боль вместе наваливались на него, пьянили. Сам не знал, прикладывался к бутылке или нет. С болью думал об искателях. Перед глазами те двое, на Родниковом озере. На первый взгляд, так круглолиций Семка вроде бы добряк, без всяких шероховатостей и кривулин. А что у него на душе — неизвестно. Такие времена пошли — многое становится с ног на голову. Думаешь про человека одно, а он оказывается совсем другим.

А про второго искателя, кучерявого, с чудным именем Поля и вовсе сказать нечего. Тот все больше вокруг оленей ходил, на хозяина упряжки почти не обратил внимания. Но Демьян все эти дни ловил себя на мысли, что где-то его видел, когда-то с ним встречался. Какие-то до боли знакомые черты есть в его лице, во всем его облике. Какие именно черты, он точно не мог сказать. Все не очень ясно, все в тумане. Где и когда видел — не смог припомнить. Хотя на свою память не жаловался — она еще никогда не подводила охотника. Она натренирована десятками лет жизни в тайге, где без хорошей памяти никак не прожить, никак не увидеть удачи на охоте, на рыбной ловле и в других больших и малых делах.

Где и когда встречался с этим человеком?! И почему черты его лица вызывают боль и смутную тревогу?! Может, просто на кого-то похож искатель? А на кого?! И где видел человека, которого напоминает искатель?!

Где?! Когда?! При каких обстоятельствах?!

В тайге-то ведь и проезжих и прохожих, особенно в донецкие годы, немного было...

И он снова, в который уже раз, начинал, как сквозь сито, просеивать события недавнего прошлого. Хотелось-таки ему выискать место там этому парню-искателю: кто он и кого он так напоминает. Но при этом прокручивал в памяти встречи с мужчинами, полагая, что женщины здесь ни при чем. И, во-вторых, он припоминал только те годы, что приходились примерно на юность и взрослую жизнь искателя. А в глубь времени он память не пускал. Намеренно не пускал. Считал, что искать там нечего. Хотя подспудно, еще неосознанно он чувствовал, что, быть может, там нашел бы ключ к таинственному искателю. Он знал, что корни настоящего очень далеко уходят в прошлое и, возможно, еще дальше уйдут в будущее. И, если хорошо

поразмышлять о прошлом, то можно многое понять в настоящем и в будущем.

Корни все земное и небесное связывают воедино.

Правда, они могут так переплестись меж собой, что потом не всякий в них разберется.

И у молодого искателя, конечно, есть свои корни...

И у начальника искателей Медведева есть корни. Есть корни и есть наземные и небесные машины. Хороши машины, если они помогают человеку жить. Одно только плохо — у них нет головы, они не могут думать. А если попадут в руки бездумных, безголовых — тогда беды не миновать! Как с ними ладить?! Как? Ведь человек должен думать и за себя, и за машину...

Не найдя ответа на многие мучившие его вопросы, он останавливал упряжку — олени переводили дух, а он встряхивался от своих дум. Потоптавшись возле нарты, он снова пускался в путь. Ехал и дремал. Он ехал на запад, в сторону Звезды Вечерней Зари. Потом просыпался, и мысли его устремлялись, обгоняя нарту, на запад, в глубину прожитых лет. И вспоминалась та послевоенная поездка вниз по течению, на обласе, на веслах, с девушкой-медиком Мариной.

Она до сих пор жила в его памяти. И время бессильно пред ней. Она все так же молода и красива, как и много лет назад. Как туго натянутая струна. Упругая, ладная и... Таинственная. Тронешь эту струну и по сей день не знаешь, что услышишь, какой будет отзвук...

Напоминала она и дождинку, что пришла с неба, перекачивалась по деревьям, по листьям, по травам — меняла форму, но оставалась по-прежнему загадочной и непознанной. Она приходила с неба, и это небо было то веселым, то грустным, то пугающе мрачным. И была то холодной, то теплой, то обжигающе горячей.

И все одна и та же дождинка...

И теперь, когда размышлял о ней, поднялась в нем волна тревожно щемящей грусти и печали.

И под шум дождя они приняли ночь.

Ночь была такой же сырой и мокрой, как и небо. И не грела волглая одежда, и сон не шел, и тепло было где-то... И Демьян не то подумал, не то сказал вслух: «Как рука?», ибо в последнее время уже не замечал, когда размышлял про себя, а когда говорил вслух. «Как рука?» — быть может, спросил он. Быть может, подумал. И нашел ее руку. И положил свою шершавую ладонь на перебинтованную кисть ее руки. И к нему пробилось тепло ее руки. Но держал он руку свою бессознательно, держал как инструмент, снимающий боль. Где-то в подсознании осталось, что чужая рука «снимает» боль. Особенно рука любящего тебя человека оказывает самое сильное действие. В детстве, бывало, если у него что-то болело, взрослые прикладывали к этому месту руку. И чем больше любишь этого человека, тем быстрее затихнет боль и тем быстрее он засыпает. Лучше всех головную боль снимал отец. Ладонь его была и теплой, и шершавой, и тяжелой... Демьяну теперь показалось, что и его рука снимает боль. Он лежал неподвижно, тихо, прислушиваясь к чему-то, словно пытался уловить мгновение, когда боль оставит ее руку. Он лежал и ждал этого мгновения. И вдруг он почувствовал, как ходит кровь в ее руке. А потом уловил биение ее сердца. Оно билось так же, как и его сердце, — трепетно и гулко. Он не дышал, замер на миг, не поверил. Но тут услышал и, услышав, убедился — их сердца бьются в унисон, совсем-совсем одинаково. Будто одно сердце на двоих. И, уловив это, он понял — опять бессознательно, — что теперь можно прикоснуться к тем головокружительным линиям, что он видел на песке в жаркий полдень, что снились ему ночью и в кругу которых он витал, быть может, целую вечность, а возможно, был всего одно мгновение. Теперь

можно прикоснуться к удивительно чистым линиям, ибо одежда, скрадывающая и убивающая красоту, сейчас никакой роли не играет. Он ничего не успел сообщить, ни о чем толком не успел подумать — руки уже прикоснулись. Сначала левая, затем правая. В другое время он бы ужаснулся ловкости и смелости своих рук. Это были его руки и одновременно не его руки. Не его руки, ибо они живут многие десятки веков, живут с самого рождения человека и знают все, что постигли все поколения предков: и любили, и ласкали, и говорили, и требовали, и познавали, и восторгались, и безумствовали, и... Руки делали многое. Руки могли все. И после, спустя многие годы и десятилетия, он будет удивляться памяти своих рук, ибо выяснится, что они ничего не забудут. Они запомнят все до самых малых и, казалось, незначительных подробностей. Но незначительного нет — все будет значительно. Придет время — и с помощью памяти рук он восстановит многое. И, быть может, ему захочется кое-что позабыть из сделанного им в жизни, возможно, найдутся кое-какие мелочи, но эта память не позволит ему ничего. Это — после. Теперь же он прикоснулся к изумительной линии ее бытия. Прикоснулся и вздрогнул. Быть может, это вздрогнула она. Быть может, они вздрогнули вместе. Быть может, вздрогнула Вселенная. Вздрогнули... Он почувствовал, что формы и линии ее быстро накалялись. Сначала были теплы, затем жарки. А потом местами огненно накалились. И ему безумно захотелось в одно мгновение сгореть — испепелиться в ничто, исчезнуть с лица земли, сгинуть неведомо куда. Сгореть. Испепелиться. Исчезнуть. Сгинуть. И в безумном восторге необъятный мир вдруг сузился до крохотного клочка земли. Потом земля ушла — и они остались вдвоем. Он еще чувствовал, как ее тепло входило в него. Сначала тепло, потом — жар, после — огонь. Безумный огонь любви и жизни. И он понял, что загорел-

ся и горит. И она также загорелась и горит. Они горели вдвоем. Они горели в яростном переплетении неистовых линий. И, теряя ощущение реальности, в последнее мгновение, он понял, что это — самые совершенные линии, верх совершенства. И в соприкосновении с ней становились лучше и линии его мыслей, его дел, его жизни и всего окружающего их мира. Она приподнимала все, к чему прикасалась. Приподнимала или низвергала в бездну. И он не успел осознать — воспарил в неведомую высь или рухнул в бездну. Может быть, крайности сошлись — и это было одно и то же и уже не имело значения: высота или бездна... Единственное, что он еще успел сообразить, это мгновение изменения мира. Вот оно настоящее мгновение изменения мира. Настоящее мгновение жизни и любви. Мгновение жизни и смерти.

Мгновение изменения мира...

Потом остался один огонь. Огонь безумия. И больше — ничего...

Ни моросящего дождя.

Ни глухо шепчущей тайги.

Ни вздыхающей реки.

Ни неба.

Ни солнца.

Ни ночи.

Никого...

Ничего...

27

Ехал Демьян на запад, в сторону захода солнца. Ехал и гнал от себя плохие мысли об искателях. Человек он спокойный, уживчивый. Сколько людей перебывало на его уголье — со всеми ладил. Что ему с ними делить? Они на нефть охотятся, у них свое дело,

у Демьяна — свое. Он не мешает им, и они пусть ему не мешают. Больше ему ничего не надо. Места на земле всем хватит... Вот нынче летом увидел на пастбище след медведя. Зверь пересек оленью тропу и ушел в приречный кедровник — видно, лежку там устроил. Судя по следу, зверь старый, матерый, внушал доверие, и Демьян не стал его тревожить, попросил только:

«Пупи-ики¹, ты оленей моих не трогай, слышишь! У меня мало оленей. Нет у меня для тебя лишнего оленя, слышишь?! Если вздумаешь грешить, я прогоню тебя отсюда. Слышишь, что говорю?!»

И медведь все лето жил на пастбище, но оленей не тронул. Даже не гонял их. Морошкой и брусникой питался. Поладили!

И с мыслью, что поладит с родственными искателями, он опять задремал. Проснулся, когда упряжка сошла с дороги и начала копытить снег.

— А, есть хотите, — сказал он и распряг оленей, чтобы им удобнее было разгрести снег. — Поешьте хорошо, нарта тяжелая.

Он сел на нарту лицом на восток и смотрел на звезды. Все звезды были на месте, нет только Звезды Утренней Зари. А она не скоро еще взойдет. Помнится, в детстве он долго не мог найти эту звезду. Если рано вставали, отец обычно просил:

«Сходи посмотри, взошла ли Звезда Утренней Зари?»

«Заря взошла, а звезды нет! — отвечал он. — Там много других звезд».

Они вдвоем выходили из зимовья, и отец говорил:

«Вот же Звезда Утренней Зари. Без нее заря не взойдет. Если взошла заря — значит, ее Звезда уже над ней. Это главная звезда дня».

«Если не взойдет Звезда Утренней Зари, значит, и зари не будет?» — спрашивал сын.

¹ Пупи-ики — медведь-старик. Уважительное обращение.

«Конечно, не будет».

«И солнце не встанет?»

«Без зари и солнце не встанет».

«И день не придет?»

«Выходит, так — и день не придет».

Сын долго смотрел на волшебную Звезду Утренней Зари и как-то тихонько прошептал отцу:

«А если... Звезда Утренней Зари обидится на кого-нибудь или заболит вдруг?.. Что тогда будет?!»

«Что, что — как заболит?» — не понял отец.

«Ну, это... Не взойдет она вдруг?.. Что тогда будет?!»

Отец не сразу нашелся, что ответить.

«А мне так нравится, когда светло! — говорил сын. — Так солнце нравится!..»

Немного помолчав, отец сказал:

«Так не будет. Никто не должен обижать Звезду Утренней Зари, тогда она не заболит и всегда будет всходить. — Он снова помолчал, потом добавил: — Хороший человек никогда не обидит, а плохого надо вовремя остановить. Слышишь?»

«Слышу, — ответил сын, после паузы сказал: — Теперь я запомнил Звезду Утренней Зари. Теперь я не спутаю ее с другими звездами».

«Другие звезды тоже нужны небу и земле. Каждая звезда на своем месте. Каждая звезда делает свое дело».

«Звезды похожи на людей? У них есть дела?»

«Да, звезды как люди. Ведь все от человека пошло. Я еще не рассказывал тебе сказку Солнца и сказку Луны. Вот как-нибудь расскажу. Длинные-длинные сказки-легенды...»

Он не успел рассказать сыну сказку Солнца и сказку Луны. И о Млечном Пути — о Пути бога-охотника — тоже не успел рассказать. Он многое не успел сделать из того, для чего был рожден. Но с годами Демьян понял, что главное дело своей жизни он все-таки сделал. И братья тоже сделали свое дело. И хотя

после них не осталось кровных родственников, но Демьян на этой земле не сирота — нет, не сирота.

Размышляя об отце, он видел, как тот принял пулю там, в Берлине, в конце апреля сорок пятого, за несколько дней до Победы. Пуля ударила в грудь — и отец приложил к ране левую руку. И, замерев, мгновение стоял неподвижно. Потом задрожали ноги, и, медленно приседая, развернул туловище с трудом, по солнцу, на восток. И, машинально отведя правую руку с винтовкой, чтобы не повредить оптику, опустился наземь. Лежал головой на восток, в сторону дома. Сквозь пальцы левой руки тепло его тела уходило в сырую землю чужой страны. Все. Это конец его пути. И потускнел взор, и улетучилось его тепло. Но сознание еще работало. И последним усилием воли, напрягшись до предела, он еще долго держал одну мысль. Мысль, что пуля, которую он принял в себя, уже никогда не сможет убить. Эта пуля не сможет лишить жизни его кровинушку, его младшенького, теперь его единственного сына там, дома, на далекой родной Реке. Тогда ни одна пуля, ни один осколок не долетит. Не долетит. Не лишит жизни... Так... Так...

Он все принял на себя.

Но в темноте, в ночи, его сын, Демьян, вспоминая отца, почувствует, как пуля пройдет по телу. Пройдет медленно, оставляя огненно горящий след. Останется рана, чуткая к пронизывающей стуже зимой и одуряющему зною в летнюю пору...

Так пуля, что вошла в грудь отца в Берлине в апреле сорок пятого, прошла и по его сердцу. Но пуля не лишила жизни, нет. Эта рана еще больше закалила его в ненависти к войне и любви к миру.

После, когда его младшего сына Ювана призовут в армию, в городе, в районном центре, старый военком приведет будущих солдат к Вечному огню на центральной площади, где на белых плитах высечены имена

воинов-земляков, павших на полях Великой Отечественной войны. Он молча отыщет свою фамилию. Вот дед и дядя. Молча постоит перед ними. Потом молча, по одну и по другую сторону Вечного огня, обойдет ряды плит с именами погибших солдат:

Айваседа Меру. Река Аган.

Ганжеев Аристарх Александрович.

Ганжеев Сидор Степанович.

Ганжеев Федор Иванович.

Ганжеев Петр Никитич.

Ганжеев Григорий Абрамович.

Епаркин Иван Павлович. Аганские и обские. Все.

Катесов Михаил Петрович.

Катесов Яков Ефимович. Это река Пим.

Какжовы...

Курломкин...

Когончин...

Коголкин... Река Юган.

Кинямины... Сколько их? Четверо. Малый Юган.

Киприяновы...

Кунины...

Лемпины... Это Салым. Салымские люди.

Лисманов Алексей Васильевич.

Лисманов Петр Васильевич.

Лисманов Егор Васильевич.

Лисманов Прокопий Васильевич.

Лисманов Денис Григорьевич.

Лисманов Киприян Дмитриевич. Четверо братьев. Двое других — тоже родственники. Да. Это устье Агана.

Лянтины... Четверо. Опять Юган.

Сколько их? Сколько их на каждую букву... М, Н, О, П...

Покачевы... Шестеро. Егор и Павел. Спиридоновичи. Должно быть, братья. Антон Степанович. Иван и Яков, Ефимовичи. Также братья. Дмитрий Семено-

вич. Реки Аган и Тромаган. Там и там живут люди этого рода, рода Лося.

Пяк Тюсели.

Пяк Поинтма. Это ненцы. Жили в верховье Тромагана.

Рынков...

Рымовы... Салым.

Сопочины... Роман, Андрей, Петр... Степановичи. Должно быть, братья. Тромаганские. Из рода Лося.

Салтыковы...

Тайбин...

Юмсанов...

Юсипины...

С каких рек? Из каких родов-сиров? Остались ли у них родственники на этой земле? Вспоминают ли их?

Припомнятся родственники, что вернулись с войны. Дядя Василь теперь определяет ненастье не по народным приметам, а по фронтовым ранам. Его имени в этом списке нет.

Он вернулся. Он жив.

Нет здесь и имени дяди Ефима, Седого. Он тоже жив. Коль он войну одолел, считают многие жители его родной Реки, так уж ничто его не возьмет. Во всяком случае, в ближайшие годы. Видно, сам Черный дух Подземного царства побаивается бывшего фронтовика.

Юван пока не знает, как уйдет из жизни его дядя, Седой. А уйдет он неожиданно. Неожиданно для всей Реки. Поедет неводить на Большой Урий с соседом, у которого есть упряжка оленей. Он бодро возьмется за привычное дело — выдолбит лунки, вычерпает ледяное крошево, приготовит шесты и невод. Но к полудню вдруг почувствует слабость. Сосед уложит его на нарту. Дома он откажется от чая и пищи.

«Давай в поселок, врачам отвезем!» — забеспокоится жена.

«Нет, — откажется Седой. — Никуда не поеду».

Помолчит, прикроет глаза и ясным голосом добавит:

«Кажется, все...»

В тот же вечер его не станет. (Это случится в феврале 1984 года.)

Так Река потеряет своего последнего воина и последнего певца.

Юван вспомнит рассказ коренного русского старожилы Алексея Ивановича Сорокина о том, как проводили на фронт Айваседа Меру, чьим именем открывается список павших. Пока катер с мобилизованными воинами огибал поворот Реки, родители и родственники Меру на облаках по волокам-перетаскам догоняли его. Лихорадочно гребя, плыли за катером. Прощались. Махали руками, что-то кричали, плакали. Потом отставали. Но за следующим поворотом снова показывались их согнутые в беге, волокущие облака фигурки. Так шли за катером до тех пор, пока не вымотались вконец на долгих волоках.

Поименно названные и безвестные, павшие и живые...

Да разве возможно объять необъятное?! «Сколько рек в этом и в остальных семи районах края? А на тех реках сколько людских родов-сиров», — придет мысль Ювану... Спустя годы в другом районе, при других обстоятельствах его брат Микуль, пораженный, остановится у белого обелиска: у этой небольшой реки Назым война взяла более двухсот жизней. Словно надеясь увидеть силу и упорство выстоявших против войны людей Реки, Микуль обведет взором село, печальную гладь воды, темный урман на увалах противоположного берега...

Сколько людей потеряла Земля!

Те, кто заживо сгнил в казематах и рудниках, кто погиб на эшафотах и баррикадах, кто до последнего

дыхания шел со знаменем Октября, кто умирал в тифозных бараках, кто вколочен в вечную мерзлоту Заполярья, кто падал на поле брани в гражданскую и в Отечественную, все, кто выжил и кто не выжил в этой беспощадной борьбе за свободу и жизнь человечества, все они, павшие и живые, вызывали у Демьяна трепетно-священное чувство...

Это его чувство потом унаследуют его дети...

Тут Демьян очнулся от воспоминаний и запряг оленей.

— Ехать, ехать пора, — говорил он вожаку Вондыру. — Вот дорога, ты лучше меня ее знаешь. Иди по ней, домой иди. Там нас ждут. Вера и Таисия ждут. Мы им гостинцы везем. Обрадуем их. И хозяйка ждет. И Воки Хор ждет. И маленький Пев ждет не дожидается мамы Пеструхи. Он мал еще, поэтому скучает. А когда родился, совсем махонький был — вот и назвали Певом, сосновой шишечкой. Теперь-то он немного подрос... И Харко нас ждет, возле конуры сидит и на дорогу смотрит. А как скрип нарты услышит, сразу всех домашних лаем обрадует. Он раньше других о нашем приезде узнает. И бестолковая Кутюви тоже ждет, тоже скучает. Она еще молодая, со временем и она поумнеет. Не все же ей быть бестолковой, как думаешь, Вондыр?.. Быстро не будем ехать, тихонько-тихонько — нарта у нас тяжелая. Но чем ближе к дому, тем нарта легче станет. Это всегда так бывает.

Он укоротил ремень, которым Пеструха была привязана к ляжке Пирни, сказал красавице важенке:

— Знаю твою привычку, Пеструха, — как начнем к дому подъезжать, ты станешь рваться вперед, тебя трудно остановить. Не терпится к сыну Певу. А тебе нельзя так рваться, ты должна сейчас спокойно ходить. Куда денется твой сын — он дома. Хозяйка его

любит, оберегает. Хозяйка его подкармливает, как и тебя. Еще и Звезда Утренней Зари не взойдет, как мы домой приедем. Все, наверно, спать будут, но их поднимет Харко — даром что старый, а уши еще чуткие, далеко слышит. Может, и не столько слышит, сколько чувствует наше приближение к дому... Так, Пеструха, ремешок твой я укоротил — вперед Вондыра да Пирни не забегай, дорогу у них не отбирай. Понимай меня — не станешь им мешать, так быстрее доедем, скорее сына увидишь.

С этими словами он тронул упряжку. Вожак Вондыр уверенно взял темную нить дороги. Он шел, прислушиваясь к голосу хозяина, который разговаривал со звездами и оленями.

Казалось, во всей Вселенной не спали только звезды и человек.

Демьян ехал на запад, в сторону, куда уходит солнце. Там Звезда Вечерней Зари. А Звезда Утренней Зари осталась за спиной, позади. Но и на запад ему хорошо было ехать: его многое связывает с этой стороной света. Именно в том направлении много лет назад он плыл с той удивительной девушкой и впервые в жизни надолго потерял свою голову. Потом немало лет и зим мысль его ходила только одной дорогой, вниз по течению, куда уехала его девушка...

Там, на западе, на далеких землях покоятся его братья и отец.

Там, за далью снегов и лесов, его Москва, голос которой он слушает по вечерам. Чем дальше по времени, тем меньше у него шансов побывать там. Это он понимает. Но, может быть, такая возможность будет у его детей?! И он глазами своих детей увидит то, что не удалось ему в жизни увидеть самому! Ведь их тропа должна быть намного длиннее, чем родительская... И придется им размышлять о судьбах людей

Севера¹, о судьбах края белых снегов и метелей, жестоких буранов и холодов.

А Север так юн!

А Северу так нужно расти!

Север должен решать свои проблемы. А проблем накопилось немало. Его сын Микуль вспомнит рассказы старожилых о времени грандиознейших преобразований. О том времени, когда все дела Севера находились в одних руках, изучит множество документов. В 1924 году был создан Комитет Севера при Президиуме ВЦИК под председательством П. Г. Смиловича. Главная задача: «Содействие планомерному устройению малых народностей Севера во всех отношениях». Развернули работу комиссии: административно-правовая, хозяйственно-финансовая, научно-исследовательская, оздоровительная и просветительная. Функции Комитета состояли в изучении экономики, культуры и современного положения северных народов, в разработке и проведении мероприятий, необходимых для экономического и культурного подъема народов Севера, и в наблюдении за выполнением этих мероприятий на местах. Десятилетие спустя, в тридцать четвертом, в связи с упразднением Комитета Севера, его функции были возложены на Главное управление Северного морского пути при Совете Народных Комиссаров СССР под руководством академика О. Ю. Шмидта. Большую роль в проведении политико-воспитательной работы и привлечении коренных северян к социалистическому строительству сыграли Политуправление Главсевморпути, а на местах — политотделы. После, по прошествии лет, Микуль с лю-

¹ По данным переписи населения на 17 января 1979 года: ненцев — 30 тысяч, ханты — 21 тысяча, чукчей — 14 тысяч, нганасан — 900, юкагиров — 800, алеутов — 500, негидальцев — 500. Всего народов Севера — 158 тысяч человек (включая коренные народы Дальнего Востока).

бопытством перелистает книги, изданные этим управлением для жителей Севера. Литература на самые разные темы. Тут и политическая, и учебная, и художественная, и научная. И все в основном на языках этих народов. Он увидит на совесть срубленные фактории и культбазы, снабженные всем необходимым для нормальной жизни человека. Увидит школы-интернаты, медпункты и больницы, оборудованные по последнему слову науки тех лет. Все тогда делалось добротнo, по-хозяйски, на долгие годы.

Но главное — во всем, что сохранилось с тех времен, — он почувствует и увидит трогательную любовь к Северу и северянам. Все отмечено этой печатью, неподвластной годам. Многие из тех, чьими руками все создано, уже оставили землю. Но творения их рук и сердец все еще служат людям. И, наверное, будут служить еще немало лет и зим...

Микуль вспомнит те годы преобразований Севера. Призадумается. Куда все ушло? Где эта любовь к земле и к людям?

Припомнятся Микулю и ханты Васьюгана, левого притока Оби. В 1924 году тот район, Александровский, был передан в подчинение Томскому округу Сибирского края. Более полувека спустя окажется, что они почти полностью утратили родной язык и духовную и материальную культуру. Ибо в пяти районах Томской области, имевших статус национальных, не велось преподавание родного языка в школе, никто не занимался вопросами развития и сохранения культуры коренного населения. Ученые Томского университета ездили за научным материалом в соседний автономный округ, где только только начало налаживаться преподавание родного языка в школе и возник интерес к национальной культуре.

Есть вопросы, требующие ответа.

Ну а кереки — народ Тихоокеанского побережья. Народ в восемь человек! Есть ученые. Об исчезающих растениях пекутся ботаники. Об исчезающих животных и птицах — зоологи. Об исчезающих насекомых — энтомологи. А кто печется об исчезающих народах?! Врач?! Но он отвечает только за здоровье человека. Есть ли такие ученые?.. И если кереки уйдут, Микуль чувствовал это, не только человечество, не только его народ, он сам что-то потеряет. Что-то очень нужное для продолжения жизни. Что-то очень необходимое, вечное. А терять не хочется. Ох как не хочется!..

Американка, встряхнув светлыми волосами, прикоснулась к груди и провела рукой вниз, спросила:

«Хон?»

«Хон», — подтвердил он.

Потом она показала на рыбу:

«Хул?»

«Хул», — согласился он.

После она подняла глаза к небу — посветлела лицом, с чуть заметной улыбкой спросила:

«Хос?»

«Хос, — удивленно приподнял он брови. — Звезда!..»

Он все понял без перевода. И в ответ на его недоуменный взгляд она открыла номер журнала «Нэшнл джиогрэфик». И он увидел людей. Охота на мамонтов с копьями. Зимнее жилище, очень похожее на хантыйский зимний дом-землянку. Наскальные рисунки, изображающие зверей. Выделка шкуры. Словно это не индейка со скребком в руках наклонилась над работой, а бабушка из далекого детства. Знакомые орудия из кости, камня, железа. Копчение рыбы и мяса. Даже рогульки для котла точно такие же, какими до сих пор пользуются в тайге его сородичи.

Она развернула карту-схему. На ней он увидел Иртыш и Обь, а дальше, на восток, вдоль побережья Ледовитого океана — сплошная суша до самой Аляски, Берингов пролив обозначен только пунктиром. И она объяснила, что очень давно, когда не было пролива, возможно, остяки и вогулы жили вместе с американскими индейцами. Потом индейцы ушли на Аляску. «Шли за рыбой» — так мотивируют это переселение легенды и предания. И в доказательство этой теории она подобрала слова, обозначающие одно и то же у индейцев Америки и обских угров, остяков и вогулов. Вот только на буквы «к» и «х»: «утренняя заря», «седой», «копье», «узор», «бросать», «рыть» и так далее. Убедительно? Да. Что может быть убедительнее родного языка?! Пусть даже зазвучавшего на другом континенте...

«Кэтрин Джефферсон, Калифорнийский университет, — представилась она. — Хочу написать книгу про остяков, то есть про ханты».

«Почему именно про ханты?» — удивился он.

«Их мало. Нужно писать про вымирающие народы Земли...» — последовал ответ.

В ее широко распахнутых глазах он уловил неподдельный интерес к Северу и северянам.

Америка, американцы... Индейцы, коренные жители Америки, тоже американцы. Значит, что-то есть родственное с ними. Он задумался, начал размышлять, начал вспоминать...

«Пуритане Новой Англии — эти виртуозы трезвого протестантизма — в 1703 г. постановили на своей Assembly (Законодательном собрании) выдавать премию в 40 ф. ст. За каждый индейский скальп и за каждого краснокожего пленника; в 1720 г. премия за каждый скальп была повышена до 100 ф. ст., в 1744 г., после объявления в районе Массачусетского залива одного племени бунтовщическим, были назначены следующие цены: за скальп мужчины 12 лет и старше

100 ф. ст. В новой валюте, за пленника мужского пола 105 ф. ст., за пленную женщину или ребенка 55 ф. ст., за скальп женщины или ребенка 50 фунтов стерлингов! Британский парламент объявил кровавых собак и скальпирование «средствами, дарованными ему богом и природой»¹.

Навсегда исчезли с лица земли индейцы многих племен.

Истреблены колонизаторами.

Истреблены колонизаторами английскими.

Истреблены колонизаторами французскими.

Истреблены колонизаторами испанскими.

Истреблены колонизаторами прочих мастей.

Истреблены колонизаторами и прочей мразью.

Хорошо вы поработали, колонизаторы, не правда ли?!

Могикане, шестьсот человек, резервация Стокбридж, штат Висконсин, США.

Делавары, две с половиной тысячи, резервации, штат Оклахома, США.

Кри, шестьдесят тысяч, резервации, Канада.

Оджибве (чиппева, сольто), сорок две тысячи, резервации, США, сто двадцать тысяч, резервации, Канада.

Если до прихода колонизаторов Старого Света ирокезов жило в Америке до полутора миллиона человек, то к тридцатым годам двадцатого столетия их осталось менее шести процентов...

Новый Свет...

Этот фундамент преуспевающих Соединенных Штатов.

Какая страна мира может сравниться с вами, Штаты?!

¹ Маркс К. Капитал. Том I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 763.

Кто еще с таким цинизмом и размахом расправлялся с человеческим родом?!

Как вы себя чувствуете на таком фундаменте, Штаты?!

Штаты молчат.

«Эта молодая женщина, апатичная, истощенная голодом, привела меня на глинистый косогор, где она постоянно скоблит себе и сыну глину на пропитание.

— Скажи, разве это вкусно?

— Да.

— Но какой же у этого вкус?

— Гм-м... А ты никогда не пробовал?

— Я бы хотел попробовать. А твои родители тоже это едят?

— Конечно, и притом постоянно.

— Как же вы это зовете? «Красная глина»?

— Нет, мы зовем это «сладкая земля»...

— А вот на Севере, я знаю, это зовут «миссисипская грязь». Много ли еще людей едят глину в ваших краях?

— Конечно, много...

— Кто, например?

— Моя тетя...

По официальной статистике, десять миллионов американцев страдают от голода. Комиссия сената вынуждена была признать, что в штатах Миссисипи и Алабама каждая вторая негритянка вынуждена есть... Землю¹.

Он вспомнит: Якоб Хольдт из обеспеченной семьи, ни в чем не нуждался. Но в двадцать два года он успел во всем разочароваться: его не устраивали и «хилые ев-

¹ Хольдт Якоб. Американские картинки. — «Литературная газета», № 31, 29 июля 1981 г.

ропейские демократии». Но ему хотелось верить, что единственный «оплот надежды» — это Соединенные Штаты Америки. «Эта вера была во мне так велика, что я решил сделаться американцем...» — скажет позже Якоб Хольдт. За пять лет он пройдет по дорогам Америки сто шестьдесят тысяч километров, сделает пятнадцать тысяч снимков. Потрясенный всем увиденным, вернувшись домой, он напишет книгу и сделает фильм¹.

По данным, опубликованным в журнале «ЮС ньюс энд уорлд рипорт», в сравнении с другими жителями США индейцы вдвое чаще кончают жизнь самоубийством, в шесть раз чаще гибнут от туберкулеза, в восемь раз больше подвержены алкоголизму.

Их, краснокожих аборигенов Америки, белые завоеватели угнетали всегда, а нынешняя вашингтонская администрация и вовсе свела на нет ничтожные суммы, отводимые на их образование и здравоохранение.

Мировую прессу ударит сенсация: в США, в целях планомерного сокращения численности «неполноценных», по рекомендациям ученого-расиста Уильяма Шокли, в принудительном порядке стерилизовали каждую четвертую индеанку!²

Он долго молчал, прокручивая в памяти то, что ему ведомо об Америке и американцах. «У этой страны было и есть немало прекрасных людей, — подумал он. — Но и нечисти всякой, конечно, хватает...» Вот и Кэтрин Джефферсон. Кто она?! Джефферсон, Джеф-

¹ Фильм Я. Хольдта «Американские картинки» демонстрировался на Международном кинофестивале в Канне в 1981 году.

² Паллади А. И даже без права на материнство. — «Известия», 7 октября 1984 г.

ферсон... Томас Джефферсон, кажется, третий президент: «Главная и единственная задача хорошего правительства — заниматься жизнью и счастьем людей, а не их уничтожением». Декларация независимости — автор проекта. Может быть, родственник Кэтрин? Вернее всего, нет, просто однофамильцы...

«Почему не напишешь про вымирающие народы своей страны?» — спросил он.

Она промолчала.

«Я хочу сделать контраст, — наконец заговорила она. — Как живут эти народы у вас и у нас. Все как есть... Как остяки живут. Как думают, о чем думают. Как приходят на землю и как уходят. Как поют, любят, страдают, наконец. Словом, все-все...»

«Это надо ехать на Север», — сказал он и задумался. Он знал, что никакого материала она не наберет. В лучшем случае ей покажут образцово-показательный поселок — эту потемкинскую деревню двадцатого века, — которым потчуют всех гостей. Туда возят различные делегации и комиссии. Образцовая школа-интернат, коттеджи для учителей, детский сад, Дом культуры, музей, обшитые тесом с улицы и свежевывкрашенные дома коренных жителей... Местные власти не очень-то жалуют гостей не только дальних, но и ближних — ученых из Эстонии, Венгрии, ГДР. Всех пугает одно: как бы не увидели чего лишнего. В сущности же, просто похвастаться нечем. То, что было построено в тридцатые–пятидесятые годы, давно сгнило или пришло в крайнюю ветхость...

«Зачем тебе все это? — спросил он. — Могла бы без этого прожить».

«Да, могла бы прожить без головы, — согласилась она. — Но все время есть, пить... Неинтересно. Нужно что-то делать».

Теперь к нему пришла мысль, что, возможно, и она, вернее, ее предки причастны к колонизации

великого континента — Америки. К колонизации и истреблению народов континента. Причастные. Вроде бы в этом есть и доля ее вины. Хотя проделки предков сейчас никак не поправишь и ответа ни с кого не потребуешь. Отвечать некому.

«В истреблении людей приоритет принадлежит вашим колонизаторам...»

«Возможно. Но колонизаторы всех стран и времен совершенно одинаковые...»

«Да?»

«Колонизаторы английские, французские, испанские, русские и прочие. Будь они в Америке, в Африке или в Сибири. Все они одинаковые, все одного цвета».

«Колонизаторы русские?»

«А их не было?»

«Они не снимали скальпы. Даже в царские времена».

«Вам повезло. В отличие от индейцев».

«Повезло...»

«Конечно же, у моей страны приоритет во многих черных делах...»

По-русски она говорила с забавными оборотами речи: «Мне как будто холодно».

«Почему „как будто“? — смеялся он. — Говори просто: „Мне холодно“».

«Мне холодно», — как старательная ученица повторяла она.

«Теперь правильно».

«Я буду тебе сказать...»

«Надо говорить: „Я тебе скажу...“»

«Я тебе скажу...»

«Верно».

«Туда ходить не можно...»
«Туда ходить нельзя».
«Туда ходить нельзя...»

Он узнал, что у нее есть работа по поэтике мифических песен остяков. «Откуда материал?»

«Из архивов: Венгрия, Финляндия, ГДР. Регули, Мункачи, Кастрен, Карьялайнен, Сирелиус, Штайниц».

И они попрощались. Он смотрел ей вслед, и к нему пришла мысль, что общечеловеческое начало, несмотря на расовые, языковые и прочие барьеры, у всех чувствуется одинаково. У человечности одна природа...

С некоторых пор он открыл в себе способность «чувствовать человека в людях». Возможно, многие и вовсе не подозревают о том, что в них есть «темные пятна». О себе он тоже не мог определенно сказать, есть в нем такое пятно или нет. Но в других он почти безошибочно стал улавливать это, словно в нем сверхчувствительный «луч», что ли, как рентген, просвечивающий людей. Наверное, иногда могут повлиять какие-то обстоятельства и не исключена оплошность. Все может быть.

Он смотрел, как она идет легко и уверенно, словно родилась и выросла здесь и ей знакомы и близки все улицы и закоулки этого старого города. Во всяком случае, город принял ее. И принял хорошо... Возможно, так и должно быть: каждый, где бы ни жил, прежде всего обязан чувствовать себя человеком своей планеты.

Он начал думать о работе, которая добавит светлые краски в жизнь многих землян...

А потом пришла она. Пришла неожиданно. Она, как невидимка, всегда исчезает и приходит неожиданно. Она пришла грустная и тихая. И пристально, не отводя глаз, посмотрела на него.

«Пока ничего не получается».

«Почему?» — Впрочем, он все поймет без слов.

«Ах, наши боссы все никак не могут — как это называется — не могут сговориться, заговориться, договориться...»

Он все понял и без слов. Так и должно было случиться. Все дело в боссах.

И она ушла. Ушла и медленно растворилась в серых тенях осеннего дня...

28

Выехал Демьян на Родниковое озеро и остановил упряжку. И теперь, когда он услышал шум машин, вдруг с новой силой вспыхнул безжалостный огонь души. А перед домом надо убить эту жажду-боль, обязательно надо. Если уж не убить, так хоть приглушить. Нельзя ее домой привозить, никак нельзя. Ведь дом совсем рядом. До дома долготы одного вечернего оленя не будет. Нельзя с такой болью домой приезжать. Домашние от него не жажду-боль ждут. Нет, нет... Кто поможет ему избавиться от этой боли? Помог бы кто, хоть поговорить с кем. С кем же? Отца нет, братьев нет, сыновья еще малы... Да и далеко они, в поселке... Разве что искатели? К ним заехать?! Тем более что он не с пустыми руками. Продащице он правду сказал, когда покупал водку, — об искателях-гостях думал. Прикидывал, как встретит их в своем доме. Он знал, что к этой «белой водице» русские так же неравнодушны, как и многие его сородичи. Почитают особо, любят «к языку приложить» при встрече и расставании. Вроде разговор лучше идет. И, в отличие от сородичей, они крепки против этой водицы, так просто не валятся с ног. Крепки и, видно, давно привыкли к ней. А сородичи что? По-настоящему эту водицу увидели на его,

Демьяновой, памяти, когда отстроились поселки и открылись магазины. В старину-то раз или два в году к языку прикладывали, если выезжали на ярмарку в иртышские или обские города. Купцы в глубинку редко забирались.

Есть белая водица — захватить, что ли?! Убить жажду-боль, приглушить ее. Поговорить с людьми о жизни этой земли, о будущем ее. По душам поговорить... Искатели-родственники — вот кто поможет! Сам Медведев ему поможет, сам начальник искателей...

В нем подспудно жило предчувствие, что кто-то ему должен помочь. Теперь только ясно осознал, что острие стрелы, направленное на его зимовье и на его сердце, может отвести в сторону только сам Медведев. У него уже сложился в голове образ Медведева: бородатый и круглолицый искатель богатырского сложения с сильными огрубевшими руками. Но глаза веселые и добрые. Он даже голос его слышал: звучный и неторопливый. Вот он какой, начальник искателей Медведев!..

А ведь искатели, которых он видел, звали в гости, сами звали. Не чужой он им — родственник.

И решил он сначала посоветоваться с оленями.

— К искателям заедем, Вондыр?! — обратился он к жожаку. — Это ж родня наша. Они совсем недалеко от дороги, долго сидеть и гостить не будем. Скажем «здравствуйте», поговорим немного о жизни да о делах наших и скажем «до свидания». И все... Нельзя с плохими мыслями домой приезжать, понимаешь, Вондыр? Боль надо оставить в стороне, нельзя домой брать. От этого домашним будет плохо. Мы ведь не хотим, чтобы кому-то плохо было. Что, Вондыр, поедем?.. А ты, Пеструха, что думаешь? Тебе, конечно, не хочется — тебе поскорее домой надо, я понимаю тебя. Но и ты меня пойми — мне нужно увидеть начальника искателей Медведева. Мне с ним поговорить надо... Познако-

миться. Сначала я к нему приду, потом он к нам придет, гостем будет. Мы его хорошо встретим. Гостей встречать мы умеем. Мы его обязательно в гости пригласим. Он тоже из рода медведя, он наш родственник. Так-то вот, Пеструха! Вот такие у нас дела! Много у нас родственников, а иметь много родственников, скажу тебе, это приятно, да! Это я знаю!..

Затем он обратился к важенке Пирни:

— А ты что думаешь, Пирни? Тебе даже лучше, пока я у искателей чаевничать стану, ты отдохнешь. Есть ты не хочешь, я недавно кормил вас. А вот отдохнуть надо, у тебя ведь сил меньше, чем у других. Вот и полежишь, пока я чай буду пить у родича своего Медведева. Значит, Пирни, ты не против — поедем к искателям. Я там совсем немного побуду!

Демьян развернул упряжку в сторону виднеющегося невдалеке леса.

В снежном вихре ворвались они в грохот машин, в резкий свет электрических лампочек, крепкий дух резины и домиков. Он привязал упряжку, снял кумыш и заглянул в первый домик на бревнах-полозьях — там горел свет, потрескивала печка, но никого не было. Только в третьем домике, стукнув в дверь, он услышал голос:

— Заходи, кто там!..

Голос ему показался знакомым. Толкнул дверь и огляделся: перед самым входом пышущая жаром железная печка, вдоль стен спальные полки в два яруса, под низким потолком электрическая лампочка, в одном углу столик. За столиком, наклонившись, сидели два знакомых бородача — кучерявый парень и широкоплечий мужчина в голубой майке. Демьян еще ничего не успел сказать, как кучерявый проворно выскочил из-за стола и сунул охотнику свою жесткую холодную руку.

— Ко мне он приехал! — крикнул весело. — Это мой охотник, мой!..

«Разве у каждого искателя есть свой охотник? — соображал Демьян. — Почему он меня своим охотником называет?»

— Эй, Семка, наш приятель явился!.. Шире ворота — мой охотник идет!..

— Вижу, — пробасил мужчина в голубой майке. — Веди его сюда!

— Давай, дед, раздевайся — жарко у нас!

Демьяну хотелось сразу же разыскать Медведева, поговорить с ним и ехать, чтобы оленям не пришлось долго ждать. Но кучерявый цепко держал его за руку, а обижать его не хотелось, и Демьян развязал пояс и опустил на табурет.

— Ну как, холодно? Замерз малость?! — спрашивал Семка. — Раздевайся, погрейся!

— Зима, — отвечал Демьян. — Какая зима без холода?!

— Как съездил, Демьян Романыч? Как дорога? Какие новости?

— Ничего съездил, дорога хорошая, — отвечал Демьян. — Народ помаленьку живет. Тяжелоболеющих нет. Люди вроде здоровы.

— Есть хочешь малость?

— Есть не хочу. А пить хочу. Чай есть?

— Ты никак, батя, с похмелья? — спросил кучерявый Поля-Аполлон. — В поселке водка есть?

— Есть, — кивнул Демьян.

Хозяева переглянулись.

— Сейчас мы с Полей угостим тебя, батя! С мороза согреем малость! — весело подмигнул Семка и пояснил: — У нас тут сухой закон. Да я в город летал за запчастями, прихватил малость. Вот сидим, вечер коротаем, закон мочим...

— А тут гость — по такому случаю сам бог велел! — подхватил Поля.

— Счас мы хлебнем огненной водицы малость!

— Я бы чай выпил, чаю хочется, — сказал Демьян.

— Сначала огненной, а потом чай! — зарокотал Семка. — Чай никуда не уйдет. Успеется.

— Не уйдет, — согласился Демьян и, оглядев пустые полки, поинтересовался: — А где остальные искатели?

— В соседнем балке кино смотрят, — пояснил Семка. — Сегодня свежие кинобанки привезли. Пожалуй, фильма два подряд смотреть будут. У нас тут народ такой — все сразу им подавай, а кроме кино, ничего нет.

«Весело, однако, у них, — подумал Демьян. — В тайгу им кино привозят, как в городе живут. Самолет все, самолет привозит». Сами они с Анисьей видят кино очень редко — только весной и летом, когда в поселке бывают. Обычно после сезона в поселке устраивается Большой праздник охотников — в клубе поют, пляшут и кино показывают. Хороший праздник. Раньше таких праздников не было.

Между тем Поля разлил водку по кружкам, чокнулись и выпили. Семка стал еще словоохотливее, а Поля, наоборот, насупил брови и угрюмо поглядывал на бутылку.

— Что скис малость, друг ты мой Поля? — пробасил Семка. — Держи выше! Аль опять свою шмару вспомнил?

— А-а, оставь ее, — лениво отмахнулся Поля. — Оставь...

— Плюнь ты на нее! — весело зарычал Семка. — Плюнь, пока тебя не прогнала! Рано ль, поздно ль все равно прогонит, слышь?!

— Меня прогонит, не тебя, — так же равнодушно отмахнулся Поля. — Не твоя забота!

— Стерва она! Форменная стер-рва! — зарокотал Семка, видимо, задетый равнодушным тоном приятеля. — Гнать надо вовремя стерву! У-у-у, мне бы ее...

— Не трожь! — вдруг тонко взвизгнул Поля и, вскинув руки, подскочил к Семке. — Не трожь! — кричал он. — Не трожь! Она моя!..

— Да бог с тобой! — протянул Семка с улыбкой. — Бог с ней!.. Успокойся!..

— Она моя! — кричал Поля. — Лучше один раз с такой стервой... Лучше один раз...

— Да бог с тобой! — опять примирительно сказал Семка. — Бог с вами! Кто ее трогает!

— Не трожь! — повторил Поля, остывая. — Не имеешь такого права! Не трожь!..

Его трясущиеся руки опустились, и, тяжело хлопнув промерзшей дверью, он выскочил вон.

— Чумной какой-то! — проговорил Семка. — Пусть побегает! Мороз его быстро остудит!

Демьян молча сидел за столом.

— Точно, чумной малость, — опять заговорил Семка, поскольку собеседник молчал. — Баба одна сбила его с панталыку. А он, чумной, и мотается туда-сюда. В один год его на Урал гоняла. Он там богу, вернее, медведю, говорят, душу чуть не отдал. Но все же достал нужный ей минерал. Он все может, если захочет. У самого черта из преисподней целым и невредимым выберется за-ради этой стервы...

— А что это такое — минерал? — поинтересовался Демьян.

— Минерал?! Да камень какой-то. Не то хрусталь, не то что-то другое. Камень какой-то красивый, ценный камень. Ну, птица она не простая — эта баба-то, скажу я тебе. Видно, и вправду хороша стерва! Крепко присушила парня. Сейчас он словом не дает задеть ее. А выпьет еще немного — и сам начнет поносить на чем свет стоит. А кончится сезон — снова к ней. Да не пустой. Все, что она пожелает, доставит ей. Будь то хоть птичье молоко. Вот какая у него стер-рвоза, а не баба! Запутался он в сетях бабьих, что рыбешка ма-

лая, да!.. Я вот выпутать его хочу, да он ерепенится малость!..

Прислушиваясь к рокочущему басу собеседника, Демьян пожалел бездомного и неприкаянного парня Аполлона. Каково ему по белому свету туда-сюда мотаться?! Без отчего дома, без своей Звезды?! А потом пришла мысль: может быть, у него любовь? И он счастлив?! Но никто об этом не знает...

— Все ему говорят: «Плюнь ты на нее!» Не слушает никого! — рассказывал Семка. — До добра она, конечно, не доведет его. Бабы — они такие!.. Придет время — прогонит его, выкинет, как щенка! Вот что его ждет!..

— Он знает это? — спросил Демьян. — Ведь у него голова...

— В том-то и дело: знает! А что голова? Все равно делает по-своему. Вернее, как женщина захочет. Эх, Поля, Поля! Тебя изведет она... Твоя ненаглядная подружка!..

Слушая Семку, Демьян представил себе женщину Поли. Но он увидел ее вовсе не такой, какой нарисовал ее злой на язык Семка. Нет-нет, она совсем другая...

И он снова подумал о парне: может быть, у него большая любовь...

В то памятное лето, к концу пути, дожди, видно, все перепутали в жизни Демьяна. Вдруг он обнаружил, что начисто забыл о Рыбе Удачи. Он случайно наткнулся на нее и понял — все пропало. Испортилась Рыба. Надо было сразу же ее разделать и засушить. Он молча смотрел на Рыбу и размышлял о том, что раньше с ним такого никогда не случалось. Смотрел и молчал. И, как вода в реке, потекли мысли. Потекли, одна сменяя другую, другая — третью... Что же будет?.. Что впереди ожидает их?.. Что ожидает их в жизни?.. Что им пре-

поднесет Время?.. Что?.. Где?.. Когда?.. Скоро или не скоро?.. Радость или печаль?..

Девушка тоже почувствовала что-то неладное. Подошла, постояла молча, затем тихо спросила:

— Что случилось?..

Не сразу, после паузы, он сказал:

— Да Рыба Удачи... совсем плохая стала...

— Рыба Удачи?..

— Да, помнишь: птица подарила. В первый день.

— Ах, да...

— Это я позабыл. Совсем без ума остался.

Помолчали. Потом, как бы утешая его, она улыбнулась глазами цвета вечерней лиственницы и сказала:

— Не расстраивайся — я не верю в приметы. Это все так, придумывают разное...

— Это же Удача, — возразил Демьян. — А в Удачу надо верить. Как без Удачи-то жить?!

— Удача-то во многом зависит от самого человека. Никто за него ничего не сделает, он сам должен...

Демьян, немного поразмыслив, согласился:

— Так-то оно так. Но без веры в Удачу тоже нельзя. Так я думаю...

Рыбу Удачи он все-таки не выбросил на землю, как это делают с обычной испорченной рыбой, а, приподняв наджаберную пластину, по-хозяйски вдел в еловый сучок. Пусть хоть повисит до той поры, пока не «капнет» на мшаник. Когда же «капнет», то голова все равно останется на дереве и высохнет. Значит, Удача вся не уйдет бесследно, что-то сохранится...

Теперь же весь остаток дня Рыба была в его памяти, не хотела уходить. Он задумчиво смотрел то на девушку, то на тихий огонь костра. В его голове свивала себе гнездо мысль о конце. О близком конце. О неминуемой разлуке. И он понял и ощутил физически всем своим существом, что это самое тяжкое, самое беспросветное, трагическое, что ожидает его впереди. Он не знал,

будет ли что после... Будет ли?.. И душа взныла и яростно воспротивилась. И он, крепко прижав локти к бокам, невольно сомкнув пальцы рук и ног, весь сжавшись, как тугая пружина капкана, сдавил в себе эту боль... А ночью, в темени полога, рядом с Ней, вбирая в себя все ее тепло, все ее думы, всю ее самоё, он беззвучно, одними губами не то скажет, не то подумает:

«МОЖЕТ БЫТЬ, не НАДО ЕХАТЬ...»

И она также беззвучно, одним дыханием не то вслух, не то мысленно откликнется:

«Может, И не НАДО...»

— Жаль мне дружка-то! Жаль... — гудел Семка. — Пропадет малость. Ни за грош пропадет!..

— Человеку нельзя пропадать, — возразил Демьян. — Человек не зверь. Человек должен жить...

— А сколько людей пропадает! — вскричал Семка. — В поисках нефти-газа! В поисках денег! В поисках себя! В поисках черт знает чего!..

— В поисках себя человек не пропадает, — опять не согласился Демьян.

— Ах, как бы не так! — воскликнул Семка. — Тоже малость помотался по свету. Всякого насмотрелся, всякое видел...

А Демьян слушал и размышлял о жизни искателя Аполлона. Как пояснил Семка, это имя дали ему в честь какого-то древнего бога. Искатель с божественным именем? Вроде бы неплохо. И Демьяну хотелось его понять: кто он и чего хочет в жизни. Его ум какими путями-дорогами ходит?..

Слушал-слушал Демьян слова Семки да наконец заерзал на табуретке: пора разыскать Медведева. Сколько времени олени будут хозяина ждать. Им ведь домой хочется, на отдых и корм. И он тронул Семку за рукав:

— Главный искатель...

— Искатель?! — перебил его Семка. — Слово-то какое хорошее придумал: «искатель». Я еще на озере заметил, когда в первый раз встретились.

— Ты-то какой искатель?! — закричал ввалившийся в домик Поля — видно, не совсем еще остыл. — Ты-то какой искатель?! К искателям хошь примазаться?! Ты — сшибатель! Монету сшибаешь! Копейки, рубли сшибаешь! Вот ты кто!.. Тебе бы пахать да сеять, ты спец по этой части! У тебя дом, короеды! Жил бы жил! Да нет — мало показалось тебе! Все бросил! Нет, ты не искатель, ты — копитель! Тебе кучу надо! А на нефть ты плевал! Тебе только монету подавай!.. Слышь, батя! — повернулся он к Демьяну. — Он не искатель! Нет, искатель не он!

— Может, ты искатель, а? — засопел Семка. — Верно, я не искатель малость. А ты, ты — настоящий искатель, а?!

— Я тоже не искатель! — согласился Поля. — Я — бродяга! Я родился тут — и брожу тут! Не лезу туда, где меня нет!

— Слышал, батя? Он — бродяга! Бич! — Семка приблизил к охотнику малиново-широкое лицо. — Он тоже не искатель! Я честный копитель, а он бродяга. Кто лучше? Не бродяга, конечно...

— Это еще как посмотреть! — встрепенулся Поля. — Может, тут бродяга-бич более к месту?!

— А тебе, батя, разве не все равно, кто нефть ищет — настоящий искатель или нет? — спросил Семка. — Не все ли равно, кто нефть найдет? По-моему, тебе все равно. Какое твое дело до нефти...

— Как не мое дело?! Почему не мое дело?! — заволовался Демьян. — Мое дело — кто на моей земле нефть ищет! Как раз мое дело! Хороший или плохой искатель тут ходит...

— Твое так твое! — согласился Семка. — Сразу так бы и сказал, что нефтяное дело тебя тоже интересует.

— Так его, варяга, так, земля! — Поля одобрительно подмигнул охотнику. — Так его, пусть хозяина знает!

— Мое и есть! — громко повторил Демьян и, поднявшись и взяв малицу, спросил: — Главный искатель Медведев где тут живет? Я хочу видеть его.

— Нету Медведева.

— Как нету?! — остановился Демьян и дрогнувшим голосом переспросил: — Как нету?! Случилось что?! Заболел?!

— Не-е, в город улетел.

— А зачем улетел в город? — Демьян стоял с малицей в руках: не успел надеть.

«Какая беда, — соображал он, — главного искателя Медведева нету. Заехал только ради него, а его нет. Какая беда...»

— Что вскочил-то? Брось свой балахон, посиди еще! — остановил его Семка.

Демьян все мял в руках малицу и не решался ни надеть, ни положить на полку.

— А какой этот Медведев? — спросил он. — С бородой?

— Нет у него бороды. Всегда чисто бритый ходит малость!

— А роста... Большого?

— Тоже нет. Вот с тебя, батя, примерно ростом. Ниже среднего.

— А искатель он хороший? — все допытывался Демьян. — Настоящий искатель?

Семка с Полей переглянулись.

— Справедливый он искатель! — помолчав, ответил Семка. — Давно он тут, говорят.

— Строгий он искатель! — добавил угрюмый Поля. — Уважают его мужики! Вот он — искатель!.. Никто не будет отрицать это!

— А голос у него какой?

— Голос?.. Крепкий у него голос. Мужской.

— А зачем он тебе нужен? — заинтересовался Семка.

Демьян неторопливо ответил:

— Он мой родственник.

— Как родственник?! — воскликнул Семка.

— Родня?! — удивился и Поля. — Как так?!

— Родственник! — подтвердил Демьян. — Родня!

И он не спеша рассказал им свою родословную и про свое родство со всеми людьми Вселенной.

— Разрази меня гром — это великолепно! — заорал Семка. — Ну, батя ты мой, Демьян Романыч, давай хлопнем за братство-родство! Чтобы всем чертям тошно стало малость! Где кружки? Поля, наливай!

Выпили. И Демьяну так понравился тост, что он сходил и выставил на стол все, что купил для искателей, и сказал:

— За братство-родство!

— Жаль, ей-богу, жаль — не ведаю, откуда мой род идет! — бубнил Семка, обняв Демьяна. — Может, и я твой родственник!

Кто-нибудь наливал в кружки, чокались и пили.

Поля нервно поглаживал твердый подбородок — весь он неожиданно ожил, и его неуловимые глаза заметались еще быстрее.

— Ты и вовсе без роду-племени! — махнул на него Семка. — Все равно не подходишь к бате Демьян Романычу, не примазывайся!

Но Поля подвинулся к Демьяну и, не обращая внимания на Семку, тихонько стал расспрашивать охотника:

— Родственники должны помогать друг другу? Так?

— Так, так! — согласился Демьян.

— И мы с тобой можем быть родственниками. Я родился на этой земле. Значит, есть шанс — мы с тобой тоже родня?

— Есть, конечно.

— В таком разе помоги, Демьян Романыч, своему родственнику Аполлону! — торжественно-трагически произнес Поля и, вскинув голову, ребром ладони чиркнул по горлу. — Вот как нужно!.. Поможешь — вовек не забуду!

— А как помочь надо?

— Дай мне рога твоего пестрого оленя! Больше ничего не нужно мне!

— Чего же, вот весной отпадут — и привезу! — добродушно улыбнулся Демьян. — Каждый год новые рога нарастают, чего же не отдать?

— Нет, мне сейчас нужны, понимаешь? Сейчас!

— Ну, можно отпилить, пожалуй! — протянул Демьян после паузы. — Хотя важенке рога не отпиливают, не делают этого.

— Ты не понял: мне с черепом рога нужны, понимаешь? Без черепа они ни к чему!..

— С головой, что ли? — уточнил Демьян.

— Во-во, с головой!

— Нет, с головой никак нельзя!

Демьян долго молчал, вполуха слушал Полю. В голове у него глухо шумело и мысли разбегались куда-то. Он надел наконец малицу, вытянул пояс из-под лежавшего на полке Семки. Тот, видно, и вправду на совесть «хлопнул» за последний тост и сейчас всю храпел.

— Я заплачú! — убеждал его Поля. — Сколько пожелаешь — заплачú!

— Пеструхе цены нет, — покачал головой Демьян. — Нельзя ее за деньги!

— А за что можно? За что?

— Вот если бы ты умирал да тебя могла спасти только Пеструха...

— А может, я на волоске от смерти, а?! — И Поля еще раз чиркнул себя ребром ладони по горлу. — Может, жизнь моя поставлена на карту, а? Ведь не померешь, ведь проживешь, а?!

— Я-то проживу, пожалуй, — согласился Демьян. — Но у Пеструхи есть еще сын Пев, есть Анисья, Вера и Таисия...

— Во-во, видишь — сам-то проживешь! — обрадованно перебил его Поля. — Ты главный хозяин! Давай по-родственному — выручи! Хочешь, дам последнюю бутылку водки?! Последнюю, самую бесценную!

— Нельзя, не по-родственному будет! — упирался Демьян.

— И за деньги не по-родственному, так?!

— Так, — кивнул Демьян и попытался растолковать Поле, что по-родственному — это когда без всякой корысти, когда по-иному никак нельзя, когда по-доброму только можно.

— А твое родство, выходит, только на словах! — напирал Поля. — А как до дела дошли — так в кусты!.. Так, что ли? Оно ничего на словах-то не стоит. Я тебе десять коробов всякой всячины могу наговорить!.. А дело надо, дело. Мы люди деловые, зря не треплемся!.. А у тебя все на словах, выходит, а?!

— Не на словах! — озлился наконец Демьян. — Не только на словах! Нет, ты меня совсем не понял! Не так понял! Твой друг Семен! — Он поискал глазами Семку, храпевшего на полке. — Твой друг понял, а ты нет!..

— Так ты объясни! — притворно обрадовался Поля. — Садись, сейчас разберемся.

И Демьян в третий раз, теперь уже не снимая малицы, тяжело опустился на табурет. В голове сильно шумело.

Ему стало тоскливо. Ведь Поле, чтобы понять, что значит Пеструха для семьи охотника, надо побывать в его, Демьяна, шкуре. Надо понять Анисью, дочерей Веру и Таисию, сыновей Ювана да Микуля. Надо понять сына Пеструхи — маленького олененка Пева. Даже собак Харко и Кутюви надо понять...

И тут Демьян с ужасом почувствовал, что язык плохо слушается его — водка сделала свое дело. А без языка как?! Никак нужное слово не родишь! Беда!.. Духота спертого воздуха и жар раскаленной печки ударили в голову, и все поплыло в зыбком тумане, потонуло в топкой болотной трясине...

Очнулся он на своей постели. Глазам больно от светлого оконца, заставленного куском льда. И он отвел взгляд в темный угол, где ничего не видно, где чернота. Анисья стукнула дужкой котла возле чувала, и снова все стихло, будто в доме был покойник. Демьян пошевелился, кашлянул и попросил воды.

Подавая ковшик с водой, Анисья недобро осведомилась:

— Где Пеструха?!

Демьян пил медленно и долго. Слишком долго и медленно. Но вода наконец кончилась, он выпрямил онемевшую руку. И так сидел с вытянутой рукой, в которой мелко подрагивал ковшик. Нет Пеструхи, сообщил он. И в одно мгновение похолодело нутро: вот отчего болела душа, вот отчего было ему плохо. Одно временно стало и легче, и тяжелее. Легче, потому что выяснилась причина боли. Пришла беда, она определена и теперь не так страшна. Страшнее само ожидание беды. Тяжелее, потому как потерял родоначальницу оленьего рода, надежду на завтрашний день. А впереди опять неизвестность...

— Где Пеструха?! — повторила Анисья, не замечая ковшик.

— Пеструха?.. — осторожно переспросил Демьян и, помолчав, хрипло сказал: — У машинных людей был. С главным хотел поговорить... — И он поведал об искателях, которые идут на них.

На улице тоскливо взвыл Харко, хотя днем он никогда этого не делал.

Анисья машинально подняла ковшик, выскользнувший из руки мужа, и выдохнула напряженно и сипло:

— Сколько?!

— Не знаю, — тихо ответил Демьян. — Там было очень жарко, я разум свой потерял. Ничего не помню... — Помолчав немного, он повторил: — Не помню ничего. Но больше одной у них не оставалось.

И ему показалось, что в неподвижных глазах жены блеснула надежда.

В доме опять все стихло.

Демьян лежал опустошенный и похолодевший, прикрыв глаза рукой — не мог смотреть на белый свет. «Не только Пеструху, а ведь Анисью потерял, — думал он. — Надолго теперь потерял, если не насосем, один остался опять. Да что Анисью — может быть, самого себя уже потерял...»

По знаку Анисьи зимовье вдруг ожило. Она с дочерьми начала рыться в мешочках с шитьем, игольницах, в берестяных туесках и кузовках — тихо брякнули монеты. Жена с дочками собирали мелочь, что оставляли на дне мешочков и туесков на удачу. Эту мелочь никогда не трогали, только в самый черный день вспоминали о ней.

Демьян приподнял голову и увидел отчаянное лицо жены: она держала сак младшей дочери Таисии и смотрела на продетую в жилу трехкопеечную монету — украшения на детской одежде никак нельзя срывать, это большой грех, ребенку будет плохо. Но в голове Анисьи, видимо, билась лишь одна мысль —

о спасении Пеструхи, которая не могла остановить ее ни перед чем: сначала надо попытаться отвести беду, что уже стучится в дверь, а там что будет — того не миновать. Поэтому она наконец решилась и одним махом срезала трехкопеечную монету. Демьян понял: все перетряхнули жена и дочери, а не могут набрать трешку с копейками на спасение оленихи... Он хотел сказать жене, что эта медь не поможет — надо бы мехами, шкурами, на худой конец мясом или рыбой. Но все это теперь, пожалуй, ни к чему — слишком много времени прошло, бесполезно все. И Анисью отговаривать тоже бесполезно — не станет слушать, он хорошо ее знает. Одно не мог понять — зачем она девочек с собой берет, зря ведь промерзнут только.

Харко старческим воем проводил нарту Анисьи.

Стих скрип нартовых полозьев, и в дом вернулась тишина. «Вот ведь как мир устроен — Пеструхи уже нет, а я лежу тут, живой, когда следовало бы захлебнуться той водкой — не захлебнулся... Виноваты ли искатели-родственники? Виноват ли один Поля? Ведь не силой Пеструху-то взяли. Сам к ним заехал. А теперь вот поставил искателей под удар Анисьи... Нехорошо получилось...»

Лежал он в своей постели, и казалось ему — то плыл неизвестно куда, то проваливался в бездну и растворялся в сумрачном холоде. Не сон и не явь, а страшный кошмар с дырявой монетой. Вспомнил, как Анисья срезала дырявую трехкопеечную монету и положила в пустой кошелек. Дырявая монета, дырявая монета... За Пеструху, за надежду... Что стоит дырявая монета? Что стоит дырочка? А дырочка-то кое-чего стоит, пожалуй. Острые стрелы вот. Стрела пронзила сердце и умчалась дальше, чтобы поразить сосны и кедры, зверей и птиц. Она оставила в сердце пустоту, дырочку. Теперь он словно наяву увидел на ладони жены дырявую монету, увидел, как дыра эта стала увели-

чиваться и в нее бесследно уходят Пеструха, жена Анисья, сыновья и дочери, звездное небо и земля предков. Его охватил ужас, хотелось, чтобы кошмар немедленно умчал его в страну предков, в Нижний мир, но этого не случилось.

Вырвал его из кошмара хриплый вой Харко.

Он очнулся и услышал скрип снега — к зимовью подъезжала нарта. Вместе с холодом вошли Анисья и дочери. Глянув на постаревшее лицо жены, Демьян все понял. Когда совсем невольно стало ее тягостное молчание, он тихо спросил:

— Что?..

Она пустыми глазами скользнула по темному углу, где он лежал, бесстрастно и вяло сказала:

— Сожрали.

Помолчав, добавила еще несколько слов, из коих Демьян узнал, что она стыдила искателей — за трешку сгубили олениху, которой цены нет. Да, видно, стыд свой они давно растеряли.

— Рога надо было спилить, — закончила Анисья. — Рога им шибко понравились. Чтоб подавились!..

Она тихо и печально опустила на чурку возле чувала.

Демьян повернулся лицом в угол, чтобы побыстрее раствориться в темноте и ничего не слышать, не чувствовать. Но мысли роились в голове, не давали покоя. Он думал о Пеструхе. Все. Конец. Пеструху убили. Убили. Никто не отпевал ее душу. Значит, случилось убийство. Если бы он, Демьян, был там, как это ни горько, он бы все сделал так, как того требует обычай. Демьян никогда не убивал оленя. Он всегда исполнял длинный старинный обряд возвращения души оленя какому-нибудь богу, обряд возвращения души оленя природе. Олень уходил, но душа его оставалась, и через некоторое время он снова приходил на землю в образе нового оленя. Конца не было, жизнь продол-

жалась... Люди становились лицом к оленю, и особенным голосом, протяжным речитативом, Демьян начинал обряд возвращения души: «Отт-то-то-то-о-о-о-о!..» Без этого обряда рука у него не поднималась на оленя. Впрочем, все старшее поколение придерживалось этого обряда. Правда, слова были трудные и ведомы не каждому. Поэтому соседи обычно приглашали Демьяна... А вот Пеструху убили по-варварски, без всякого обряда. И она не сможет вернуться на землю, на свое ягельное пастбище. Продолжения жизни не будет. Все пошло вперекос. Может, началось это с гибели Бежавшего Озером, сына Пеструхи.

В то лето возле оленника жил дядя Василь, дымокур поддерживал. Когда комар пошел на убыль, уже на исходе лета, пропал Бежавший Озером. Через день или два, обходя пастбище, дядя Василь наткнулся на издыхающего быка с простреленной шеей. Причем входное отверстие пули было сверху. «Вертолет подстрелил, — объявил старик. — То-то все над болотом кружил...» Видно, стреляли на чистине, открытом месте, а раненый олень убежал в сосновую гриву, куда вертолет не мог приземлиться.

Демьян сначала не поверил рассказу дяди Василя. Но когда увидел шкуру оленя, замолчал. Он слишком хорошо знал, какой след оставляет пуля при входе...

Так погиб Бежавший Озером, который, если был бы жив, в этой поездке заменил бы Пеструху. И тогда, может быть, все вышло бы по-другому... Впрочем, чему быть — того не миновать...

Сколько времени прошло, Демьян не знал. Очнулся от голосов дочерей. Видно, девочки поссорились.

— Я Пеструху запрягу! — кричала младшая Таисия. — Моя очередь! Моя!

— Нет, моя! — убеждала старшая Вера. — Ты сейчас на ней ездил! Ведь ездил? Скажи: ездил?

Они играли в свою обычную игру: в игрушечные нарты «впрягали» чурочки, рога и другие предметы и на веревочках возили по полу, будто упряжку оленей.

— Да моя Пеструха!

— Нет, моя! Не дам!

Услышав имя своей любимицы, Анисья вздрогнула и вскинула голову, оглянулась, словно чаяла увидеть олениху.

— Где Пеструха?! — отрывисто выдохнула она.

— Вот она, — пролепетали разом присмиревшие девочки и показали на бутылку с темной металлической пробкой.

— Дайте сюда! — приказала Анисья.

Девочки подали ей бутылку.

— Где взяли?

— Под папиной малицей нашли, — сказала Вера. — Когда малицу убирали.

— Там, там, — подтвердила Таисия. — Мы ее играть взяли, она такая гладкая.

— Выбросьте бутылку, — попросил Демьян из своего угла, при упоминании о ней тошнота стала подступать к горлу. — У меня за пазухой была, наверно. Выбросьте, а!

— Ты погоди! — жестко сказала Анисья. — Тут еще на доньшке есть, на два-три пальца. Ты погоди, ты уже свое отгулял! Ты пого-ди-и!..

И Демьян уловил в сухих глазах жены колючий огонь отчаяния.

— Ты пого-ди-и! — недобро повторила она.

Теперь она сидела, уставившись невидящими глазами куда-то в пространство, словно хотела вызвать образ преждевременно ушедшей оленихи.

— Я Пеструху помяну! — сказала она решительно. — Раз она ушла, раз оставила нас, значит, на роду у нее так написано. Значит, такая у нее судьба, а судьбу не повернешь куда захочешь. Помяну ее!

С этими словами Анисья вытащила маленькую чашечку и зашептала что-то.

«Не повредился ли у нее рассудок, — забеспокоился Демьян. — Кто поминки по оленю устраивает? Олень есть олень, это тебе не человек. Никто не делал этого, что за новый обряд выдумала Анисья? Зачем теперь все это — Пеструху-то все равно не вернешь!»

— Ицьк Торым¹, — внятно сказала Анисья, одновременно и жалея и осуждая Верховного бога своего, и с горьким отчаянием на лице опрокинула чашечку.

Опрокинула — и замерла! Будто в чашечке был сильный яд, что мгновенно поразил ее. Сведенное судорогой лицо. Закаменевший открытый рот. неподвижные глаза. Сидела так несколько мгновений — без движения, без дыхания. Лицо мертвецки побледнело.

— Мама-а! — закричала Таисия.

Анисья вздрогнула и вдохнула воздух. Поднесла бутылку к глазам, а правой рукой нащупала доску-правило и ударила мужа по вытянутой ноге.

Доска разломилась на две части.

Демьян вскочил, оторопело вскрикнул:

— Што?! Што случилось?!

— Смотри, смотри, что тебе дали дружки твои! За Пеструху что дали! Смотри, смотри хорошо! — И Анисья сунула под нос Демьяну пустую бутылку.

Демьян тупо уставился на нее:

— Што смотри?! Што?!

— Метку смотри, метку!²

— Метку?! Обыкновенная метка... Бумажная, — растерянно пробормотал Демьян.

Анисья вырвала бутылку из его рук и по слогам прочитала:

¹ Ицьк Торым — переводится приблизительно: «О-о, Господи!», но произносится с различными оттенками — от мольбы до угрозы.

² Метка — здесь: этикетка.

— Тю-мен-ская ми-не-раль-на-я во-да! Слышишь: вода! Значит, ингк — во-да! Пеструху — за бутылку воды! Где ты есть, Торым?!

— Что ты чепуху мелешь?! — забормотал Демьян. — Что искатели, не люди? Придумала — за бутылку воды! Это они в придачу дали, видно! В придачу воду дали, слышишь?!

Присмотревшись, Демьян увидел: точно, метка на бутылках с водкой не такая, там рисунок совсем другой. А следы-слова на этой метке распутывать он не умел, а Анисья умеет — вот и напирает на него, будто подшутили над ним искатели. И он впервые за свою жизнь горько пожалел, что не научился грамоте.

— Там соленая вода! Там горькая вода! — зловеще шептала Анисья. — Разобью бутылку... О головы твоих родственников, о головы твоих дружков! О твою голову разобью! — повернулась она к мужу. — Навсегда вышибу из тебя родственный дух! Никогда не захочешь иметь таких родственников! Надо было пораньше вышибать из тебя этот дух, да родственников таких не попадалось.

Но до головы Демьяна она не добралась — задела край чурки, и бутылка разбилась раньше времени. Осколок порезал руку, и кровь потекла ей на полы сака.

— Рука в крови, — сказал Демьян. — перевязать нужно, слышишь?

Но Анисья не слышала его.

— Жизнь наша соленая-пересоленая-а-а! — зарыдала она и между рыданиями посылала проклятия то ли бутылке, то ли мужу, то ли искателям — возможно, всем сразу.

Кровь попала на лицо, и казалось, она плакала кровавыми слезами.

В голос заревели перепуганные дочери Вера и Таисия.

Шум вырвался из дома, и, услышав его, на улице завыл Харко и забрехала Кутюви.

Демьян метался по зимовью, пытаясь помочь жене и успокоить дочерей. Но, так и не добившись ничего, выскочил на улицу.

Холод отрезвлял его. Он ходил по плохо утоптанному коралю, а Харко сидел возле конуры, молча и понимающе смотрел на хозяина. Когда тот приближался, он поднимался и слабо помахивал хвостом, будто извинялся за тоскливое и печальное вытье в последние дни.

Сначала Демьяну хотелось отмщения — немедленного, сию же минуту. Но, немного успокоившись, подумал, что если бы умел читать, то, может быть, не случилось бы всего этого: уж самый что ни на есть последний искатель держал бы себя по-другому с грамотным охотником. И жена Анисья не напирала бы на него, будто подшутили над ним искатели, — была бы уверена, что он распутал бы следы-слова на метке. Эх, не выучился грамоте, не выучился! А ведь почти год ходил в школу, почти весь букварь прошел, да тут война грянула, ушли мужчины на фронт, не до учения стало.

Взяла война время его учения.

До учебы ли было?.. Самой тяжелой была для него вторая военная зима. В ту зиму стал он маленьким каюром, помогал матери — на оленьих упряжках возили рыбу до села на берегу Оби, оттуда уже на лошадах переправляли ее дальше. Председатель колхоза Коска Большой жестко отсчитывал время: сколько дней туда, сколько обратно, и ни дня, ни часа больше. И провожал всегда одним суровым словом: «Фронту!» Ездили, возили мешки с мерзлой рыбой и возвращались к сроку. Но помнится, очень хотелось спать, постоянно хотелось спать. Это было самым тяжким испытанием. Как только распрягали оленей на кормеж-

ку, падали в снег — лишь бы подремать. Сон побеждал все — и кружку кипятка, и костер, и пищу. А слезы мутными льдинками скатывались со щек женщин-каюров и мальчиков-погонщиков.

А в последний год войны он уже петлял-выслеживал зверя в тайге, лунки долбил на реках-озерах для невода и сети. Никто не принуждал делать это, можно было учиться. Но кто-то должен был зверя добывать, рыбу ловить, отцу да братьям на фронте помогать. Он хорошо выучил грамоту тайги, хорошо усвоил почерк зверей и птиц. Война помогла выучить все это до срока. А вот грамоту букваря не одолел, все перезабыл. Да и немудрено: в тайге-то читать нечего было в те годы. А теперь кого винить, что не выучился грамоте? Кого? Войну? Фашиста? Время... Себя?! Может быть, сам виноват во всем?

Из зимовья вышла Анисья с красными от слез глазами, но спокойным лицом. Взяла мужа за руку.

— Домой пойдем, холодно, — тихо сказала она. — А-а, как-нибудь проживем... Сын Пеструхи уже большой, обойдется.

И она, как ребенка малого, повела Демьяна в дом. Он лежал на своей постели и слушал, как по коралю с хорканьем носится Пев — плачет и зовет свою маму-олениху. Подумал с сожалением, что нет даже крови Пеструхи смазать носик олененка. По старинному обычаю, если сделаешь это, у осиротевшего олененка меньше будет болеть сердце по матери, он меньше будет плакать.

Теперь, прислушиваясь к плачу Пева, он понял, что, в сущности, Анисья права: какая разница между бутылкой минеральной воды и бутылкой водки?! Никакой! И то, и другое ничего не стоит...

Вполголоса переговаривались дочери, у чувала хлопотала Анисья. Зимовье медленно оживало, приходило в себя, словно после тяжелой болезни. «Со време-

нем оправится и Анисья, — думал он. — Она сильная». И самому, может быть, полегчает — спасет дивная Земля предков, что поставила его на ноги. Он был что дерево, которому не раз подрубали корни и ветви, но он яростно цеплялся за жизнь, за землю и снова оживал — пускал новые корни.

Он встал, вышел на улицу — казалось, там будет легче. Немного потоптавшись возле нарт, снова вернулся в зимовье. С улицы тянуло в дом, а из дома — снова на улицу. Нигде он не находил себе места.

— Что ты мечешься?! — проворчала Анисья. — Холоду напустишь!

— Что?! — остановился Демьян. — Холод?! Уже напустил холода...

Выйдя опять на улицу, он вдруг остановился пораженный: Харко что-то давно не подает голос! И вздрогнул в предчувствии недоброго. Медленно подошел к конуре: Харко с натянутой цепочкой лежал на животе, вытянув морду в сторону зимовья. Глаза его уже затянуло пленкой. Демьян долго и безмолвно стоял над ним: хорошую жизнь прожил Харко, не раз приносил хозяину удачу, старый и мудрый был, все понимал, но не вовремя умер. Демьян думал, что он дотянет до теплой весны и встретит перелетных птиц. Не дотянул... Впрочем, какая смерть бывает ко времени?! Пеструха тоже думала о весне, о свежей травке, о тепле и детях, а вот не дотянула...

Похоронил он Харко в сосняке за коралем: выкопал в снегу яму и правым боком вниз положил его туда. Но Харко, хотя уже окоченел на морозе, словно живой, снова поворачивался на живот — не хотел лежать на боку. И Демьян, измучившись, так и оставил его — будто ползущего куда-то с вытянутой заиндевевшей мордой. Может быть, к дому, к человеку? Демьян поспешно накрыл его лапником, присыпал снежком и отошел.

Сумерки окутали сосновый бор и зимовье. Бледная полоска зари уходила за горизонт, а вслед за ней опускалась и Звезда Вечерней Зари. Помнится, в детстве спрашивал у отца и про эту звезду:

«А для чего Звезда Вечерней Зари на небе живет?»

«А чтобы ты мог узнать, когда приходит ночь, — это главная звезда ночи».

«Я без этой звезды могу узнать, когда ночь приходит. Когда совсем стемнеет — значит, тогда и ночь пришла».

«Темнота — это еще не ночь, это еще только вечер. Вот когда Звезда Вечерней Зари упадет за горизонт, тогда ночь наступит. Полная ночь наступит — на земле и на воде ничего нельзя тогда тревожить».

«Почему нельзя тревожить?»

«Потому что деревья засыпают, звери и птицы засыпают. Земля засыпает. Все спят».

«А кто главнее: Звезда Утренней Зари или Звезда Вечерней Зари?»

Отец немного подумал и сказал:

«Для человека главнее Звезда Утренней Зари: ведь восходить труднее трудного, а падать за горизонт легче легкого. Так я думаю. А ты как думаешь?»

«Я тоже так буду думать: Звезда Утренней Зари тянет вверх, а Звезда Вечерней Зари — вниз».

«Да, подниматься трудно, а падать всегда легче».

«А для кого живет Звезда Вечерней Зари?»

«Как для кого? Для людей живет».

«И для меня живет Звезда Вечерней Зари?»

«И для тебя она живет, как и ты для нее. Все люди на земле для кого-то живут...»

С тех пор он стал думать, что для него живут и Солнце, и Луна, и Звезды, и Земля. Тогда, в детстве, он считал, что жизнь его бесконечна, как и у небесных светил и Земли. Теперь уже он не собирался жить

вечно, но в отпущенные ему дни все было для него, как и он — для всего и для всех.

Он отряхнул кисы от снега и прошел в ворота коралля. Одиноко чернела в ночи конура Харко. Пусто и тоскливо стало без него, без его живого негромкого воя. Кутюви не смела при хозяине взвизгнуть, молча наострила уши в сторону Родникового озера, где нарушали ночную тишину искатели горючей нефти. «Хоть бы взвыла, что ли, — подумал Демьян про Кутюви. — Друга не стало, а не догадается даже взвыть. Выла бы, когда положено выть». Но собака молчала — экая бестолковая.

Возле нарты, свернувшись удавкой, валялся кожаный плетеный аркан, совсем еще новый и крепкий. «Порядка вовсе не стало, — подумал Демьян. — На место надо положить, почему он со своего места убежал?!» Он поднял аркан и машинально сунул его под мышку. Теперь он ходил по коралю и думал о Пеструхе, о Харко, об искателях, об аркане, который зачем-то попался ему на глаза. Вспомнил предание о том, что много-много лет спустя мужчины возвращаются из потустороннего мира на землю в образе таежных птичек. А почему бы им не превратиться в звезды?! Ведь звезды, наверное, нужнее человеку, нежели таежные птички?! Тогда бы весь род Демьяна и он сам с небосклона светили бы на землю, смотрели бы на тайгу, на знакомые реки и озера. И он увидел бы всех своих родственников и... Ее, первую. Ее. Он так долго думал об этом под таинственными ночными звездами, что и сам наконец почувствовал себя Звездой Утренней Зари. Никогда раньше он не ощущал себя Звездой Утренней Зари. Никогда раньше он не ощущал себя звездой, а сейчас впервые и вот так сразу будто стал Звездой Утренней Зари. И он понял, как непросто быть человеком и как непросто быть звездой. Теперь и Небо,

и Земля смотрят на него так, словно он стал их центром и от него зависит в будущем жизнь и небесная, и земная. Теперь он должен сделать для них еще больше, нежели будучи на земле. А под силу ли это ему?! Ведь говорил же отец, что восходить всегда труднее, а падать легче. Но лучше раз взойти и взглянуть на все с высоты звездной, откуда виднее, кто тянет вверх, а кто тянет вниз. Виден каждый человек — и охотник, и искатель, и любой родственник.

Он почувствовал себя Звездой Утренней Зари. Он стал Звездой Утренней Зари. Если он не взойдет однажды — утро не придет, солнце не придет, день не придет. Что же тогда делать человечеству?! Может быть, тогда Жизнь начнется сначала?! И все-все начнется сначала?! А если вообще не начнется и не будет начала?! Что тогда?! Наверное, будет Вечная Ночь — и вечный холод, и вечная темнота, и вечная слепота?! Нет-нет, этого нельзя допустить, думал он. Никак нельзя допустить. Нельзя.

Закатилась Звезда Вечерней Зари, и пришла ночь. И стало еще темнее.

А он был Звездой Утренней Зари. Он чувствовал себя звеном той связи, которая соединяет воедино все то, что называется Жизнью, — и Солнце, и Звезды, и Землю, и людей — близких и дальних родственников. Без него немислима Вселенная... Но закатилась Звезда Вечерней Зари, пришла ночь — и настало время его ухода. И он замер, и в самое последнее мгновение перед его мысленным взором промелькнули все дни жизни на земле с их радостями и печальями, с блаженством и муками, с вечною первою любовью... И, ощутив упругое тело аркана, он шагнул в черноту ночи, уверенный в том, что, когда придет время, он взойдет на востоке Звездой Утренней Зари и принесет людям новый день...

1977–1987. *Варьёган–Ханты-Мансийск*

Некоторые размышления о возрождении народа и о сути литературного творчества. Концепция «Отражения и выражения» (жизнь и творчество Е. Д. Айпина)

Бесславное завершение «бетонной» эпохи в России XX века ознаменовалось неслыханным ураганом свободы, который поднял из скрытых глубин на поверхность человеческой жизни всю память и боль *подземных* лет. То, что казалось уже забытым и не востребуемым в ежегодных первомайских улыбках, возвратилось мутными водами прошедших лет на поверхность нашего сознания. В свое время бывшая Идеология, повинная во многих преступлениях против людей и народов, настоятельно требовала всё *забыть*, но добилась, посредством силы и внушаемого страха, всего лишь громогласных, ничего не стоящих деклараций. В реальности ни отдельные личности, ни целые народы ничего *не забыли*. Ибо целостность жизненного процесса зиждется всегда и только на справедливости, которую ждут и требуют, вне зависимости от давности событий.

Среди личностей хантыйского народа одним из ярких представителей тех, кто вынес боль и сохранил память, является писатель Еремей Айпин. На примере его политической и творческой жизни, мы можем четко проследить, как его народ находит в себе свои наилучшие элементы и, благодаря им, спасает себя. Рефлекс коллективного выживания, в силу которого каждый этнос, обладатель своих ми-

фов, своей истории, своих героев, способен пойти на любые жертвы, так же как и найти в своем лоне лучших представителей, помогает сохранить его фундамент, его суть. Таковы, к примеру, Солженицын и Шаламов у русских, Айтматов у казахов, Шесталов у манси.

В поисках внутренней встречи с народом

Творческий путь Айпина основан на вышеуказанных постулатах и обозначен двумя главными тропами. Будучи еще подсоветским писателем и чувствуя свою внешнюю оторванность и размежеванность с хантами, Айпин, практически с самого начала своего писательского существования, ищет возможность *внутреннего* контакта со своим народом. Этот процесс, протекающий в неосознанных еще потемках сознания, постепенно приобретает более отчетливые литературные формы. Иными словами, обретая писательский опыт, автор начинает понимать, что его воображение, его взгляд на мир, его память и эмоциональные ассоциации не являются, строго говоря, только его личным миром, его частной интеллектуальной и творческой собственностью, но что глубинный источник его таланта и мышления основывается на коллективной памяти и воле народа. Именно в силу этого в таких произведениях, как *Клятвопреступник*, *Ханты*, или *Звезда Утренней Зари*, Айпин, строгий хранитель традиций, старается наиболее близко соприкоснуться с миром хантов, чтобы в первую очередь подтвердить в себе свое назначение, свою миссию и свою *должность*, а затем наилучшим образом организовать защиту вверенных ему *ценностей*. Нет необходимости повторять, что этот процесс был многолетним, нелегким и сопровождался постепенным осознанием исторической, культурной (особенно в аспекте устной литературы) и религиозной жизни хантов. Основные темы, затронутые в произведениях Айпина и отвечающие на вышеставленный диагноз, суть следующие:

- *сожаление о потерянном прошлом хантов,*
- *сожаление о потерянной и непрожитой в человеческой нормальности истории хантов,*
- *сожаление об уничтоженной древности народа, о потере его огромных территорий,*
- *сожаление о забытых традициях народа, об угасающем языке хантов,*
- *сожаление о постепенном исчезновении веры и кровавом запрете шаманизма,*
- *сожаление об утрате Мира, где ханты жили по законам богов и богинь, Духа Земли, Матери-Огня, Матери-покровительницы,*
- *сожаление о прошлом самой России и ее истории, о белом Царе, при котором хантам жилось трудно, но свободно.*

Все перечисленные темы так или иначе встречаются в таких произведениях Айпина, как то: *У гаснущего Очага*, *Божья Мать в кровавых снегах* и т. д. Острота и многогранность взгляда писателя указывают, в начале пути, не столько на окончательное чувство восприятия всего происшедшего, которое придет позже и выразится в массивном разгневанном *Слове*, сколько на стремление к пониманию адекватной реальности народа во всех его исторических аспектах и к усилению связи с ним. Айпин понимает, что для дальнейшей идентификации жертв и виновных он обязан, в первую очередь, возобновить в самом себе вновь осознанную принадлежность к хантам, свой диалог с ними и что совсем недостаточно себя считать хантом, спекулируя, как многие вокруг, новыми идеями, не имея при этом никакой внутренней связи с народом.

Этот путь долог, усеян препятствиями и вовсе не похож на столбовую дорогу. Айпин занимается политической деятельностью, много пишет, много ищет, возвращается на

родину в Округ. Все обычные попытки советской официальной литературной «мельницы» пропустить его, как литератора и ханта, сквозь беспощадные идеологические жернова, превратив его творческую личность в псевдонационального официального писателя, не удачны. Его сопротивление велико, но давящая сила бездушна и бесчеловечна, вот почему к нему приходят мысли об освобождающем самоубийстве. В рассказе *Медвежье горе* Медведица (сам Айпин?), вернувшись на место смерти (поле коммунистической индустриализации?) своих детенышей-медвежат (хантыйских детей?), влезает на сосну (волшебное пристанище богов?) и бросается в пустоту. Символически погибнув в рассказе, Айпин продолжает свою жизнь и свое назначение.

Процесс слияния со своим народом постепенно убеждает его в важности и неизбежности своего назначения, и писатель все более чувствует свою готовность к произнесению окончательных и доселе запретных *Слов*. Они смело выражены посредством неприятия и отказа от прошлой жизни, а именно:

- отказ от советской эпохи, от *советскости* как таковой, и не только в социальном и политическом плане, но, в особенности, в плане духовном,
- отказ от коллективизации как системы узаконенного современного рабства и вынужденной оседлости хантов,
- отказ от навязанных пришельцами чуждых хантам навыков,
- отказ от загрязнения окружающей среды и беспощадной индустриализации сибирских земель,
- отказ от «красного царя», увлекшего хантов в мир смерти, лагерей, неоправданных убийств детей, женщин, стариков и шаманов, уничтожившего всю *хантыйскость*.

Освободившись от внутреннего напряжения, Айпин вскрывает суть и реальность истории, извлекает из подсознания народа всю мощь его стремления к существова-

нию, возвращает на поверхность народного сознания еще невысказанную, еще конвульсивную память народа. И все вышесказанное красной нитью проходит не в бесплодной журналистской полемике, функционирующей по принципу «кто прав, кто виноват», но в самом фундаменте литературы и творчества.

Вознесение хантыйского мира до совершенства символа

На этом этапе моих размышлений я позволю себе возвратиться к уже упомянутым основным тропам творческого пути Айпина. Для более ясного представления мне понадобится на краткий момент отступить от основной темы и обратиться к некоторым принципам писательской профессии. Мне кажется, что главенствующим аспектом творческого акта является способность писателя вобрать в себя весь мир, о котором он пишет, и вознести его до совершенства символа. Этот символ, являясь квинтэссенцией земных событий, приближает творческий процесс к начальной азбуке человеческого сознания, а именно к Мифу.

Миф по своей структуре является не только вместилищем запредельных нематериальных событий и персонажей, но прежде всего выполняет функцию первичной материи восприятия и понимания, включая в себя всю сумму познания мира. Каждый человек, какова бы ни была его оторванность и отдаленность от первозданной жизни, живет по законам Мифа и определяет свое земное пребывание посредством личной включенности в поведенческую табель всех жизненных ситуаций. Миф, в качестве основного конституционного элемента человеческой жизни и сознания, формулирует законы этики, морали, духовной и социальной организации людей, способствует совместному и гармоничному сосуществованию в обществе. Он также выстраивает строгие барьеры между действительной эстетикой и красотой и развлекающим бес-

смысленную толпу окологкультурным *месивом*, к производству которого причастны, в большинстве случаев, графоманы. Следует ли еще раз повторить, что главной задачей советской Идеологии, основанной на новой псевдомифологии, была строгая и беспощадная борьба с Мифом, олицетворяющим душу каждого народа, так же как и с его наиболее активными и талантливыми носителями. Вот почему уничтожение шаманов и сказителей, отстранение детей от матерей (что было разрывом связей в передаче субстанции Мифа посредством языка, легенд, сказаний), уничтожение интеллигенции — естественно-го носителя Мифа, уничтожение средств воспроизведения Мифа в традиционных ритуалах и промысловой деятельности объяснялись только одной причиной — неспособностью властей и Идеологии честно конкурировать с законодательным, первичным Мифом.

Литература становится Литературой с большой буквы именно тогда, когда писатель приближается к Мифу и растворяет в нем символику своего творчества. В этом процессе можно проследить два взаимосвязанных творческих постулата. Речь идет об *отражении* и *выражении* действительности. Что это значит? Суть писательского акта определяется в возможности автора войти в духовный контакт с реальностью, вычленив из нее кардинальные элементы, способные сублимировать эту реальность. Группа этих элементов, построенная определенным грамматическим и, стало быть, поэтическим образом, зеркально вбирает в себя описываемый земной мир. Создавая свою уникальную словесную архитектуру, писатель ничего не придумывает и не изобретает, ибо любое *изобретение* по своей сути является технологически поверхностным актом. Писатель *творит*, а это значит, что он находится в тисках высочайшей дисциплины при исполнении своего творческого долга. Писатель, в лучшем смысле этого понятия, не является свободным реализатором *своих* идей, самоуправно играя в произведениях кон-

текстом или героями. Настоящий творческий процесс обуславливается строгим пониманием неизбежности писательского подчиненного положения к Творению, ибо любое отклонение от этой целенаправленной оси приводит к немедленной потере контроля над *исчезающим* произведением, превращая его в сумму несерьезных шаблонов и бессмысленных штампов. Литература, отвечающая вышеприведенным критериям, становится универсальной, теряя свое качество *отражающей*, превращаясь в *выражающую*.

Выход в универсальность

Возвращаясь к творческим тропам Айпина, мне хотелось бы сделать главнейший акцент именно на том, что этот автор, пройдя все круги посвящения, сумел превзойти уровень безусловно важных, но тем не менее узконациональных проблем хантыйского народа и его трагической истории, вознеся символ Ханта до символа Человека.

Одним из самых симптоматичных произведений Айпина в этом плане является *Божья Мать в кровавых снегах*. Здесь он безоговорочно достигает своей цели благодаря своему активному пребыванию в вышеуказанной системе литературных ценностей. *Божья Мать, детские испуганные глаза, чум, превращающийся в гробницу хантов под пулями комиссаров, кровь, многоцветные одежды, смерть* — вся эта тематика прекращает существовать в строго описательной литературной форме, ибо автор, посредством страстного прорыва в иное духовное пространство,веряет своим персонажам новое качество Символа или Иконы. Иными словами, стремление читателя узнать, *как* это выглядит, уходит в сторону, как что-то нужное в своей бесполезности, в пользу более глубокой необходимости понять, *что* это значит и *зачем* оно есть. В этот критический момент творческого откровения литература Айпина прекра-

щает своей пребывание в исключительно хантыйском пространстве и становится универсальным знаком понимания Человеком, где и кем бы он ни был, своей сути и своей жизни на земле.

Именно таким образом Еремей Айпин, обратив историю и трагедию хантыйского народа в общечеловеческую историю и трагедию, навсегда спасает свой народ от забвения. Народ же хантов, потерявший уже было всякую надежду на свое выживание, проникается, в лице своего Писателя, уверенностью в своем будущем.

Анн-Виктуар ШАРПЕН,
специалист по литературам и культурам
народов Сибири, профессор,
доктор филологических наук,
кандидат наук по антропологии

Париж

Комментарий к роману «Ханты, или Звезда Утренней Зари»

Сначала был не эпический роман, а написанная на локальном материале повесть. Толчок к ее созданию дала драматическая история, происшедшая с отцом писателя в середине 1970-х годов. Дело было зимой. У отца Айпина, занимавшегося в тайге охотой и оленями, подошли к концу запасы продовольствия. Он запряг оленей и направился в ближайший поселок, где жила его старшая дочь. Но на обратном пути рабочие из геологической партии, позарившись на красивые рога, этих оленей у старого таежника отобрали. И нигде правды потом найти оказалось невозможно.

Под впечатлением случившегося с отцом Айпин написал повесть, которую в конце 1977 года показал коллегам на Первом Всероссийском семинаре молодых писателей народов Севера в подмосковной Малеевке. А уже в начале 1980 года повесть под названием «Звезда Утренней Зари» напечатал журнал «Урал».

В 1982 году повесть была включена в коллективный сборник молодых таежников «Близок Крайний Север» (М.: Современник).

Однако впоследствии Айпин посчитал, что повесть следовало бы доработать. Он взялся за переделку. И в итоге у него получился уже роман. Новая форма потребовала и другого названия. Писатель ввел в заголовок имя своего народа.

С новой рукописью Айпин в 1984 году постучался в московское издательство «Молодая гвардия». Редактор Галина Кострова предложила роман оценить автору приключенческого романа «Наследник из Калькутты» Роберту Штильмарку. Впечатленный прочитанным, именитый писатель заявил, что у Айпина получилась «книга глубоко поэтическая, патриотическая и правдивая».

Очень понравился роман Айпина и бывшему «новомирскому» критику Игорю Виноградову. Он объявил рукопись «эпическим сказанием (с соответствующими элементами стилизации) о хантах».

Айпину оставалось поработать над некоторыми замечаниями редактора и рецензентов. Но главное – издатели согласились поставить роман в план выпуска на ближайшую пятилетку.

Окрыленный успехом, писатель решил постучаться также в «толстые» журналы. В начале 1986 года он предложил свою рукопись редакции журнала «Знамя». Но 5 мая заведующая отделом прозы Наталья Иванова сообщила, что «интересная, большая и серьезная работа — роман «Ханты» редакции не подошел. «Сокращать много — жаль, — написала она, — немного — тогда для журнальной публикации — невозможно».

Не повезло писателю и в редакциях журналов «Москва» и «Наш современник». А журнал «Дружба народов» предложил автору для начала сократить рукопись в четыре раза.

Зато надежда появилась в журнале «Новый мир». Так ее попробовал «пробить» вернувшийся в редакцию

в 1986 году Игорь Виноградов. Но вскоре «новомирцы» взяли курс на републикацию ранее запрещавшихся книг, и на роман Айпина свободных площадей не оказалось.

Лишь в 1990 году вышло первое издание книги в московском издательстве «Молодая гвардия». Предисловие к нему надиктовал московскому критику Вячеславу Огрызко главный редактор «Нового мира» Сергей Залыгин. Тираж издания составил 50 тысяч экземпляров.

Роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари» впоследствии не раз переиздавался. Так, в 1995 году он вошел в книгу прозы Айпина «Клятвопреступник». А в 2014 году писатель включил этот роман в свое первое четырехтомное собрание сочинений, которое выпустило питерское издательство «Амфора».

Роман вызвал огромный интерес и за рубежом. В 1996 году Лиза Вийтанен перевела его на финский язык (перевод был выпущен в Хельсинки в издательстве «Тайфун»). В 2005 году книга в переводе Доминика Самсона увидела свет в Париже. На венгерский язык книгу перевела Каталин Надь. Ее перевод вышел в 2008 году в Будапеште.

Очень много о романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» писала пресса. Укажу только некоторые статьи:

— Г. Данилина. Роман Е. Айпина «Ханты...» (Литература Тюменского края. Тюмень, 1997. С. 130–143);

— О. Лагунова. Модель мира в романе «Ханты...» (Вестник Тюменского университета. 2000. № 4. С. 19–27);

— М. Литовская. Картина мира в романе Е. Айпина «Ханты...» (Космос Севера. Вып. 3. Екатеринбург, 2002. С. 130–143);

— Ю. Хазанкович. Сопrotивление распаду (Хантыйская литература. М., 2002. С. 77–81).

«Роман Айпина, — утверждал тюменский литературовед Владимир Рогачев, — это провиденциальное, историсофское произведение, которое питает нас нако-

пленной автором благоуховной энергией. Библейское начало, космические мотивы сомкнулись в этой прозе с древней верой ханты. Семь дней творения Верхнего Мира закончились у Айпина Вознесением Человека. В Евангелиях вознесся Сын Человеческий» (Эринтур. Вып. 4. Ханты-Мансийск, 1999).

Вячеслав ОГРЫЗКО

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Эндрю Вигет.</i>	5
<i>Ханты, или Звезда Утренней Зари. Роман</i>	7
<i>А-В. Шаррен.</i> Некоторые размышления о возрождении народа и о сути литературного творчества. Концепция «Отражения и выражения» (жизнь и творчество Е. Д. Айпина)	379
<i>В. Огрызко.</i> Комментарий к роману «Ханты, или Звезда Утренней Зари»	387

- Айпин, Еремей Данилович.**
А 37 Собрание сочинений : в 5 томах / Еремей Айпин. – Ханты-Мансийск : Издательский дом «Новости Югры», 2020.
ISBN 978-5-6045403-1-2
Том 3 : Ханты, или Звезда Утренней Зари. – 392 с. : ил.
ISBN (т. 3) 978-5-6045403-4-3

*Издание приурочено к 90-летию
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры*

12+

Издание не рекомендуется детям младше 12 лет

Еремей АЙПИН

**Собрание сочинений в пяти томах
Том 3
«Ханты, или Звезда Утренней Зари»**

**Ответственный редактор Л. Р. Нурутдинова
Компьютерная верстка Е. Ю. Захарова
Корректор И. Х. Ачибакиева**

Подписано в печать 30.11.2020. Формат 13х20 см. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Тираж 100 экз.

Адрес издательства:
Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46
тел. +7 (3467) 350-280

Отпечатано в ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск».
Тюменская область, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46
Тел. +7 (3467) 331-772